

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Редакционная коллегия

А.И. Абдуллин (Казанский (Приволжский) федеральный университет, РФ)
 Дж. Айджани (Туринский университет, Италия)
 В.Э. Батлер (Университет Пенсильвании, США)
 А. Белоглазек (VSB Технический университет, Чешская Республика)
 Н.А. Богданова (МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ)
 В.А. Виноградов (НИУ ВШЭ, РФ)
 А.В. Габов (ИГП РАН, РФ)
 Г.А. Гаджиев (НИУ ВШЭ, РФ)
 Ю.В. Грачева (МГЮА им. О.Е. Кутафина, РФ)
 Ч. Го (Китайский университет политических наук и права, Китай)
 Д. Дюмортье (Лувенский Католический университет, Бельгия)
 И.А. Емелькина (РАНХиГС при Президенте РФ, РФ)
 Н.Ю. Ерпылева (НИУ ВШЭ, РФ)
 А.А. Иванов (НИУ ВШЭ, РФ)
 В.Б. Исаков (НИУ ВШЭ, РФ)
 С. Кхандерия (Глобальный университет имени О.П. Джиндала, Индия)
 А.А. Ларичев (НИУ ВШЭ, РФ)
 Г.И. Муромцев (Российский университет дружбы народов, РФ)
 А.В. Наумов (НИИ Университета прокуратуры, РФ)
 Н.А. Поветкина (НИУ ВШЭ, РФ)
 А.И. Рапог (МГЮА им. О.Е. Кутафина, РФ)
 А.Х. Саидов (Академии наук, Узбекистан)
 В.А. Сивичкий (Конституционный Суд Российской Федерации)
 Е.А. Суханов (МГУ им. М.Ю. Ломоносова, РФ)
 Ю.А. Тихомиров (НИУ ВШЭ, РФ)
 Г.Г. Шинкаревая (ИГП РАН, РФ)
 Т. Эндикотт (Оксфордский университет, Великобритания)

Главный редактор

И.Ю. Богдановская (НИУ ВШЭ, РФ)

Адрес редакции

109028 Москва,
 Б. Трехсвятительский пер. 3,
 офис 113
 Тел.: +7 (495) 220-99-87
<http://law-journal.hse.ru>
 e-mail: lawjournal@hse.ru

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 117418, Москва,
 ул. Профсоюзная 33, к. 4
 Издательский дом
 Высшей школы экономики.
 Почтовый: 101000,
 Москва, ул. Мясницкая, 20
 Тел./факс: +7 (495) 772-95-71
 e-mail: id.hse@mail.ru
www.hse.ru

© НИУ ВШЭ, 2024

Право

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

4/2024

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовая мысль: история и современность

Ф.В. Цомартова
 Временное законодательство как инструмент ускоренного развития общества 4

П.В. Позднякова
 Экологический комплаенс — институт частного или публичного права? 28

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

И.А. Косякин
 О требованиях к членам органов управления хозяйственных обществ 53

С.В. Ерчак
 Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника 80

В.А. Филипенко
 Корпоративные сделки с превышением полномочий директора и доктрина ultra vires 110

Е.А. Останина
 Событие рождения и его гражданско-правовые последствия 136

С.С. Агеев, Д.М. Осина
 Проблема финансового стимулирования ученичества в России: сравнительно-правовое исследование 161

И.Н. Мосечкин
 Системные проблемы уголовно-правовой защиты виртуальных объектов 185

Д.А. Печегин
 Типология способов фальшивомонетничества 210

А.Ю. Ульянов
 Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти 235

Право в современном мире

Е.Е. Якушева
 Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта . . . 254

Обзор

И.Ю. Богдановская, Е.В. Васякина, А.А. Волос, Н.А. Данилов, Е.В. Егорова, В.А. Калятин, О.И. Карпенко, Д.Р. Салихов
 Искусственный интеллект и право 278

Publisher

National Research
University Higher School
of Economics

Editorial Board

A.I. Abdullin (Kazan (Volga Region) Federal University, RF)
G. Ajani (University of Turino, Italy)
A. Belohlavek (VSB Technical University of Ostrava, Czech Republic)
N.A. Bogdanova (Lomonosov Moscow State University, RF)
W.E. Butler (Pennsylvania State University, USA)
J. Dumortier (KU Leuven, Belgium)
I.A. Emelkina (the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation, RF)
T. Endicott (University of Oxford, UK)
N.Y. Erpyleva (HSE, RF)
A.V. Gabov (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, RF)
G.A. Gadjev (HSE, RF)
Yu.V. Gracheva (HSE, RF)
Z. Guo (China University of Political Science and Law, China)
V.B. Isakov (HSE, RF)
A.A. Ivanov (HSE, RF)
S. Khanderia (Jindal Global University, Sonipat, India)
A.A. Larichev (HSE, RF)
G.I. Muromtsev (Peoples' Friendship University of Russia, RF)
A.V. Naumov (University of Procuracy, RF)
N.A. Povetkina (HSE, RF)
A.I. Rarog (Moscow State Juridical Kutafin University, RF)
A.Kh.Saidov (Academy of Sciences of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan)
G.G. Schinkaretskaya (IGP RAN, RF)
V.A. Sivitsky (the Constitutional Court, RF)
E.A. Sukhanov (Lomonosov Moscow State University, RF)
Y.A. Tikhomirov (HSE, RF)
V.A. Vinogradov (HSE, RF)

Editor-in-Chief

I.Yu. Bogdanovskaya
(HSE, RF)

Address:

3 Bolshoy Triokhsviatitskiy Per.,
Moscow 109028, Russia

Tel.: +7 (495) 220-99-87
http://law-journal.hse.ru
e-mail: lawjournal@hse.ru

Law

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

4/2024

ISSUED QUARTERLY

Legal Thought: History and Modernity

- F.V. Tsomartova**
Temporary Legislation as an Instrument of Accelerated
Development of Society 4
- P.V. Pozdnyakova**
Is Environmental Compliance a Private or Public Law Institution? 28

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

- I.A. Kosyakin**
On the Qualifications of the Corporate Directors 53
- S.V. Erchak**
Protecting Subjective Rights and Legal Interests
of a Corporation by Heirs of its Participant 80
- V.A. Filipenko**
The Corporate Transactions with Director's Exceeding
Authorities and the Doctrine ultra vires 110
- E.A. Ostanina**
Birth and its Civil Consequences 136
- S.S. Ageev, D.M. Osina**
Financial Stimulation of Apprenticeship in Russia:
Comparative Legal Research 161
- I.N. Mosechkin**
Systemic Problems of Criminal Legal Protection of Virtual Objects. . . . 185
- D.A. Pechegin**
Typology of Counterfeit Money Methods 210
- A.Yu. Ulyanov**
Legal Approaches to Assessing Efficiency of Judiciary 235

Law in the Modern World

- E.E. Yakusheva**
Digital Ruble as a National Digital Currency: Issues and Prospects
of Development in Context of World Experience. 254

Review

- I.Yu. Bogdanovskaya, E.V. Vasyakina, A.A. Volos, N.A. Danilov,
E.V. Egorova, V.O. Kalyatin, O.I. Karpenko, D.P. Salihov**
Artificial Intelligence and Law. 278

Law JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

ISSUED QUARTERLY

The journal is an edition of the National Research University Higher School of Economics (HSE) to broaden the involvement of the university in the dissemination of legal culture and legal education.

The objectives of the journal include:

- encouraging academic debates
- publishing materials on the most topical legal problems
- contributing to the legal education reform and developing education including the design of new educational courses
- cooperation between educational and academic departments of HSE
- involvement of young scholars and university professors in the academic activity and professional establishment
- arranging panels, conferences, symposiums and similar events

The following key issues are addressed:

legal thought (history and contemporaneity)
Russian law: reality, outlook, commentaries
law in the modern world
legal education reform
academic life

The target audience of the journal comprises university professors, post-graduates, research scholars, expert community, legal practitioners and others who are interested in modern law and its interaction with economics.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of Candidate and Doctor of juridical sciences.

The journal is registered in **Web of Science Core Collection**, **Emerging Sources Citation Index**, **Russian Science Citation Index (RSCI)** on the base of **Web of Science**, Cyberleninka, HeinOnline, Ulrichsweb, Open J-Gate, Gale

Научная статья

УДК: 340.1

JEL: K 00

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27

Временное законодательство как инструмент ускоренного развития общества

Фатима Валерьевна Цомартова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия 117218, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34,
social3@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9486-9900>

Аннотация

Ускоренная общественная динамика и стратегическая ориентация на ускоренное технологическое и социально-экономическое развитие, а также новая нормативная модель временной организации общественных отношений, отразившаяся в законодательстве с заведомо ограниченным сроком действия, законодательстве об экспериментальных правовых режимах, об обязательных требованиях актуализируют обращение к вопросам временных аспектов в праве, его потенциала с точки зрения управления временем и реализации политики динамичного развития общества. Восприятие времени как критически важного и в то же время недооцененного и малоизученного инструмента правового регулирования переводит эту проблематику из разряда самоочевидных (или юридико-технических) в существенные. Востребованность ее изучения и решения в сочетании с научным заделом, сформированным в результате осмысления антипандемийного, антисанкционного, антикризисного регулирования, открывают возможность переоценки фактора времени в общем механизме правового регулирования. Особое внимание в статье уделяется такому относительно новому явлению, как временное законодательство и его атрибутивные характеристики, в том числе в сравнительно-правовом контексте. В связи с необходимостью адаптации правовых систем к нетипичной подвижности общественной жизни оцениваются дальнейшие перспективы и пределы использования правил, которые по своим направленности и содержанию не требуют нормативной фиксации на неопределенный срок по умолчанию, а, напротив, нуждаются в периодических и планомерных пересмотре и коррекции. Соот-

ветствие временных правовых режимов стремительно меняющимся социальным или технологическим условиям и неординарным сценариям общественного развития позволяет прогнозировать широкое использование потенциала временной регуляторики в инновационных, высокотехнологичных областях в целях реализации сценариев ускоренного развития общества. Нормативно оформленные авторские предложения по идентификации нормативных предписаний временного действия нашли отражение в последней редакции разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации инициативного проекта федерального закона о нормативных актах.

Ключевые слова

право; ускоренное развитие; время; временное законодательство; обязательные требования; экспериментальные правовые режимы.

Для цитирования: Цомартова Ф.В. Временное законодательство как инструмент ускоренного развития общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 4–27. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27.

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Temporary Legislation as an Instrument of Accelerated Development of Society

Fatima V. Tsomartova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation, social3@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9486-9900>

Abstract

Forced social dynamics and strategic orientation towards accelerated technological and socio-economic development, as well as a new normative model of the temporary organization of social relations, reflected in legislation with a deliberately limited period of validity, legislation on experimental legal regimes, legislation on mandatory requirements, objectively actualize the appeal to issues temporal aspects in law, its potential from the point of view of “management” of time, as a policy tool for the accelerated development of society. The perception of time as a critically important and at the same time underestimated and little-studied instrument of legal regulation transfers this issue from the category of self-evident or legal-technical to essential. The demand for its study and solution, combined with the scientific background formed as a result of understanding anti-pandemic, anti-sanction, anti-crisis regulation, opens up the possibility of reassessing the time factor in the general mechanism of legal regulation. The article pays special attention to such a relatively new phenomenon for modern legal orders

as temporary legislation, and its attributive characteristics, including in a comparative legal context. In connection with the need to adapt legal systems to the atypical mobility of social life, further prospects and limits for the use of rules are assessed, which, in their focus and content, do not require normative fixation for an indefinite period by default, but, on the contrary, require periodic and systematic revision and correction. The adaptability of temporary legal regimes to rapidly changing social or technological conditions and extraordinary scenarios of social development makes it possible to predict a wider use of the potential of temporary regulations in innovative, high-tech areas in order to implement scenarios for accelerated development of society. The author's normatively formalized proposals for identifying temporary normative regulations are reflected in the latest edition of the initiative draft federal law on normative acts developed by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Keywords

law; accelerated development; time; temporary legislation; mandatory requirements; experimental legal regimes

For citation: Tsomartova F.V. (2024) Temporary Legislation as an Instrument of Accelerated Development. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 4–27 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27.

Введение

Право как любое явление объективной реальности атрибутируется временем, выражающим такие сущностные его свойства, как длительность существования, последовательную и перманентную изменчивость, направленность развития и т.п. Несмотря на всеобщий и универсальный характер времени, его проявления имеют некоторую специфику в зависимости от того, в рамках каких материальных отношений и научных дисциплин оно рассматривается.

В отличие от диалектически парной категории пространства, глубоко и системно изученной методами государственно-правовых наук, специальных теоретических исследований фактора времени в правоведении немного [Петров Г.И., 1982: 46–52]; [Петров Г.И., 1983: 47–52]; [Залеский В.В., 2006: 114–121]; [Догадайло Е.Ю., 2013], а вопрос правового времени до сих пор обозначен только в качестве постановки проблемы [Батурич Ю.М., Лившиц Р.З., 1989: 61–67]; [Тихомиров Ю.А., 2008: 15–22]. Общетеоретические разработки преимущественно сосредоточены на проблемах действия закона во времени, в особенности обратной его силы [Тилле А.А., 1965: 41–100], разрешения темпоральных коллизий; в отраслевых юридических науках — гражданском и процессуальном праве — обоснована теория сроков.

Вместе с тем форсированная общественная динамика и стратегическая ориентация на ускоренное технологическое и социально-экономическое

развитие обостряют необходимость обращения к временным аспектам права, правового потенциала в ракурсе управления временем. Восприятие времени как критически важного и недооцененного и малоизученного инструмента правового регулирования переводит эту проблематику из разряда самоочевидных (юридико-технических) в сущностные. Востребованность ее изучения и решения в сочетании с научным заделом, сформированным в результате осмысления антипандемийного, антисанкционного, антикризисного регулирования [Хабриева Т.Я., 2021: 5–17]; [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2022: 803–808]; [Тихомиров Ю.А., 2022: 15–279], открывают возможность переоценки фактора времени в общем механизме правового регулирования и ставят ряд вопросов методологического характера.

Научно-практического обоснования требует и новая нормативная модель временной организации общественных отношений, воплотившаяся в законодательстве с заведомо ограниченным сроком действия, законодательстве об экспериментальных правовых режимах, законодательстве об обязательных требованиях.

В настоящей статье содержится попытка решить следующие задачи: проследить новую динамику общественного развития, оценить возможности права с точки зрения реализации политики ускоренного развития общества, а рассмотреть феномен законодательства с заведомо ограниченным сроком действия, в том числе через призму сравнительного правоведения.

1. Новая динамика общественного развития

В соответствии с общенаучными понятиями о законе трансформации темпов развития во времени [Капица С.П., 2010: 69–77], современная эпоха характеризуется повышенной динамикой социально-экономических изменений, обусловленной ускорением оборота в производстве, обмене, распределении и потреблении материальных и нематериальных благ вследствие технологизации (главным образом – информатизации и цифровизации). В связи с неравномерным ходом научно-технического прогресса такое ускорение зачастую сопровождается состоянием так называемой динамической турбулентности, в котором равновесие и устойчивость перестают восприниматься как норма, а изменчивость и неопределенность приобретают перманентный характер [Бауман З., 2008: 7–23]; [Бреннер Р., 2014: 17–33].

Это приводит к глубинным переменам во взаимосвязи между пространством и временем, их сжатию и дистанцированию, упору на процесс становления, а не бытия в пространстве [Гидденс Э., 2005: 174–235]; [Харви Д., 2021: 331–491], замене пространственного существования временным, экстенсивного развития — интенсивным [Степин В.С.,

2018: 6]. В такой пространственно-временной модальности креативная деятельность, инновации и прогресс приобретают исключительное, сверхценное значение, а их быстрота становится ключевым фактором научно-технологического, экономического, экологического, социально-культурного, национального и государственного развития.

Названные всеобъемлющие тренды находят отражение в ходе публично-властной деятельности по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию общественного развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В качестве генерального приоритета страны в документах стратегического планирования определено прорывное, опережающее свое время развитие¹ на основе ускоренного инновационно-ориентированного экономического роста и повышения качества жизни народа, обеспеченных технологическими инновациями и социально-экономическими эффектами их внедрения². Отдельно декларируется нацеленность на обеспечение ускоренного развития информационных³, генетических⁴ технологий, искусственного интеллекта⁵, беспилотной авиации⁶, творческих (креативных) индустрий и предпринимательства⁷, цифровой и функциональной трансформации социальной сферы для ее совершенствования на базе цифровых технологий⁸ и т.д.

---

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

² См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³ См.: Указ Президента от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1468.

⁴ См.: Указ Президента от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7586.

⁵ См.: Указ Президента от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ См.: Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 5055.

⁷ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6877.

⁸ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, отно-

2. Потенциал права с точки зрения реализации политики ускоренного развития общества

Сущность и назначение права как важнейшего социального регулятора определяют потенциал его воздействия на общественные отношения не только с точки зрения придания им определенного направления развития, но и в плане скорости осуществления различных видов деятельности и, тем самым, времени протекания социальных процессов. Переходя к более высокой степени обобщения, Ж.-Л. Бержель утверждает, что право, разворачиваясь во времени и не имея возможности уклониться от неумолимого течения времени или попытки подчинить себе его, «вынужденно одновременно констатировать господство времени над человеком и разрешить господство человека над временем» [Бержель Ж.-Л., 2000: 221].

Общесоциальные функциональные характеристики права во всяком случае гарантируют «поддержание временной упорядоченности общественной жизни, обеспечение темпоральной определенности в социальном общении различных субъектов» [Рабинович П.М., 1990: 20]. Эта хронологическая согласованность, являющаяся одним из основных имманентных свойств любой урегулированной правом деятельности, формируется по мере освоения детерминистской природы временных отношений прошлое-настоящее-будущее.

В этом смысле преамбула Конституции Российской Федерации может быть воспринята как конституционная формула таких отношений, которая, сохраняя в рефлексирующей памяти прошлое («соединенные общей судьбой на своей земле», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость»), позволяет преодолевать горизонт настоящего («утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы») и оказывать целенаправленное воздействие на будущее («исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», «стремясь обеспечить благополучие и процветание России»).

Кроме того, в рамках специально-юридических функций правовое воздействие оказывается непосредственно на временные отношения. Стоит подчеркнуть, что при этом нормы права регламентируют не время как таковое, а темпоральные параметры деятельности, выступающей

сящей к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 10. Ст. 1634.

объектом правового регулирования: ее своевременность, длительность, повторяемость, одновременность, последовательность и преемственность, в совокупности квалифицируемых в качестве форм времени в праве [Петров Г.И., 1982: 46–52]; [Петров Г.И., 1983: 47–52]. Таким образом, право организует, контролирует временной фактор, повышает эффективность его использования, выступая своего рода инструментом управления временем.

Посредством установления времени, в течение которого должна быть достигнута определенная цель, а также определения меры деятельности, включая ее виды и интенсивность, темпорально-правовое регулирование может влиять на скорость общественных отношений. Наглядный пример правового воздействия такого типа — институт нормирования труда, задающий с помощью норм выработки, времени, нормативов численности и других норм, исчисляемых в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда, общественно-необходимую степень напряженности труда, плотность использования рабочего времени, частоту повторения трудовых действий, количество выполняемых трудовых функций и т.п.

Регулятивный потенциал права в равной степени может использоваться как для замедления жизнедеятельности человека и общества, так и для повышения ее динамики, в качестве сдерживающего средства или катализатора социальной эволюции, отражая объективные свойства динамизма и стабильности права. Любой правопорядок — это попытка стабилизации социальных отношений, пребывающих в вечном становлении, вызов времени, усилие, направленное на консервацию утверждаемого и закрепляемого им социального устройства. Одновременно право вынужденно совершенствоваться в содержании и формах в целях своевременного обеспечения их соответствия отражаемой и регулируемой деятельности и сохранения эффективности перед лицом социальных преобразований. Более того, оно может предварять исторические сдвиги, направлять их и служить проводником с целью установления нового порядка [Бержель Ж.-Л., 2000: 195]. Выдвинута гипотеза о том, что со временем «скорость» войдет в категориальный аппарат юридической науки и станет важной и неотъемлемой частью правообразования, динамики права, правовой интеграции и т. д. [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2018: 92].

Ярко выраженную темпоральную окраску имеет идея циклов правового развития как относительно устойчивых по содержанию, взаимосвязанных и последовательных периодов, охватывающих все стадии «жизни» права: правопонимание, правосознание, правовую культуру, идеи, теории и образы права; проектирование права, прогнозирование, программы и

стратегии, планы развития законодательства и правового обеспечения; правотворчество, стадии разработки нормативных правовых актов, их обсуждения, принятия и вступления в силу; правоприменение и правореализацию; контрольно-оценочный механизм, включая правовой мониторинг [Тихомиров Ю.А., 2008: 15–22]. При этом циклы правового развития относительно самостоятельны и в свою очередь встраиваются в общие циклы развития общества или подвергаются их сильному влиянию.

Циклический подход положен в основу разрабатываемых Институтом законодательства и сравнительного правоведения научных концепций развития законодательства, рассматриваемых в качестве инструмента познания конкретно-исторических циклов правового развития, включая системное предвидение путей развития национального законодательства⁹.

3. Феномен законодательства с заведомо ограниченным сроком действия

Хотя нормативный акт подчиняется законам времени и объективно имеет временные пределы действия, с ним традиционно связана идея некоторой бессрочности и постоянства в философско-правовом ее понимании. Согласно доктрине, одним из обязательных признаков формы права является длительность ее существования, поскольку заключающиеся в ней общие установления распространяются на тот или иной вид общественных отношений и поэтому рассчитываются на продолжительное применение.

Эти теоретические воззрения находят воплощение в запрете на внесение в постоянно действующий законодательный акт правовых норм временного характера. При необходимости установить временное, отличающееся от общеустановленного правовое регулирование по определенным вопросам, урегулировать правоотношения на определенное время, рекомендуется принимать самостоятельный федеральный закон, носящий временный характер¹⁰.

---

⁹ См.: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1994. 243 с.; Правовая реформа: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1995. 218 с.; Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1998. 256 с.; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. 848 с.; Концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015. 537 с.

¹⁰ См.: Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (ред. 2021 года), утв. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (п. 58).

Временные нормы противопоставляются «обычным» в общепринятом понимании постоянным нормам, по умолчанию проектируемым на неопределенный срок и остающимся в силе впредь до отмены более поздним актом [Fagan F., 2013: 3–75]. Наличие норм временного характера расценивается в качестве дефекта правового регулирования. Их использование желательно и допустимо только в исключительных случаях, когда иные законодательные решения не применимы. Считается, что введение в правовую систему норм ограниченного срока действия не способствует стабильности правового регулирования и правореализации, вызывая сложности уяснения актуальных прав и обязанностей участников правоотношений [Тенилова Т. Л., 2001: 37–38]. Таким образом, формируется образ вечного закона, который оторван от любых временных измерений (детемпорализация права).

Вопреки этим постулатам, на практике заметной тенденция последнего времени стало распространение нормативных актов с заранее определенным сроком действия. Причинность и необходимость применения временных норм обнаруживаются в двух случаях: когда право не может предложить определенного или долгосрочного решения той или иной проблемы, либо когда проблема имеет кратковременный характер. Последнее наглядно иллюстрирует появление временных законов, в которых устанавливаются порядок организации и проведения политических, социальных, спортивных, культурных и иных мероприятий.

В этом плане темпорализация законодательства оказывается неразрывно связанной с еще одной выявленной ранее особенностью современной динамики законодательства — индивидуализацией или фрагментацией правовых сфер регулирования, знаменуемой появлением новой разновидности организующих (управленческих) законов [Власенко Н.А., 2015: 11–17]. В частности, устройство крупных международных спортивных соревнований потребовало принятия в дополнение к базовому Федеральному закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹¹ специальных законодательных актов: федеральных законов от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹² и от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года,

---

¹¹ СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

¹² СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³. Кроме того, временные изменения, касающиеся некоторых групп сопутствующих отношений (особенностей въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, трудовой и волонтерской деятельности, государственной экологической экспертизы, изъятия земельных участков и иного недвижимого имущества для публичных нужд, оборота и потребления алкогольной продукции и т.п.), были внесены в иные отраслевые законы¹⁴.

Эпизодическое значение имели федеральные законы от 23.05.2015 № 132-ФЗ «О регулировании отдельных вопросов, связанных с проведением в Российской Федерации XV Международного конкурса имени П.И. Чайковского в 2015 году, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ и от 08.05.2009 № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран — участников форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁶.

Временной лимит названных законов определялся прежде всего детальной периодизацией предмета регулирования вплоть до представления его в виде последовательной череды сменяющих друг друга событий. Так, действие Закона от 01.12.2007 № 310-ФЗ (ст. 2) во времени включало периоды и даты:

организации Олимпийских и Паралимпийских игр в промежутке времени с 5 июля 2007 года по 31 декабря 2016 года;

церемоний открытия Олимпийских игр — 7 февраля 2014 года и закрытия Паралимпийских игр — 16 марта 2014 года;

проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в промежуток времени, включавший один месяц до дня церемонии открытия Олимпийских игр, время проведения Игр и один месяц после дня окончания церемонии закрытия Паралимпийских игр.

¹³ СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.

¹⁴ См., напр.: ст. 28 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ст. 351² Трудового кодекса Российской Федерации, ст. 25¹⁴ Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», ст. 14 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 18 Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁵ СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 2984.

¹⁶ СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2283.

Для обозначения конечности законов описываемой группы употреблялись и более привычные нормы о прекращении действия, содержащие указание на дату¹⁷. Однако симптоматичным свидетельством отставания систематики законодательства от ее наполнения, усложняющейся структуры упорядочиваемых отношений, а также сохраняющейся нетипичности заведомой ограниченности действия нормативного правового акта можно считать помещение таких норм в диаметрально противоположные по своему смыслу статьи о вступлении в силу и введении в действие. Специализированной структурной единицы законодательного акта, которая бы обрамляла подобные нормы, отечественной доктриной и нормотворческой практикой пока не выработано.

Тенденция разрешения проходящих проблем средствами временно-го законодательства получила развитие в антипандемийном правовом регулировании, изначально рассчитанном на экстраординарную организацию общественных отношений. Темпоральные рамки Федерального закона от 24.04.2020 № 124-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» и множества временных подзаконных нормативных правовых актов, принятых в его развитие¹⁸, обуславливались периодом распространения новой коронавирусной инфекции с тем, чтобы их действие не продолжалось дольше необходимого. Кроме того, был определен специальный порядок продления ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах федерации¹⁹.

---

¹⁷ См., напр.: ч. 3¹, 4 ст. 58 Федерального закона от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 31.07.2020 № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁸ См., напр.: постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 373 «Об утверждении Временных правил учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции», приказ Минздрава России от 19.03.2020 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть II). Ст. 2127.

¹⁹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3157.

Временность действия активно используется в специальных правовых режимах антисанкционной направленности в целях оперативной и точной реакции на соответствующие угрозы национальной безопасности²⁰. Их временные пределы отмеряются с помощью указания на даты либо периоды действия односторонних ограничительных мер в отношении России. Подобным образом, например, до конца 2024 года определены особенности обращения лекарственных средств и медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении России ограничительных мер экономического характера²¹.

Наконец, законодательное обоснование получили новые типы нормативных регуляторов заведомо временного характера: обязательные требования и экспериментальные правовые режимы. Обязательные требования явились одним из элементов механизма «регуляторной гильотины», направленного на пересмотр и отмену актов, создающих избыточную административную нагрузку на субъектов предпринимательской деятельности [Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В., 2022: 96–153]. По природе обязательные требования выражают внутреннюю закономерности, объективность процессов экономической деятельности в соответствующих сферах в условиях интенсификации оборота и необходимости поиска средств оперативного отклика на вызовы времени [Ноздрачев А.Ф., 2022: 8–15, 19–24].

В целях периодической актуализации правового регулирования в соответствии с общественными потребностями в рамках замкнутого регуляторного цикла законодательство об обязательных требованиях предусматривает сроки вступления в силу нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования (1 марта или 1 сентября, но не ранее 90 дней с даты официального опубликования), и ограничивает

---

²⁰ См., напр.: Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596; постановление Правительства Российской Федерации от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1839.

²¹ См.: Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 01.04.2022 № 552 «Об утверждении особенностей обращения, включая особенности государственной регистрации, медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера», от 05.04.2022 № 593 «Об особенностях обращения лекарственных средств для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера».

время их действия шестью годами с возможностью продления по результатам оценки их применения не более чем на еще шесть лет²².

Будучи обусловленной спецификой экономических отношений, правовая форма обязательных требований не может быть применена к отношениям в сферах обороны и безопасности, использования атомной энергии, налогообложения, бюджетирования, валютного и таможенного регулирования, что нашло отражение в законодательстве. Помимо названных областей, очевидно, нуждающихся в большой степени устойчивости, постоянности и стабильности опосредующих их нормативных предписаний, режим обязательных требований оказался практически не применим к деятельности социального характера.

Так, ослабление регуляторной нагрузки на субъектов медицинской деятельности включает в себе риски снижения качества и безопасности медицинских услуг населению и в конечном счете – уровня гарантий конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. По этой причине стандарты и порядок медицинской помощи, а также клинические рекомендации в соответствии со специальной оговоркой прямо выведены из под действия законодательства об обязательных требованиях.

Отраслевая специализация временных рамок действия проявляется и в отношении другой, довольно значительной, группы здравоохранительных нормативных актов, устанавливающих обязательные требования в положениях об организации медицинской помощи по ее видам, в правилах экспертиз, лабораторных, инструментальных, патологоанатомических и иных диагностических исследований в случае выявления необходимости проведения указанных исследований в целях предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, а также о порядке профилактических медицинских осмотров и диспансеризации. Отступая от общего правила, ч. 10 ст. 3 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает, что поименованные акты могут предусматривать иные, отличные от общих, предусмотренных Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», сроки вступления их в силу.

Потенциально проблематично распространение режима обязательных требований на порядок оказания первой помощи. Существенно модернизированный принятием Федерального закона от 14.04.2023 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона «Об

---

²² См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ч. 1, 4, 5 ст. 3, ст. 12) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.

основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» институт первой помощи включил порядок ее оказания, утверждаемый уполномоченным федеральным органом исполнительной власти: перечень состояний, при которых оказывается указанная помощь; перечень ее мероприятий; их последовательность. При этом целевые, функциональные и содержательные характеристики порядка оказания первой помощи значительно сближают их с порядком оказания медицинской помощи, хотя первая помощь к медицинской формально не относится.

Стандарты и порядок медицинской помощи, а также клинические рекомендации в целях обеспечения гарантируемого качества и доступности медицинской помощи изъяты из предмета регулирования законодательства об обязательных требованиях и периодическому пересмотру не подлежат. Поэтому утверждение порядка оказания первой помощи в форме нормативного акта с заведомо ограниченным шестилетним сроком действия выглядит необоснованным.

Законодательство об экспериментальных правовых режимах зиждется на теоретических и методологических разработках идеи правового эксперимента [Никитинский В.И., Самощенко И.С., 1988]. Обязательным признаком правового эксперимента, обусловленным его направленностью на верификацию эффективности правовых решений в ограниченном масштабе, является определенность во времени. Ныне этот признак юридизирован: легальные определения экспериментального правового режима, данные в федеральных законах от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 13) и от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (п. 1, 5 ст. 2), идентифицируют его в качестве применения специального регулирования в течение определенного срока в отношении определенной группы лиц на определенной территории.

Длительность периода действия экспериментального правового режима не урегулирована, она устанавливается в соответствии с федеральными законами, регламентирующими проведение каждого эксперимента, и относится к дискреции законодателя. Анализ правотворческой деятельности показывает, что сроки правовых экспериментов не вытекают из чего-либо с необходимостью; они определяются по большей части произвольно и не находят специального обоснования в сопроводительных материалах к законопроектам.

Иной законодательный механизм действия во времени сконструирован в отношении правовых экспериментов в сфере цифровых инноваций. Своеобразие общественных отношений, проверяемых опытным путем, их роль в научно-техническом прогрессе обуславливают по-

требность подчинения ритму, размеренности. В связи с этим законодательство об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций содержит довольно развитое и подробное регулирование темпоральных аспектов такого рода экспериментов: императивно решен вопрос о максимально допустимом сроке эксперимента и его пролонгации, предусмотрены возможность, основания и последствия приостановления, а также досрочного прекращения его действия²³.

Подобно обязательным требованиям экспериментальные правовые режимы законодательно идентифицируются не только посредством сферы их применения, но и ее пределов. Из предмета специального экспериментального регулирования цифровых инноваций изымаются правоотношения, связанные с высоким риском нанесения ущерба жизненно важным интересам личности, общества и государства, в том числе при защите государственной тайны, обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры, стабильности финансового рынка и экономической безопасности, а также в связи с возможным введением в оборот товаров, работ и услуг, оборот которых ограничен или запрещен²⁴.

Последнее обстоятельство сыграло роль при выборе правовой формы эксперимента с дистанционной розничной торговлей рецептурными лекарственными препаратами. Изначально предполагалось осуществить его в форме экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с одноименным Законом, тем более что фармацевтическая деятельность (которую в том числе составляет розничная торговля лекарственными препаратами) отнесена к возможным направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций²⁵. Однако в итоге он был воплощен в виде специального режима правового эксперимента, предусмотренного Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ст. 55¹).

Изменение подхода аргументировалось ссылкой на норму ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ, исходя из которой в экспериментальном плане не допускается введения в гражданский оборот объектов, ограниченных в обороте или изъятых из него (к которым относятся лекарственные препараты, отпускаемые по рецепту).

Предусмотренный порядок дистанционной розничной торговли лекарственными препаратами, отпускаемыми по рецепту, не оказывает

---

²³ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ст. 7, 16, 17) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

²⁴ См.: ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ч. 6 ст. 5) // Там же.

²⁵ П. 1 ч. 2. ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Там же.

влияния на оборотоспособность рецептурных лекарственных средств и не снимает ее ограничений. Отпуск лекарственных препаратов могут осуществлять только аптечные организации, имеющие лицензию на фармацевтическую деятельность и соответствующее разрешение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения. Обязательным условием приобретения такого препарата выступает медицинский документ установленной формы, содержащий назначение лекарственного препарата, выданный медицинским работником в целях отпуска лекарственного препарата или его изготовления и отпуска, в электронной форме, подписанный с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (рецепт на лекарственный препарат).

4. Временное законодательство в сравнительно-правовой перспективе

В зарубежных странах законы, длительность действия которых ограничена в момент вступления в силу, объединяются понятием временно-го («закатного») законодательства (*sunset legislation*). Нормы, определяющие продолжительность действия таких законов путем указания даты или события, по истечении которых без принятия специальных пролонгирующих мер их сила утрачивается, называются лимитирующими («закатными») оговорками (*sunset clauses*).

Их истоки находятся в римском праве: правила *ad tempus concessa, post tempus censetur denegata*²⁶ и противоположное ему по смыслу *ad tempus prohibitum illud tempus censetur permissum*²⁷ во времена Римской республики ограничивали полномочия сената по сбору налогов и использованию войск сроком полномочий проконсула, а позже вошли в Кодекс Юстиниана. Таким образом, временность закона как инструмента в правотворчестве хоть и не получила широкого распространения, но глубоко укоренена в правовой цивилизации [Kouroutakis A., 2017: 16].

Следуя исторической традиции, в течение долгого времени правовое регулирование с заведомо ограниченным сроком действия в иностранных государствах преимущественно действовало в фискальном законодательстве, а также в актах чрезвычайной и антитеррористической направленности, недолговечность жизненного цикла которых выступала важнейшей гарантией сохранения демократии, разделения властей и верховенства права.

---

²⁶ «То, что разрешено на время, считается запрещенным по его истечении».

²⁷ «То, что запрещено на время, считается разрешенным по его истечении».

Так, общие положения «о закате» временных законов, принятых в чрезвычайных обстоятельствах, предусмотрены на уровне Основного закона ФРГ. По общему правилу они прекращают действие в срок не позднее шести месяцев по окончании состояния обороны, за исключением нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в социальной сфере, и законодательства о налогах и сборах, сохраняющих силу до конца второго бюджетного года, следующего за окончанием состояния обороны (ст. 115-k). В Австралии срок действия Закона о борьбе с терроризмом (2005) (*Anti-Terrorism Act (No. 2) 2005*)²⁸ истекает через 10 лет после его принятия.

Однако с недавних пор востребованность и распространенность временных регуляторов неуклонно растет, не исчерпываясь приведенными областями и функционально-целевым предназначением. Теоретически они трактуются в качестве ключевого инструмента экспериментального подхода к правовому управлению, в рамках которого закон должен обладать свойствами временности и обратимости [Ranchordas S., 2015: 28–45]. Кроме того, временное законодательство рассматривается в концептуальном поле «лучшего регулирования»: информация, генерируемая в результате регулярной ретроспективной оценки его действия, способствует повышению качества законодательства путем превращения правотворчества в более рациональный, основанный на доказательственных фактах процесс [van Gestel R. A. J., van Dijck G., 2011: 539–553].

В последнее время обязательной периодической ревизии подвергаются законы, регламентирующие биомедицинские технологии (так, Закон Франции о биоэтике²⁹ должен пересматриваться каждые 7 лет, а Закон Канады о вспомогательной репродукции человека³⁰ — каждые три года). При этом в отличие от экстраординарных случаев реагирования на кризисы в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, военных действий, контртеррористических операций, угроз санитарно-эпидемиологическому благополучию населения использование срочного правового режима в отношении биомедицинских технологий носит рутинный характер, обусловленный спецификой объекта управления, высоким динамизмом его развития. Этот механизм обеспечивает высокую чувствительность права к состоянию регулируем-

---

²⁸ Available at: URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdb/au/legis/cth/consol_act/aa22005214/ (дата обращения: 20.10.2024)

²⁹ Loi n° 2004-800 du 6 août 2004 relative à la bioéthique. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000441469> (дата обращения: 20.10.2024)

³⁰ Assisted Human Reproduction Act (S.C. 2004). Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/a-13.4/> (дата обращения: 20.10.2024)

мых объектов и необходимое соответствие между правом и актуальным уровнем науки и технологий.

В отечественной правовой системе схожим образом решен вопрос клонирования человека. Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» ввел пятилетний мораторий на клонирование человека, подчеркнув временный характер запрета и возможность его пересмотра в свете развития технологии и социальных и этических тенденций. По окончании срока установленного моратория Федеральным законом от 29.03.2010 № 30-ФЗ временный запрет на клонирование человека был продлен впредь до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования соответствующих технологий.

В некоторых правопорядках, принадлежащих к семье общего права, признак темпоральности нормативных правовых актов определенного типа приобрел универсальное значение. Акт Австралии о законодательных инструментах³¹ устанавливает всеобъемлющий режим разработки, регистрации, контроля и прекращения делегированного законодательства. В современных правопорядках англосаксонского типа этот источник права имеет важное и всевозрастающее значение, предопределенное усилившейся потребностью в оперативном, гибком и специализированном нормативном регулировании в условиях усложнения общественных отношений [Богдановская И.Ю., 2013: 36–48].

Одной из ключевых целей вводимого Акта наряду с созданием Федерального регистра законодательных инструментов, обеспечением высоких стандартов правотворчества, совершенствованием парламентского контроля заявлено утверждение возможности регулярного пересмотра законодательных инструментов и в отсутствие дальнейшей необходимости — их отмены.

В связи с этим по истечении десятилетнего периода со дня принятия всякого законодательного акта предусматривается его автоматическое аннулирование. Согласно пояснительной записке к законопроекту³², этот срок был избран как необходимый и достаточный период для того, чтобы, с одной стороны, предотвратить сохранение устаревших или ненужных актов, а, с другой, пересмотреть и скорректировать те из них, что сохраняют актуальность. Промежуток времени короче признан неприемлемым по причине избыточной ресурсоемкости. Из общего режи-

---

³¹ Legislative Instruments Act 2003 No. 139. Available at: https://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/num_act/lia2003292/ (дата обращения: 20.10.2024)

³² Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;query=Id%3A%22legislation%2Fems%2Fr1850_ems_29beaed6-feb3-4ea0-bf04-f928d813ffa3%22 (дата обращения: 20.10.2024)

ма прекращения действия изъят исчерпывающим образом поименованный перечень актов.

Аналогичные механизмы содержит преследующий цели модернизации нормативной среды, в которой действует малый и средний бизнес Закон Великобритании о предпринимательской и регуляторной реформе (2013)³³. В качестве одной из мер сокращения регуляторного бремени названный акт устанавливает возможность истечения срока действия и пересмотра производного законодательства на основании периодической оценки его полезности, актуальности проблемы, на решение которой оно направлено, и альтернативных способов ее решения (ч. 5).

Описываемая тенденция нормализации временного законодательства, перехода от его избирательного к всеобъемлющему применению находит отражение и в континентальном праве. В частности, Федеральным собранием — парламентом Швейцарии — рассматривался вопрос об обязательности введения «закатных» положений в законодательство, регламентирующее некоторые виды общественных отношений.

В обоснование целесообразности идеи введения временных ограничений как действенного инструмента «детоксикации» правовой среды авторы инициативы приводили аргументы, касающиеся негативных эффектов неуклонного увеличения государственного воздействия и плотности нормативной регуляции. Хотя действующие нормативные режимы были признаны достаточными, в ходе обсуждения был достигнут консенсус об актуальности и полезности введения временных законов и сопутствующей оценки регулирующего воздействия *ex post* для разрешения срочных проблем, опережающего отражения действительности с трудно прогнозируемым или неясным исходом, своевременного правового вмешательства, касающегося сложных областей деятельности или новейших достижений науки и техники³⁴.

Заключение

Несмотря на общепринятое понятие о постоянстве норм права, по умолчанию проектируемых на неопределенный срок, в современных правовых порядках наблюдается нарастающая тенденция использования законодательства с заведомо ограниченным сроком действия. В связи с этим требует дальнейшего изучения вопрос о сущностных свойствах

---

³³ Enterprise and Regulatory Reform Act 2013. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/24/contents> (дата обращения: 20.10.2024)

³⁴ Lutter contre la bureaucratie en limitant la durée de validité des actes. Available at: <https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista/geschaefte?AffairId=20113780> (дата обращения: 20.10.2024)

современного нормативного правового регулирования, вплоть до возможности признания временности в качестве такового.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что темпоральность как инструмент правотворчества хоть и не получила широкого распространения, однако укоренена в правовой цивилизации, имея истоки в римском праве.

Нормы временного действия изначально утвердились применительно к экстраординарным обстоятельствам, когда обычные регуляторы, рассчитанные на нормальное состояние общественных отношений, оказываются нефункциональными и заменяются «чрезвычайными» правовыми режимами, действие которых, как правило, ограничивается периодом разрешения кризисной ситуации и носит временный характер. Недолговечность их жизненного цикла выступает важнейшей гарантией сохранения демократии, разделения властей и верховенства права.

Приспособленность временных правовых режимов к стремительно меняющимся социальным или технологическим условиям и неординарным сценариям общественного развития позволяет прогнозировать более широкое использование потенциала временной регуляторики в инновационных, высокотехнологичных областях в целях реализации сценариев ускоренного развития общества.

Необходимость адаптации правовых систем к подвижности и нетипичной изменчивости новых форм общественной жизни в условиях ускоренного развития общества предрасполагает к гибкости и относительной обратимости правовых решений и установлению правил, которые по своему содержанию и регулятивной направленности не требуют нормативной фиксации на неопределенный срок по умолчанию, а, напротив, нуждаются в периодических и планомерных пересмотре и коррекции.

Одновременно правовая форма временного законодательства не может применяться к отношениям в сферах обороны и безопасности, использования атомной энергии, валютного и таможенного регулирования, охраны здоровья граждан и иной деятельности социального характера, нуждающихся в большой степени устойчивости, постоянности и стабильности опосредующих их нормативных предписаний.

Нормативно оформленные авторские предложения по идентификации нормативных предписаний временного действия нашли отражение в последней редакции разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России инициативного проекта федерального закона о нормативных правовых актах³⁵.

---

³⁵ См.: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Контракт, 2021. 96 с.

В нем, в частности, предлагается закрепить исключение из общего правила о том, что действие акта не ограничивается сроком, если в самом акте или акте о введении его в действие не предусмотрено иное. Для всего нормативного акта (или отдельных его норм) может быть установлен срок действия. В этом случае в нормативном акте (акте о введении его в действие) должны быть указаны момент времени или событие, при наступлении которых он автоматически утрачивает силу. До истечения установленного срока или наступления события орган, принявший нормативный правовой акт, может принять решение о продлении действия нормативного правового акта на новый срок или о придании ему бессрочного характера.

Необходимость научно-правового сопровождения ускоренного развития позволяет обратиться к размышлениям В.И. Вернадского о том, что ходу научной мысли также свойственна скорость движения, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления. Для усиления научного творчества и открытия нетронутых ранее научной мыслью полей исследования требуется «напряженное непрерывное созидание, темп которого все усиливается» [Вернадский В. И., 1997: 141–142].

Список источников

1. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М.: NOTA BENE, 2000. 576 с.
4. Богдановская И.Ю. Делегированные акты как вторичный источник права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. N 3. С. 36–48.
5. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 552 с.
6. Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: Феникс, 1997. 572 с.
7. Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. N 12. С. 11–17.
8. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
9. Догадайло Е.Ю. Время и право. Дис... д. ю. н. М., 2013. 250 с.
10. Залесский В.В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. 2006. N 9. С. 114–121.
11. Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М.: Альпина, 2010. 192 с.

12. Никитинский В.И., Самощенко И.С. (ред.) Правовой эксперимент и совершенствование законодательства М.: Юридическая литература, 1988. 304 с.
13. Ноздрачев А.Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования // Административное право и процесс. 2022. N 3. С. 19–24; N 5. С. 8–15.
14. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 288 с.
15. Петров Г.И. Время в советском социальном регулировании // Правоведение. 1983. N 6. С. 47–52.
16. Петров Г. И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. 1982. N 6. С. 46–52.
17. Рабинович П.М. Своевременность в праве // Вопросы теории государства и права. 1991. Вып. 9. С. 55–62.
18. Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. N 3. С. 19–27.
19. Степин В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей. М.: б. и., 2018. 28 с.
20. Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2001. 117 с.
21. Тилле А.А. Время. Пространство. Закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М.: Юридическая литература, 1965. 204 с.
22. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. N 10. С. 15–22.
23. Тихомиров Ю.А. (отв. ред.) Правовое управление в кризисных ситуациях.: М.: Проспект, 2022. 280 с.
24. Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. N 2. С. 5–17.
25. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право и пандемия: уроки кризиса // Вестник РАН. 2022. Т. 92. N 8. С. 803–808.
26. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. N 12. С. 5–18.
27. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. N 1. С. 85 — 102.
28. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
29. Fagan F. Law and the Limits of Government: Temporary versus Permanent Legislation. Cheltenham: Edward Elgar, 2013, 168 p.
30. Kouroutakis A. The Constitutional Value of Sunset Clauses: Historical and Normative Analysis. L.: Routledge, 2017, 212 p.
31. Ranchordas S. Sunset Clauses and Experimental Regulations: Blessing or Curse for Legal Certainty? Statute Law Review, 2015, vol. 1, pp. 28–45.
32. Van Gestel R.A., van Dijk G. Better Regulation through Experimental Legislation. European Public Law, 2011, vol. 3, pp. 539–553.

References

1. Baturin Yu. M., Livshits R.Z. (1989) Socialist rule of law: from idea to implementation. Moscow: Nauka, 256 p. (in Russ.)
2. Bauman Z. (2008) *Liquid modernity*. Saint Petersburg: Piter, 240 p. (in Russ.)
3. Bergel J.-L. (2000) General theory of law. Moscow: NOTA BENE, 576 p. (in Russ.)
4. Bogdanovskaya I. Yu. (2013) Delegated acts as secondary sources of law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 3, pp. 36–48 (in Russ.)
5. Brenner R. (2014) *The economics of global turbulence: advanced capitalist economies from long boom to long downturn, 1945–2005*. Moscow: HSE Publishing House, 552 p. (in Russ.)
6. Dogadailo E.Yu. (2013) Time and law. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 250 p. (in Russ.)
7. Fagan F. (2013) *Law and the limits of the government*. Cheltenham: Elgar, 168 p.
8. Giddens E. (2003) *Structure of society: essays on structure theory*. Moscow: Akademicheskii project, 576 p. (in Russ.)
9. Harvey D. (2021) *The postmodernity. A research of cultural change roots*. Moscow: HSE Publishing House, 576 p. (in Russ.)
10. Kapitsa S.P. (2020) Paradoxes of growth. Moscow: Alpina, 192 p. (in Russ.)
11. Khabrieva T.Ya. (2021) Legal base of managing Pandemic crisis: world and Russian experience. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 2, pp. 5–17 (in Russ.)
12. Khabrieva T.Ya. (2019) Cyclic normative arrays in law. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 5–18 (in Russ.)
13. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2022) Law and the Pandemic: the lessons of the crisis. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*=Bulletin of the Russian Academy of Sciences, vol. 92, no. 8, pp. 803–808 (in Russ.)
14. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2018) The law in the digital reality. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 85–102 (in Russ.)
15. Kouroutakis A. (2017) *The constitutional value of sunset clauses: a historical and normative analysis*. L.: Routledge, 212 p.
16. Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S. et al. (1988) Legal experiment and improvement of legislation. Moscow: Juridicheskaya literatura, 304 p. (in Russ.)
17. Nozdrachev A.F. (2022) Mandatory requirements as a new administrative Law institution: ideas, content, principles and Regulation levels. *Administrativnoe pravo i process*=Administrative Law and Process, no. 3, pp. 19 — 24; no. 5, pp. 8 — 15 (in Russ.)
18. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. et al. (2022) Regulatory policy of the Russian Federation: legal aspects of formation and implementation. Moscow: Infotropic Media, 288 p. (in Russ.)
19. Petrov G.I. (1982) Time factor in Soviet law. *Yurisprudenciya*=Jurisprudence, no. 6, pp. 46–52 (in Russ.)
20. Petrov G.I. (1983) Time in the Soviet social regulation. *Yurisprudenciya*=Jurisprudence, no. 6, pp. 47–52 (in Russ.)
21. Rabinovich P.M. (1990) Time in legal regulation (philosophical and legal aspects).

Yurisprudenciya=Jurisprudence, no. 3, pp. 19–27 (in Russ.)

22. Rabinovich P.M. (1991) Timeliness in law. *Questions of state and law theory*, issue 9, pp. 55–62 (in Russ.)

23. Ranchordas S. (2015) Sunset clauses and experimental regulations: blessing or curse for legal certainty? *Statute Law Review*, vol. 36, no. 1, pp. 28–45.

24. Stepin V.S. (2018) Strategies of civilizational development and the issue of values. Moscow: S.I., 28 p. (in Russ.)

25. Tenilova T.L. (2001) Time in law. Nizhnyi Novgorod: Pravovaya Akademia, 117 p. (in Russ.)

26. Tikhomirov Yu.A. et al. (2022) Legal management in crisis situations. Moscow: Prospekt, 280 p. (in Russ.)

27. Tikhomirov Yu.A. (2008) Cycles of legal development. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 10, pp. 15–22 (in Russ.)

28. Tille A.A. (1965) *Time. Space. Law. The Soviet law in time and space*. Moscow: Juridicheskaya literatura, 204 p. (in Russ.)

29. Vernadsky V.I. (1997) About science. Vol. 1. Scholar knowledge. Scholar creativity. Scholar thought. Dubna: Feniks, 572 p. (in Russ.)

30. Van Gestel R.A., van Dijck G. (2015) Better regulation through experimental legislation. *European Public Law*, vol. 17, no. 3, pp. 539–553.

31. Vlasenko N.A. (2015) Individual approach as a trend of the Russian legislation development. *Zhurnal Rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 11–17 (in Russ.)

32. Zalessky V.V. (2006) Time factor in civil law relations. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 9, pp. 114–121 (in Russ.)

Информация об авторе:

Ф.В. Цомартова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author:

F.V. Tsomartova — Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted to editorial office 22.11.2023; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 24.05.2024 .

Научная статья

УДК: 349.6

JEL: K 32

DOI: DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.28.52

Экологический комплаенс — институт частного или публичного права?

Полина Витальевна Позднякова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский кампус, Россия, Санкт-Петербург 194001, Кантемировская
ул. 3А,
pozdneyakova@futurbureau.ru.

Аннотация

Статья посвящена вопросу институциональной принадлежности экологического комплаенса в российском праве. Экологический комплаенс является активно развивающейся практикой компаний, однако до настоящего времени он не урегулирован в законодательстве. Между тем он способен стать одним из ключевых инструментов решения экологических проблем России, так как предполагает внедрение систем предупреждения экологических правонарушений на уровне отдельных природопользователей. Именно поэтому актуальность приобретает изучение его характеристик как явления действительности, а также исследование его правового режима, что позволит выработать оптимальную модель правового регулирования в дальнейшем. В статье проанализированы частноправовые компоненты экологического комплаенса, исследованы признаки и элементы его системы, изученные в том числе с позиций практики российских компаний. Рассмотрены публично-правовые основы экологического комплаенса применительно к институту государственного экологического контроля. В качестве примера публикации частного права (проникновения элементов публичного права в частноправовое регулирование) в контексте института экологического комплаенса проанализирован эксперимент с консультированием инвестиционных проектов в части соблюдения экологического законодательства. В качестве примера приватизации публичного права (проникновения элементов частного права в публичное право) обсуждается внедрение элементов профилактики рисков в государственном контроле. При условии ограниченного закрепления инструментов экологического комплаенса сфера экологического контроля во многом остается в традиционном публично-правовом русле и менее подвержена приватизации, при этом ощущается тенденция к проникновению публично-правовых элементов в частноправовые

институты. Сделан вывод, что экологический комплаенс в настоящее время является комплексным правовым институтом, который не сводится исключительно к экологическому, корпоративному правовому регулированию, государственному контролю за соблюдением обязательных требований или иному правовому регулированию и объединяет как нормы частного, так и нормы публичного права.

Ключевые слова

экологический комплаенс; экологические правонарушения; конвергенция частного и публичного права; экологический менеджмент; профилактика правонарушений; экологический надзор; обязательные требования.

Для цитирования: Позднякова П.В. Экологический комплаенс — институт частного или публичного права? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 28–52. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.28.52

Research article

Is Environmental Compliance a Private or Public Law Institution?

Polina V. Pozdnyakova

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg branch, 3A Kantemirovskaya Str., Saint Petersburg 194001, Russia, pozdnyakova@futurbureau.ru.

Abstract

The article is devoted to the issue of institutional affiliation of environmental compliance in Russian law. Environmental compliance is an actively developing practice of companies, but has not yet been regulated by law. According to the author, environmental compliance can become one of the key tools for solving environmental problems in Russia, as it involves the introduction of systems for the prevention of environmental violations at the level of individual natural resource users. That is why the question of studying its characteristics as a phenomenon of reality, as well as the study of its legal regime, which will allow us to develop an optimal model of legal regulation in the future, is of particular relevance. It is analyzed the private legal components of environmental compliance, examines the features and elements of the environmental compliance system, including from the perspective of the practice of Russian companies. In addition, the reasons for the spread of environmental compliance in the practice of companies were investigated, among which the rapid changes in environmental legislation, increased administrative influence and other. The author also discusses the public legal framework of environmental compliance in relation to the institution of state environmental control. As an example of the publication of private law in the context of the institution of environmental compliance, an experiment on consulting investment projects regarding compliance with environmental legislation was analyzed. As an example of

the privatization of public law, the introduction of elements of risk prevention in state control is discussed. Given the limited consolidation of environmental compliance instruments, the sphere of environmental control largely remains in the traditional public legal framework and is less susceptible to privatization, while there is a trend to publish existing private law institutions. It is concluded environmental compliance is a complex legal institution that is not limited to environmental, corporate legal regulation, state control over compliance with mandatory requirements or other legal regulation and combines both private and public law norms.

Keywords

environmental compliance; environmental violation; convergence of private and public law; environmental management; environmental control; prevention of violation; mandatory requirements.

For citation: Pozdnyakova P.V. (2024) Is Environmental Compliance a Public or Private Law Institution? *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 28–52 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.28.52

Введение

В России все популярнее становится практика внедрения компаниями комплаенса в различных сферах — борьба с коррупцией и отмытием денежных средств, финансированием терроризма, налоговое планирование, персональные данные, трудовые отношения и пр. Не осталась в стороне и сфера природопользования и охраны окружающей среды. Экологический комплаенс — один из видов комплаенса, не поименованных до настоящего времени в российском законодательстве. При этом экологический комплаенс все чаще внедряется и продолжает внедряться различными компаниями, что подтверждают исследования; в 2022 г. его внедряли 22% компаний, опрошенных фирмой «Деловые решения и технологии»¹.

Распространение экологического комплаенса — закономерный ответ на изменения, происходящие в мире, в государстве и обществе. Изменяется климат², изменяется ситуация с загрязнением окружающей сре-

---

¹ Тенденции развития комплаенса в России. 2022. Available at: URL: <https://insights.delret.ru/research/tendencii-razvitiya-komplaensa-rossii> (дата обращения: 28.11.2023). В 2020 г. экологический комплаенс внедряли 19% компаний, соответственно, произошел рост на 3%. См. также: Тенденции развития комплаенса в России и СНГ: результаты опроса участников рынка. 2020. Available at: URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/kz/Documents/financial-services/Brochures_2020/compliance-development-trends-in-russia-and-cis.pdf (дата обращения: 28.11.2023)

² Так, 2023 год вошел в тройку самых теплых за последние 87 лет: отклонение от средней за последние десятилетия температуры составило +0,99°. См.: Доклад Росгидромета об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2023 год. Available at: URL: https://www.meteorf.gov.ru/upload/pdf_download/report2023.pdf (дата

ды³, возрастает спрос общества на экологическую и социальную ответственность бизнеса и растет его чувствительность к информации об экологических инцидентах компаний ввиду ухудшающейся с каждым годом экологической обстановки. Так, по результатам мониторингового опроса проведенного ВЦИОМ для Экологического форума РСПП⁴ и опубликованного в 2024 году, чаще всего граждане России оценивают экологическую ситуацию средне, но замечают мало позитивных изменений в сфере экологии (по стране и отдельным ее регионам это отметили примерно равное количество опрошенных — 21% и 20% соответственно). При этом часто виновной в ухудшении экологии считают промышленность — 29% опрошенных отметили, что на экологическую ситуацию в худшую сторону влияет деятельность компаний данного сектора. На том же опросе в перечне главных барьеров улучшения экологии четвертое место занял низкий уровень экологической ответственности предприятий (30% опрошенных). В то же время крупные предприятия не воспринимаются респондентами как инициаторы экологических изменений (такowymi их сочли только 6% опрошенных).

Охрана природы становится все заметнее и среди государственных приоритетов. Экологическая повестка дня поддерживается на уровне поручений Президента Российской Федерации⁵; в частности, поддержка

обращения: 06.02.2024). Борьба с изменением климата сопровождается динамичным развитием климатического регулирования, ростом массива нормативных актов, появлением новых климатических и правовых рисков в этой сфере, также требующих изменения процессов компаний, механизма управления ими. В частности, долгосрочное климатическое регулирование может изменить и институт возмещения экологического вреда, повысив требования к экологическому комплаенсу компаний.

³ В частности, почти за 10 лет (2013–2022 гг.) доля загрязненных сточных вод в объеме сбрасываемых вод снизилась с 35,4% (15189,9 млн. м³) до 31,3% (11325,8 млн. м³, т.е. всего на 4%. Общий объем выбросов загрязняющих веществ в 2022 году сократился только на 0,4% по сравнению с 2021 г. См.: Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. С. 23, 666. Available at: URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okrzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022_/ (дата обращения: 06.02.2024) При этом по данным Росгидромета в 2023 году в 81% городов, где проводятся наблюдения за состоянием атмосферы, средне годовые концентрации какого-либо загрязняющего вещества превысили ПДК. См.: Росгидромет. Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2023 г. С. 82. Available at: URL: https://www.meteorf.gov.ru/upload/iblock/42b/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%202023_010724.pdf (дата обращения: 06.02.2024)

⁴ Экологическая ситуация в России. 2024. Available at: URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 06.02.2024)

⁵ Подробнее см.: пп. «а» п. 2 Перечня поручений Президента РФ по итогам пленарного заседания съезда и встречи с членами бюро Российского союза промышленни-

введения обязательной публикации крупнейшими компаниями нефинансовой отчетности, в рамках которой раскрываются корпоративные инструменты снижения экологических рисков. В докладах Президента обращается внимание на ежегодный экономический ущерб от деградации природы, который, включая негативные последствия для здоровья человека, достигает 15% ВВП⁶.

Государство не планирует смягчать экологических требований к бизнесу; большая часть предложений Российского союза промышленников и предпринимателей о смягчении данного регулирования в 2022 году (письмо № 373/05 от 21.03.2022) не была услышана. Только часть из них учтена в постановлениях Правительства России № 353 от 10.03.2022 и №336 от 12.03.2022 (далее – Постановление № 336). При этом наращиваются санкции за экологические правонарушения⁷ и укрепляется «прогосударственный» уклон в экологических судебных спорах⁸.

Все это неизбежно влечет за собой эволюцию правовых форм, обеспечивающих соблюдение экологических требований как в частноправовом, так и в публично-правовом поле. У компаний есть потребность отслеживать и адаптироваться к изменениям экологических требований, чтобы не допускать экологических правонарушений, санкции за которые ужесточаются. В то же время у государства есть интерес стиму-

---

ков и предпринимателей 16.03.2023. Пр-872 от 29.04.2023. Available at: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71074> (дата обращения: 28.11.2023)

⁶ Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в условиях глобальной турбулентности. Доклад на XXVI Всероссийской конференции Софрино-26 «Актуальные проблемы экологического, земельного права и законодательства» 15.05.2023. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZVLRydt10c> (дата обращения: 28.11.2023)

⁷ Действенность экологического контроля остается на должном уровне: хотя количество проверок за 2022 год уменьшилось наполовину (13 044 в 2021 году против 6 999 в 2022 году), проверок, выявивших нарушения, стало лишь на 17% меньше: 66% проверок закончились выявлением правонарушений в 2021 году, 49% — в 2022 году. Количество расчетов экологического вреда выросло за 2021 год на 20% (1075 в 2021 году против 1345 в 2022 году), а сумма таких расчетов выросла в 4 раза (18 888 537,87 тыс. руб. в 2021 году против 78 723 306,26 тыс. руб. в 2022 году). Подробнее см.: Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2021 году. С. 28, 39, 66. Available at: URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/ac0/d6af6s6i8vqywwgi7g2bhmkhbm ma2g93/Doklad-2021_1-pravl.pdf (дата обращения: 28.11.2023); Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2022 году. С. 30–33, 39, 40. Available at: URL: <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/92c/94e0t5bajsoxd11947ompu2mphyk csw7/Doklad-2022-dop2.pdf> (дата обращения: 28.11.2023)

⁸ Эту тенденцию, в частности, демонстрирует статистика судебных споров: в 2022 году из 1 450 исков о возмещении экологического вреда, рассмотренных только арбитражными судами, отказано в иске всего в 204 делах (по результатам рассмотрения в первой инстанции). Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Available at: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 28.11.2023)

лизовать действия компаний, направленные на предупреждение экологических правонарушений, чтобы успешно выполнять свою функцию и обеспечивать право на благоприятную окружающую среду, снижать количество правонарушений, а помимо этого – расходы на экологический надзор и пр. Следуя за этими парадоксально сонаправленными частно-правовым и публично-правовым интересами экологический комплаенс пробивает себе дорогу *per aspera ad astra*.

Как отмечает В.А. Белов, рост количества законов, усложнение их содержания вместе с дискуссиями правоведов о понятии комплаенса, трудно поддающегося переводу на язык юридических терминов, наделяют институт комплаенса как соответствия деятельности всей совокупности требований самостоятельным правовым значением, «превращая из чисто технического (автоматического) в юридический»⁹. Именно поэтому профилактика эколого-правовых рисков, знакомая компаниям, внедряющим экологический менеджмент, приобретает новое значение и юридическое воплощение.

Экологический комплаенс — вершина в иерархии инструментов профилактики эколого-правовых рисков в отечественной доктрине остается мало изученным институтом, хотя ряд ученых исследовал его отдельные черты, свойства [Кванина В.В., Макарова Т.И., 2020]; [Дубовик Д.М., 2022]. В условиях рождающегося регулирования экологического комплаенса встает вопрос: а какому правовому режиму принадлежит этот институт — частноправовому или публично-правовому? На этот вопрос автор дает ответ в настоящей статье, рассматривая экологический комплаенс как правовой институт и его основы в российском праве.

В качестве гипотезы выдвигается предположение, что на текущий момент экологический комплаенс в российском праве является комплексным правовым институтом и включает как элементы частноправового, так и элементы публично-правового режимов.

1. Экологический комплаенс как институт частного права

Определяя принадлежность института экологического комплаенса частному или публичному праву [Хассо Х., 2019: 183]¹⁰, прежде всего

---

⁹ Отзыв В.А. Белова о кандидатской диссертации А. Аллахвердиева по специальности 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки «Правовое регулирование комплаенса в торговой деятельности». Available at: URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/606648752/> (дата обращения: 06.02.2024)

¹⁰ Дискуссия о делении частного и публичного права выходит за пределы настоящей статьи, поэтому автор руководствуется критерием Г. Радбруха: в основе частного права лежит уравнивающая справедливость (справедливость между равными субъек-

полезно выяснить, что такое экологический комплаенс. Действующее правовое регулирование охраны окружающей среды и природопользования не упоминает экологического комплаенса и тем более не содержит его определения и не описывает его содержания. Но, как отмечают исследователи, определения даны применительно к отдельным его разновидностям, например, в банковском секторе¹¹ и некоторых других сегментах бизнеса [Попондопуло В.Ф., Петров Д.А.: 20].

В доктрине комплаенс в основном понимается как часть системы управления рисками и внутреннего контроля организации, системно выстроенная деятельность организации, задачей которой служит выявление и снижение риска несоответствия деятельности организации различным требованиям (правовых актов, правоприменительной практики, иным) и показателям, могущим повлечь для организации негативные правовые, а также вытекающим из них экономические, репутационные и иные последствия. Его определения предложены рядом аналитиков [Абрамов В.Ю., 2020]; [Макарова В.А., 2021]; [Orosco D., 2019]. В России экологический комплаенс развит в коммерческих компаниях, поэтому имеет смысл прежде всего опираться на их практику.

Ряд причин и предпосылок развития экологического комплаенса именно среди участников коммерческого сектора сформировал почву для его институционализации в рамках частнопроводимого режима. Во-первых, экологический комплаенс служит ответом компаний на быстро меняющееся и усложняющееся правовое регулирование охраны природопользования. Он является мерой адаптации к усиливающимся административному воздействию на компании, надзору за соблюдением экологических требований и попыткой избежать юридических санкций как таковых. Штрафы, требования о возмещении экологических платежей и возмещении экологического вреда становятся действенным рычагом, посредством которого государство обеспечивает ускоренную экологизацию российских компаний, в частности, сопротивляющихся переходу на наилучшие доступные технологии¹², внедрению превентивных механизмов в рамках «Усольского закона»¹³ (учет отдельных опас-

---

тами), в основе публичного права — распределяющая (справедливость в отношении доминирование-подчинение).

¹¹ Имеется в виду Положение об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах, утв. Банком России от 16.12.2003 № 242-П // СПС Консультант Плюс.

¹² Ведомости. 21.10.2023. Available at: URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/regulation/news/2023/09/21/996338-abramchenko-poruchila-uskorit-vidachu-kompleksnih-ekologicheskikh-razreshenii> (дата обращения: 28.11.2023)

¹³ Федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс..

ных производственных объектов, а также регулирование экологически безопасного вывода таких объектов из эксплуатации) и др.

Во-вторых, побуждает компании внедрять экологический комплаенс не только риск привлечения к ответственности за экологические правонарушения, но и стремление оптимизировать внутренние процессы, повысить инвестиционную привлекательность, увеличить прибыль. Как отмечают Н.А. Казакова и В.Г. Когденко, результаты их предыдущих исследований, а также работы ученых Гарвардской школы бизнеса «доказывают связь экологической безопасности промышленного производства с экономической и социальной устойчивостью компаний, что влияет на доверие инвесторов и соответственно инвестиционную привлекательность бизнеса». «В то же время мониторинг основных параметров экологической безопасности промышленного производства пока основан на комплаенс-подходе, включающем контроль соответствия экологического менеджмента принятым стандартам в конкретных отраслях промышленного производства, и не учитывает влияния экономической составляющей, определяющей финансовую основу экологической безопасности и инвестиционной привлекательности компаний» [Казакова Н., Когденко В., 2021: 61].

Указанная исследователями экономическая составляющая не включает последствий несоблюдения экологических требований (уплату административных штрафов, убытки при административном приостановлении деятельности или приостановлении деятельности в рамках ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации, уплату компенсации экологического вреда и др.). Причина этого в том числе и в том, что стандарт в области экологического менеджмента (ISO 14001:2015 Environmental management systems — Requirements with guidance for use), на основе которого нередко строится система комплаенса в отсутствие регуляторных альтернатив, не преследует своей целью учесть такие последствия деятельности организации.

Информация об экологических происшествиях, среди которых не только аварии, но и в целом факты невнимания компаний к охране природы, гринвошинг (безосновательное позиционирование компании или товара/услуги как экологичных, введение потребителей в заблуждение относительно экологичности компании и товаров / услуг) остро воспринимаются общественностью и в конечном итоге тоже значительно влияют на экономические показатели компаний¹⁴.

---

¹⁴ Так, информация об утечке топлива из резервуарного парка горно-металлургической компании АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» 29.05.2020 снизила капитализацию ГМК «Норильский никель» на 8% к предыдущему закрытию торгов сразу после инцидента, в результате чего за один день (4.06.2020), состояние ос-

В-третьих, экологический комплаенс нередко внедряется с целью внести в деятельность компании культуру природопользования, ориентированную на системное и экологическое мировоззрение [Капра Ф., Маттеи У., 2021: 10–11, 61]¹⁵, причем нередко по линии «снизу-вверх» (например, по инициативе экологов компаний или менеджеров экологических проектов). Эта культура предполагает бережное и экономное отношение к природным ресурсам, внедрение принципов устойчивого развития (в частности, устойчивого потребления – концепции «зеленого офиса» и пр.).

Все это предопределяет наличие частноправовых элементов в институте экологического комплаенса. Он являет собой свободную деятельность равных субъектов с целью адаптироваться к изменчивому правовому регулированию, снизить риск юридических санкций за экологические правонарушения, улучшить финансовые показатели в разрезе экологической стороны деятельности компании, а также внедрить в экологическое управление иные ценности. Для достижения этих целей экологический комплаенс принимает частноправовые формы. Например, в виде договоров на выполнение работ и оказание услуг (в части внедрения системы экологического менеджмента и комплаенса или иных), внешних сертификации и аудита разработанной системы экологического менеджмента и экологического комплаенса и пр.

Частноправовые элементы проявляются не только во внешней (видовой), но и во внутренней (содержательной) части комплаенса. Так как все виды комплаенса имеют в основе общие черты, в условиях отсутствия регулирования экологического комплаенса допустимо обратиться к более разработанным его видам и по аналогии выделить существенные признаки и элементы содержания комплаенса. Например, таким «регуляторным донором» может стать антимонопольный комплаенс. К признакам экологического комплаенса по аналогии допустимо отнести следующие¹⁶:

нового владельца компании В. Потанина сократилось на 1,5 млрд. долл. Available at: URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/402233-vladimir-potanin-poteryal-za-den-15-mlrd-posle-avarii-na-tec-v-norilске> (дата обращения: 28.11.2023)

¹⁵ Наметившийся процесс смены мировоззренческой парадигмы в обществе и практике компаний также обсуждался на стратегической сессии «Глобальные тренды устойчивого развития и ESG. III конгресс ответственного бизнеса. Available at: URL: <https://esg.rbc.ru/#4> (дата обращения: 28.11.2023)

¹⁶ Это определение дано для системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. При этом в разъяснении Федеральной антимонопольной службы России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» антимонополь-

Системные меры (или система мер) соблюдения требований.

Не только правовой, но и организационный характер таких мер.

Утверждение системы мер внутренним актом или актами лица.

Направленность системы мер на соблюдение требований и предупреждение их нарушения.

К обязательным элементам системы экологического комплаенса по аналогии с ч. 2 ст. 9.1 Закона о защите конкуренции¹⁷ относятся:

Требования к порядку оценивания рисков нарушения законодательства, связанных с деятельностью хозяйствующего субъекта.

Меры, направленные на снижение хозяйствующим субъектом рисков нарушения законодательства, связанных с деятельностью субъекта.

Меры, направленные на контроль хозяйствующего субъекта контроля над функционированием системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства.

Порядок ознакомления работников хозяйствующего субъекта с внутренним актом (внутренними актами).

Должностное лицо, ответственное за функционирование системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям законодательства.

Отсутствие регулирования экологического комплаенса означает отсутствие «золотого стандарта», фиксирующего необходимый минимум его элементов, что дает компаниям карт-бланш опережающего развития экологического комплаенса, с одной стороны, а с другой — затрудняет выявление его существенных элементов. Компании, внедряющие экологические комплаенс-процедуры, имеют возможность не только определить круг рисков, их частоту проявления, масштаб их последствий, что в значительной степени влияет на содержание применяемых комплаенс-процедур [Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., 2019: 21], но и могут не иметь некоторых формализованных признаков и элементов системы комплаенса (в частности, зафиксированных в локальных нормативных актах требований к порядку проведения оценки рисков, мер контроля над функционированием системы и пр.). Все это также характеризует экологический комплаенс как явление частнопроводимого режима.

При обращении к распространенному в практике компаний добровольному стандарту (ISO 37301:2021 Compliance management systems — Requirements with guidance for use) видно, что комплаенс как таковой имеет немало частнопроводимых элементов. В частности, он включает понятие «тон сверху» (подход высшего руководства организации к соблю-

---

новый комплаенс определяется как система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (абз. 2 разд. I).

¹⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434 (далее — Закон о защите конкуренции).

дению требований, предопределяющий правовую культуру организации), документирование информации, создание механизмов и процедур контроля, учета и отчетности, внутреннего аудита. Все это непосредственно влияет на соблюдение требований, поэтому имеет правовое значение и может быть урегулировано.

В то же время в отношении ряда таких элементов не может быть установлено жестких императивных норм, так как такие элементы являются предметом конкуренции компаний. Например, компании, развивающие корпоративную культуру, нацеленные на построение деятельности организации в правомерном ключе, будут иметь конкурентное преимущество перед другими компаниями и лучшие финансовые показатели, поэтому способы и средства реализации этих элементов не должны ограничиваться в законодательстве установлением верхней планки требований. Это также говорит в пользу отнесения таких элементов к элементам частноправового режима экологического комплаенса.

Частноправовым режимом охватывается и учет рисков как часть экологического комплаенса. Так как компания самостоятельно определяет круг потенциальных рисков, на снижение которых направлены меры компании, экологическая комплаенс-система может охватывать не всю деятельность, а отдельные ее направления. Это продиктовано еще и тем, что в силу разветвленности экологического законодательства, нормы, применимые к экологической деятельности различных компаний, могут иметь специфику, а деятельность таких компаний сопряжена с существенно отличающимися эколого-правовыми рисками¹⁸.

Итак, экологический комплаенс – часть системы управления рисками и внутреннего контроля организации, совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом или актами организации и направленных на соблюдение ею требований экологического законодательства, индивидуально-правовых актов, стандартов, правоприменительной практики, иных актов в сфере природопользования и охраны природы и предупреждение их нарушения с целью снижения риска возникновения негативных правовых и иных, вытекающих

---

¹⁸ Например, ключевые экологические риски VK Company Limited связаны с обращением с отходами, поэтому в компании разработан блок мер по утилизации отходов I и II класса опасности (ртутные лампы), внедрению отдельного сбора отходов. См.: ESG-отчет за 2022 год. Available at: URL: <https://corp.vkcdn.ru/media/files/esg-otchet-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 28.11.2023) В то время как для МТС, в частности, в качестве наиболее важных экологических рисков обозначены невыполнение требований экологической отчетности, деятельность без постановки на государственный учет объекта негативного воздействия и потому выработаны меры, направленные на снижение данных рисков. Отчет об устойчивом развитии МТС за 2020 г. Available at: URL: https://ar2020.mts.ru/pdf/ar/ru/corporate-governance_structure-management_compliance-ethical-culture.pdf (дата обращения: 28.11.2023)

из них последствий. Как правовой институт экологический комплаенс в значительной мере обусловлен частноправовыми элементами.

2. Экологический комплаенс как институт публичного права

Комплаенс — практика создания алгоритма действий, направленного на снижение эколого-правовых рисков и непрерывное улучшение процессов внутри компании для все более точного соблюдения требований, имеет много общего с институтом государственного контроля (надзора). Причем не только в российской, но и в зарубежной практике. Комплаенс служит инструментом экологического контроля и частных субъектов, и государства; в целом он понимается как обеспечение соответствия деятельности любых субъектов требованиям законодательства [Metzenbaum S. H., 2015: 2].

В России идеи экологического комплаенса продолжают идеи реформы контрольно-надзорной деятельности, в частности, внедрения риск-ориентированного подхода в государственном контроле (надзоре). В 2021 году законодатель полностью изменил модель контроля (надзора) по сравнению с Законом о защите прав лиц при проведении контроля¹⁹. В частности, он систематизировал цикл контрольно-надзорной деятельности. Это обеспечило непрерывную оптимизацию правового регулирования за счет обобщения правоприменительной практики по итогам профилактических и контрольно-надзорных мероприятий с анализом причин правонарушений и средств их недопущения, вплоть до инициирования пересмотра обязательных требований (пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 45 Закона о государственном контроле (надзоре)²⁰).

Помимо этого новый Закон о государственном контроле (надзоре) поставил в приоритет профилактическую деятельность, закрепив в рамках принципа стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований приоритет профилактических мероприятий перед контрольно-надзорными (ч. 1 ст. 8). Этот принцип идейно родственен экологическому комплаенсу как правовому институту, так как последний означает создание внутри контролируемого лица системы мер профилактики экологических правонарушений. Установление такого при-

---

¹⁹ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

²⁰ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007 (далее – Закон о государственном контроле (надзоре)).

оритета в качестве одного из принципов государственного контроля (надзора) создает правовую основу развитию экологического комплаенса в структуре правового регулирования государственного контроля (надзора), а значит, и признанию профилактической деятельности, которую осуществляют контролируемые лица.

Эти положения Закона в части акцента на профилактику стали революционными относительно прежней модели государственного контроля (надзора). До принятия Закона (в 2019 году) исследователи из Института проблем правоприменения при Европейском университете отмечали, что российские контрольно-надзорные органы редко применяют профилактические меры, особенно в сравнении с зарубежными органами, что в том числе демонстрировал и тот факт, что российские органы обнаруживали нарушения более чем в три раза чаще американских коллег. При этом из данных, свидетельствующих о росте количества проверок по поручениям государственных органов, исследователи выводили снижение роли профилактики в рамках института проверки и усиления роли государственных санкций и чрезвычайного реагирования [Кучаков Р.К., 2020: 5, 8].

Приоритет профилактики — не единственная точка пересечения экологического комплаенса и государственного экологического контроля (надзора). Нельзя обойти стороной вопрос о содержании требований, соответствие которым обеспечивают механизм государственного контроля (надзора) и экологический комплаенс. Механизм государственного контроля (надзора) направлен на минимизацию риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, вызванного нарушениями обязательных требований—ст. 1 Закона о государственном контроле (надзоре).

Обязательные требования – это содержащиеся в нормативных правовых актах требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы (ст. 1 Закона об обязательных требованиях²¹).

Требования, в соответствии с которыми выстраивается деятельность в компании, служат одним из значимых элементов системы экологического комплаенса. Общая практика: считать такими требованиями

---

²¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006 (далее — Закон об обязательных требованиях).

нормы законодательства. Этот подход, отраженный в Законе о защите конкуренции применительно к антимонопольному комплаенсу, присутствует в российской и зарубежной доктрине [Metzenbaum S.H., 2015]; [Абрамов В.Ю., 2020]; [Макарова О.А., 2020].

Несоблюдение обязательных требований влечет публично-правовые последствия в рамках государственного контроля (надзора), административной ответственности, в лицензировании и иных разрешениях, аккредитации (ч. 1 ст. 1 Закона об обязательных требованиях). Оно же может привести и к применению мер гражданско-правовой ответственности — например, в виде компенсации экологического вреда (нормы п. 1.2 ст. 77 и п. 2 78 Закона об охране окружающей среды²² отнесены к обязательным требованиям²³) или взыскания платы за негативное воздействие на окружающую среду (п. 1 ст. 16, ст. 16.1-16.5 Закона об охране окружающей среды также отнесены к обязательным требованиям²⁴). Квалификация деяния природопользователя как не соответствующего обязательным требованиям охватывает почти весь спектр негативных эколого-правовых последствий, т.е. предопределяет наступление большинства рисков, на предупреждение которых направлен экологический комплаенс. При таком подходе требования, соответствие которым обеспечивает система экологического комплаенса, могут быть тождественны понятию обязательных требований.

Однако есть и иное мнение. Некоторые исследователи придерживаются более широкого подхода к описанию требований, соответствие которым обеспечивает система комплаенса. Так, В.Ф. Попондопуло и Д.А. Петров относят к ним, в частности, правоприменительную практику, макроэкономические параметры [Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., 2019: 20] Аналогичного взгляда придерживаются в том числе зарубежные ученые [Orozco D., 2019: 251], относя к таким требованиям принципы ESG (Принципы экологического, социального и корпоративного управления в бизнесе, которые способствуют устойчивому развитию), добровольные стандарты, общие принципы корпоративного управления, судебную практику и правоприменительную практику органов.

Автор настоящей работы придерживается широкого взгляда на комплаенс, относя к элементам, на соответствие которым выстраивается комплаенс, не только нормативные акты, в том числе содержащие

---

²² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС Консультант Плюс (далее — Закон об охране окружающей среды).

²³ Приложение 1 к приказу Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 30.12.2020 № 1839. Available at: URL: <https://rpn.gov.ru/documents/requirements/> (дата обращения: 07.05.2024)

²⁴ Там же.

обязательные требования, но и индивидуально-правовые акты и иные ненормативные акты контролирующих органов, а также правоприменительную практику (в том числе практику контролирующих органов и судов), имеющую большое значение в сфере охраны окружающей среды. Возможность учесть более широкий перечень актов при обеспечении соблюдения обязательных требований была отражена и в Законе об обязательных требованиях — контролируемые лица вправе строить деятельность в том числе в соответствии с официальными разъяснениями обязательных требований и руководствами по соблюдению обязательных требований (ч. 3 и ч. 7 ст. 14), при этом деятельность в соответствии с такими разъяснениями и руководствами не может быть квалифицирована как нарушение обязательных требований (ч. 3 и ч. 9 ст. 14). Однако все эти акты поддерживают и упрощают соблюдение именно обязательных требований, которые в любом случае служат основным видом требований, соответствие которым обеспечивает экологический комплаенс.

Помимо правового регулирования приоритета профилактики в качестве основополагающего принципа контрольно-надзорной деятельности, а также общей как для механизма государственного контроля (надзора), так и для экологического комплаенса направленности на соблюдение обязательных требований, Закон о государственном контроле (надзоре) упоминает также отдельные элементы экологического комплаенса. Так, внедрение экологического комплаенса может быть учтено при определении категории риска объекта в рамках оценки добросовестности контролируемых лиц и воплощено в критериях отнесения объектов контроля к категориям риска. Среди обстоятельств, которые учитываются при определении добросовестности контролируемых лиц, указаны, в частности, реализация контролируемым лицом мер к снижению риска причинения вреда (ущерба) и предотвращению вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, наличие внедренных сертифицированных систем внутреннего контроля в соответствующей сфере деятельности, а также независимая оценка соблюдения обязательных требований — пп. 1–2, 4 ч. 4 ст. 23 Закона о государственном контроле (надзоре).

Еще одна возможность учесть внедренную организациями систему экологического комплаенса в рамках государственного контроля (надзора) заложена на уровне Закона о государственном контроле (надзоре) в перечне профилактических мероприятий. Так, одним из видов профилактических мероприятий являются мероприятия, направленные на нематериальное поощрение добросовестных контролируемых лиц (меры стимулирования добросовестности). Перечень таких мер не ограничен

и определяется положением о виде контроля, а при оценке добросовестности контролируемых лиц могут учитываться те же сведения, что и при формировании критериев отнесения объектов контроля к категории риска и о которых сказано выше — ч. 3 ст. 48 Закона о государственном контроле (надзоре).

Поскольку в публичном праве нередко устанавливаются принудительные правила только для частных лиц и при этом игнорируются экономические законы [Иванов А.А., 2017: 7], чрезмерное регулирование экологического комплаенса публичными нормами сопряжена с рисками ограничения хозяйственной деятельности и снижения конкурентоспособности российских компаний.

Зарубежные исследователи обращают внимание, что комплаенс — это не исключительно инструмент государственного воздействия на компании; такое мнение — следствие слабого теоретического осмысления комплаенса как правового явления. В то же время и четырехзвенная модель комплаенса, в основе которой лежит цикл Деминга-Шухарта (планирование-действие-проверка-корректировка, алгоритм управления процессами и достижения цели организации), является не смыслообразующей, а упрощающей анализ комплаенса [Orozco D., 2019: 246]. О междисциплинарности комплаенса пишут также и российские исследователи, уточняя, что он не сводится только к набору управленческих процессов и формальных стандартов [Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А., 2020: 106].

Хотя законодатель заложил в Законе о государственном контроле (надзоре) разнообразные возможности учета внедрения экологического комплаенса организациями, неверно сводить экологический комплаенс исключительно к сфере публичного права, тем более что проникновение публично-правовых элементов в правовое регулирование экологического комплаенса сопряжено со значительными экономическими рисками.

3. Влияние публикации частного права на экологический комплаенс

В Законе об охране окружающей среды закреплен ее правовой механизм, включающий организационные и экономические инструменты, выраженные преимущественно посредством публичных норм. Сохранение благоприятной природной среды напрямую связано с защитой других охраняемых Конституцией России ценностей — жизни и здоровья. «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации» именно как «основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», а право на

благоприятную окружающую среду обусловлено в том числе возможностью компенсации вреда здоровью, причиненного экологическим правонарушением (ст. 9, 42 Конституции).

Однако даже в условиях преобладания публичных норм наблюдается проникновение публично-правовых элементов в частноправовые институты (публицизация частноправовых институтов, в том числе непосредственно связанных с экологическим комплаенсом). Так, Постановлением Правительства России № 2200 «О проведении эксперимента по консультированию о соответствии деятельности, планируемой к осуществлению при реализации инвестиционных проектов юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, требованиям законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — Постановление № 2200) был введен эксперимент с консультированием инвестиционных проектов бизнеса в части соблюдения экологических требований.

Консультирование осуществляется по заявке в форме направления консультируемым лицам мотивированного мнения о соблюдении обязательных требований, при этом может включать довольно глубокое исследование деятельности контролируемого лица – вплоть до осмотра территории и акватории, экспертизы, отборов проб (п. 11, 12, пп. «и» и «з» п. 13 и п. 14 Постановления № 2200).

В качестве целей эксперимента в Постановлении были обозначены, в частности:

Консультирование о соответствии деятельности, планируемой к осуществлению или осуществляемой при реализации инвестиционных проектов консультируемыми лицами, требованиям законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования (пп. «а» п. 2).

Внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении, ориентация на постоянное изучение и удовлетворение потребностей консультируемых лиц (пп. «б» п. 2).

Снижение количества нарушений обязательных требований, допускаемых консультируемыми лицами, повышение информированности консультируемых лиц о действующих обязательных требованиях (пп. «г» п. 2).

Оценка результативности и удобства консультирования для консультируемых лиц (пп. «е» п. 2).

Формирование методических и организационных условий для консультирования (пп. «ж» п. 2).

Цели, аналогичные целям из пп. «а» и «г» Постановления № 2200, преследует и внедрение экологического комплаенса. При этом в качестве индикаторов результативности эксперимента значится оценка не отсут-

ствия нарушений обязательных требований и требований о возмещении экологического вреда, а динамика количества таких нарушений и размера возмещений (пп. «в» и «г» п. 7 Постановления), которые также являются индикатором оценки пользы внедрения в компании экологической комплаенс-системы.

Согласно Постановлению № 2200 эксперимент длился до 31.12.2023 года. По итогам данного эксперимента принято решение о распространении такой практики на другие контролирующие органы (п. 4 преамбулы). В целом введение экспериментальной разновидности государственных услуг является продолжением новой философии государственного и муниципального управления, которая включает «открытое управление и организацию контрольно-надзорной деятельности, основанную на выстраивании полноценной партнерской и сервисной модели такой деятельности» [Спиридонов А.А., 2023: 5].

Однако в данном случае речь приходится вести о проникновении публично-правовых элементов в частное право в разрезе экологического комплаенса, принимая во внимание не только обозначенные цели проведения эксперимента (особенно пп. «б», «е» и «ж» п. 2 Постановления № 2200), но и заявления официальных лиц относительно перспектив развития данной услуги. Так, С.Г. Родионова, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, заявила, что мотивированные мнения освободят компании от необходимости обращаться за аналогичными услугами ко внешним консультантам²⁵, что, конечно, говорит о расширении государственного участия на рынке экологического комплаенса и перспективе ограничении конкуренции на нем. Это сопряжено с риском превращения этого экспериментального института в аналог «административной ренты», рынок навязанных услуг [Голодникова А.Е., Ефремов А. А. и др., 2018: 51]²⁶.

---

²⁵ По мнению С.Г. Родионовой, «благодаря этой мере также удастся сэкономить на различного рода консультационных услугах в сфере ESG, результаты которых не всегда соответствуют требованиям закона и государственной политики». Однако, как известно, качество услуг повышает расширение не государственного участия, а конкуренции. Available at: URL: <https://t.me/radionovag/45> (дата обращения: 28.11.2023)

²⁶ Аналогична ситуация в сфере технического регулирования. Так, возможность отступления от установленных «обязательных» требований посредством разработки и согласования с уполномоченными органами специальных технических условий, т.е. установления к объекту индивидуальных «обязательных» требований, отличных от существующих, вылилась в поддержание в неактуальном и нерабочем состоянии якобы обязательной для применения нормативно-технической базы. Это привело к формированию рынка навязанных платных обязательных услуг органами, осуществляющими экспертизу проектной документации и не желающими брать на себя ответственность, связанную с согласованием проектных решений, не нашедших отражения в нормативно-технической документации (в частности, разработка специальных технических условий).

4. Приватизация публичного права и экологический комплаенс

Некоторые исследователи приводят новый институт государственного контроля (надзора) как пример проникновения элементов частного права в публичное право (приватизации публичного права) ввиду внедрения ряда элементов частноправового характера [Кванина В.В., 2022: 117–119]. Например, приоритет профилактических мероприятий над контрольно-надзорными как принцип стимулирования добросовестности; использование термина «добросовестность» как такового; необходимость учета при определении критериев оценки риска добросовестности контролируемых лиц, которая выражается во внедрении множества частноправовых элементов; наличие внедренных сертифицированных систем внутреннего контроля в соответствующей сфере деятельности; независимая оценка соблюдения обязательных требований и иные (предусматривающие частноправовые договорные отношения)

Содержательно экологический комплаенс имеет пересечение с институтом государственного экологического контроля (надзора) в части таких элементов. Экологический комплаенс направлен на предупреждение правонарушений, предполагает преимущественное проведение профилактических мероприятий, в чем повторяет идеи новой модели государственного контроля (надзора — ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 8 Закона о государственном контроле(надзоре). Экологический комплаенс имеет потенциал заменить экологический контроль (надзор) в части внедрения самообследования (разновидности профилактических мероприятий, предусмотренных ст. 51 Закона о государственном контроле (надзоре)²⁷).

Так, самообследование может заменить контрольно-надзорные мероприятия для объектов отдельных категорий риска, обеспечив индивидуализацию публично-правового регулирования. В частности, для объектов умеренного и низкого риска — объектов III и IV категории негативного воздействия на окружающую среду, согласно пп. «в» и «г» п. 1 Приложения к Постановлению № 1096, на которые распространяется меньше всего экологических обязательных требований и последствия нарушения которых незначительны в сравнении с объектами I и II категорий негативного воздействия на природу.

Самообследование — самостоятельная оценка лицом соблюдения им обязательных требований. Процедура может проводиться в автоматизированном режиме либо посредством заполнения проверочных

---

²⁷ В настоящее время самообследование не предусмотрено в качестве профилактического мероприятия в государственном экологическом контроле. См. п. 16 Постановления Правительства РФ от 30.06.2021 № 1096 «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» (далее — Постановление № 1096).

листов (ответов на вопросы, на основании обобщения которых контролируемое лицо делает вывод о соответствии или несоответствии его обязательным требованиям)²⁸. Процедуры, регламенты и проведение регулярного аудита соблюдения требований – неотъемлемые элементы экологического комплаенса, т.е. субъекты экологического комплаенса уже осуществляют аналог самообследования, за исключением сообщения его результатов контролирующим органам.

Введение такого инструмента означало бы внедрение на уровне правового регулирования государственного контроля (надзора) экологического комплаенса по модели оптимизации [Holdsworth D.G., 2012: 90]. В этой модели контролируемым лицам не диктуются жесткие параметры соответствия обязательным требованиям (количественные показатели, цифровые значения и пр.), а уровень обеспечения соответствия деятельности обязательным требованиям привязывается к объему издержек общества и государства на восстановление природной среды и восстановления здоровья из-за несоответствия деятельности компаний обязательным требованиям. Однако эта модель, хотя и актуальна в контексте участвовавших споров о необходимости внедрения в государственное управление охраной природы концепции экосистемы услуг²⁹ («мы не можем сохранить то, что мы не можем измерить, оценить, в том числе в деньгах»), пока является все же футуристической. Так, критерии риска объектов экологического контроля (надзора) привязаны к критериям объектов негативного воздействия на окружающую среду, при этом критерии таких объектов не оценивают действительного объема воздействия на природу, а закрепляют как раз количественные показатели, не всегда объективно свидетельствующие об уровне воздействия [Бобылев С. Н., Захаров В.М., 2009: 12]³⁰.

²⁸ Приложение 1 к Приказу МАДИ от 28.08.2023 № 78-15-248/23 «Об утверждении способа и процедуры самообследования, а также методических рекомендаций самообследования контролируемых лиц, осуществляющих деятельность в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси на территории города Москвы» //СПС Консультант Плюс.

²⁹ Выступление С.Н. Бобылева на стратегической сессии «Глобальные тренды устойчивого развития и ESG...

Экосистемные услуги (узкая трактовка) — функции экосистем, обеспечивающие экономические выгоды потребителей этих услуг, базирующихся на обеспечении природой различного рода регулирующих функций.

³⁰ Например, к объектам IV категории объектов негативного воздействия на окружающую среду относится осуществление на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду, хозяйственной и (или) иной деятельности исключительно для целей питьевого, хозяйственно-бытового водоснабжения и (или) технического водоснабжения (с объемом добычи менее 500 м³ в сутки), п. 10 Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий».

Во многом публикация в контексте экологического контроля (надзора) и комплаенса имеет ограниченный характер, она заблокирована ведомствами, ответственными за разработку регулирования экологического контроля (надзора) как отдельного вида государственного контроля, так как большинство прогрессивных элементов экологического комплаенса с частноправовым содержанием не предусмотрены в Постановлении № 1096.

Так, принцип приоритета профилактических мероприятий перед контрольно-надзорными не был оформлен в самом очевидном своем воплощении — регулировании случаев и оснований замены контрольно-надзорных мероприятий профилактическими. Возможность такой замены отражена в Постановлении Правительства России № 336³¹, но только в рамках введения особого режима контрольно-надзорной деятельности на территории страны и тоже ограничено — орган вправе, но не обязан отменить плановую проверку, если инициированный контролируемым лицом профилактический визит проведен не менее чем за три месяца до проведения планового контрольно-надзорного мероприятия (п. 11.3). При этом профилактические мероприятия являются скорее дополнительным основанием контроля (так как сведения, выявленные по результатам профилактики, могут стать основанием для проведения внепланового мероприятия).

При определении критериев оценки риска в экологическом контроле (надзоре) не была принята во внимание добросовестность контролируемых лиц. В Постановлении № 1096 не предусмотрены ни одна из форм независимой оценки соблюдения обязательных требований — ни признание результатов независимой оценки соблюдения обязательных требований, ни членство в саморегулируемых организациях — гл. 11 Закона о государственном контроле(надзоре). Также не предусмотрено ни внедренных сертифицированных систем внутреннего контроля в соответствующей сфере деятельности, ни добровольной сертификации, подтверждающей повышенный необходимый уровень безопасности охраняемых законом ценностей, ни тем более заключения контролируемым лицом со страховой организацией договора добровольного страхования рисков причинения вреда (ущерба). Не нашло отражения в положении о государственном экологическом контроле (надзоре) и упомянутое самообследование как разновидность профилактического мероприятия — ст. 51 Закона о государственном контроле (надзоре).

---

³¹ Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля».

Ввиду ограниченности применения на уровне регулирования инструментов экологического комплаенса сфера экологического контроля (надзора) во многом остается в традиционном публично-правовом русле и менее подвержена проникновению элементов частного права.

Заключение

Экологический комплаенс является комплексным правовым институтом, который не сводится исключительно к экологическому, корпоративному правовому регулированию, государственному контролю за соблюдением обязательных требований или иному правовому регулированию; он образует системную практику обеспечения соответствия деятельности организаций требованиям и параметрам в целях снижения риска возникновения негативных правовых и иных, вытекающих из них последствий.

При нынешнем состоянии правового регулирования государственного экологического контроля (надзора) и охраны природы экологический комплаенс в большей степени является институтом частного права, оставаясь практикой социально ответственных компаний, принимающих дополнительные меры к предупреждению экологических правонарушений по собственной инициативе и за свой счет при отсутствии государственных преференций и иных стимулирующих мер.

В то же время экологический комплаенс в российском праве соответствует идеям, заложенным в новой модели государственного контроля (надзора) и в будущем может быть институционализирован в ее рамках. Однако имманентно присущая ему значительная доля частноправовых элементов в любом случае должна быть принята во внимание при построении правового регулирования экологического комплаенса в российском праве.

Список источников

1. Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: Практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2020. 172 с.
2. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Экосистемные услуги и экономика. М.: Центр экологической политики, 2009. 72 с.
3. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. О формировании антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106–128.

4. Голодникова А.Е., Ефремов А.А. и др. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего. М.: Центр стратегических разработок. 2018. 192 с.
5. Дубовик Д.М. Экологический комплаенс как инструмент развития «зеленого» предпринимательства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4. С. 39–44.
6. Иванов А.А. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 2. С. 46–59.
7. Казакова Н.А., Когденко В.Г. Мониторинг основных параметров экологической безопасности промышленного производства // Экология и промышленность России. 2021. № 3. С. 60–65.
8. Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. М: Институт Гайдара. 2021. 328 с.
9. Кванина В.В, Макарова Т.И. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 1. С. 95–101.
10. Кванина В.В. Преимущества и недостатки конвергенции частного права в контрольно-надзорную деятельность как института публичного управления // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 114–126.
11. Кучаков Р.К. Реформа контрольно-надзорной деятельности в России в 2016–2020 гг. Промежуточные итоги. 2020. Вып. 4. 12 с.
12. Макарова О.А. Корпоративный комплаенс: как много в этом слове.... // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 59–65.
13. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А.. Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений. М: Юрист, 2019. 224 с.
14. Спиридонов А.А. Перспективы развития открытого государственного управления и общественного контроля: конституционно-правовой взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 33–44.
15. Хассо Х. Различение публичного и частного права: к вопросу о греко-римском наследии европейской правовой науки // Дайджест публичного права Института Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву. 2019. № 2. Выпуск 8. С. 156–191.
16. Holdsworth D.G. Environmental Compliance by Industry. Encyclopedia of Applied Ethics. Vol. 2. San Diego: Academic Press, 2012, pp. 88–96.
17. Metzenbaum S.H. Environmental Compliance and Enforcement Measurement: Why, What, and How? Discussion Paper for the Penn Program on Regulation’s International Expert Dialogue on Defining and Measuring Regulatory Excellence. University of Pennsylvania Law School, 2015, 22 p.
18. Orozco D. A Systems Theory of Compliance Law. University of Pennsylvania Journal of Business Law, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 244–302.

References

1. Abramov V.Y. (2020) Guide to applying compliance control in business activity. Moscow: Yusticinform, 172 p. (in Russ.)

2. Bobylev S.N., Zaharov V.M. (2009) Ecosystem services and economics. Moscow: Russian Environmental Policy Center Press, 72 p. (in Russ.)
  3. Dubovik D.M. (2022) Environmental compliance as a tool for the development of green entrepreneurship. *Teoreticheskaya i prikladnaya jurisprudenciya*=Theory and Applied Jurisprudence, no. 4, pp. 39–44 (in Russ.)
  4. Garmaev Yu. P., Ivanov E.A., Markuntcov S.A. (2020) Formation of anti-corruption compliance in the Russian Federation. *Pravo. Zhurnal Vyssheyshkolyeekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 4, pp. 106–128 (in Russ.)
  5. Golodnikova A. E., Efremov A. A. et al. (2018) Regulatory policy in Russia: main trends and architecture of the future. Moscow: The Center for Strategic Research Press, 192 p. (in Russ.)
  6. Hasso H. (2019) Distinction between public and private law: on the issue of the Greco-Roman heritage of European legal science. *Max Plank Institute Law Digest*, no. 2, pp. 156–191.
  7. Holdsworth D.G. (2012) Environmental Compliance by Industry. In: *Encyclopedia of Applied Ethics*. Vol. 2. San Diego: Academic Press, pp. 88–96.
  8. Ivanov A.A. (2017) Issues of public law in Russia: an outside view. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*=Bulletin of Economic Justice, no. 2, pp. 46–59 (in Russ.)
  9. Kazakova N.A, Kogdenko V.G. (2021) Monitoring main parameters of environmental safety of industrial production. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*=Ecology and Russian Industry, no. 3, pp. 60–65 (in Russ.)
  10. Kapra F., Mattei U. *Ecology of law. Towards a legal system in harmony with nature and society*. Moscow: Institut Gaydara. 328 p. (in Russ.)
  11. Kvanina V.V, Makarova T.I. (2020) Environmental compliance in the system of legal environmental protection. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*=Journal of Belorussian State University. Law, no. 1, pp. 95–101 (in Russ.)
  12. Kvanina V.V. (2020) Advantages and disadvantages of the convergence of private law with control and supervisory activities of public administration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*=Bulletin of Tomsk State University. Law, no. 44, pp. 114–126 (in Russ.)
  13. Kuchakov R.K. (2020) Reform of control and supervisory activities in Russia in 2016–2020. *Interim Results*, issue 4, 12 p. (in Russ.)
  14. Makarova O.A. (2021) Corporate compliance: how much there is in this word... *Predprinimatel'skoe pravo*=Business Law, no.1, pp. 59–65 (in Russ.)
  15. Metzenbaum S.H. (2015) Environmental compliance and enforcement measurement: why, what, and how? Discussion paper. University of Pennsylvania Law School, 22 p.
  16. Orozco D. (2019) A system theory of compliance law. *University of Pennsylvania Journal of Business Law*, vol. 22, no. 1, pp. 244–302.
  17. Popondopulo V.F., Petrov D.A. (2019) *Antimonopoly compliance as a tool for preventing violations*. Moscow: Yurist, 224 p. (in Russ.)
  18. Spiridonov A.A. (2023) Prospects for development of open public administration and public control: a constitutional view. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*=Issues of Russian Law, no. 5, pp. 34–44 (in Russ.)
-

Информация об авторе:

П. В. Позднякова –преподаватель.

Information about the author:

P.V. Pozdnyakova — Lecturer.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 05.03.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted to editorial office 20.11.2023; approved after reviewing 05.03.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Научная статья

УДК: 347.191.4

JEL: K15

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.53.79

О требованиях к членам органов управления хозяйственных обществ

Игорь Алексеевич Косякин

Акционерное общество «Концерн «Созвездие», Россия 394018, Воронеж, Плехановская ул., 14,
ikos5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1732-7558>

Аннотация

Система требований к членам органов управления включает элементы, активно обсуждаемые в доктрине в последнее время. Исследование социально-групповых квот в коллегиальных органах управления является актуальным. В российском законодательстве и судебной практике до сих пор не решен вопрос о возможности квалификационных требований к лицам, входящим в состав органов управления. Предметом исследования в настоящей статье являются элементы системы требований к членам органов управления, вызывающие наибольшее число споров в науке и практике, — квалификационные требования (к стажу, образованию, деловым качествам) и квоты в коллегиальных органах управления, за счет которых устанавливаются требования к части мест. Используя общенаучные (анализ, синтез) и специальные юридические (историко-правовой, сравнительно-правовой, юридико-догматический, социологический) методы, автор выдвигает следующие гипотезы: поскольку по своей правовой природе отношения директора и общества являются гражданско-правовыми, последнее свободно в определении того, какими качествами должны обладать члены его органов (как и его контрагенты либо представители); вместе с тем возможно публично-правовое вмешательство путем квотирования мест в коллегиальном органе управления различными способами (установление квот для социальных групп, участие работников в управлении, включение представителей государства по «золотой акции», квотирование миноритарных акционеров и введение независимых директоров). В статье обосновывается соотношение необходимости квалифицированного управления и корпоративной демократии, оцениваются различные основания введения квот

(как в общем, так и применительно к российскому корпоративному управлению), предлагается применение лучших практик корпоративного управления (введение «идеальной процедуры избрания», «подталкивание» посредством описания лучших практик, включение лиц, не являющихся членами совета директоров, в комитеты совета директоров либо создание отдельных совещательных органов). Выдвигаются параметры, с помощью которых можно проверить обоснованность введения квоты и ее влияние на заинтересованных лиц хозяйственного общества.

Ключевые слова

акционерное общество; директор; квалификационные требования; квоты в органах управления; кодeterminация; корпоративная демократия; лучшие практики корпоративного управления; общество с ограниченной ответственностью.

Для цитирования: Косякин И.А. О требованиях к членам органов управления хозяйственных обществ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 53–79. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.53.79

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

Research article

On the Qualifications of the Corporate Directors

Igor A. Kosyakin

Concern Sozvezdie, 14 Plekhanovskaya Str., Voronezh 394018, Russia,
ikos5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1732-7558>

Abstract

The system of requirements to members of bodies of a legal entity includes elements, actively discussed in science recently. Social quotas in boards' research are relevant. In Russian legislation and judicial practice, the issue of possibility of qualifications for members of bodies of a legal entity is still not resolved. Subject of research is elements of the system of requirements to members of bodies of a legal entity, most controversial in science and legal practice — qualifications (experience, education, and business qualities) and quotas in boards, due to which requirements are established to some of the seats. Using general research (analysis, synthesis) and special legal means (historical legal, comparative legal, dogmatic, sociological) methods, the author puts forward the following hypothesis: Because by legal nature the relations between director and legal entity is civil, latter is free to determine, what business qualities should be possessed by members of bodies (as well as counterparties and representatives). At the same time, state intervention is possible — through quotas in boards in various ways (quotas for members of social groups; codetermination; including the government representatives by virtue of “golden share”, quotas for minority shareholders and insertion of independent directors. In the article the relationship between the need for qualified management and

the corporate democracy is proposed. Various reasons for introducing quotas are being assessed (in world context and in context of Russian corporate governance). Application of corporate governance best practices is proposed (introduction of an “ideal election procedure”, “nudging” through description of best practices, inclusion of persons, who are not members of board, in the board committees, or creation of separate advisory bodies). Parameters are put forward with which possible to check reasonableness for introducing a quota and its impact on stakeholders.

Keywords

codetermination; corporate democracy; corporate governance best practices; director; joint-stock company; limited liability company; qualifications; quotas in boards.

For citation: Kosiakin I.A. (2024) On the Qualification of the Corporate Directors. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol.17, no. 4, pp. 53–79 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.53.79

Введение

Проблеме соотношения профессионализма и демократии в управлении — тысячи лет. Это общая проблема публичной власти и корпораций: как избрать достойнейшего кандидата на выборную управленческую должность, при этом адекватно отразив волеизъявление народа (или акционеров). Ведь идеи управления корпорацией формировались в тесной связи с идеями наилучшего устройства публичной власти.

Предмет настоящего исследования — основные требования, которые выдвигаются к членам органов управления хозяйственных обществ и содержатся в законодательстве, судебной практике, актах лучшей практики корпоративного управления, уставах и внутренних документах хозяйственных обществ. Вместе с тем интерес для исследования имеют те из требований, которые носят дискуссионный характер. Это установление квалификационных требований (более актуальное для российской науки и юридической практики) и квотирование мест в коллегиальных органах (обсуждаемое в мировой науке).

Исследование построено на материале Российской Федерации и юрисдикций, породивших собственные модели корпоративного управления (Великобритания, США на примере штата Делавэр и Модельного закона о коммерческих корпорациях, Германия, Франция), при необходимости привлечен также материал иных стран.

1. Требования к членам органов управления в науке

Что входит в систему требований к членам органов управления? Такие требования могут устанавливаться на законодательном уровне ко всем

лицам, входящим или желающим войти в состав органа управления. Это возраст либо дееспособность и публично-правовые ограничения (запрет в силу приговора суда, решения суда о дисквалификации либо, в редких случаях, административных актов¹). К последним примыкают требования об отсутствии банкротства в течение определенного времени, хотя, на наш взгляд, это рудименты имевшего место в XIX веке имущественного ценза.

Далее, сами юридические лица в большинстве рассматриваемых в статье юрисдикций вправе устанавливать требования к лицам, входящим в состав органов управления. Как правило, это образование, опыт работы, деловые качества. К некоторым видам юридических лиц такие требования устанавливаются законодательством.

С целью выравнивания положения тех или иных социальных групп государство вмешивается в состав органов управления юридического лица, рекомендуя поддерживать разнообразие групп либо даже напрямую вводя квоты. То же касается стейкхолдеров — субъектов, заинтересованных в положении хозяйственного общества (и наоборот, на чье положение общество также оказывает влияние). Возможно как прямое квотирование в интересах миноритарных акционеров, так и введение требований к независимым директорам, лишенным связи с наиболее крупными стейкхолдерами. На стыке квот для социальных групп и для стейкхолдеров находится практика кодeterminации — участия работников в корпоративном управлении, в том числе путем выделения им мест в коллегиальных органах.

Тем самым система включает: требования на уровне закона (возраст/дееспособность, публично-правовые ограничения), квалификационные требования на уровне устава, гораздо реже — закона (образование, опыт, деловые качества), квоты в коллегиальных органах управления. При этом к квотируемым местам могут как предъявляться, так и не предъявляться квалификационные требования.

В современной российской доктрине дискуссия сосредоточена на принципиальной возможности установления системы требований на уровне устава, при этом попутно обсуждается вопрос о квалификационных требованиях. И.С. Шиткина поддерживает возможность закрепления дополнительных требований «к членам совета директоров и других органов управления и контроля, поскольку это позволило бы обществу обеспечивать качественный состав его органов». При этом такие требования не должны носить дискриминационный характер [Шиткина И.С.,

---

¹ Например, пп. «ф» п. 1 ст. 23 фактически препятствует лицу, которое в течение трех предыдущих лет контролировало (более 50% акций / долей либо имело право выступать без доверенности) юридическое лицо, исключенное из единого государственного реестра юридических лиц как недействующее при задолженности перед бюджетами или недостоверности сведений о таком лице, осуществлять функции единоличного исполнительного органа другого юридического лица.

2022: 56–57] — т.е. сами требования могут быть сведены исключительно к публично-правовым ограничениям и деловым качествам. К аналогичным выводам приходят К.Ю. Чугунова [Чугунова К.Ю., 2020: 10, 116–124] и О.А. Макарова [Макарова О.А., 2016: 138–139, 156].

С.Д. Могилевский применительно к совету директоров общества с ограниченной ответственностью (ООО) полагает, что уставом могут быть предусмотрены любые ограничения, вплоть до имущественного ценза (по признаку владения долями общества) [Могилевский С.Д., 2010: 328]. Противоположную позицию формулирует А.А. Глушецкий: «Следует признать, что в соответствии со складывающейся практикой дополнительные требования к кандидатам в органы общества, установленные в уставе или внутреннем документе общества — это рекомендация акционерам, а не обязательное требование» [Глушецкий А.А., 2019: 22–35]. Г.В. Цепов отмечает, что «в условиях российской действительности подобные ограничения крайне опасны, ибо миноритарные акционеры рискуют остаться в совете директоров без своего представителя» [Цепов Г.В., 2006: 171]. О.В. Осипенко, анализируя судебную практику, приходит к выводу, что требования могут быть установлены лишь в качестве «крайне желательных» либо — в отношении дочерних обществ в документах основного общества [Осипенко О.В., 2018: 330].

Поскольку в большинстве анализируемых в статье юрисдикций право установления квалификационных требований к членам органов управления не подлежит сомнению, мировая наука сконцентрировалась в первую очередь на исследованиях того, как тот или иной фактор влияет на качество управления (например, влияет ли на эффективность компании наличие у членов совета директоров отраслевой экспертизы, в том числе из компаний-контрагентов, опыта работы в исполнительных органах [Dass N., Kini O. et al., 2014: 1533–1592], экспертизы в сфере устойчивого развития [Iliev P., Roth L., 2023: 3–50]).

Квоты «недопредставленных меньшинств» в коллегиальных органах управления только начинают исследоваться в российской доктрине [Шиткина И.С., 2021: 92]. Ученые-экономисты, исследуя влияние гендерных квот на результаты компании, также затрагивают правовые аспекты проблемы [Макушина Е.Ю., Евсиков Н.А., 2021: 140–158]. Отдельно следует отметить, что с кризисом 2008–2009 гг. активизировалось исследование кодeterminации [Молотников А.Е., 2010: 2–8]; [Копылов Д.Г., 2012: 10, 90–95], в последнее время не столь активное. В мировой науке имеются исследования, посвященные влиянию видов квот на качество управления (см. раздел 3). Особенно следует отметить монографию Дж. Аддисона [Addison J.T., 2010], посвященную экономическим аспектам кодeterminации.

Настоящее исследование концентрируется на наиболее проблемных вопросах установления требований к членам органов управления —

квалификационных требованиях (раздел 2) и квотах в коллегиальных органах (раздел 3).

2. Квалификационные требования

Как правило, сейчас на уровне гражданского кодекса/закона о организационно-правовой форме юридического лица не установлено минимальных квалификационных требований ко всем директорам — как членам исполнительных органов, так и членам коллегиальных органов управления. В России действует ряд законодательных требований к единоличным исполнительным органам отдельных юридических лиц: члена саморегулируемой организации², кредитной организации³, субъекта страхового дела⁴, страховой организации,⁵ центрального депозитария⁶, клиринговой организации⁷, организатора торговли⁸.

² Высшее образование «соответствующего профиля», стаж не менее 5 лет (п. 6 ст. 55.5 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ. Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (дата обращения: 21.10.2024)

³ Высшее образование, не менее 2 лет руководства кредитными или некредитными финансовыми организациями, отделами и подразделениями кредитных организаций, связанными с осуществлением банковских операций (ст. 14, 16 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 21.10.2024). При этом руководителю небанковской кредитной организации, осуществляющей переводы без открытия банковских счетов и связанные с ними операции, требуется только высшее образование.

⁴ Высшее образование, «признаваемое в Российской Федерации», не менее двух лет руководства подразделением субъекта страхового дела иной финансовой организации (пункт 1 ст. 32.1 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁵ Высшее образование, «признаваемое в Российской Федерации», не менее 2 лет руководства кредитной организацией, некредитной финансовой организацией, структурным подразделением финансовой организации, либо стажа работы на руководящих должностях в органах государственной власти, органе страхового надзора (п. 1 ст. 32.1 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁶ Высшее образование, квалификационный аттестат в сфере депозитарной деятельности (ст. 5 Федерального закона от 07.12.2011 № 414-ФЗ «О центральном депозитарии»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122865/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁷ Высшее образование, квалификационный аттестат специалиста финансового рынка второго типа, стаж не менее двух лет в должности не ниже руководителя отдела организации, осуществляющей профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг / управление фондами / пенсионное обеспечение / клиринг / организованные торги (ст. 6 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121888/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁸ Требование иметь высшее образование также предъявляется к членам коллегиального исполнительного органа и совета директоров (ст. 6 Федерального закона

Действующий в Великобритании раздел 3 Кодекса корпоративного управления⁹ сосредотачивает внимание на процедуре назначения (которая законом прямо не регламентирована) и на плане преемственности директоров и высшего менеджмента, которые должны базироваться на деловых качествах и объективных критериях. С этой целью в директорском совете формируется комитет по назначениям. Сам совет подвергается внешней оценке деятельности и ежегодному переизбранию.

Тем самым (за исключением одного положения¹⁰) британский законодатель регулирует должную процедуру избрания, которая позволяет отбирать наилучшие кандидатуры, а не качества директоров. Более того, соблюдение правил Кодекса корпоративного управления осуществляется средствами «мягкого права»: каждая компания, прошедшая листинг в Соединенном Королевстве, подает годовой отчет, в котором содержится раздел о соблюдении Кодекса корпоративного управления и о причинах, по которым те или иные положения Кодекса не соблюдаются [Davies P.L., Worthington S., Micheler E., 2016: 397].

В Соединенных Штатах, где законодательство относит требования к директорам на уровень уставов и внутренних документов, Нью-Йоркская фондовая биржа предписывает, чтобы все члены комитета по аудиту были «финансово грамотными» и чтобы по крайней мере хотя бы один из них имел «экспертные знания в сфере бухгалтерского учета или управления финансами в сфере деятельности компании»¹¹. Далее эти требования уточняются в положении о комитете по аудиту. С. Бэйнбридж поясняет, что «самому совету директоров оставлено право решать, что именно означают квалификационные требования и соответствуют ли им директора» [Bainbridge S.M., 2015: 98].

В исследовании [Adams R., Akyol A. C., Verwijmeren P., 2018: 130, 641–662] 1 031 компании (3 218 составов совета разных лет), установлено, что в каждом из директорских советов имеется как минимум один директор с навыками в сфере финансов и бухгалтерского учета. Кроме того, гораздо предпочтительнее директора с общими управленческими навыками (89,5% советов) и «навыками лидерства» (74,7%), чем со специальными

от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах»). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121888/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁹ The UK Corporate Governance Code. July 2018. Available at: <https://www.frc.org.uk/directors/corporate-governance/uk-corporate-governance-code#current-edition> (дата обращения: 19.02.2023)

¹⁰ По крайней мере один член комитета по аудиту в составе совета директоров должен иметь недавний и соответствующий опыт работы в сфере финансов.

¹¹ § 303A.7 NYSE Listed Company Manual. Available at: <https://nyseguide.srorules.com/listed-company-manual> (дата обращения: 19.02.2023)

видами экспертизы — например, технологической (51,9%), производственной (37,3%), правовой (34%).

В немецких публичных компаниях, банках и страховых компаниях хотя бы один член наблюдательного совета должен иметь квалификацию в сфере бухгалтерского учета, и хотя бы один — в сфере аудита. При этом каждый член наблюдательного совета должен быть знаком с отраслью, в которой работает компания [Davies P. L., Hopt K. J., Nowak R. et al., 2013: 289–290]. Действует специальное регулирование: ст. 25c и 25d Закона о кредитном деле (*Kreditwesengesetz*)¹² предписывают членам правления и наблюдательного совета иметь «адекватные теоретические и практические знания о бизнесе и опыт управления». Установлена презумпция должной профессиональной квалификации — при управленческом стаже в три года в организациях схожего размера и той же отрасли.

При этом немецкий регулятор (*BaFin*) вправе требовать прекращения полномочий члена наблюдательного совета при обнаружении, что он не обладает «необходимой экспертизой»¹³ (и *BaFin* регулярно подает такие иски). На уровне судебной практики «необходимая экспертиза» понимается как способность «без посторонней помощи понимать сущность обычных бизнес-операций компании» [Koerner T., Mueller O. et al., 2013: 6–8].

Французский кодекс корпоративного управления¹⁴ в ст. 15.1 устанавливает, что все директора, входящие в комитет по аудиту, должны быть компетентны в финансах или бухгалтерском учете.

В российском законодательстве нет нормы, позволяющей уставу предусмотреть дополнительные требования к директору. Однако при исследовании внутренних документов компаний Индекса широкого рынка ПАО «Московская биржа» (73 компании), а также типовых документов акционерных обществ, подконтрольных государственным корпорациям, нетрудно убедиться, что в действительности требования к стажу и образованию единоличного исполнительного органа имеют место в уставах и внутренних документах обществ.

Требование к высшему профессиональному образованию установили 16 компаний¹⁵, а также компании, подконтрольные государственным

---

¹² *Kreditwesengesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. September 1998 (BGBl. I S. 2776), das zuletzt durch Artikel 12 des Gesetzes vom 22. Februar 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 51) geändert worden ist.* Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/BJNR008810961.html> (дата обращения: 04.03.2023)

¹³ Пп. 2 п. 3 ст. 36 Закона о кредитном деле (*Kreditwesengesetz*). Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/> (дата обращения: 21.10.2024)

¹⁴ The AFEP-MEDEF Code 2018. Available at: <https://afep.com/en/publications-en/le-code-afep-medef-revise-de-2018/> (дата обращения: 19.02.2023)

¹⁵ Здесь и далее — из Индекса широкого рынка ПАО «Московская биржа».

корпорациям «Ростех» и «Роскосмос»¹⁶. «Высокая квалификация», «профессиональная квалификация» содержатся среди требований к единоличному исполнительному органу шести компаний.

Опыт «управленческой работы в крупной компании», «работы на руководящей должности», «стаж руководящей работы» сроком не менее пяти лет предусмотрели шесть компаний, а также компании, подконтрольные государственной корпорации «Ростех». Интересно, что эти общества относятся к разным холдинговым структурам, и унификацией внутренних документов совпадение объяснено быть не может. Остается полагать, что срок заимствован из Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих¹⁷.

ПАО «Таттелеком» требует от генерального директора «опыт работы на руководящих должностях» без его конкретизации, ПАО «Ростелеком» устанавливает требования к отраслевому стажу без их конкретизации.

Рассмотрение подходов к квалификационным требованиям приводит к следующим выводам.

Множественность актов, устанавливающих собственные требования даже для нескольких юридических лиц, приводит к бессистемности этих требований. Необходимо понять — какой профессиональный стаж будет эквивалентен «правилу 10 000 часов» [Гладуэлл М., 2022: 34–57] (имеется в виду параметры обычной учебной нагрузки и продолжительности рабочего времени в течение трех лет), чтобы унифицировать все требования к стажу.

Высшее профессиональное образование¹⁸ директора не соотносено с управленческими навыками. Именно они, а также понимание отрасли критически важны для директора. Поэтому следует доработать «идеальную процедуру», предусмотренную п. 94–95 Кодекса корпоративного управления, и уточнить практики, рекомендуемые к использованию комитетом по номинациям (либо советом директоров в целом). Такая процедура должна позволять выявить управленческие навыки в собеседовании с кандидатом между выдвижением кандидатуры и ее внесением в бюллетень.

Если отношения между членами органов управления (включая единоличный исполнительный орган) и обществом по сути являются граж-

---

¹⁶ При этом только ПАО «Татнефть» конкретизирует, что это должно быть «юридическое, экономическое или техническое образование», а единоличному исполнительному органу акционерного общества из системы государственной корпорации «Ростех» требуется именно магистратура или специалитет.

¹⁷ Утвержден постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37 // Бюллетень Минтруда РФ. 1998. № 12.

¹⁸ В Российской Федерации на 2021 год его имеет более 31% граждан в возрасте от 25 до 65 лет, в Великобритании — 36,1%, во Франции — 22,5%.

данско-правовыми¹⁹, то невозможно отказать хозяйственному обществу в праве определять качества, которые должны быть присущи членам его органов (как и его контрагентам либо представителям). Нормы ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) о недопущении дискриминации в сфере труда применимы быть не могут.

Это подтверждает анализ юрисдикций, где по вопросу о гражданско-правовой сущности отношений директора и общества достигнут такой же консенсус, как и по вопросу о принципиальной возможности квалификационных требований. Никто иной, кроме самого общества, не поймет, нужны ли ему в составе совета директоров финансисты, директора с отраслевым опытом либо лоббисты интересов общества в органах государственной власти, тем более — какими качествами должен обладать единоличный исполнительный орган. По отношению к основной массе хозяйственных обществ мы полагаем допустимым лишь «подталкивание» посредством актов лучшей практики корпоративного управления.

Все вероятные ограничения могут иметь только политико-правовой характер и определяться общественной ситуацией. Дело в том, что членство в коллегиальном органе управления выполняет также и функцию представительства акционеров в его демократическом смысле²⁰ (и именно для адекватного представительства применяется кумулятивное голосование). Можно представить ситуацию, когда за счет требования к члену совета директоров (например, степень МВА) акционеры-работники, аккумулировавшие достаточно голосов для избрания своего представителя, не смогут найти отвечающего требованию кандидата. В таком случае конфликт может быть разрешен за счет квотирования мест в директорском совете.

---

¹⁹ Директор не подчиняется дисциплинарной власти работодателя. Он сам организует свой труд, обеспечивает его условия. Режим ответственности не имеет ограничений, присущих материальной ответственности работника. Немотивированное расторжение договора с директором более присуще гражданскому праву и является исключением в праве трудовом. Субституция зависит от воли директора, тогда как работник не вправе самостоятельно определять, кому будут переданы его дела.

²⁰ На примере Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО). Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 21.10.2024) видно, что кроме права быть услышанным на уровне совета директоров, реализации информационных прав согласно п. 4 ст. 65.3 ГК РФ, отдельный член совета в АО может блокировать решение об увеличении уставного капитала путем размещения дополнительных акций (п. 2 ст. 28 Закона об АО), размещении ценных бумаг, конвертируемых в акции (п. 2 ст. 33 Закона об АО), одобрении крупной сделки с ценой от 25% до 50% балансовой стоимости активов (п. 2 ст. 79 Закона об АО), а также, в некоторых случаях — об определении цены имущества в сделке, в совершении которой имеется заинтересованность (п. 1 ст. 77 Закона об АО) и о совершении такой сделки (п. 2 ст. 83 Закона об АО).

3. Квотирование мест в совете директоров как требование к членам органа управления

Во всех изложенных ниже случаях выбор акционеров ограничивается необходимостью назначить на часть мест представителей определенной социальной группы либо выделить часть мест для представителей работников, государства, миноритарных акционеров. Фактически в отношении указанных мест в совете директоров устанавливается дополнительное требование. Исторически квотирование мест началось с кодeterminации. Еще И.Т. Тарасов в XIX веке допускал определенное общественное положение (запрет чиновникам входить в состав органа управления или квоты для рабочих) как требование к члену органа управления [Тарасов И.Т., 1880: 187].

Согласно ст. 165 Веймарской конституции (1919) и Закону о рабочих советах (1920) (*Betriebsrätegesetz*) в Германии создавались «рабочие советы» (с уровня предприятия до общегосударственного), которые участвовали в решении финансовых и кадровых вопросов. В 1922 году был принят закон, позволивший двум членам рабочего совета входить в состав наблюдательного совета и правления акционерного общества в качестве членов с правом решающего голоса [Addison J.T., 2010: 6, 10].

Распространение квотирования мест на иные социальные группы связано с идеями корпоративной демократии. В англосаксонской (аутсайдерской) модели корпоративного управления в 1980-х гг. сложилась ситуация, знакомая нам по 1990-м гг., когда, пользуясь распыленностью акционерного капитала и пробелами в законодательстве, менеджмент обретал контроль над акционерным обществом [Irvine W., 1988: 101–103]. Г. Минцберг, отмечая, что американское общество становится «обществом корпораций», предлагал механизмы представительства аутсайдеров (в том числе потребителей и местных сообществ) в органах управления компаний (включая даже возможность прямого назначения потребителями «менеджеров по качеству») [Minzberg H., 1983: 15–18]. Постепенно идеи корпоративной демократии были развиты в рамках стейкхолдерской теории и идей «разнообразия».

3.1. Квоты, связанные с политикой выравнивания доступа тех или иных социальных групп к материальным благам

Наиболее характерным примером выступают гендерные квоты.

По ст. L225-18-1 и L225-69-1 Коммерческого кодекса Франции, в акционерных обществах, в которых в течение трех финансовых лет подряд работает не менее 250 постоянных сотрудников с выручкой или балан-

совой стоимостью активов общества не менее 50 млн. евро, доля директоров каждого пола должна быть не менее 40%, а если в административном совете либо наблюдательном совете состоит менее восьми членов, то разница между полами не может быть больше двух членов. Несоблюдение положения влечет недействительность назначения²¹.

В Англии действуют рекомендательные нормы, согласно которым доля женщин в советах директоров должна составлять 25%. На практике большинство женщин занимает должности неисполнительных директоров [Davies P. L., Worthington S., Micheler E., 2016: 390].

Немецкий Кодекс корпоративного управления (принципы 3 и 9)²² предписывает устанавливать целевые значения представительства женщин на уровне правления и двух уровнях менеджмента ниже правления. Для компаний, имеющих листинг и к которым применяется законодательство о кодeterminации, согласно п. 2 ст. 96 Закона об акционерных компаниях (*Aktiengesetz*)²³ доля членов наблюдательного совета каждого пола должна быть не менее 30%.

Следует также привести радикальный пример Законодательного собрания штата Калифорния, которое в билле № 979 от 30.09.2020 исчерпывающим образом регламентировало квоты в советах директоров публичных компаний²⁴. Так, из девяти членов совета должно быть не менее трех женщин²⁵ и не менее трех лиц из «недопредставленных сообществ», определяемых по широкому кругу расовых, национальных, языковых и гендерных признаков. Квоты также вводит американская биржа NASDAQ, на которой осуществляется листинг технологического сектора²⁶.

Банк России предлагает принцип диверсификации, который, в первую очередь, заключается в разнообразии навыков, опыта и профессиональной специализации. Однако среди «других факторов» регулятор называет разнообразие национальное, возрастное, гендерное²⁷. Ю.С. Харитонova

---

²¹ Code de commerce. Partie legislative. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения: 19.02.2023)

²² Deutcher Corporate Governance Kodex. 2022. Available at: <https://www.dcgk.de/en/home.html> (дата обращения: 19.02.2023)

²³ Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aktg/index.html (дата обращения: 19.02.2023)

²⁴ Available at: <https://openstates.org/ca/bills/20192020/AB979/> (дата обращения: 19.02.2023)

²⁵ Согласно определению закона — «лиц, идентифицирующих себя как женщина».

²⁶ Available at: <https://www.sec.gov/rules/sro/nasdaq/2022/34-96500.pdf> (дата обращения: 19.02.2023)

²⁷ Информационное письмо Банка России от 22.04.2020 № ИН-06-28/80 «О рекомендациях по формированию и обеспечению преемственности совета директоров (наблюдательного совета) публичных акционерных обществ» // Вестник Банка России. 2020. № 30.

и И.С. Шиткина отмечают, что «включение в состав членов советов директоров исходя из гендерного признака вслед за зарубежной практикой получает все более широкое распространение в России» [Шиткина И.С., 2021: 92]. Квотирования социальных групп в советах директоров в России нет. На повестке дня, если судить по исследованию Российского института директоров²⁸, стоит доля женщин в советах директоров.

Следует затронуть вопрос о связи квотирования социальных групп с результативностью управления. Эмпирические данные 2020–2021 гг. в США указывают, что увеличение доли меньшинств привело к незначительному снижению управленческих навыков, которыми располагают советы директоров, и к повышению доли лиц со степенью MBA либо Ph. D [Bogan V.L., Potemkina K., Yonker S.E., 2021]. Однако на материале Соединенного Королевства прослеживается другое: отрицательное влияние культурного разнообразия на результаты деятельности компании (что, вероятно, связано с издержками коммуникации в ходе выработки решений) [Frijns B., Dodd O., Cimerova H., 2016: 521–541].

Обзор исследований стран с монистической моделью корпоративного управления и оригинальное исследование Германии, Австрии и Швейцарии как стран с дуалистической моделью, проведенные Е.Ю. Макушиной и Н.А. Евсиковым, не выявили статистически значимой зависимости между увеличением процента женщин в совете директоров (в том числе за счет квотирования) и финансовыми результатами, за исключением отдельных секторов экономики, где женщин исторически мало [Макушина Е.Ю., Евсиков Н.А., 2021: 145–149, 155–157].

На наш взгляд, проблема «разнообразия» имеет два аспекта. Во-первых, разнообразие опыта на уровне компании. Представим компанию, продукты которой ориентированы на женщин. Она должна знать их предпочтения, иначе перспективы такой компании сомнительны.

Однако информационный обмен может быть налажен и иными средствами — например, в состав комитетов совета директоров могут входить лица, не являющиеся членами совета. Могут создаваться совещательные органы. При этом ситуация может требовать включения представителей меньшинства, одновременно являющихся значимыми стейкхолдерами общества, в совет директоров на правах обычных членов.

Во-вторых, выравнивание положения «недопредставленных» социальных групп. Предполагается, что если в социальных лифтах — университетах, армии, на государственной службе, в корпорациях — будут

---

²⁸ Исследование ESG вопросов в практике российских публичных компаний. Available at: URL: http://rid.ru/wp-content/uploads/2022/04/2022_Исследование-ESG-2021_Презентация.pdf (дата обращения: 19.02.2023)

предусмотрены квоты, то рано или поздно такие социальные группы смогут улучшить свое положение.

Заметим, что эта политика должна быть комплексной. Подобные группы не монолитны, среди них есть предприниматели и рабочие, состоятельные и низкодоходные, образованные и неграмотные. И если квота в органах управления будет введена, то ее с большей вероятностью заполнит образованный и обеспеченный индивидум «недопредставленной» социальной группы, которого уже не нужно «выравнивать».

Показателен пример ЮАР, где внедрение политики Broad-Based Black Economic Empowerment, основанной, в первую очередь, на критерии расы и уже потом на необходимости выравнивания положения уязвимых групп туземного населения²⁹, критикуется именно за перераспределение контроля над экономикой от элиты времен апартеида к новой южноафриканской элите, без более справедливого распределения доходов [Du Plessis A., Pretorius J.L., 2017: 80, 406–409].

В США действуют программы «позитивной дискриминации» в университетах. Они являются предметом регулярного рассмотрения Верховным судом, нынешняя позиция которого сводится к требованию «сфокусированных и измеримых целей», наличию конечной точки у программы, а также балансированию интересов (так, квоты для афроамериканцев и латиноамериканцев неизбежно ведут к меньшей доле азиатов и евреев, ранее также подвергавшихся дискриминации) [Тай Ю., Будылин С., 2023].

Политика выравнивания имеет смысл, когда место в органе управления корпорацией действительно выполняет функцию социального лифта. В России, стране с концентрированным владением, советы директоров порой работают формально, иногда работа в них даже не оплачивается³⁰, вместе с тем членство в совете директоров сопряжено с рисками ответственности за причинение убытков юридическому лицу.

---

²⁹ В ЮАР соответствие политике В-ВБЕЕ оценивается в баллах. Компания, получившая достаточное количество баллов, получает приоритет в государственных закупках и доступ к отдельным видам лицензий. Так, за структуру владения можно получить 25 баллов, 3 из которых — за выплаты дивидендов в пользу африканцев, цветных либо индийцев, живущих в сельской местности, молодых африканцев, цветных либо индийцев, инвалидов и членов кооперативов. 15 баллов — максимум по разделу «структура менеджмента», их можно получить за представленность африканцев, цветных либо индийцев (от 50% в совете директоров до 88% на уровне линейного менеджмента, по 2 балла за каждый уровень), женщин (от 25% до 44% соответственно, по 1 баллу) и инвалидов (2% в менеджменте вообще, 2 балла), относящихся к африканцам, цветным либо индийцам.

³⁰ Это встречается в организациях государственной корпорации «Ростех», где зачастую члены совета директоров рекрутируются «по должности» из работников организации-акционера и не получают вознаграждения ввиду того, что уже получают заработную плату по основному месту работы.

Влияние любых квот должно быть моделировано. Иначе любой недоработанный законодательный акт приведет к конфликтам³¹. Введение квот оптимально на уровне лучших практик корпоративного управления, в сочетании с механизмом «соблюдай или объясняй». Как правило, общества адаптируют лучшие практики «как есть», не стремясь изобретать что-то еще. Но при необходимости отойти от практики должна быть возможность подробно объяснить стейкхолдерам, отчего возникла необходимость и почему оригинальное решение лучше типового. Практики квот невоспроизводимы в исполнительных органах, чья задача — повседневное управление.

В завершение следует отметить, что две компании из Индекса широкого рынка ПАО «Московская биржа» устанавливают требования к гражданству России для единоличного исполнительного органа. Применительно к совету директоров такое ограничение было оценено судом как противоречащее законодательству³². Вместе с тем российское законодательство не предусматривает допуска иностранных граждан к государственной тайне, если этот допуск не связан с международными обязательствами³³. В практике российских компаний требование допуска к государственной тайне весьма распространено³⁴ и поддерживается судебной практикой³⁵.

3.2. Квоты, связанные с доступом стейкхолдеров общества к корпоративному управлению

В этом разделе рассматриваются практики корпоративного управления:

А. Кодетерминация

В немецких хозяйственных обществах с числом работников более 500 число представителей работников в наблюдательном совете должно

---

³¹ Билль законодательного собрания Калифорнии был признан антиконституционным судом Восточного округа штата. Available at: https://www.bloomberglaw.com/public/desktop/document/AllianceforFairBoardRecruitmentvWeberDocketNo221cv01951EDCalOct21?doc_id=X4UODH16QA9TJP32JQA3DSIK3I (дата обращения: 03.11.2023)

³² Постановление ФАС МО от 10.09.2008 № КГ-А40/7609-08 по делу А40-5246/08-83-56.

³³ Положение о порядке допуска лица, имеющих двойное гражданство, лиц без гражданства, а также лиц из числа иностранных граждан, эмигрантов и реэмигрантов к государственной тайне (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 22.08.1998 № 1003) // СЗ РФ. 1998. № 35. Ст. 4407.

³⁴ Такое требование встречается в типовых внутренних документах акционерных обществ, контролируемых государственными корпорациями «Ростех», «Росатом» (основания отказа в допуске препятствует занятию должности), «Роскосмос» (требуется справка о допуске).

³⁵ Постановление АС ЦО от 20.12.2016 № Ф10-5130/2016 по делу А62-1744/2016.

быть не менее трети³⁶, а с числом работников более 2 000 — не менее половины³⁷. При этом в последних и в составе правления должен быть представитель работников. Отдельные правила действуют в добывающей промышленности и металлургии.

Систему кодeterminации в Германии критикуют за то, что наблюдательные советы становятся громоздкими органами как в отношении численности (доходящей до 20 членов), так и в плане принятия решений. К. Хопт пишет о поляризации мнений двух групп членов наблюдательного совета и о практике «предварительных внутригрупповых заседаний» [Норт К., 1994: 203–214]. Предлагалась реформа, по которой для целей представительства работников и контроля с их стороны создается еще один коллегиальный орган [Davies P. L., Норт К. J., Nowak R., 2013: 336].

Во Франции по Коммерческому кодексу работники акционерного общества вправе делегировать в административный либо наблюдательный совет директоров с правом совещательного голоса, а также при условии владения не менее 3% акций и числа работников не менее 1 000 — директора с правом решающего голоса.

Интересы работников часто противоречат интересам акционеров. А.В. Габов приводит в качестве примера дело Mannesmann: продажа акций принесла прибыль акционерам, но привела к потере рабочих мест [Габов А.В., 2005: 65]. К. Хопт пишет о неизбежности конфликта обязанностей члена наблюдательного совета и статуса представителя работников, когда последний может использовать конфиденциальную информацию или иначе содействовать забастовке, влекущей за собой убытки общества [Хопт К., 2008: 225–277].

На это следует заметить, что и мажоритарные акционеры рассматривают членов коллегиального органа, избранных своими голосами, как «своих представителей», что также противоречит идее независимого суждения членов совета. Стремление работников повысить цену своего труда так же естественно, как стремление акционеров к росту стоимости акций или к получению дивидендов. Во многом интересы работников (долгосрочная стабильная занятость, реинвестирование средств в компанию), напротив, сходятся с интересами мажоритарных акционеров.

Пункт 4 ст. 100 Закона об акционерных компаниях Германии предусматривает, что требования к членам наблюдательного совета, предус-

³⁶ Drittelbeteiligungsgesetz vom 18 Mai 2004 (BGBl. I S. 974), das zuletzt durch Artikel 21 des Gesetzes vom 7. August 2021 (BGBl. I S. 3311) geändert worden ist. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/drittelbg/DrittelbG.pdf> (дата обращения: 19.02.2023)

³⁷ Mitbestimmungsgesetz vom 4. Mai 1976 (BGBl. I S. 1153), das zuletzt durch Artikel 17 des Gesetzes vom 7. August 2021 (BGBl. I S. 3311) geändert worden ist. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/mitbestg/MitbestG.pdf> (дата обращения: 19.02.2023)

мотренные уставом, распространяются только на тех, кто избран акционерами. Следовательно, квалификационные требования на представителей в рамках кодeterminации не распространяются. Работники, получая право отстаивать свои интересы, за малым исключением не дополняют совет своими компетенциями и не усиливают контроля (что вызывает появление норм об обучении членов органов управления, делегированных работниками, на уровне кодексов корпоративного управления Франции и Германии и даже законодательства³⁸).

Исследования немецких компаний, проведенные после принятия Закона 1976 года, показали снижение выработки, прибыли и отношения рыночной цены компании к балансовой стоимости, повышение издержек на заработную плату. Более поздние исследования показали возможность альтернативного объяснения снижения выработки и прибыли, а также прямую зависимость между кодeterminацией и ростом числа патентов. Есть предположения, что кодeterminация будет способствовать лучшему корпоративному управлению и снижению агентских издержек [Addison J.T., 2010: 120].

Кодeterminация как инструмент возможна лишь там, где для этого есть институциональные условия. Работник должен пройти «школу профсоюзов», прежде чем претендовать на участие в управлении предприятием. Если профсоюзы выполняют в лучшем случае сервисные функции — сомнительно, что у работников такой интерес появится.

Кодeterminация в России могла быть возможна в 1990-е гг., когда приватизация в основном была ориентирована на распределение акций среди трудового коллектива. Однако директорат аккумулировал пакет акций, достаточный для контроля в размытой структуре владения (15–20%). В ситуации отсутствия гарантии заработной платы и занятости директор воспринимался как «посредник и защитник предприятия перед властями, гарант стабильности, носитель хозяйственных связей» [Афанасьев М.П., Кузнецов П.Г., Фоминых А., 1997: 84–101], и работники, как правило, блокировались с менеджментом в корпоративных конфликтах, вплоть до объявления так называемых «директорских забастовок» [Кулаев М., 2023: 139].

Сейчас при переговорах о заключении генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов и работодателей и Правительством России речь идет об участии представителей работников с правом совещательного голоса (и даже против такой меры возражают объединения работодателей)³⁹.

³⁸ По ст. L. 225-23, 225-71 Коммерческого кодекса Франции представитель работников в административном совете имеет право на обучение за счет компании длительно — не более 40 часов в год, необходимое для осуществления полномочий директора.

³⁹ На все три стороны / Коммерсантъ. Available at: URL: kommersant.ru/doc/6310342 (дата обращения: 03.11.2023)

Б. «Золотая акция» и иные инструменты, направленные на повышение значения государства как стейкхолдера

В России специальное право — «золотая акция» вводится при отчуждении акций, при котором доля публично-правового образования снижается до 25% и ниже, и связано в том числе с возможностью назначить представителя — государственного служащего в совет директоров⁴⁰.

Назначение по «золотой акции» было широко распространено и в европейских странах. Так, земля Нижняя Саксония (ФРГ) имела право назначить двух директоров в наблюдательный совет акционерного общества «Фольксваген» согласно специальному закону⁴¹. Однако Суд Евросоюза дает этому праву отрицательную оценку⁴², указывая, что оно противоречит принципу свободного движения капитала как право, доступное исключительно государству.

По ее назначению «золотая акция» подобна корпоративному договору. Государство, становясь миноритарным участником, получает взамен ряд специальных прав. Но полностью заменить «золотую акцию» корпоративным договором невозможно: одно из специальных прав подразумевает замену представителя публично-правового образования в совете директоров или ревизионной комиссии в любое время, чего не допускает Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴³.

Поэтому (памятуя о роли государства в повышении качества корпоративного управления) выглядит возможным и целесообразным установление текущего содержания «золотой акции» как минимума специальных прав при расширении их в решении об использовании «золотой акции». Так, актуальной является возможность «перехвата» текущего управления, когда новый собственник с ним не справляется⁴⁴.

⁴⁰ П. 2 ст. 38 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О приватизации государственного и муниципального имущества». Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁴¹ Gesetz über die Überführung der Anteilsrechte an der Volkswagenwerk Gesellschaft mit beschränkter Haftung in private Hand vom 21. Juli 1960 / BGBl. 27.07.1960. № 39. Available at: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl160s0585.pdf (дата обращения: 19.02.2023)

⁴² Обзор решений Суда ЕС см.: Gaydarska N., Rammeloo S. The legality of the “golden share” under EC Law // Maastricht Faculty of Law Working Papers. 2009. № 9. Обращает внимание разнообразие итальянских решений конца 1990-х гг. в сфере корпоративного управления: от назначения большинства директоров до назначения только двух директоров, но с правом вето.

⁴³ Available at: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 21.10.2024)

⁴⁴ По аналогии с механизмом, изложенным в Указе Президента Российской Федерации от 03.03.2023 № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа».

В. Непропорциональное участие миноритарных акционеров в органах управления (квотирование, независимые директора)

По ст. L.225-23 Коммерческого кодекса Франции работники, владеющие более чем 3% акций, вправе делегировать одного директора.

Следует упомянуть эксперимент в немодельной юрисдикции — Италии. Там проходит голосование списками, при этом хотя бы один директор должен быть избран из миноритарного списка (набравшего второе по доле число голосов). Для подачи списка требуется владение не менее чем 2,5% акций [Belcredi M., Bozzi S., Di Noia C., 2013: 365–422].

На усиление позиций миноритарных акционеров в директорате влияют требования к независимым директорам (поскольку стремление к равноудаленности от интересов стейкхолдеров фактически означает отход от обслуживания интересов мажоритарного акционера).

Критерии независимости директоров чаще всего фигурируют в национальных кодексах корпоративного управления. В составе директората их требуется от четверти (Германия)⁴⁵ и двух членов (Россия, второй уровень котировального списка Московской биржи) до половины, исключая председателя (Великобритания) или не исключая его (Франция). При этом почти во всех кодексах корпоративного управления содержится требование о большинстве независимых директоров в комитетах (вплоть до составления комитетов полностью из независимых директоров; таковы комитеты аудита в Великобритании и России).

Общий критерий независимости допустимо сформулировать как отсутствие — на момент избрания и в течение известного времени ранее избрания — тесных экономических (поставщик, покупатель, кредитор, консультант, член органов общества, работник) либо персональных связей с обществом, членами его исполнительных органов, его стейкхолдерами либо конкурентами. Также независимость утрачивается ввиду долгого нахождения в составе директорского совета⁴⁶.

Вместе с тем даже при наличии таких связей (например, если директор ранее был работником или оказывал компании адвокатские услуги) независимость директора может оцениваться самим советом либо его комитетом по назначениям. Немецкий Кодекс корпоративного управления прямо указывает, что влияют на независимость лишь отношения, могущие вызвать конфликт интересов.

Available at: URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303030004> (дата обращения: 21.10.2024)

⁴⁵ При наличии мажоритарного акционера количество независимых директоров может быть снижено до 2 из 7 и более членов, до 1 из 6 и менее членов.

⁴⁶ 7 лет — Россия, 9 лет — Великобритания, 12 лет — Германия, Франция.

Обращают на себя внимание особенности техники кодексов. Российский Кодекс корпоративного управления⁴⁷ устанавливает более четкие критерии, чем иностранные (порог владения в 5% для существенности акционера, 2% выручки для существенности контрагента), что в доктрине подвергается критике, поскольку оцифрованные показатели независимости могут выражать лишь «систему взглядов на институт независимого директора, которая... возобладала на определенном этапе». Британский Кодекс отмечает в качестве критериев зависимости существенные связи с другими директорами (например, через перекрестный директорат), участие в пенсионных схемах компании.

В странах, где распространена кодетерминация, представители работников не учитываются при подсчете доли независимых директоров.

Практику независимых директоров в России критикует О.В. Осипенко. Ученый полагает, что в условиях сверхконцентрации капитала «независимый» член совета, выдвинутый мажоритарным акционером и получающий бонусы от общества, вряд ли будет в действительности независимым [Осипенко О.В., 2018: 83–94]. Для сравнения — Кодекс корпоративного управления Великобритании рекомендует подбирать независимых директоров через открытые предложения или внешних консультантов. Л. Бебчук и А. Хамдани предложили идею «усиленных независимых директоров», чье назначение и прекращение полномочий зависит от воли миноритарных публичных инвесторов [Bebchuk L., Hamdani A., 2017: 1271–1315]. Излишне детализированные критерии независимости могут привести, по выражению А.В. Габова, к ситуации, когда «эффективность как цель принесена в жертву формальной (по критериям) независимости директора» [Габов А.В., 2015: 65–90].

Законность квот следует из вопроса о допустимости государственного вмешательства в экономику и пределах такого вмешательства. Однако государство уже более полутора столетий определяет внутреннее устройство корпорации, и не всегда при стремлении к балансу интересов акционеров удается сохранить удобство управления. Примерами служит противодействие директорату юридических лиц в Германии и Великобритании, когда практика, позволяющая снизить издержки на управление внутри холдинга, критикуется ввиду непрозрачности и затрудненности привлечения к ответственности.

Поскольку кодетерминация является исторически первой практикой, именно с ней связаны первые судебные акты, выражающие позицию го-

---

⁴⁷ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления». Available at: URL: https://cbr.ru/statichitml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (дата обращения: 21.10.2024)

сударства. Так, Конституционный суд ФРГ при рассмотрении жалобы на законность кодeterminации в 1979 году отметил, что «права частной собственности, закрепленные в конституции, должны также служить общественному благосостоянию, которое может быть достигнуто с помощью устойчивого мира в промышленности и, как следствие, ускорения роста экономики» [Addison J.T., 2010: 104].

Первым пунктом обоснования квоты является ее цель: что именно планируется достичь с помощью квоты (выравнивание положения определенной социальной группы, упрочение защиты определенных стейкхолдеров) и в какие сроки. Возможно использование зарубежного опыта, чтобы обобщить результаты введения квот. Квоты в компаниях не должны вводиться в отрыве от иных институтов (например, кодeterminация в директорском совете — от роли профсоюзов), иначе они бесполезны.

Второй пункт обоснования — отсутствие негативного влияния на управление. Красноречив пример калифорнийских компаний, в которых 2/3 мест в совете директоров без существенного обоснования чуть не были сделаны котируемые, в результате чего пришлось бы коренным образом изменять состав данных советов.

Тест, который мог бы ответить на вопрос о негативном влиянии на качество управления, состоит из следующих вопросов:

Можно ли заполнить квоту, применяя те же самые квалификационные требования к директорам? Не будет ли это несоразмерно затруднительно?

Можно ли добиться разнообразия навыков, знаний и жизненного опыта в совете директоров с котируемыми местами? Иными словами — достаточно ли не котируемых мест для формирования дееспособного совета директоров и достаточно ли потенциальных кандидатов на котируемые места, соответствующих квалификационным требованиям.

Отсутствует ли выраженное нарушение чьих-либо прав? (например, если квота вводится в рамках существующих мест в совете директоров — тогда вероятна ситуация, когда миноритарные акционеры, раньше имевшие возможность провести члена совета своими голосами, такую возможность утрачивают).

Похожий тест допустим и на уровне отдельных компаний.

При рассмотрении соотношения котирувания и квалификационных требований видно, что к котируемым местам не применяются квалификационные требования в двух случаях. Это кодeterminация и назначение представителя по «золотой акции». В первом случае противовесом выступает расширение состава органа (что негативно сказывается на его способности принимать решения), во втором случае — отбор представителя внутри органа государственной власти.

На взгляд автора, жизнеспособна система, когда представители котируемых групп входят в состав комитетов в директорском совете или специально создаваемых совещательных органов; при этом решения, затрагивающие их интересы, невозможны без предварительного заключения указанного комитета или органа. С одной стороны, повышается информированность решения и появляется возможность выразить интересы, с другой стороны — функции управления сохраняются за профессиональными членами совета директоров, отвечающими квалификационным требованиям.

Заключение

Допустимо предложить дальнейшие пути развития для соответствующих институтов российского корпоративного права.

Целесообразно легализовать включение любых квалификационных требований в уставы. Соответствующая отсылка возможна в законах об отдельных видах юридических лиц.

Важна систематизация квалификационных требований, установленных на уровне закона — унификация стажа исходя из «правила 10 000 часов» и понимание, каким именно это должен быть стаж; отмена слишком широких требований к образованию либо их дополнение, когда действительно требуется узкая квалификация. Также целесообразно между выдвижением кандидатуры и ее включением в бюллетень закрепить в Кодексе корпоративного управления процедуру собеседования с кандидатом с целью выявления управленческих навыков.

Квотирование в совете директоров — не единственный инструмент, позволяющий обеспечить представительство стейкхолдеров. В России лица, не входящие в состав совета, могут входить в его комитеты. Кроме того, могут создаваться совещательные органы. На уровне уставов может предусматриваться как необходимость учета рекомендаций этих органов, так и предварительного решения вопроса, без которого вопрос не может быть решен советом директоров. Так может решаться проблема разнообразия опыта и гарантироваться «право быть услышанным».

В дальнейшем с изменением демографической ситуации (повышением этнонационального разнообразия, сокращением доли работающих) может встать вопрос о введении квот либо кодeterminации, соответственно. При разгосударствлении экономики, привлечении иностранных инвесторов и опоре на широкие слои розничных инвесторов значение корпораций как социальных лифтов по сравнению с органами публичной власти повысится. Необходимость сочетания различных интересов потребует создания работающих советов директоров и при-

менения арсенала лучших практик корпоративного управления. Тогда до введения квот потребуется их тщательный дизайн по предлагаемым нами критериям.

Список источников

1. Афанасьев М.П., Кузнецов П.Г., Фоминых А. Корпоративное управление глазами директората (по материалам обследований 1994–1996 гг.) // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 84–101.
2. Габов А.В. Органы юридического лица: независимые и профессиональные директора / Право и экономическая деятельность: современные вызовы. М.: Статут, 2015. 400 с.
3. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с.
4. Гладуэлл М. Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего? М.: МИФ, 2022. 224 с.
5. Глушецкий А.А. Проблемы, связанные с внесением вопросов в повестку дня общего собрания акционеров и выдвижением кандидатов в органы общества // Право и экономика. 2019. № 1. С. 22–35.
6. Копылов Д.Г. Участие наемных работников в управлении компанией (немецкий опыт) // Законодательство и экономика. 2012. № 10. С. 90–95.
7. Кулаев М. Профсоюзы, рабочие движения и гегемония в современной России. М.: Институт Гайдара, 2023. 504 с.
8. Макарова О.А. Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления. М.: Юрайт, 2016. 211 с.
9. Макушина Е.Ю., Евсиков Н.А. Влияние гендерного состава совета директоров на результаты деятельности компании: опыт Германии, Австрии и Швейцарии // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 2. С. 140–158.
10. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 421 с.
11. Молотников А.Е. Участие трудовых коллективов в корпоративном управлении: российский и иностранный опыт // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 3–8.
12. Осипенко О.В. Актуальные проблемы отечественного корпоративного управления // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 5. С. 83–94.
13. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с.
14. Тай Ю., Будылин С. Равное неравенство. Бывает ли дискриминация позитивной? // Zakon.ru. 01.09.2023. Available at: URL: https://zakon.ru/blog/2023/9/1/ravnoe_neravenstvo_byvaet_li_diskriminaciya_pozitivnoj_chast_1/ (дата обращения: 01.09.2023)
15. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях: Положение об акционерных обществах. Выпуск 2 / Временник Демидовского Юридического лица. Ярославль, 1880. Книга 22. С. 185–296.

16. Хопт К. Представление интересов и конфликты интересов в современном акционерном, банковском и профессиональном праве (к догматике современного правового регулирования ведения чужих дел) // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 225–277.
17. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. М.: Проспект, 2006. 200 с.
18. Чугунова К.Ю. Особенности формирования воли дочерних обществ акционерных обществ с преобладающим государственным участием (на примере ОАО «РЖД») // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 116–124.
19. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества. М.: Статут, 2022. 316 с.
20. Шиткина И.С. (ред.) Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 2. М.: Статут, 2021. 486 с.
21. Adams R., Akyol A.C., Verwijmeren P. Director skill sets. *Journal of Financial Economics*, 2018, vol. 130, issue 3, pp. 641–662.
22. Bainbridge S. M. *Corporate Law*. St. Paul: Foundation Press, 2015, 551 p.
23. Bebchuk L., Hamdani A. Independent Directors and Controlling Shareholders. *University of Pennsylvania Law Review*, 2017, vol. 165, no. 6, pp. 1271–1315.
24. Belcredi M., Bozzi S., Di Noia C. Board elections and shareholder activism: The Italian experiment. In: *Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms*. Cambridge: University Press, 2017, pp. 365–422.
25. Bogan V.L., Potemkina K., Yonker S.E. What Drives Racial Diversity on U.S. Corporate Boards? *SSRN Electronic Journal*. 2021. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=3952897> (дата обращения: 01.09.2024)
26. Dass N., Kini O. et al. Board Expertise: Do Directors from Related Industries Help Bridge the Information Gap? *Review of Financial Studies*, 2014, vol. 27, issue 5, pp. 1533–1592.
27. Davies P. L., Hopt K. J., Nowak R. et al. *Corporate Boards in Law and Practice. A Comparative Analysis in Europe*. Oxford: University Press, 2013, 818 p.
28. Davies P. L., Worthington S., Micheler E. *Gower's Principles of Modern Company Law*. London: Thomson Reuters, 2016. 1225 p.
29. Du Plessis A., Pretorius J.L. Substantive Equality and the Beneficiaries of Broad-Based Black Economic Empowerment. *Journal of Contemporary Roman-Dutch Law*, 2017, vol. 80, pp. 390–411.
30. Gaydarska N., Rammeloo S. The legality of the “golden share” under EC Law. *Maastricht Faculty of Law Working Papers*, 2009, vol. 9, pp. 1–31.
31. Hopt K. Labor representation at corporate boards: impacts and issues for corporate governance and economic integration in Europe. *International Review of Law and Economics*, 1994, no. 2, pp. 203–214.
32. Iliev P., Roth L. Director Expertise and Corporate Sustainability. 2023. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3575501> (дата обращения: 01.09.2024)
33. Irvine W. Corporate Democracy and the Rights of Shareholders. *Journal of Business Ethics*, 1998, vol. 7, no. 1/2, pp. 99–108.

34. Koerner T., Mueller O., Paul S. et al. Supervisory Board Qualification of German Banks — Legal Standards and Survey Evidence. *SSRN Electronic Journal*. 2013. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2325285> (дата обращения: 01.09.2024).
35. Minzberg H. Why America Needs, But Cannot Have Corporate Democracy. *Organizational Dynamics*, 1983, vol. 11, issue 4, pp. 5–20.

References

1. Adams R., Akyol A. C., Verwijmeren P. (2018) Director Skill Sets. *Journal of Financial Economics*, vol. 130, issue 3, pp. 641–662.
2. Afanasjev M.P., Kuznetcov P.G., Fominyh A. (1997) The Corporate Governance through Eyes of Directorate (based on 1994–1996 Survey). *Voprosy Ekonomiki=Issues of Economy*, no. 5, pp. 84–101 (in Russ.)
3. Bainbridge S. M. (2015) *Corporate Law*. St. Paul: Foundation Press, 551 p.
4. Bebchuk L., Hamdani A. (2017) Independent Directors and Controlling Shareholders. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 165, no. 6, p. 1271–1315.
5. Belcredi M., Bozzi S., Di Noia C. (2013) Board Elections and Shareholder Activism: the Italian Experiment. In: *Boards and Shareholders in European Listed Companies: Facts, Context and Post-Crisis Reforms*. Cambridge: University Press. pp. 365–422.
6. Bogan V.L., Potemkina K., Yonker S.E. (2021) What Drives Racial Diversity on U.S. Corporate Boards? *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3952897>.
7. Chugunova K. Yu. (2020) Features of the Formation of the Will of Joint-Stock Companies Subsidiaries with Predominant State Participation (Case of Russian Railways). *Aktualnye problemy rossiysogo prava=Urgent Issues of Russian Law*, no. 10, pp. 116–124 (in Russ.)
8. Dass N., Kini O. et al. (2014) Board Expertise: Do Directors from Related Industries Help Bridge the Information Gap? *Review of Financial Studies*, vol. 27, issue 5, pp. 1533–1592.
9. Davies P. L., Hopt K. J., Nowak R. et al. (2013) *Corporate Boards in Law and Practice. A Comparative Analysis in Europe*. Oxford: University Press, 818 p.
10. Davies P. L., Worthington S., Micheler E. (2016) *Gower's Principles of Modern Company Law*. London: Thomson Reuters, 1225 p.
11. Du Plessis A., Pretorius J.L. (2017) Substantive Equality and the Beneficiaries of Broad-Based Black Economic Empowerment. *Journal of Contemporary Roman-Dutch Law*, vol. 80. pp. 390–411.
12. Gabov A.V. (2015) Legal Persons: Independent Directors and Career Executives in Boards of Directors. In: *Law and Economic Activity. Modern Challenges*. Moscow: Statut, 400 p. (in Russ.)
13. Gabov A.V. (2005) *The Related-Party Transactions in Joint-Stock Companies Practice: Aspects of Regulation*. Moscow: Statute, 412 p. (in Russ.)
14. Gaydarska N., Rammeloo S. (2009) The Legality of the “Golden Share” under EC Law. *Maastricht University Working Papers*, vol. 9, pp. 1–31.
15. Glodwell M. (2022) *Outliers. The Story of Success*. Moscow: Mif Press, 224 p. (in Russ.)
16. Glushetsky A.A. (2019) Inclusion of Issues to Agenda of General Shareholders Meeting and Nomination of Candidates to Company's Bodies. *Zakonodatelstvo i ekonomika=Legislation and Economics*, no. 1, pp. 22–35 (in Russ.)

17. Hopt K. (1994) Labor representation on corporate boards: impacts and problems for corporate governance and economic integration in Europe. *International Review of Law and Economics*, no. 2, pp. 203–214.
  18. Hopt K. (2008) Representation of Interests and Conflicts of Interest in Modern Corporate, Banking and Professional Law (on Dogma of Modern Legal Regulating Conduct of Other Persons Affairs). *Civil Law Bulletin*, no. 2, pp. 225–277 (in Russ.)
  19. Iliev P., Roth L. (2023) Director Expertise and Corporate Sustainability. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3575501>.
  20. Irvine W. (1988) Corporate Democracy and the Rights of Shareholders. *Journal of Business Ethics*, vol. 7, no. 1/2, pp. 99–108.
  21. Koerner T., Mueller O. et al. (2013) Supervisory Board Qualification of German Banks: Legal Standards and Survey Evidence. SSRN Electronic Journal. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2325285>.
  22. Kopylov D.G. (2012) Codetermination (German Evidence). *Zakonodatelstvo i ekonomika=Legislation and Economics*, no. 10, pp. 90–95 (in Russ.)
  23. Kulaev M. (2023) *Trade Unions, Labor Movements and Hegemony in Modern Russia*. Moscow: Gaydar Institute, 504 p. (in Russ.)
  24. Makarova O.A. (2016) *Joint Stock Companies with State Participation. Aspects of Corporate Governance*. Moscow: Jurayt, 211 p. (in Russ.)
  25. Makushina E. Yu., Evsikov N.A. (2021) Impact of Gender Composition of Directorate upon Company's Performance: Germany, Austria and Switzerland. *Vestnik Moskovskogo universiteta=Moscow University Bulletin*, no. 2, pp. 140–158 (in Russ.)
  26. Minzberg H. (1983) Why America Needs, But Cannot Have, Corporate Democracy. *Organizational Dynamics*, vol. 11, issue 4, pp. 5–20.
  27. Mogilevskiy S.D. (2010) Limited Liability Company: Legislation and Application. Moscow: Statute, 421 p. (in Russ.)
  28. Molotnikov A.E. (2010) Codetermination: Russian and Foreign Evidence. *Predprinomatal'skoye pravo=Entrepreneurial Law*, no. 2, pp. 3–8 (in Russ.)
  29. Osipenko O.V. (2018) Issues of Russian Corporate Governance. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii=Property Relations in The Russian Federation*, no. 5, pp. 83–94 (in Russ.)
  30. Osipenko O.V. (2018) *Systemic Application of Corporate Governance and Shareholder Law Instruments*. Moscow: Statut, 448 p. (in Russ.)
  31. Shitkina I.S. (2022) The executive bodies of the corporation. Moscow: Statut, 316 p. (in Russ.)
  32. Shitkina I.S. (ed.) (2021) Commentary on the Federal Law on Limited Liability Companies. Vol. 2. Moscow: Statut, 486 p. (in Russ.)
  33. Taj Y., Budylin S. (2023) Equal Inequality. Can Discrimination be Positive? Available at: https://zakon.ru/blog/2023/9/1/ravnoe_neravenstvo_byvaet_li_diskriminatsiya_pozitivnoj_chast_1/ (in Russ.)
  34. Tarasov I.T. (1880) The Doctrine on Joint-Stock Companies: Regulations on Joint-Stock Companies. *Vremennik Demidovskogo Juridicheskogo licteya= Proceedings of the Demidov Legal Lyceum*, vol. 22, pp. 185–296 (in Russ.)
  35. Tsepov G.V. (2006) *The Joint-Stock Companies: Theory and Practice*. Moscow: Prospekt, 200 p. (in Russ.)
-

Информация об авторе:

И.А. Косякин– кандидат юридических наук.

Information about the author:

I. A. Kosiakin — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted to editorial office 06.03.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 11.12.2023.

Научная статья

УДК:347

JEL: K15, K29

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.80.109

Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника

Сергей Владимирович Ерчак

Российский государственный университет правосудия, Россия, Москва 117418,
Новочеремушкинская ул., 69,
Sergei.Erchak@moex.com.

Аннотация

Статья посвящена особенностям защиты прав и интересов корпорации лицами, к которым акции и доли переходят в порядке универсального правопреемства при наследовании. Целью работы является исследование возможности наследника осуществлять действия по защите прав и интересов корпорации. В исследовании использованы общенаучные методы познания (системный, формально-логические методы, а также специальные юридические методы (формально-юридический, метод правового моделирования и др.). Обосновано, что право на управление является «неличным» неимущественным правом участника, которое может переходить в порядке универсального правопреемства при наследовании, в связи с чем норма, предусмотренная абз. 3 ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации и устанавливающая запрет на наследование личных неимущественных прав, не применяется. Установлено, что наследник становится участником корпорации с момента принятия наследства, однако, принимая во внимание одномоментную замену наследодателя его наследником в корпоративном правоотношении, делается вывод о некорректности разграничения момента приобретения наследником права на долю в уставном капитале и права на управление корпорацией. По итогам исследования правоприменительной практики и положений российского права отмечается, что необходимо разграничивать момент, с которого такое право переходит к наследнику участника (в момент открытия наследства), и момент, с которого наследник вправе осуществлять отдельные правомочия имущественного и неимущественного характера, входящие в содержание права на управление корпорацией (с открытием наследства или с момента получения

согласия остальных участников). До момента получения согласия участников на осуществление правомочий, принадлежавших наследодателю, возникает фикция участия, которая отпадает с получением такого согласия и возникновением корпоративного правоотношения между корпорацией и наследником, или, при отказе в согласии, после реализации правомочия на выплату действительной стоимости доли. Исследование показало, что в период до момента определения круга наследников и состава наследуемого имущества в интересах корпорации и наследников действует доверительный управляющий.

Ключевые слова

корпорация; корпоративное правоотношение; универсальное правопреемство; наследование корпоративных прав; оспаривание сделок; взыскание убытков; доверительное управление долями и акциями.

Для цитирования: Ерчак С.В. Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 80–109. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.80.109

Research article

Protecting Subjective Rights and Legal Interests of a Corporation by Heirs of its Participant

Sergei V. Erchak

Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow 117418, Russia,
Sergei.Erchak@moex.com

Abstract

The article is devoted to the features of the protection of the rights and interests of the corporation by the persons to whom participating interests and shares are transferred in the order of universal succession upon the inheritance. The purpose of the paper is to study the ability of the heir to take actions to maintain the rights and interests of the corporation. The author applied both general scholar methods (systemic, formal logical methods: induction and deduction, synthesis and analysis) and special legal methods (formal legal, legal modelling method, comparative legal method). It was justified the right to manage is a “non-personal” non-property right of a participant may be transferred by the procedure of universal succession during the inheritance, hence, the norm of Article 1112 of the Civil Code establishing prohibition on inheritance of personal non-property rights does not apply. It has been identified the heir becomes a participant in the corporation from the moment of acceptance of the inheritance, however, taking into account the universal nature of succession in case of the inheritance, that implies the immediate replacement of the testator by his heir in a corporate legal relation. It is concluded it is incorrect to distinguish between the moment the heir acquires the right

to a share in the authorized capital and the right to manage the corporation. Based on the results of a study of law enforcement practice, as well as the provisions of Russian law, it is noted in relation to the inheritance of the right to manage a corporation, it is necessary to distinguish between the moment from which such a right passes to the heir of a participant (at the time of opening of the inheritance), and the moment from according that the heir has the right to exercise certain powers property and non-property nature included in the content of the right to manage a corporation (with the opening of the inheritance, but if the exercise of powers requires the consent of the remaining participants — from the moment the heir receives such consent). Until the consent of the remaining participants to exercise the powers that belonged to the testator is obtained, a fiction of participating arises, which disappears with such consent and the emergence of a corporate legal relationship between the corporation and the heir, or, in case of refusal to provide consent, after the exercise of the right to pay the actual value of the share in the charter capital. The study showed until the circle of heirs is determined, as well as the composition of the inherited property, a trustee acts on behalf and in the interests of the corporation and the heirs.

Keywords

corporation; corporate legal relation; universal succession; inheritance of corporate rights; challenging of the transactions; recovery of damages; participating interests and shares trust management.

For citation: Erchak S.V. (2024) Protecting Subjective Rights and Legal Interests of Corporation by Heirs of its Participant. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 80–109 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.80.109

Введение

Корпорация (далее также — общество) в силу особой правовой природы приобретает права и обязанности через свои органы управления (п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации¹; далее — ГК). Равным образом и защита корпорацией принадлежащих ей прав осуществляется через: лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа (далее — директор); члена коллегиального органа управления; участника как члена высшего органа управления. Действия участника корпорации от имени и в интересах последней, связанные с взысканием убытков, причиненных корпорации, а также оспариванием сделок (абз.5, 6 п. 1 ст. 65.2 ГК), возможны в силу корпоративного правоотношения между корпорацией и ее участником.

Безотносительно к дискуссии о правовой квалификации иска, предъявляемого корпорацией в лице участника в порядке, предусмотренном ст. 53.1 и ст. 65.2 ГК, есть основания полагать, что данный иск следует

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

признать не косвенным иском участника, а прямым иском корпорации. В данном случае корпорация защищает принадлежащие именно ей права и интересы, действуя в силу правовой природы и физической недетерминированности через члена высшего органа управления.

Интересна в таком случае ситуация, при которой директор действует недобросовестно, а участник корпорации отсутствует, например, по причине смерти. Вероятно, в таком случае остается не определенным лицо, которое сможет обеспечить право корпорации на собственную защиту. Поэтому весьма актуально исследование возможности корпорации защитить принадлежащие ей права и интересы предъявлением иска о взыскании причиненных убытков или об оспаривании сделки в лице наследника умершего участника.

Вопрос требует решения ряда промежуточных задач. Во-первых, необходимо определить момент, с которого наследник приобретает право на управление корпорацией. Во-вторых, следует установить момент, с которого наследник вправе осуществлять принадлежащие ему правомочия участника. В-третьих, с точки зрения цели настоящего исследования важен вопрос о субъекте, который вправе действовать от имени и в интересах корпорации до момента приобретения наследником статуса участника и возможности реализации им корпоративных правомочий без вмешательства третьих лиц.

1. Право на управление корпорацией как «неличное» неимущественное право участника

Пункт 1 статьи 1110 ГК² гласит, что при наследовании имущество, принадлежавшее наследодателю, переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства: 1) как единое целое; 2) в неизменном виде; 3) в один и тот же момент; 4) напрямую от наследодателя к наследнику, т.е. без вмешательства третьих лиц [Сергеев А.П., 2016: 9–10]. Для приобретения наследства наследник должен его принять (п. 1 ст. 1152 ГК). Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на имущество (п. 4 данной статьи). Указанная норма установила общее правило, по которому универсальное правопреемство осуществляется в отношении любого наследственного имущества, в том числе в отношении акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ. Аналогич-

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

ные по содержанию разъяснения закреплены в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»³ (далее — Постановление № 9).

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на формулировку п. 34 указанного Постановления, согласно которой наследник со дня открытия наследства является не только собственником наследственного имущества, но и носителем *имущественных* прав и обязанностей. При этом в абз. 3 ст. 1112 ГК указано, что в состав наследства не входят личные неимущественные права.

Таким образом, из буквального толкования абз. 3 ст. 1112 следует, что законом запрещается наследование исключительно неимущественных прав, *тесно связанных с личностью наследодателя*, в то время как в разъяснениях, изложенных в п. 34 Постановления, речь идет о принадлежности наследнику со дня открытия наследства имущественных прав и обязанностей. Не примечательное на первый взгляд разъяснение Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС) ставит вопрос, связанный с моментом перехода к наследнику права на управление корпорацией, принадлежавшего умершему участнику.

Так, в одном из дел суд округа прямо указал следующее: «Поскольку *личные неимущественные права* в состав наследства не входят (абз. 3 ст. 1112), неимущественные (организационные) права участника (прежде всего, право участия в управлении делами общества) не наследуются, но могут переходить к его наследникам с переходом к ним имущественных прав»⁴. Аналогичный подход, согласно которому право на управление корпорацией следует относить к личным неимущественным, наследование которых не допускается в силу абз. 3 ст. 1112, также встречается в актах ВС⁵ и арбитражных судов⁶. Указанный подход закреплен в п. 1.4 «Методических рекомендаций «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» 2010 г.⁷

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда (далее — АС) Московской области (далее — МО) от 18.02.2016 по делу № А40-55373/15 (оставлено без изменения Определением Судебной коллегии по экономическим спорам (далее — СКЭС) ВС РФ от 06.06.2016 № 305-ЭС16-5303) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ См.: Определения СКЭС ВС РФ от 07.04.2022 № 310-ЭС21-28271; от 18.10.2019 № 303-ЭС19-17609; Определение ВС РФ от 15.06.2016 № 204-ПЭК16 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ См.: Постановления АС МО от 03.02.2021 по делу № А40-36992/2020; АС Поволжского округа от 16.10.2017 по делу № А57-2152/2017; АС Дальневосточного округа от 15.07.2019 по делу № А04-6360/2017; Девятого ААС от 11.04.2023 по делу № А40-128911/2022; Пятого ААС от 08.10.2013 по делу № А59-1075/2011 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Методические рекомендации «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методи-

Вместе с тем отнесение права на управление корпорацией к личным неимущественным весьма спорно.

На некорректность деления правоотношений, регулируемых гражданским правом, на имущественные и личные неимущественные в свое время обратил внимание О.А. Красавчиков, который писал: «...если для разграничения отношений, регулируемых гражданским правом, был бы первоначально избран признак «имущественности», то, очевидно, все соответствующие отношения нашли бы себе место либо среди имущественных, либо среди неимущественных. Если бы таким разграничительным признаком являлся признак «личности», то надо полагать, что обсуждаемые социальные связи были бы рассредоточены в таких двух группах, как отношения «личные» и «неличные»» [Красавчиков О.А., 2005: 45–46]. О возможности существования и корректности выделения наряду с личными так называемых «неличных» неимущественных прав писал также И.А. Покровский [Покровский И.А., 1998: 135–138]. В любом случае для ответа на вопрос о возможности существования неимущественных прав, которые не являются личными, необходимо понять, что представляют собой личные права.

Весьма точно их охарактеризовал М.М. Агарков, который указывал, что они защищаются против всех и каждого и «неотделимы от личности субъекта права» [Агарков М.М., 2012: 107]. В то же время Е.А. Флейшиц отмечала, что личные права «непосредственно выражают и охраняют интересы личности «как таковой», как носителя индивидуальных черт, способностей, стремлений» [Флейшиц Е.А., 1941: 5]. В доктрине также отмечается, что под личными неимущественными правами следует понимать «субъективные права граждан, возникающие вследствие регулирования нормами гражданского права личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными». При этом личные неимущественные права обладают следующими признаками: 1) строго личный характер; 2) неотчуждаемость; 3) принадлежность *исключительно гражданам* (курсив везде мой.–С.Е.) [Суханов Е.А., 2011: 886–887]. Наличие у личных неимущественных прав характерных признаков позволяет сделать обоснованный вывод: помимо личных неимущественных существуют также права, пусть и являющиеся по своей правовой природе неимущественными, но которые в то же время не имеют тесной связи с личностью умершего.

К числу неимущественных прав, которые не являются личными, можно отнести право на управление корпорацией. Так, О.В. Гутников

ческого совета нотариальных палат ЮФО, С-КФО, ЦФО РФ 28-29.05.2010) // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

отмечает: «в большинстве случаев корпоративные отношения не носят личного характера хотя бы потому, что корпоративные права могут с той или иной степенью свободы отчуждаться и иным образом переходить от одного лица к другому». При этом он также не исключает возможности квалификации в качестве личного неимущественного права на управление теми корпорациями, в которых личность участника имеет существенное значение (например, полные товарищества) [Гутников О.В., 2019: 110].

Конечно, и в доктрине [Габов А.В., 2010: 61]; [Белов В.А., 2009: 574]; [Телюкина М.В., 2012: 27–30], и в правоприменительной практике⁸ неоднократно отмечалось, что характерной чертой обществ с ограниченной ответственностью (далее — ООО) является стабильность и неизменность состава участников (закрытый характер). Эта особенность может выражаться путем: реализации преимущественного права приобретения доли в уставном капитале (п. 4 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁹ (ред. от 13.06.2023; далее — Закон об ООО); отказа в согласии правопреемникам участника на осуществление правомочий участника (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Вместе с тем полное товарищество в большей степени соответствует признакам объединения лиц, в то время как ООО — в том числе признакам объединения капиталов [Шиткина И.С., 2021: 50–51]. Личность участника пусть и имеет в ООО значение, однако не столь существенное, как в полных товариществах.

Исследуя неимущественное правоотношение участия, содержанием которого выступают имущественные и неимущественные права участника, Д.В. Ломакин отмечает, что «от личных неимущественных прав (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК) они (корпоративные неимущественные права участника–С.Е.) отличаются тем, что могут свободно отчуждаться и передаваться в совокупности с иными корпоративными правами, например, при отчуждении акции в уставном капитале акционерного общества» [Ломакин Д.В., 2020: 23]. Изложенное позволяет сделать вывод, что подход Д.В. Ломакина в целом аналогичен мнению О.В. Гутникова, с некоторыми уточнениями:

Д.В. Ломакин, отрицая возможность признания неимущественных прав участника корпорации личными, говорит о некоей совокупности различных субъективных имущественных (например, право на получения ликвидационной квоты, право на участие в распределении прибыли)

⁸ См.: Постановления АС Северо-Кавказского округа от 15.07.2020 по делу № А32-35774/2019; АС ДО от 31.08.2017 по делу № А37-1905/2016; Первого ААС от 30.07.2012 по делу № А38-5863/2011; Пятого ААС от 11.04.2022 по делу № А59-3916/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ СЗ РФ. 1998. № 7. ст. 785.

и неимущественных (например, право на участие в управлении делами корпорации, право на получение информации о деятельности хозяйственного общества) прав [Ломакин Д.В., 2020: 24].

О.В. Гутников в свою очередь полагает, что существует лишь единое субъективное неимущественное право на управление корпорацией, которое состоит из конкретных правомочий, которые участник корпорации вправе осуществлять по своему усмотрению [Гутников О.В., 2017: 58–59].

Не вдаваясь в дискуссию о обоснованности той или иной позиции, отметим лишь, что автор настоящей статьи придерживается подхода, предложенного О.В. Гутниковым, поскольку существование множества субъективных прав в рамках единого права на управление корпорацией выглядит избыточным. Реализация правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, возможна с наступлением определенных обстоятельств (например, в связи с принятием общим собранием участников необходимого решения). Такая реализация правомочий и есть по ее сути реализация права на управления с тем лишь уточнением, что его реализация происходит в пределах одной части (например, в виде участия в общем собрании и голосовании по вопросам повестки дня, в виде получения имущества при ликвидации корпорации и т.п.).

Гораздо проще решается вопрос об отнесении к личным неимущественным права участника на управление акционерным обществом (далее — АО), поскольку Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁰ (далее — Закон об АО) в принципе не содержит положений, которые каким-либо образом ограничивали бы право акционера совершить тем или иным образом отчуждение принадлежащих ему акций (за исключением преимущественного права и необходимости получения согласия, как это предусмотрено в п. 3 и п. 5 ст. 7 Закона об АО). Равным образом в Законе об АО отсутствуют ограничения, связанные с возможностью перехода права на управление корпорацией к правопреемникам (например, к наследникам) акционера, поскольку наследники, к которым перешли акции, вошедшие в состав наследственного имущества, становятся участниками АО (п. 3 ст. 1176 ГК). Весьма интересно, что включение таких положений в устав АО признается незаконным, поскольку прямо противоречит положениям Закона об АО¹¹.

Неизменность персонального состава участников в АО играет еще меньшую роль по сравнению с ООО. В таком случае право на управление

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹¹ См.: Постановление Седьмого ААС от 22.12.2020 по делу № А45-16404 // СПС КонсультантПлюс.

АО также нельзя отнести к личным неимущественным правам участника. Кроме того, при определении правовой природы права на управление необходимо иметь в виду, что в силу абз. 2 п. 5 ст. 66 ГК участниками хозяйственных обществ могут быть граждане и юридические лица. Признание права на управление корпорацией личным должно приводить к выводу: юридические лица могут обладать личными неимущественными правами. Вне всяких сомнений, никто кроме физических лиц личными правами обладать не может, следовательно, такое право является «неличным». Равным образом отнесение права на управление корпорацией к личным правам не может быть поставлено в зависимость от статуса его обладателя: физические лица и юридические лица в данном случае являются равноправными субъектами корпоративного правоотношения.

Таким образом, право на управление корпорацией по своей природе является «неличным», поскольку не имеет тесной связи с личностью участника в силу возможности его отчуждения при продаже долей и акций, а также потому, что личные права могут принадлежать только гражданам, в то время как участниками хозяйственного общества также могут быть и юридические лица.

2. Переход права на управление корпорацией при наследовании

Невозможность признания права на управление личным неимущественным свидетельствует о его переходе к наследнику с момента принятия наследства, поскольку норма о недопустимости наследования личных неимущественных прав, принадлежавших наследодателю (абз. 3 ст. 1112 ГК), в данном случае не применяется.

Вместе с тем в правоприменительной практике встречается подход, согласно которому в наследственную массу входит только доля в уставном капитале, представляющая собой совокупность имущественных прав и обязанностей в отношении корпорации, в то время как неимущественные права переходят к наследнику безусловно либо при наличии согласия остальных участников на такой переход¹². Вероятно, такой подход встречается лишь потому, что распространено неточное понимание доли в уставном капитале как комплекса взаимосвязанных прав и обязанностей имущественного и неимущественного характера. Например, в абз. 2 п. 66 Постановления № 9 содержится разъяснение, согласно которому для получения свидетельства о праве на наследство (для перехо-

---

¹² См.: Постановления 12-го ААС от 25.07.2017 по делу № А57-2152/2017; 9-го ААС от 02.07.2019 по делу № А40-98831/18 // СПС КонсультантПлюс.

да имущественного права на долю к наследнику.–С.Е.) согласие остальных участников не требуется. Свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля в уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем хозяйственном обществе (абз. 3 п. 66 Постановления).

Таким образом, переход к наследнику доли, если он возможен в силу ее правовой природы, осуществляется в момент принятия наследства и не зависит от волеизъявления остальных участников. Однако при таком подходе переход права на управление корпорацией ставится в зависимость от согласия остальных участников (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Если согласия остальных участников на переход не требуется, то с момента принятия наследства к лицу, принявшему наследство, право на управление корпорацией переходит в полном объеме¹³. В то же время отказ остальных участников от согласия на такой переход названных выше правовых последствий не влечет¹⁴.

Двойственность такого подхода вызывает сомнение в необходимости получения согласия на переход к наследнику прав, принадлежавших наследодателю, поскольку универсальное правопреемство не может быть поставлено в зависимость от согласия третьих лиц (при универсальном правопреемстве предполагается одномоментная замена наследодателя его наследником). Следует еще раз подчеркнуть, что не существует совокупности прав, которые удостоверяются долей в уставном капитале, которые можно делить на имущественные и неимущественные. Участник корпорации обладает лишь правом на управление, содержанием которого являются не отдельные субъективные права, а различные правомочия, доступные для реализации участнику.

В частности, С.Ю. Филиппова со ссылкой на предложенную М.М. Агарковым классификацию прав отмечает, что нельзя отождествлять право наследника участника хозяйственного общества на бездокументарную ценную бумагу и корпоративные права, в том числе неиму-

¹³ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 26.08.2016 № 306-ЭС16-8387; Определение СКЭС ВС РФ от 28.01.2016 № 309-ЭС15-10685; Постановления Президиума ВАС РФ от 20.12.2011 № 10107/11; АС МО от 29.03.2023 по делу № А40-170985/2021; АС ЗСО от 24.01.2019 по делу № А03-11552/2016; АС ЗСО от 27.02.2017 по делу № А56-2906/2014; АС МО от 04.07.2017 по делу № А41-19303/2016; АС СКО от 21.05.2019 по делу № А53-29680/2018; АС МО от 11.04.2016 по делу № А40-22318/2015; Тринадцатого ААС от 30.06.2017 по делу № А56-66306/2016; Пятнадцатого ААС от 16.03.2022 по делу № А32-19551/2021 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 22.12.2017 № 302-ЭС17-18995; Постановления ФАС ВВО от 27.02.2013 по делу № А28-2874/2012; АС ЗСО от 28.04.2021 по делу № А45-6993/2020; АС МО от 29.03.2023 по делу № А40-170985/2021; АС ЦО от 10.06.2020 по делу № А08-941/2019 // СПС КонсультантПлюс.

щественные (право на участие в управление делами корпорации, право на контроль за финансово-хозяйственной деятельностью корпорации, право на информацию), удостоверенные бездокументарной ценной бумагой [Филиппова С.Ю., 2019: 21]. С.А. Бурлаков аналогичным образом применительно к наследованию долей в уставном капитале проводит разграничение прав на долю и прав из доли [Бурлаков С.А., 2022: 60–74]. Указанные исследователи делают вывод, что моменты перехода к наследнику участника права на долю в уставном капитале и перехода к наследнику самих корпоративных прав (а не возможности их осуществления) в некоторых случаях могут не совпадать.

Вместе с тем изложенный выше подход не в полной мере учитывает особенности доли в уставном капитале. Так, в доктрине продолжительное время идет дискуссия относительно правовой природы доли в уставном капитале (очевидно, что нет никаких препятствий для распространения тезисов такой дискуссии на бездокументарные ценные бумаги). С.Д. Могилевский указывает, что всего выделяется четыре концепции правовой природы доли в уставном капитале: вещно-правовая; обязательно-правовая; имущественно-правовая; корпоративно-правовая (комплексно-правовая) [Могилевский С.Д., 2010: 35–43]. Согласно последнему из вышеперечисленных подходов доля в уставном капитале представляет собой совокупность имущественных прав и обязанностей участника общества, объем которых определяется размером вклада участника [Новоселова Л.А., 2007: 207]. А.Я. Курбатов отмечает, что доля в уставном капитале — это права участника, имеющие номинальную стоимость и определяемые через пропорцию (долю) его участия в формировании уставного капитала общества» [Курбатов А.Я., 2018: 42–48].

По мнению А.А. Максурова, доля в уставном капитале представляет собой сложное комплексное субъективное право: «имущественные («классические» гражданско-правовые) и корпоративные элементы» [Максуров А.А., 2021: 59]. Сходную позицию занимает Р.С. Фатхутдинов, который равным образом полагает, что доля в уставном капитале представляет собой «субъективное право на участие в организации деятельности общества, состоящее из единого и неделимого комплекса правомочий участника общества» [Фатхутдинов Р.С., 2009: 45]. Вместе с тем в доктрине встречается подход, согласно которому право участия, которое выражено долей в уставном капитале, не может быть признано самостоятельным субъективным правом, поскольку существует лишь право на управление юридическим лицом, в состав которого входят управленческие и связанные с ними правомочия [Гутников О.В., 2018: 172].

Анализ изложенных точек зрения на правовую природу доли в уставном капитале позволяет сделать вывод: доля в уставном капитале ООО,

равно как и акция в уставном капитале АО являются меру или, если говорить иными словами, способ измерения принадлежащего участнику корпорации неимущественного права на управление корпорацией. Весьма интересно, что такой подход, пусть и опосредованно, но находит подтверждение в практике ВС¹⁵, что не удивительно, поскольку от размера доли или количества акций, принадлежащих участнику, зависят, например, размер дивидендов, возможность влияния на принятие общим собранием участников решений, перечень документов, к которым у акционера имеется доступ, и т.п.

Нельзя также не согласиться с тем, что принадлежность права на долю в уставном капитале в отрыве от права на управление, удостоверенного ею, сама по себе ценности не имеет. Доля участия неразрывно связана с правами участника корпорации: во всех без исключения случаях, приобретая долю в уставном капитале, лицо намерено получить не абстрактную долю, а конкретное право на управление корпорацией, объем которого неразрывно связан с размером приобретенной доли или количеством акций в уставном капитале хозяйственного общества.

Недопустимость разграничения момента перехода права на долю и права из доли равным образом объясняется и с точки зрения универсальности наследственного правопреемства. В частности, с позиции противоположного подхода весьма трудно разрешить вопрос о судьбе права на управление корпорацией, принадлежавшего наследодателю до момента смерти: если согласиться с тем, что момент перехода права на долю в уставном капитале может не совпадать с моментом перехода права, удостоверенного долей участия, то возникает временной разрыв между датой открытия наследства (днем смерти наследодателя) и моментом перехода к наследнику такого права. Здесь можно говорить не о правопреемстве, как одномоментной замене наследодателя его наследником (наследниками) во всех правоотношениях в условной точке «А» (дне открытия наследства), а только лишь о возникновении новых прав в условной точке «Б» (дне перехода к наследнику корпоративных прав) и, следовательно, появлении нового субъекта права. Это не вписывается в общее понимание наследования и его универсального характера.

Сторонники возможности разграничения момента перехода права на долю и права из доли могут возразить, указав, что в отечественном законодательстве предусмотрена возможность «недопуска наследников» [Курбатов А.Я., 2022: 234], характерная для ООО. Однако и такой довод можно аргументированно опровергнуть.

¹⁵ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС23-8438 // СПС КонсультантПлюс.

В частности, переход прав на долю в уставном капитале ООО к наследникам участника, если это предусмотрено уставом хозяйственного общества, допускается только с согласия остальных участников общества (абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК). В доктрине уже отмечалось, что формулировка указанной нормы некорректна, поскольку название статьи говорит о наследовании прав, связанных с участием в хозяйственных обществах, а из ее содержания следует, что речь в ней идет в том числе о переходе к наследнику долей в уставном капитале, что вовсе не одно и то же. К.Б. Ярошенко справедливо отмечает, что «ст. 1176 ГК РФ не имеет никакого отношения к общему порядку наследования» [Ярошенко К.Б., 2017: 54]. Аналогичные неточные формулировки законодатель также использовал при формулировании п. 8 и п. 10 ст. 21 Закона об ООО, в которых, как следует из их буквального толкования, от получения согласия остальных участников зависит переход к наследнику доли в уставном капитале ООО.

Возможно, в абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК и п. 8 ст. 21 Закона об ООО речь идет не о переходе прав на долю или акцию, поскольку последние являются лишь способом определения размера принадлежащего участнику права на управление корпорацией, и даже не о переходе самого права на управление, которое, вне всяких сомнений, должно переходить к наследнику с момента открытия наследства в силу универсального характера наследственного правопреемства. Применительно к данному случаю уставом хозяйственного общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников на осуществление наследником отдельных правомочий, составляющих содержание субъективного гражданского права на управление корпорацией. Получается, что остальные участники лишь дают конкретному наследнику умершего участника согласие на участие в общих собраниях акционеров, получение информации о деятельности общества и т.п. Если такое согласие не получено (т.е. наследнику отказали в осуществлении правомочий, входящих в содержание права на управление корпорацией), то у такого наследника остается единственное правомочие, входящее в содержание рассматриваемого права, реализация которого не зависит от волеизъявления третьих лиц, – требование выплаты действительной стоимости доли¹⁶.

В поддержку предложенного порядка наследования права на управление корпорацией можно указать, что с точки зрения наследственного правоотношения нет принципиальной разницы в наследовании права на управление ООО и права на управление АО. Нельзя признать обоснов-

---

¹⁶ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611; Постановления АС МО от 04.03.2022 по делу № А40-126223/2021; АС МО от 02.06.2022 по делу № А40-243999/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ванным подход, при котором в ООО, в отличие от АО, которые также являются хозяйственными обществами, порядок наследования, установленный ст. 1152 и ст. 1176 ГК, может различаться. Принцип стабильности состава участников ООО не может ограничивать универсальности правопреемства при наследовании. Равным образом, рассматривая случаи наследования права на управление ООО, нельзя согласиться с тем, что волеизъявление третьих лиц (т.е. остальных участников корпорации) может каким-либо образом препятствовать переходу (а не возможности их осуществления) к наследнику всех прав и обязанностей, принадлежавших наследодателю.

В любом случае лицо, к которому переходят права и обязанности, принадлежавшие умершему участнику, должно становиться стороной соответствующего корпоративного правоотношения. Вместе с тем до момента получения согласия остальных участников на осуществление отдельных правомочий, входящих в содержание права на управление корпорацией, если такое согласие требуется в соответствии с уставом ООО, наследник участником корпорации не становится.

Целесообразно предложить подход, согласно которому с момента принятия наследства возникает фикция участия наследника в ООО, уставом которого предусмотрено получение согласия остальных участников на осуществление права на управление такой корпорацией. Если участники ООО выразят в порядке, предусмотренном законом и уставом корпорации, согласие на осуществление наследником правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, то такая фикция отпадает по причине ненадобности: участник вправе осуществлять все правомочия без каких-либо ограничений. При отказе остальных участников такая фикция равным образом отпадает, однако, в отличие от первой ситуации, у наследника остается правомочие на выплату ему действительной стоимости доли в уставном капитале ООО.

Допустимость возникновения фикции также можно обосновать со ссылкой на п. 66 Постановления № 9, согласно которому свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля в уставном капитале ООО, является основанием постановки вопроса об участии наследника в соответствующем обществе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли либо соответствующей ей части имущества. Автор полагает, что ВС равным образом подтверждает наличие неопределенности в возникающих правоотношениях, которая может быть разрешена лишь в дату получения согласия (отказа в предоставлении согласия) остальных участников ООО.

Еще одним весьма важным аргументом в поддержку позиции автора является следующее. В силу ст. 1173 ГК на срок с момента принятия

наследства (п. 4 ст. 1152 ГК) и до момента получения свидетельства о праве на наследство (ст. 1162 ГК; п. 66 Постановления № 9) нотариус в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО, перешедшей к наследнику в составе наследуемого имущества.

Учреждение доверительного управления обеспечивает соблюдение прав и правовых интересов наследника умершего участника, а также самого хозяйственного общества на стабильность состава участников, поскольку доверительный управляющий осуществляет не только охрану, но и управление наследственным имуществом, в том числе: участвует в общих собраниях участников; голосует по вопросам повестки дня с учетом ограничений, установленных гл. 53 ГК, договором доверительного управления и уставом корпорации.

Однако возникает весьма любопытное обстоятельство: если с момента принятия наследства к наследнику не переходит право на управление корпорацией, то получается, что и к доверительному управляющему такое право перейти не может. Доверительный управляющий имеет возможность осуществления лишь тех прав (и в том объеме), которые удостоверены долей участия в уставном капитале. Иной подход представить трудно, к тому же для этого нет каких-либо существенных оснований. Следовательно, если бы к наследнику не перешло право на управление, доверительное управление являлось бы невозможным. Тот факт, что учредителем доверительного управления в данном случае выступает нотариус, не влияет каким-либо образом на необходимость принадлежности права на управление самому наследнику. Субъективное право не может существовать без субъекта права, а нотариус в рассматриваемом случае очевидно не является субъектом права не является. Он выступает в качестве лица, обеспечивающего соблюдение должных процедур при наследовании в ситуации неопределенности персонального состава наследников или возможных конфликтов между ними.

3. Осуществление права на управление корпорацией и отдельных правомочий, входящих в его содержание

Анализ правоприменительной практики показывает, что системное толкование положений ст. 1152 и ст. 1176 ГК с учетом разъяснений, изложенных в п. 34 Постановления № 9, позволяет судам делать вывод: наследник акционера (участника) корпорации с момента приобретения прав на акции (доли в уставном капитале) хозяйственного общества наследник в то же время вправе осуществлять корпоративные права, удостоверенные такими акциями (долями в уставном капитале). Ины-

ми словами, в указанном случае, по мнению судов, наследник акционера (участника) становится субъектом корпоративного правоотношения с момента принятия наследства и независимо от факта внесения сведений о наследнике как об акционере (участнике) хозяйственного общества в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) или в реестр владельцев ценных бумаг.

Так, за наследником участника хозяйственного общества, сведения о котором не внесены в ЕГРЮЛ или реестр владельцев ценных бумаг, признается право на оспаривание сделок¹⁷ и решений высшего органа управления корпорации¹⁸. При этом возможность оспаривания сделок, совершенных корпорацией в лице директора, а также решений органов управления неразрывно связана с наличием корпоративного правоотношения между корпорацией и членом высшего органа управления, фактически предъявляющим соответствующее требование (в абз. 6 п. 1 ст. 65.2 и п. 3 ст. 181.4 ГК, п. 1 ст. 43, п. 6 ст. 45 и п. 4 ст. 46 Закона об ООО, п. 7 ст. 49, п. 6 ст. 79 и п. 1 ст. 84 Закона об АО речь идет об участнике (акционере) хозяйственного общества, который предъявляет иск от имени и в интересах корпорации).

Вместе с тем в правоприменительной практике встречается и прямо противоположный подход. Арбитражные суды делают вывод, что для осуществления корпоративных прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой (долей в уставном капитале), право на которую возникло у наследника в силу ст. 1152 и 1176 ГК, необходима совокупность юридических фактов. К числу таких фактов суды относят внесение сведений в ЕГРЮЛ¹⁹ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг АО²⁰ о наследнике как об участнике.

Перечисленные подходы к определению момента, с которого наследник акционера (участника) хозяйственного общества вправе осуществлять принадлежащее ему право на управление корпорацией, прямо противоположны друг другу, поскольку такое право может осуществляться: либо с момента принятия наследства; либо с момента внесения

¹⁷ См.: Постановления АС МО от 02.11.2018 по делу № А41-15013/2017; АС ПО от 09.06.2020 по делу № А65-2456/2018; АС ДО от 11.05.2016 по делу № А59-4274/2013; АС СЗО от 08.11.2016 по делу № А66-7692/2015; АС СКО от 09.08.2022 по делу № А32-53076/2021 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ См.: Постановления ФАС МО от 15.11.2013 по делу № А40-81338/12-57-769; ФАС ДО от 05.03.2012 по делу № А73-14693/2010 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ См.: Постановление АС ДО от 13.10.2015 по делу № А51-31352/2014 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ См.: Постановление Десятого ААС от 15.12.2022 по делу № А41-52979/2021; ФАС СЗО от 02.03.2011 по делу № А56-22327/2010 // СПС КонсультантПлюс.

сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. Правильен лишь первый подход, поскольку возможность осуществления права на управление корпорацией, которое перешло к лицу в порядке универсального правопреемства при наследовании, может осуществляться независимо от записей в ЕГРЮЛ или реестре владельцев ценных бумаг.

Закон об ООО устанавливает, что доля или часть доли в уставном капитале ООО переходит к ее приобретателю с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ (абз. 1 п. 12 ст. 21 Закона). При этом в силу п. 7 ст. 93 ГК переход доли участника ООО к другому лицу влечет за собой прекращение его участия в обществе. Таким образом, с момента внесения записи о переходе прав на долю в уставном капитале у приобретателя доли возникают все права и обязанности, принадлежащие участнику общества и возникшие до совершения сделки, направленной на отчуждение указанной доли или части доли в уставном капитале общества (абз. 2 п. 12 ст. 21 Закона об ООО).

Применительно к АО Гражданский кодекс и Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»²¹ (далее — Закон о рынке ценных бумаг) устанавливают следующее правовое регулирование. Пункт 1 ст. 149.2 ГК предусматривает, что передача прав на бездокументарные ценные бумаги приобретателю осуществляется посредством списания бездокументарных ценных бумаг со счета лица, совершившего их отчуждение, и зачисления их на счет приобретателя на основании распоряжения лица, совершившего отчуждение. При этом права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя (п. 2 ст. 149.2 ГК). Право требовать от обязанного лица исполнения по бездокументарной ценной бумаге признается за лицом, указанным в учетных записях в качестве правообладателя, или за иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге (абз. 2 п. 1 ст. 149 ГК). Аналогичные положения также закреплены в п. 1 и п. 2 ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг.

Таким образом, по общему правилу переход права на управление как ООО, так и АО, и, следовательно, возможность осуществления отдельных правомочий, входящих в содержание такого права, поставлены в зависимость от внесения записи в ЕГРЮЛ или реестр владельцев ценных бумаг²². Вместе с тем необходимо заметить, что указанный подход

---

²¹ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

²² См.: Определения СКЭС ВС РФ от 06.06.2016 № 305-ЭС16-5303; СКЭС ВС РФ от 19.01.2017 № 305-ЭС16-10612; СКЭС ВС РФ от 19.12.2016 № 305-ЭС16-10612; Поста-

применим только в случаях сингулярного, а не универсального правопреемства.

При сингулярном правопреемстве правопреемник заменяет правопреемника не во всех, а лишь в некоторых правоотношениях. Именно поэтому сингулярное правопреемство, в отличие от универсального представляет собой не вынужденную меру в целях определения дальнейшей судьбы имущества, принадлежавшего наследодателю, а порождение гражданского оборота [Белов В.А., 2001: 8]. Кроме того, при сингулярном правопреемстве одновременно наличествуют две стороны: правопреемник и лицо, которому право принадлежало ранее. Именно поэтому переход права на управление корпорацией и, следовательно, возможность осуществления отдельных правомочий участника, который, по общему правилу, происходит на основании гражданско-правовой сделки, поставлен в зависимость от внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. В рассматриваемом случае обе стороны предпринимают совместные усилия к скорейшему внесению необходимых регистрационных записей с целью прекращения прав предыдущего участника и их скорейшего возникновения у приобретателя.

В то же время при наследовании права на управление корпорацией наличествует лишь один субъект — наследник, поскольку наследодателя на момент принятия наследства уже нет в живых. Наследник в той или иной степени становится зависим от действий нотариуса и иных наследников, что не характерно для сингулярного правопреемства, которое имеет место при совершении гражданско-правовой сделки.

Важно также, что осуществление правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, с момента внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг при сингулярном правопреемстве неразрывно связано с необходимостью строгой фиксации момента, с которого правопреемник заменяет правопреемника в конкретном правоотношении. При наследовании права на управление корпорацией такая фиксация не имеет столь важного значения, поскольку правоотношение не прерывается и отсутствует факт появления нового субъекта.

Кроме того, значение фиксации даты внесения сведения в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг связана с тем, что переход прав в порядке сингулярного правопреемства может нарушать или каким-либо образом ущемлять права

и правовые интересы третьих лиц [Латыев А.Н., 2021: 60]. Например, при заключении договора купли-продажи акций (долей в уставном капитале) может быть нарушено преимущественное право других акционеров (участников) на приобретение акций (долей в уставном капитале) в порядке, предусмотренном законами об АО, об ООО и уставом хозяйственного общества. В то же время при переходе права на управление корпорацией в порядке универсального правопреемства при наследовании права и интересы третьих лиц не нарушаются, поскольку сама по себе универсальность такого правопреемства направлена на недопущение возникновения субъективного права без субъекта.

Таким образом, применительно к случаям перехода права на управление корпорацией в порядке универсального правопреемства при наследовании осуществление отдельных правомочий, принадлежавших умершему акционеру (участнику) корпорации, не должно ставиться в зависимость от внесения сведений в ЕГРЮЛ или приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг. При решении данной категории дел некоторые арбитражные суды полагают, что «действующее законодательство исходит из принципа одновременного перехода непосредственно права на ценную бумагу, удостоверенных ею прав, и, следовательно, возможности осуществления отдельных правомочий, которые входят в содержание такого права»²³. Такой вывод верен только при условии, что осуществление правомочий последует после выдачи свидетельства о праве на наследство и в зависимости от организационно-правовой формы хозяйственного общества.

До момента выдачи свидетельства имеется ситуация неопределенности: личность наследника, а также его доля не могут быть достоверно определены. В таком случае осуществление правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией и неразрывно связанных с определенным размером такого права, становится невозможным. К числу таких правомочий можно отнести: 1) исключение участника из ООО по требованию лиц, совокупный размер права на управление корпорацией которых составляет не менее 10% (ст. 10 Закона об ООО); 2) оспаривание крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, корпорацией в лице участника, который обладает правом на управление корпорацией в размере не менее 1% (п. 6 ст. 45, п. 4 ст. 46 Закона об ООО, п. 6 ст. 79, п. 1 ст. 84 Закона об АО); 3) получение акционером информации о деятельности АО в случаях, предусмотренных законом (п. 2, 3, 5 ст. 91 Закона об АО).

---

²³ См.: Постановление ФАС ДО от 15.08.2013 по делу № А73-12041/2012 // СПС КонсультантПлюс.

Значит, до получения свидетельства о праве на наследство ни хозяйственное общество, ни арбитражный суд, рассматривающий дело по иску общества в лице участника или самого участника, не могут определить личность наследника, а также размер права на управление корпорацией, которое принадлежит наследнику с момента принятия наследства. Специально для таких случаев законодателем и была предусмотрена возможность учреждения доверительного управления.

Для защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных лиц исполнителем завещания или нотариусом по месту открытия наследства принимаются меры, указанные в ст. 1172 и 1173 ГК (п. 1 ст. 1171 ГК). При этом в силу п. 1 ст. 1173, если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (например, доля в уставном капитале и ценные бумаги), нотариус в соответствии со ст. 1026 в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом.

Как указал Высший Арбитражный Суд, «в период между датой открытия наследства и датой выдачи свидетельства о праве собственности на наследство временно возникает неопределенность состава участников»²⁴, в связи с чем в целях обеспечения баланса интересов корпорации, наследников и остальных участников может быть введено доверительное управление. Вместе с тем введение доверительного управления вызывает ряд вопросов, связанных, в первую очередь, с возможностью реализации доверительным управляющим всех правомочий, входящих в право на управление корпорацией.

На практике встречается подход, согласно которому доверительный управляющий не вправе осуществлять отдельные правомочия, принадлежавшие умершему участнику, в том числе участвовать в общих собраниях и голосовать по вопросам повестки дня²⁵. Такой подход является несколько устаревшим, поскольку не учитывает целей передачи доли в уставном капитале общества в доверительное управление. Действительно, надлежащая охрана и управление переданным в доверительное управление имуществом невозможны без осуществления правомочий, которые входят в содержание права на управление корпорацией. В таком случае доверительный управляющий в целях защиты прав и правовых интересов наследника умершего участника вправе действовать как участник общества, в том числе оспаривать сделки, совершенные корпо-

²⁴ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 27.03.2012 № 12653/11 по делу № А36-3192/2010 // СПС КонсультантПлюс.

²⁵ См.: Постановления ФАС ВВО от 31.08.2010 по делу № А29-10522/2009; Девятого ААС от 15.03.2010 по делу № А40-116963/2009; Восемнадцатого ААС от 01.09.2008 по делу № А07-16017/2007 // СПС Консультант Плюс.

рацией; оспаривать решения органов управления общества; требовать взыскания убытков с органов управления корпорации.

Однако иногда доверительный управляющий осуществляет свои обязанности в рамках договора доверительного управления недобросовестно, в том числе действует исключительно в собственных интересах²⁶. Вместе с тем на этапе учреждения доверительного управления невозможно достоверно знать ход событий, поскольку нотариус и наследники могут лишь предугадать возможные негативные последствия и принять меры к их минимизации путем дальнейшего привлечения доверительного управляющего к предусмотренной законодательством ответственности.

Арбитражные суды ныне признают правомерность участия доверительного управляющего в общих собраниях и голосования по повестке дня с учетом положений Закона об ООО, устава ООО, а также положений договора доверительного управления²⁷. Аналогичный подход, с которым следует согласиться, закреплен в п. 4.7 «Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью»²⁸. Выходит, что нет веских оснований для применения иного подхода при разрешении вопроса о наличии у доверительного управляющего акциями (долями в уставном капитале) возможности оспаривать сделки, совершенные обществом в лице директора, или требовать взыскания убытков, причиненных обществу. Все перечисленные правомочия входят в содержание субъективного права на управление корпорацией и принадлежат наследнику с момента принятия наследства, однако до получения последним свидетельства о праве на наследство не могут быть им реализованы и, следовательно, должны осуществляться доверительным управляющим.

Доверительное управление, учреждаемое нотариусом в порядке, предусмотренном ст. 1171 и 1173, направлено на защиту прав и правовых интересов не только наследников, но и самого хозяйственного общества в целях обеспечения должного уровня корпоративного управления. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа со ссылкой на п. 4.8 «Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» указал, что договор доверительного управления долей в уставном капитале ООО не может

---

²⁶ См.: Постановление АС МО от 03.03.2022 по делу № А40-86209/2021 // СПС Консультант Плюс.

²⁷ См.: Постановления АС МО от 16.08.2021 по делу № А40-157704/2020; АС ЦО от 10.10.2018 по делу № А68-10235/2017; АС ЗСО от 24.01.2019 по делу № А03-11552/2016 // СПС КонсультантПлюс.

²⁸ Утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 — 29.05.2010.

быть заключен ранее получения согласия остальных участников, если необходимость получения согласия на осуществление права на управление корпорацией предусмотрена уставом общества²⁹. Обоснованность такого подхода вызывает сомнения.

Как сказано выше, в абз. 2 п. 66 Постановления № 9 установлено, что свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля или часть доли в уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем обществе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли либо соответствующей ей части имущества, который разрешается в соответствии с ГК, законами или учредительными документами хозяйственного общества.

В силу п. 10 ст. 21 Закона об ООО согласие предоставляется в течение 30 дней с момента получения заявления наследника умершего участника, если иной срок не установлен уставом ООО. Нетрудно догадаться, что при таком подходе учреждение доверительного управления, даже если участнику будет дано согласие на осуществление перешедшему к нему права на управление корпорацией, может быть отложено на длительный срок, который с учетом времени, необходимого для получения свидетельства о праве на наследство (включая возможные судебные споры об определении личности наследников, состава наследственной массы и т.п.), а также получения согласия остальных участников (п. 8 ст. 21 Закона об ООО) составит не один и, возможно, даже не два года.

Обоснованным выглядит подход, при котором доверительное управление наследственным имуществом учреждается независимо от необходимости согласия остальных участников ООО, поскольку это позволит доверительному управляющему в кратчайшие сроки принять необходимые меры к сохранению рыночной стоимости права на управление корпорацией и не допустить отчуждения активов, принадлежащих обществу, по заниженной стоимости. Для этих целей доверительному управляющему, договор с которым должен заключаться незамедлительно с момента принятия наследства, принадлежит возможность оспаривания сделок и взыскания убытков, действуя от имени и в интересах корпорации.

После получения свидетельства о праве на наследство хотя бы одним наследником такой наследник становится учредителем доверительного управления и вправе прекратить договор доверительного управления (п. 8 ст. 1173 ГК). Следовательно, с момента получения свидетельства

---

²⁹ См.: Постановление АС ДО от 15.07.2019 по делу № А04-6360/2017; АС ДО от 07.03.2019 по делу № А51-13354/2018 // СПС КонсультантПлюс.

о праве на наследство наследник вправе самостоятельно осуществлять правомочия участника ООО (если только для этого не требуется согласия остальных участников)³⁰. При этом факт невнесения в ЕГРЮЛ сведений о наследнике как об участнике общества правового значения не имеет.

Что касается защиты прав и правовых интересов корпорации в случае смерти участника АО, необходимо отметить следующее. В большинстве случаев реализация правомочий участника АО неразрывно связана с внесением сведений о лице в реестр владельцев ценных бумаг общества. Так, например, невозможно без внесения приходной записи по лицевому счету участвовать в общих собраниях акционеров и, следовательно, оспаривать решения, принятые на таких собраниях (п. 7 ст. 49 и ст. 51 Закона об АО).

Лицами, ответственными за исполнение по бездокументарной ценной бумаге, являются лица, выпускающие ценную бумагу (абз. 1 п. 1 ст. 149 ГК). При этом право требовать у обязанного лица исполнения по бездокументарной ценной бумаге признается за лицом, указанным в учетных записях в качестве правообладателя, или за иным лицом, которое в соответствии с законом осуществляет права по ценной бумаге (абз. 2 п. 1 ст. 149).

Таким образом, по общему правилу лицо, сведения о котором отсутствуют в реестре владельцев ценных бумаг, не вправе требовать исполнения от лица, обязанного по ценной бумаге, т.е. самого АО. В таком случае наследник действительно не вправе участвовать в общих собраниях акционеров и требовать участия в них до внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг, поскольку все решения, принимаемые таким собранием, являются решениями самого общества.

В то же время практика пошла по иному пути, признавая за наследником акционера возможность участия в общих собраниях независимо от даты внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг³¹. Однако весьма интересно следующее дело.

Наследники умершего акционера обратились в суд с иском о признании недействительным решения общего собрания акционеров по причине их неизвещения обществом. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворе-

---

³⁰ См.: Постановление АС МО от 14.07.2021 по делу № А41-32023/2020 // СПС КонсультантПлюс.

³¹ См.: Определение ВАС РФ от 27.12.2011 № ВАС-17216/11 по делу № А49-1925/2011; Постановление АС СЗО от 08.11.2016 по делу № А66-7692/2015 // СПС КонсультантПлюс.

нии исковых требований, указал, что сведения о наследниках не были внесены в реестр владельцев ценных бумаг АО, что препятствует осуществлению прав, удостоверенных бездокументарной ценной бумагой, в силу положений, предусмотренных ст. 149.2 ГК и ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг³². Арбитражный суд Московского округа, согласившись с указанными выводами, тем не менее отменил постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, указав, что в рассматриваемом деле: 1) нотариусом не было учреждено доверительное управление в порядке, предусмотренном ст. 1171 и 1173; 2) имели место явно недобросовестные действия органов управления АО, связанные с неизвещением наследников о проведении общего собрания в ситуации, когда было достоверно известно, что акционер, сведения о котором содержатся в реестре владельцев ценных бумаг, умер³³.

Однако вывод суда округа нельзя поддержать, поскольку регистрационная система учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами, существенно отличается от процедуры внесения записей в ЕГРЮЛ в отношении участников ООО. Получается, что отсутствие сведений о лице в реестре владельцев ценных бумаг препятствует осуществлению правомочий участника АО, поскольку имеется предусмотренная ГК возможность учреждения доверительного управления. При этом учреждение доверительного управления возможно не только по инициативе нотариуса, но и самих наследников, а непринятие ими должных мер к защите собственных прав и интересов должно исключать возможность осуществления ими правомочий, принадлежащих участнику АО.

Применительно к осуществлению иных правомочий, направленных на защиту прав и интересов корпорации (оспаривание сделок, совершенных корпорацией, взыскание убытков с членов органов управления корпорации), как следует из буквального толкования п. 1 ст. 149 ГК, записи в реестре владельцев ценных бумаг АО не требуется, ибо здесь отсутствует требование к лицу, обязанному по бездокументарной ценной бумаге. Кроме того, иски, предусмотренные ст. 53.1 и 65.2 ГК, являются исками АО, а не его акционеров, а потому было бы, как кажется на первый взгляд, неверно ограничивать правомочия акционера необходимостью внесения записи в реестр владельцев ценных бумаг.

В одном из дел Арбитражный суд Московского округа признал за наследником умершего акционера возможность оспаривания сделок, со-

³² См.: Постановление Девятого ААС от 16.01.2023 по делу № А40-162711/2022 (отменено вступившим в законную силу Постановлением АС МО от 26.04.2023 по тому же делу) // СПС КонсультантПлюс.

³³ См.: Постановление АС МО от 26.04.2023 по делу № А40-162711/2022 // СПС КонсультантПлюс.

вершенных корпорацией в лице директора, в отсутствие приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг³⁴. В качестве одного из доводов суд округа указал на длительный корпоративный конфликт между наследником и вторым акционером, что препятствовало внесению регистрации права истца как акционера. Такой подход является весьма спорным, поскольку в силу абз. 1 п. 5 ст. 149.2 ГК оформление перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке наследования производится на основании предъявленного наследником свидетельства о праве на наследство. После получения такого свидетельства наследник вправе обратиться к лицу, ведущему реестр владельцев ценных бумаг АО, в целях внесения необходимых приходных записей.

Возможность оспаривания сделок и взыскания убытков с членов органов управления корпорацией допускается в лице акционера, т.е. члена высшего органа управления АО. Вероятно, до момента внесения приходной записи по лицевому счету наследнику недоступно осуществление отдельных правомочий, которые в силу особенностей регистрационного учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами, принадлежат члену высшего органа управления АО. Кроме того, возможность оспаривания сделок, совершенных корпорацией, связана с необходимостью обладания не менее чем 1% голосующих акций общества (п. 6 ст. 79, п. 1 ст. 84 Закона об АО). В таком случае определение процентного соотношения голосующих акций, которые принадлежат наследнику, с общим количеством акций в уставном капитале АО без соответствующей записи в реестре владельцев ценных бумаг является весьма затруднительным.

Таким образом, после получения свидетельства о праве на наследство наследник акционера по-прежнему не вправе осуществлять отдельные правомочия, связанные с защитой прав и интересов АО. Реализация таких правомочий доступна доверительному управляющему, действующему в интересах всех наследников умершего акционера. В отличие от ООО, переход права на управление которыми фиксируется в ЕГРЮЛ, отсутствие приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг лишает наследника возможности осуществления корпоративных правомочий. Лишь обращение к держателю реестра владельцев ценных бумаг и последующее внесение необходимой информации в реестр позволит акционеру самостоятельно осуществлять правомочия, предусмотренные правом на управление корпорацией.

---

³⁴ См.: Постановление АС МО от 02.11.2018 по делу № А41-15013/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Во-первых, право на управление корпорацией по правовой природе является «неличным» неимущественным правом, наследование которого не подпадает под запрет, установленный абз. 3 ст. 1112 ГК. В таком случае право на управление корпорацией приобретает наследником в общем порядке, предусмотренном п. 4 ст. 1152, с учетом особенностей, установленных ст. 1176.

Во-вторых, применительно к наследованию бездокументарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ необходимо различать моменты перехода к наследнику права на управление корпорацией и момент, с которого такой наследник вправе осуществлять (реализовывать) отдельные правомочия, входящие в содержание субъективного права на управление корпорацией.

В-третьих, согласие участников ООО, предусмотренное п. 6 ст. 93, абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК, п. 8 ст. 21 Закона об ООО, не связано ни с переходом доли к наследнику, ни с переходом к наследнику права на управление обществом. Такое согласие — это волеизъявление участников по вопросу, связанному с возможностью осуществления наследником участника корпоративных правомочий, перешедших к нему вместе с правом на управление корпорацией.

В-четвертых, право на управление хозяйственным обществом переходит к наследнику с момента принятия наследства (ст. 1113 и п. 4 ст. 1152). Указанное правило без каких-либо исключения действует для АО, а также ООО, уставом которых не предусмотрено необходимости получения согласия остальных участников (п. 6 ст. 93, абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК, п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Если уставом ООО предусмотрена необходимость получения согласия, то возникает фикция перехода к наследнику права на управление корпорацией. Данная фикция в любом случае отпадает, а вместо нее происходит: возникновение корпоративного правоотношения между наследником и хозяйственным обществом; либо реализация наследником правомочия на выплату действительной стоимости доли в уставном капитале ООО.

В-пятых, соблюдение прав и интересов наследника акционера (участника) хозяйственного общества, а также самого общества обеспечивается путем учреждения доверительного управления, в рамках которого доверительный управляющий принимает необходимые меры охраны, а также управления переданным в доверительное управление имуществом.

В-шестых, возможность осуществления правомочий, входящих в содержание субъективного права на управление корпорацией, зависит от организационно-правовой формы хозяйственного общества:

при наследовании доли в уставном капитале ООО с момента принятия наследства и до момента выдачи свидетельства о праве на наследство защищать права и правовые интересы корпорации вправе доверительный управляющий. После получения свидетельства о праве на наследство возможность осуществления корпоративных правомочий в полном объеме переходит к наследнику участника;

при наследовании бездокументарных ценных бумаг АО наследник не вправе осуществлять правомочия, перешедшие к нему вместе с правом на управление корпорацией, вплоть до момента внесения приходной записи по лицевому счету в реестре владельцев ценных бумаг о нем как об акционере хозяйственного общества. Данное отличие связано в первую очередь с особой системой регистрационного учета прав, удостоверенных бездокументарными ценными бумагами.

Список источников

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012. 428 с.
2. Белов В.А. (общ. ред.) Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 678 с.
3. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М.: ЮрИнфоР, 2001. 265 с.
4. Бурлаков С.А. Разделение прав участника и прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и его последствия // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 60–74.
5. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М.: Статут, 2010. 251 с.
6. Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–65.
7. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.: Контракт, 2019. 488 с.
8. Гутников О.В. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составляющая часть предмета гражданского права / Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею Е. А. Суханова. М.: Статут, 2018. С. 168–193.
9. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.
10. Курбатов А.Я. Доля в уставном капитале как объект доверительного управления: от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 42–48.
11. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.

12. Латыев А.Н. Перфекция сингулярного правопреемства в обязательствах: постановка проблемы // Закон. 2021. № 3. С. 59–72.
13. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений. М.: Статут, 2020. 146 с.
14. Максуров А.А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ. М.: Юстицинформ, 2021. 176 с.
15. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 419 с.
16. Новоселова Л.А. Обороноспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Объекты гражданского оборота: Сб. статей. М.: Статут, 2007. С. 197–230.
17. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
18. Сергеев А.П. (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. М.: Проспект, 2016. 384 с.
19. Суханов Е.А. (отв. ред.) Российское гражданское право. В 2 т. Т. I: Общая часть. М.: Статут, 2011. 956 с.
20. Телюкина М.В. Реализация принципа стабильности участников общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 4. С. 27–30.
21. Фатхутдинов Р.С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 184 с.
22. Филиппова С.Ю. Двойственность правовых последствий смерти участника общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 1. С. 20–24.
23. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Издательство НКЮ СССР, 1941. 207 с.
24. Шиткина И.С. (ред.) Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Т. 1. М.: Статут, 2021. 662 с.
25. Ярошенко К.Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах / Комментарий судебной практики. М.: Контракт, 2017. Вып. 22. С. 50–61.

References

1. Agarkov M.M. (2012) Selected works on civil law. Social value of private law and individual institutions of the general part of civil law. Moscow: Statut, 428 p. (in Russ.)
2. Belov V.A. (2001) *Singular succession in obligation*. Moscow: YurInfoR, 265 p. (in Russ.)
3. Belov V.A. (2009) Corporate law: issues of theory and practice. Moscow: Yurayt, 678 p. (in Russ.)
4. Burlakov S.A. (2022) Separation of participant rights and rights to a share in the authorized capital of a limited liability company and its consequences. *Zhurnal rossijskogo prava*=Russian Law Journal, no. 3, pp. 60–74 (in Russ.)
5. Fatkhutdinov R.S. (2009) Assignment of a share in the authorized capital of an LLC: theory and practice. Moscow: Wolters Kluver, 184 p. (in Russ.)

6. Fillipova S. Yu. (2019) Duality of legal consequences of the death of a participant in a limited liability company. *Grazhdanskoe pravo*=Civil Law, no. 1, pp. 20–24 (in Russ.)
7. Flejschic E.A. (1941) Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries. Moscow: Justice People's Commissariat Press, 207 p. (in Russ.)
8. Gabov A.V. (2010) Limited and additional liability companies in the Russian legislation. Moscow: Statut, 251 p. (in Russ.)
9. Gutnikov O.V. (2017) On the legal nature of subjective corporate law. *Zhurnal rossijskogo prava*=Russian Law Journal, no. 3, pp. 54–65 (in Russ.)
10. Gutnikov O.V. (2018) Relations related to the managing legal entities as part of the subject of civil law. In: Civil law: aspects of doctrine, legislation, practice. Collection of articles for anniversary of Professor E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, pp. 168–193 (in Russ.)
11. Gutnikov O.V. (2019) *Corporate liability in civil law*. Moscow: Kontrakt, 488 p. (in Russ.)
12. Krasavchikov O.A. (2005) Categories of the science of civil law. Selected works. Vol. 2. Moscow: Statut, 494 p. (in Russ.)
13. Kurbatov A. Ya. (2018) Share in the authorized capital as an object of trust management: from legal essence to solving specific issues. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*=Laws of Russia: experience, analysis, practice, no. 4, pp. 42–48 (in Russ.)
14. Kurbatov A. Ya. (2022) Business law: aspects of theory and law enforcement. Moscow: Yustitcinform, 244 p. (in Russ.)
15. Latyev A.N. (2021) Perfection of singular succession in obligations: statement of the problem. *Zakon*=Law, no. 3, pp. 59–72 (in Russ.)
16. Lomakin D.V. (2020) *Commercial corporations as subjects of corporate legal relations*. Moscow: Statut, 146 p. (in Russ.)
17. Maksurov A.A. (2021) Current issues of alienating shares and interests in the authorized capital of business companies. Moscow: Yusticinform, 176 p. (in Russ.)
18. Mogilevskiy S.D. (2010) Limited liability company: legislation and practice of its application. Moscow: Statut, 419 p. (in Russ.)
19. Novoselova L.A. (2007) Protecting share in the authorized capital of a limited liability company. In: Objects of civil circulation: collection of articles. Moscow: Statut, pp. 197–230 (in Russ.)
20. Pokrovskiy I.A. (2007) Main problems of civil law. Moscow: Statut, 353 p. (in Russ.)
21. Sergeev A.P. (2016) Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part three. Moscow: Prospekt, 384 p. (in Russ.)
22. Shitkina I.S. (2021) Commentary on the Federal Law on Limited Liability Companies. Vol. 1. Moscow: Statut, 662 p. (in Russ.)
23. Suhanov E.A. (2011) Russian civil law. Textbook. General part. Property right. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. Moscow: Statut, 956 p. (in Russ.)
24. Telyukina M.V. (2012) Implementing stability of participants in a limited liability company. *Predprinimatel'skoe pravo*=Business Law, no. 4, pp. 27–30 (in Russ.)
25. Yaroshenko K.B. (2017) Inheritance of rights associated with participation in business partnerships, societies and production cooperatives. In: *Commentary on judicial practice*, vol. 22, pp. 50–61 (in Russ.)

Информация об авторе:

С.В. Ерчак — аспирант.

Information about the author:

S.V. Erchak — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted to editorial office 29.10.2023; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Научная статья

УДК: 347.1

JEL: K1, K15

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.110.135

Корпоративные сделки с превышением полномочий директора и доктрина *ultra vires*

Виктор Александрович Филипенко

Юридическая компания «L1», Россия 107045, Москва, Луков переулок, 8,
viktoraf@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7148-4810>

Аннотация

Статья предлагает авторский взгляд на понимание и применение положений отечественного закона о недействительности корпоративных сделок, совершенных в противоречии с представительскими полномочиями директоров. Целью исследования является рассмотрение способов совершенствования законодательства и правоприменительной практики по данному вопросу с опорой на зарубежную доктрину и ключевые судебные прецеденты; согласование релевантных правовых решений с российской правовой системой. В первой части статьи отмечается, что действующая редакция ст. 174 Гражданского кодекса препятствует успешному оспариванию сделок, совершенных с нарушением условий осуществления полномочий или интересов юридического лица, поскольку на практике доказать субъективную недобросовестность контрагента, наличие сговора или причинение обществу явного ущерба зачастую крайне трудно. Ситуация усугубляется судебной практикой и разъяснениями Верховного Суда, которые автору статьи кажутся спорными. Во второй части статьи автор показывает, что юрисдикции общего права разработали и модернизировали доктрину, применение которой происходит с учетом объективной добросовестности директора, совершающего сделку от имени корпорации. Избранные прецеденты англо-американских судов демонстрируют, что превышение полномочий директором — это частный случай нарушения фидуциарной обязанности лояльности по отношению к корпорации и ее участникам. Сделка, совершенная директором с явным нарушением данной обязанности в зарубежном праве может быть признана недействительной как совершенная с нарушением предоставленных полномочий. Зарубежная доктрина и практика подходят к оспариванию корпоративных сделок более функционально и с осознанием формального состава фидуциарной ответственности. Российское право, напротив, дистанцируется от выяснения вопроса о недобросовестности директора,

© Филипенко В.А., 2024

придавая больше значения неосмотрительности контрагента и формальным критериям причинения ущерба юридическому лицу. Автор делает вывод о недостаточном соответствии данного подхода идее защиты интересов корпорации и ее участников и концепции фидуциарных обязанностей, а также о целесообразности заимствования некоторых решений из зарубежного опыта.

Ключевые слова

оспаривание сделок корпорации; превышение полномочий директором; ущерб интересам юридического лица; фидуциарные обязанности; лояльность; принцип добросовестности; доктрина ненадлежащей цели.

Для цитирования: Филипенко В.А. Корпоративные сделки с превышением полномочий директора и доктрина *ultra vires* //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 110–135. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.110.135

Research article

The Corporate Transactions with Director's Exceeding Authorities and the Doctrine *ultra vires*

Viktor A. Filipenko

Law firm L1, 8 Lukov Lane, Moscow 107045, Russia,
viktoraf@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7148-4810>

Abstract

The article suggests an alternative view on understanding and application of the provisions of Russian law regarding nullification of the corporate transactions committed in conflict with representational powers of directors. The purpose of the research is to consider ways to improve legislation and judicial practice on this issue, drawing on foreign doctrine and key judicial cases; to harmonize relevant legal solutions with the Russian legal system. The first part of the article notes that the current wording of Article 174 of the Civil Code of the Russian Federation creates difficulties for challenging of transactions committed in violation of powers or interests of a legal entity, so far as in practice it is often extremely difficult to prove bad faith and negligence of the counterparty, presence of collusion or causing apparent damage to the company. The situation is aggravated by judicial practice and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. In the second part of the article the author shows that common law jurisdictions have developed the doctrine applied with consideration of the objective good faith of the director. Selected Anglo-American cases demonstrate that director's exceeding of the authorities is a special case of breach of fiduciary duty of loyalty. In foreign law, transaction performed by a director in evident breach of this duty may be invalidated. So it is important to understand that foreign doctrine and practice approach the challenge of corporate transactions more functionally and with recognition of the formal structure of fiduciary responsibility. Russian law, on the contrary, distances

from clarification of the issue of director's bad faith, attaching more importance to the negligence of the counterparty and rather formal criteria of causing damage to a legal entity. Based on the results of the study, the author concludes that this approach is not sufficiently correspond to the idea of protecting interests of the corporation and its participants and the concept of fiduciary duties, as well as in necessary to borrow some solutions from foreign experience.

Keywords

challenging of corporate transactions; exceeding of director's authorities; damage to the interests of a legal entity; fiduciary duties; duty of loyalty; principle of good faith; improper purpose doctrine.

For citation: Filipenko V.A. (2024) Corporate Transactions with Director's Exceeding Authorities and Doctrine *ultra vires*. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 110–135 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.110.135

Введение

Проблема оспаривания сделок корпорации на основании общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК; Кодекс) о недействительных сделках (ст. 173, 173.1. и 174) освещена в литературе лишь фрагментарно. Имеющиеся на данный момент научные и прикладные публикации либо утратили актуальность в связи с реформой Кодекса, либо охватывают только наиболее общие вопросы признания недействительными корпоративных сделок, не являющихся экстраординарными.

Между тем в условиях усложнения оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью и неудачных попыток взыскания убытков с недобросовестных директоров участникам корпораций зачастую остается обращаться только к механизму, предусмотренному §2 Главы 9 Кодекса. Однако этот механизм почти не работает по ряду причин. Проблемные аспекты применения указанных положений о недействительности сделок рассматриваются изолированно от других концептов, которые при функциональном подходе являются смежными и с политико-правовой точки зрения очень важными для решения проблемы. Одним из таких концептов является доктрина общего права *ultra vires* (в переводе с лат. «сверх власти», иначе говоря, сверх полномочий, вне полномочий), тесным образом связанная с фидуциарными обязанностями в корпоративном праве и принципом добросовестности.

Доктрина *ultra vires* не характерна для гражданского (частного) права, поскольку участники гражданских правоотношений в силу принципов автономии воли, диспозитивности и равноправия не обладают

полномочиями или компетенцией, а осуществляют свои субъективные гражданские права и несут обязанности. В свою очередь субъекты административного, конституционного и международного публичного права (государства, их органы, должностные лица) обладают компетенцией и полномочиями в силу закона или подзаконного акта, их свобода усмотрения не безгранична. Нижестоящий орган отвечает перед вышестоящим, любое должностное лицо подчиняется нормативным актам, регламентирующим его деятельность, государство в целом несет ответственность перед обществом за нарушение своих полномочий, выход за их пределы. Таким образом, доктрина *ultra vires*, с одной стороны, более всего подходит для публичных правоотношений, защищая права и законные интересы граждан и общества в целом от злоупотреблений со стороны органов власти и должностных лиц¹.

Например, в феврале 2022 года Апелляционный суд Квебека (Канада) в ходе конституционного оспаривания (*constitutional challenge*) признал *ultra vires* (в терминологии суда — ничтожными, не имеющими силы, фр. *invalides, nuls et sans effet le*) ряд пунктов Положения о патентованных лекарственных средствах, которые были введены в ходе поправок в данное Положение². Поправки, по мнению данного Суда, выходили за пределы юрисдикции федерального правительства и относились к компетенции провинциального правительства.

С другой стороны, доктрина нашла место в корпоративном праве. Это объясняется тем, что корпоративные правоотношения отличаются от иных гражданско-правовых наличием ясно выраженного элемента управления [Ломакин Д.В., 2008: 123–130] и особыми взаимодействиями частно-правовой субординации [Гутников О.В., 2019], которые ярче всего проявляют себя в деятельности генеральных директоров, а также членов коллегиальных органов управления корпорацией. Органы корпорации обязаны реализовывать свои полномочия в интересах корпорации (ст. 53 ГК) и несут перед ней ответственность, в том числе в ситуациях выхода за пределы полномочий. На этом основании применение к директорам и другим менеджерам идеи *ultra vires* обосновано и целесообразно.

Концепция *ultra vires* в корпоративном праве со временем превратилась в разноплановое явление. Изначально ее применение касалось по большей части ограничения правоспособности юридического лица.

¹ Данные тезисы были сформулированы в делах, известных в юрисдикциях общего права, см.: *Hazell v. Hammersmith and Fulham LBC* [1992] 2 AC 1 (1991); *United States v. Lopez*, 514 U.S. 549, 567 (1995); *Woolwich Equitable Building Society v. IRC* [1993] AC 70.

² *Merck Canada inc. c. Procureur général du Canada*, 2022 QCCA 240 (CanLII).

Если закон или учредительный документ ограничивал юридическое лицо в осуществлении определенных видов деятельности, то сделка, совершенная с нарушением этих условий, признавалась совершенной «сверх силы» и признавалась ничтожной [Spencer R., 2004: 6]³. Ограничения правоспособности налагались на коммерческие корпорации актами Парламента Великобритании еще в XIX веке [Griffin S., 1998: 5–6]. Ограничению подвергались железнодорожные компании и иные корпорации, созданные для нужд общества [Sealy L.S., 1971: 128]. Такого рода патернализм в рамках господствовавшей тогда концессионной теории корпорации объяснялся активным развертыванием экономической деятельности, от негативных экстерналий которой необходимо было защищать не только общество, но и самих субъектов предпринимательства (и их акционеров) [Griffin S., 1998: 30]. Сделки, совершенные с выходом за пределы правоспособности, неизбежно становились недействительными, даже несмотря на единогласное одобрение данных сделок акционерами.

Широко применяемая в странах общего права, доктрина была закреплена и в системе советского права⁴, однако ко второй половине XX в. она была подвержена существенной лимитации, как и во многих европейских государствах [Шиткина И.С. и др., 2019: 82].

Юрисдикции англо-американского права путем прецедентов модернизировали концепцию: с определенного исторического момента она стала подразумевать оценку действий менеджмента с точки зрения пределов полномочий и идеи добросовестности (*good faith*) [Smith T.E., 1885: 52–55]⁵. Генеральный директор и другие менеджеры наделены уставом и внутренними документами компании определенным набором полномочий. Выход за пределы этих полномочий, заведомое их превышение, свидетельствуют о противоправности сделки, что позволяет аннулировать ее или взыскать с менеджера убытки.

---

³ Также см.: *Ashbury Railway Carriage and Iron Co Ltd v. Riche* [1875] LR 7 HL 653 (1875).

⁴ По ст. 26 Гражданского кодекса РСФСР правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения его устава или положения, а в случаях, когда оно должно действовать на основании общего положения об организации данного вида, — с момента издания компетентным органом постановления о его образовании.

⁵ Так, уже во второй половине XIX века английский правовед Т.Ю. Смит рассматривал такие примеры недопустимого поведения директоров, как мошенничество и принятие решений *ultra vires*. Примечательно, что распространенные сегодня примеры нарушения фидуциарной обязанности (*duty of loyalty*) и обязанностей по общему праву (*duty of care, duty to exercise reasonable skill and diligence*) не упоминались, что говорит об отсутствии сложившейся доктрины фидуциарных обязанностей менеджмента на тот момент. В то же время автор мимоходом упоминал возможность директора избежать ответственности за ошибочное суждение, если оно было принято добросовестно и в наилучших интересах компании.

Между тем встречаются ситуации, когда менеджер на первый взгляд не превышает полномочий, но его действия вызывают возражения. Для этих ситуаций зарубежная судебная практика сформировала интересный подход⁶, совмещающий идеи добросовестности и превышения полномочий. Цель данного исследования состоит в том, чтобы не только описать доктрину *ultra vires* и ее применение за рубежом, но и попытаться согласовать применение доктрины в Российской Федерации в условиях теоретических и практических проблем общих положений о недействительности сделок. Предполагается рассмотреть, в каком виде доктрина нашла отражение в российском праве, и каковы основные проблемы, связанные с действующим регулированием недействительности корпоративных сделок (в первую очередь сделок, совершенных директором с превышением полномочий).

1. Проявление доктрины в российском частном праве

В российском праве и законодательстве доктрина *ultra vires* не получила проработки. Некоторые элементы доктрины *mutatis mutandis* можно обнаружить в главах общей части ГК, посвященных сделкам, решениям собраний и представительству (Главы 9, 9.1. и 10). Схематично субинститут превышения полномочий в Общей части ГК выглядит следующим образом:

отсутствие или превышение представительских полномочий, выраженных во внешних отношениях с контрагентом (заключение сделки неуполномоченным лицом — ст. 183 ГК);

нарушение ограничений, установленных учредительными документами юридического лица в отношении целей его деятельности (ст. 173);

неполучение согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления на совершение сделки, если согласие на ее совершение должно быть получено в соответствии с законом (ст. 173.1.);

нарушение представителем условий осуществления полномочий, ограниченных во внутренних отношениях с представляемым (в том числе выход за пределы этих ограничений) [Карапетов А.Г., 2018: 620–622], либо действие представителя в ущерб интересам представляемого (ст. 174);

выход собрания гражданско-правового сообщества за пределы компетенции (ст. 181.5.).

---

⁶ См. одно из первых дел, положивших начало «тесту *ultra vires*»: *Re Lee Behrens & Co.* [1932] 2 Ch. 46 (1932).

Системный анализ позволяет выделить и другие нормы, посвященные превышению полномочий в гражданском праве. Имеет смысл остановиться подробнее на превышении полномочий единоличным исполнительным органом в корпоративных правоотношениях, если более точно — в хозяйственных обществах.

1.1. «Превышение» полномочий генеральным директором (п. 1 ст. 174 ГК)

Как следует из п. 1 данной статьи, сделка юридического лица, совершенная действующим от имени юридического лица без доверенности органом⁷ с превышением полномочий, ограниченных учредительными документами или иными организационными документами, может быть признана недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

Правовая природа полномочий генерального директора в российской доктрине до сих пор является предметом дискуссий. Хотя ГК провозглашает органическую теорию (т.е. директор является лишь частью юридического лица)⁸, на наш взгляд, полномочия директора вытекают из цивилистической доктрины представительства в корпоративных правоотношениях [Кузнецов А.А., 2017: 52–67]. Юридическое лицо, не способное самостоятельно вступать в правоотношения, нуждается в представителях, которыми и являются органы юридического лица [Шершеневич Г.Ф., 1907: 124]. Соответственно, в отношениях с третьими лицами единоличный исполнительный орган выступает представителем корпорации.

Понимание этого факта позволяет определять последствия нарушения представительских полномочий директором⁹, ставить вопросы о том, в чьих интересах осуществляется представительство и перед кем представитель-агент несет ответственность; когда можно говорить о конфликте интересов директора-представителя и какими правовыми (а также поведенческо-экономическими) средствами этот конфликт смяг-

---

⁷ Далее для удобства изложения данное лицо именуется генеральным директором или директором.

⁸ Пункт 1 ст. 53 ГК РФ.

⁹ В связи с этим стоит поддержать правовую позицию ВС РФ, который в п. 122 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8) (далее — Постановление Пленума ВС № 25) указал, что в некоторых случаях сделка, совершенная от имени организации лицом без полномочий, производит эффект согласно нормам ст. 183 ГК (т.е. по правилам о «классическом» представительстве).

чать. Помимо этого, о представительстве юристам известно гораздо больше, чем об органах юридического лица как таковых, в связи с чем к спорным ситуациям могут быть применены как теоретические, так и практические наработки, и нормы о представительстве.

Специфика представительства единоличного исполнительного органа в том, что в отношении полномочий генерального директора может устанавливаться ряд «внутренних» ограничений, далеко не очевидных для третьих лиц. Эти ограничения находят отражение в уставе хозяйственного общества, положении о деятельности генерального директора, положении о филиале организации (если речь идет о руководителе филиала) и т.д. К примеру, в уставе может содержаться условие, согласно которому генеральный директор вправе совершать сделки с недвижимым имуществом общества только после получения согласия общего собрания участников (акционеров) общества или совета директоров (наблюдательного совета).

Важно, что сделка, совершенная с превышением полномочий согласно п. 1 ст. 174 ГК может быть признана недействительной только если контрагент по сделке знал или должен был знать о наличии внутренних ограничений. Данное положение защищает субъективно добросовестных контрагентов, проявляющих должную осмотрительность.

Условие о субъективной недобросовестности (неосмотрительности) контрагента серьезно ограничивает возможности оспаривания сделок с превышением полномочий. Ситуация усугубляется тем, что суды с течением времени постепенно понижали стандарт добросовестного поведения контрагентов [Карапетов А.Г., 2018: 625–630]. Так, в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 указано, что контрагент юридического лица по общему правилу не обязан проверять содержание учредительного документа с целью выявления ограничений полномочий директора. Контрагенты по умолчанию признаются субъективно добросовестными; иное должны доказывать лица, в чьих интересах установлены внутренние ограничения. Контрагенты вправе исходить из неограниченности полномочий директора на основании информации из ЕГРЮЛ. Зарубежные коллеги при этом отмечают, что, наделяя директора неограниченными полномочиями (по общему правилу), законодатель минимизирует риски контрагентов по признанию соответствующих сделок недействительными [Cahn A., Donald D.C., 2010: 313–315].

Таким образом, доказать субъективную недобросовестность рядового контрагента в современных реалиях довольно проблематично. Хотя ознакомление с уставом является распространенной деловой практикой, это не гарантирует успешное оспаривание сделки с контрагентом, который не запросил устав. Кроме того, ограничения полномочий могут

быть зафиксированы в положении о директоре общества, которое далеко не всегда запрашивается контрагентами, в связи с чем контрагент не будет признан недобросовестным.

С одной стороны, подобная конфигурация по оспариванию корпоративных сделок способствуют стабильности имущественного оборота [Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М., 2016: 281].

С другой стороны, пониженный стандарт добросовестности приводит к нарушению прав и интересов участников корпораций и нанесению ущерба имущественному состоянию самих корпораций. Не имея возможности оспорить сделку, в ряде случаев участники хозяйственных обществ и стейкхолдеры также не в состоянии привлечь нарушителя фидуциарных обязанностей к ответственности, что в глобальном аспекте может привести к ухудшению «корпоративной дисциплины» менеджмента. А.Г. Карапетов справедливо отмечает, что иной путь, т.е. повышение стандарта субъективной добросовестности контрагента, с точки зрения политики права уменьшает риск нарушения менеджментом своих обязанностей и защищает участников корпорации [Карапетов А.Г., 2018: 630–631].

Если директор совершил сделку с превышением полномочий (а такая сделка зачастую нарушает имущественные или иные интересы корпорации), но контрагент оказался субъективно добросовестным, сделку оспорить не удастся. Об этом свидетельствует и актуальная арбитражная практика кассационных судов различных округов¹⁰. Данное положение вещей создает дополнительные возможности для нарушения директорами обязанности действовать в интересах корпорации (риск безответственного поведения — *moral hazard*), нарушает права и интересы юридического лица.

Далее будет показано, что и остальные составы недействительности сделок, совершенных с нарушением внутренних представительских ограничений, далеко не всегда приводят к восстановлению нарушенных интересов представляемого (юридического лица).

1.2. Совершение сделок директором, находящимся в состоянии сговора с контрагентом

Пункт 2 ст. 174 содержит еще два состава недействительности сделок. Прежде всего нужно рассмотреть наиболее экстраординарный состав.

---

¹⁰ См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.04.2022 № Ф07-3983/2022 по делу № А56-49811/2019; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.12.2021 № Ф01-6963/2021 по делу № А28-15533/2020; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2021 № Ф05-2098/2021 по делу № А40-127701/2020 // СПС КонсультантПлюс.

Так, сделка корпорации может быть признана недействительной, если директор при ее совершении находился в сговоре с контрагентом, либо иным образом действовал совместно с ним в ущерб интересам общества.

Указанный состав является ярким примером доктрины *ultra vires* в том смысле, который вкладывают в доктрину правопорядки общего права. Директор, будучи руководителем корпорации, несет фидуциарные обязанности лояльного и осмотрительного поведения в интересах общества [Eisenberg M.A., 2006: 5]. Находясь в состоянии сговора, директор нарушает ключевую обязанность лояльного отношения и недопустимости конфликта интересов, что предполагает выход за пределы своей компетенции как особого субъекта, которому доверили управление чужим бизнесом.

Признать сделку недействительной по данному основанию еще труднее, чем по п. 1 ст. 174. Для этого необходимо доказать не только причинение какого-либо ущерба юридическому лицу, но и установить наличие сговора или иных согласованных действий директора и второй стороны по сделке. Если речь не идет о приговоре по уголовному делу, аффилированности директора с контрагентом или очевидной ситуации конфликта интересов, то доказательство сговора крайне затруднено [Карапетов А.Г., 2018: 658].

Кроме того, отсутствие какого-либо ущерба интересам общества даже при наличии сговора не позволит заинтересованным лицам оспорить сделку [Витрянский В.В., 2018], аномальную с точки зрения доктрины *ultra vires*. Таким образом, и данный состав недействительности сделок в подавляющем большинстве случаев не найдет применения и не в состоянии будет восстановить нарушенные интересы корпорации и ее участников (акционеров).

1.3. Сделка, совершенная директором в противоречие интересам корпорации и с причинением явного ущерба

Второй состав недействительности, предусмотренный п. 2 ст. 174, описывает ситуацию, в которой директор совершает явно невыгодную для общества сделку. Данный состав недействительности появился в ГК в ходе реформы гражданского законодательства, и его цель заключается в компенсировании трудно доказуемого сговора между директором и контрагентом¹¹.

¹¹ Проект Концепции совершенствования общих положений ГК (рекомендован Президиумом Совета при Президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения протоколом от 11.03.2009 № 2). С. 112–113 // СПС КонсультантПлюс.

На первый взгляд, рассматриваемый состав может являться отличным отечественным эквивалентом зарубежной доктрины *ultra vires*. В тех случаях, когда сговор или иные согласованные действия директора и второй стороны по сделке доказать невозможно, лица, чьи интересы нарушены совершением невыгодной сделки, получают возможность восстановить свои права в связи с тем, что директор нарушил обязанности лояльного поведения. Однако применение этого состава также вызывает большие проблемы, поскольку: 1) заинтересованному в оспаривании лицу необходимо доказать причинение явного ущерба; 2) необходимо доказать, что контрагент знал или должен был знать о том, что сделка причиняет юридическому лицу явный ущерб.

Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС; Суд) в контексте оспаривания невыгодных сделок несколько снизил стандарт субъективно добросовестного поведения контрагентов, указав, что распознавание явного ущерба происходит с точки зрения любого участника сделки. Однако Суд допустил спорные формулировки, касающиеся сущностной квалификации явного ущерба (неравноценность предоставления в несколько раз (критерий кратности), экономическая целесообразность сделки, наличие равноценных уступок в отношениях с контрагентом и т.д.)¹².

Можно встретить примеры дел, в которых суды квалифицируют сделку с причинением явного ущерба довольно удачно¹³. Но и в данных делах доводы заинтересованных лиц подкреплялись нормами о сделках с заинтересованностью (презумирование ущерба для корпорации, отсутствие согласия или последующего одобрения сделки, не предоставление информации о сделке). В подавляющем большинстве остальных дел лицам, требующим признать сделку недействительной, отказывают в удовлетворении требований на основании недоказанности явного ущерба и (или) субъективной недобросовестности контрагента¹⁴.

У рассмотренных составов недействительности есть еще одно «слабое место»: если сделка иным образом нарушает интересы корпорации, но при этом отсутствует сговор (иные согласованные действия), компании не причиняется явный ущерб, сделку также трудно оспорить. Между тем речь может идти о ситуациях, в которых корпорация не несет убытков и не получает масштабного ущерба (в сугубо финансо-

---

¹² П. 93 Постановления Пленума ВС № 25.

¹³ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.06.2022 № Ф01-2053/2022 по делу № А79-6042/2021 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.03.2022 № Ф01-136/2022 по делу № А11-2836/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.08.2022 № Ф03-3327/2022 по делу № А37-2643/2018 // КонсультантПлюс.

во-хозяйственном смысле), но при этом страдает деловая репутация общества, открываются перспективы для конкурентов. С точки зрения права оставлять интересы компании, ее участников (акционеров) и других заинтересованных лиц без должной правовой защиты едва ли оправданно.

Обобщая все вышесказанное, полагаем, что существующие механизмы института недействительности сделок, призванные обеспечить реализацию доктрины *ultra vires* в случае нарушения условий осуществления директорами полномочий («превышение» полномочий) либо действия в состоянии сговора (или против интересов корпорации с причинением явного ущерба) имеют больше проблем, чем позитивного правоприменительного потенциала.

2. Развитие доктрины *ultra vires* в юрисдикциях англо-американского права

Концепция *ultra vires* применительно к корпоративному праву получила развитие в прецедентах англо-американских судов. Системы общего права и системы континентального права (в том числе России) по-разному отвечают на вопросы о последствиях выхода директора за пределы своих полномочий [Budylin S., 2008: 128]. Важно отметить, что смысловое наполнение концепции благодаря прецедентам имеет отпечаток политико-правовой методологии и функционального подхода. Много внимания в связи с этим уделяется фидуциарным обязанностям директоров и их объективной добросовестности (т.е. лояльного отношения).

Одним из первых дел, в которых английские суды рассмотрели вопрос о применении доктрины *ultra vires* в отношении директоров, является дело *Re Lee Behrens & Co.*¹⁵ В этом кейсе директор компании принял решение о выплате пенсии в двойном размере после смерти своей вдове. Директора в соответствии с уставом корпорации имели подразумеваемые полномочия по выплате данных пенсий и других денежных сумм в пользу работников корпорации (в том числе директоров), а также иных лиц. Такого рода полномочия были у директоров многих зарубежных корпораций [Hicks A., Goo S.H., 2008: 175]¹⁶, поэтому вывод о наличии в их деянии *ultra vires* не мог быть сделан с однозначностью.

---

¹⁵ *Re Lee Behrens & Co.* [1932] 2 Ch. 46 (1932).

¹⁶ В зарубежных практикумах по корпоративному праву отмечается, что «безвозмездные транзакции» — обычное дело для компаний англо-американского права. В ряд «безвозмездных транзакций» ставят уже упомянутые пенсии (пособия), выдачу гарантий, страхование, поручительства за другую компанию группы или третье лицо.

Сделку попытались признать недействительной со ссылкой на превышение полномочий и выход за пределы правоспособности корпорации (*ultra vires*). Не имея бесспорных доказательств наличия *ultra vires*, судья Ив применила тест из трех тезисов, призванных решить вопрос о добросовестности директора и превышении им полномочий:

является ли сделка второстепенной (не значимой) для деятельности компании?

является ли сделка добросовестной?

совершена ли сделка для выгоды компании и для ее процветания?

Эти три вопроса в результате стали именоваться «тестом извлечения выгоды» (*value test*) и в качестве прецедента применялись во многих последующих корпоративных спорах [Wedderburn K.W., 1962: 144–145]. Судья постановила, что директор, формально не выходя за пределы своих полномочий и не нарушая уставные цели деятельности корпорации, поступил недобросовестно, поскольку подобные безвозмездные транзакции не способствуют благосостоянию компании. В этом смысле совершенная директором сделка является проявлением *ultra vires*.

По результатам рассмотрения череды судебных споров стала складываться концепция превышения директорами их полномочий в виде нарушения фидуциарных обязанностей, что фактически приравнивалось к доктрине *ultra vires*. Подход усложнялся и дополнялся, возникали все новые и новые интерпретации. В одном из дел суд штата Делавэр постановил, что пенсионные выплаты могут быть правомерными, но должны иметь определенную разумную связь со стоимостью услуг, оказанных работниками (директорами)¹⁷. После рассмотрения других дел юридическое сообщество было уже уверено, что безвозмездные транзакции сами по себе (*per se*) не являются *ultra vires* [Hicks A., Goo S.H., 2008: 175]¹⁸, в связи с чем для аннулирования сделок необходимо устанавливать явную недобросовестность директора и причинение вреда интересам корпорации.

Во втором также известном деле¹⁹ ситуация обстояла следующим образом. Г-н Ройт владел 2/3 долей в уставном капитале компании «Ройт лимитед». Остальными акциями владели его жена и г-н Лоусон. Все трое были директорами компании, но именно Ройт не имел с компанией соглашения, т.е. не являлся ее сотрудником. Посоветовавшись с адвокатом и приняв во внимание свое неважное здоровье, Ройт заключил с компа-

---

¹⁷ *Nemser v. Aviation Corp.* 47 F. Supp. 515 (D. Del. 1942).

¹⁸ Также см.: *Re Horsley & Weight Ltd.* [1982]. Ch 442; *Rolled Steel Products (Holdings) Ltd. v. British Steel Corporation* [1986]. Ch 246.

¹⁹ *Re W & M Roith Ltd.* [1967]. 1 WLR 432.

нией соглашение об оказании управленческих услуг, по условиям которого компания обязана была после смерти Ройта осуществлять пенсионные выплаты его вдове. Перед этим также было проведено внеочередное собрание участников, которое постановило внести в устав компании изменения, в соответствии с которыми она могла выплачивать «пенсии, вознаграждения или благотворительную помощь любому лицу, которое служило компании или ее предшественникам, а равно... женам, детям или другим родственникам...».

Через несколько лет после кончины Ройта названная компания подверглась процессу ликвидации по иску кредиторов. Ликвидатор настаивал, что выплаты, подлежащие перечислению вдове бывшего директора, не имеют под собой оснований.

Судья определил следующее. С одной стороны, такой способ вознаграждения директора в целом является разумным и сопутствующим ведению бизнеса. С другой стороны, ликвидатор компании своими утверждениями снял с себя бремя доказывания того, что сделка является «подозрительной». Сделка действительно не должна быть сохранена в силе, поскольку:

единственным мотивом заключения данного соглашения является финансовое обеспечение вдовы;

Ройт и так контролировал компанию, которая, как выяснилось, в дальнейшем не могла извлекать выгоду из заключенного соглашения;

пункт соглашения о том, что Ройт намеревался посвящать компании все свое время и способности, является фикцией;

Ройту было неважно (это было подтверждено беседой с его адвокатом), какая из группы компаний будет выплачивать пенсии;

нет ни одного свидетельства других директоров, объясняющего разумную цель заключения данного соглашения.

В доктрине справедливо отмечается, что в мотивировке судьи по данному делу мы не находим признания сделки как совершенной *ultra vires* в классическом понимании. Фактически речь шла о нарушении директором своих фидуциарных обязанностей. Судья, разрешив дело таким образом, установил недобросовестность бывшего директора и его действие против интересов других участников и, как подчеркнул У. Веддерберн, против интересов компании [Wedderburn K.W., 1967: 569, 570], чего оказалось достаточно для констатации порочности сделки. Но о проявлении доктрины *ultra vires* в ее классическом понимании говорить трудно, поскольку уставные ограничения нарушены не были.

Другие зарубежные ученые-юристы также обращают внимание на некоторую путаницу в терминологии. Так, по мнению С. Гриффина, разумные и справедливые в сущности выводы английского суда в деле

Re David Payne & Co., Ltd. v. Young²⁰ стали основанием для смешивания категории *ultra vires* и других случаев нарушения «корпоративных полномочий» [Griffin S., 1998: 12–13]. Ученый считает, что *ultra vires* относится именно к ограничению правоспособности корпорации, но не к анализу поведения директоров на предмет недобросовестности. В деле Re Lee Behrens & Co. «подразумеваемая» правоспособность компании позволяла генеральному директору осуществить выплаты в пользу вдовы, но эти выплаты были недопустимы именно вследствие направленности против интересов компании и недобросовестности директора.

Проводя аналогии с отечественным законодательством, можно сказать, что *ultra vires* в классическом понимании (с точки зрения С. Гриффина и других зарубежных ученых) — это сделка, совершенная в нарушение ограничений, установленных учредительными документами юридического лица в отношении целей его деятельности (ст. 173 ГК), а казус Re Lee Behrens & Co. — это нарушение директором фидуциарных обязанностей (ст. 53.1. ГК). Сделка *ultra vires*, совершенная недобросовестным директором, — это некий аналог п. 2 ст. 174 в купе со ст. 53.1. ГК.

Однако если по английскому праву сделка может быть признана недействительной в случае доказанной недобросовестности директора [Gower, 2021: §§ 10–022, 10–099, 10–102]; [O’Sullivan J., 2000: 509–543]²¹, то в России аналогичного инструмента нет. Составы недействительности, предусмотренные ст. 174 ГК, не охватывают рассмотренные случаи из английской судебной практики и относятся к недобросовестности или неразумности директора безразлично.

«Некорректная» практика, порожденная решением по делу Re Lee Behrens & Co. и продолженная решением по спору Re W & M Roith Ltd, продержалась до конца 1960-х годов, когда судья Pennycuik сформировал иную позицию в деле Charterbridge Corporation v. Lloyds Bank²². В данном деле речь также шла о применении доктрины *ultra vires* и нарушении директором своих фидуциарных обязанностей. Судья постановил, что если ограничения, установленные учредительными документами

²⁰ Re David Payne & Co., Ltd. v. Young (1904). 2 Ch. 608 [1902 D. 455].

²¹ Аннулирование сделки (avoidance of contract, rescission), совершенной директором в нарушение фидуциарных обязанностей, признается наиболее традиционным способом защиты в английском корпоративном праве. В спектр нарушений, позволяющих требовать аннулирования сделки, попадают сделки с заинтересованностью, совершенные без раскрытия информации о заинтересованности и без получения согласия (секция 177 британского Companies Act (2006)), коммерческий подкуп (секция 176 Companies Act (2006)) и решения *ultra vires* (171 Companies Act (2006)). Подробнее см. указанные выше ссылки и дело Transvaal Lands Co v. New Belgium (Transvaal) Lands & Development CO [1914] 2 Ch 488.

²² Charterbridge Corp v. Lloyds Bank Ltd [1970] Ch. 62.

корпорации, не нарушены, оснований нуллификации сделки в соответствии с доктриной *ultra vires* нет. Но недобросовестное использование директором активов компании является основанием для отдельного иска о признании сделки недействительной. Это вытекает из «обычного закона агентирования» и не касается правоспособности компании.

Английская судебная практика по данной категории споров не продолжила движение в едином направлении. В некоторых делах с целью оспаривания сделки также применялся «тест извлечения выгоды», сформированный в *Re Lee Behrens & Co*²³.

Не вдаваясь в подробное изложение череды судебных и академических споров, посвященных демаркации правила *ultra vires* и случаев нарушения директором фидуциарных обязанностей, отметим, что в конечном итоге реформы законодательства существенным образом смягчили концепцию *ultra vires* и ограничили ее применение [Griffin S., 1998: 17–18]. Гораздо важнее, что обе концепции касаются нарушения обязанности директора действовать в интересах корпорации и используют одни и те же инструменты правового воздействия, в частности, возмещение убытков и признание сделки недействительной. Ключевые примеры судебной практики демонстрируют не столько проблему правоспособности юридического лица, сколько проблему недобросовестного превышения полномочий директоров. Тот же прецедент, на который позитивно ссылается С. Гриффин (*Re David Payne & Co., Ltd. v. Young*), касался именно превышения полномочий директора и недобросовестного умолчания о фактах, которое способствовало выдаче контрагенту экономически необоснованного облигационного займа в условиях финансового кризиса контрагента.

В дополнение к этому и У. Уэддерберн, акцентируя внимание на необходимости разграничения доктрин *ultra vires* и *breach of fiduciary duties*, тем не менее указывает, что решения по спорам *Re Lee Behrens & Co.* и *Re W & M Roith Ltd* могут быть применены в ситуациях, когда необходимо обеспечить известный контроль за деятельностью недобросовестного менеджмента, в том числе в интересах кредиторов [Wedderburn K.W., 1967: 570–571].

Доктрина *ultra vires*, утратив свои позиции в контексте ограничения правоспособности корпораций, получила новое воплощение в виде доктрины ненадлежащей цели (*improper purpose*)²⁴. Принцип предписывает директорам: 1) действовать в пределах своих полномочий, регламентированных уставом и 2) осуществлять полномочия исключительно в це-

²³ Например, в деле *International Sales & Agencies Ltd V Marcus* (1982) судья Лоусон положил в основу своего решения судебный акт по делу *Re Lee Behrens & Co.*, указав, что выплаты со стороны компании являлись сделкой *ultra vires*.

²⁴ См. секцию 171 британского *Companies Act* (2006).

лях, для которых они даны. Первое положение принципа в целом не вызывает больших вопросов: так же, как в России, директора английских компаний обязаны соблюдать условия осуществления полномочий, зафиксированные в уставе и внутренних документах (п. 1 ст. 174).

Наиболее интересен второй аспект принципа, касающийся надлежащей цели (*proper purpose*). Устав корпорации может прямо разрешать или подразумевать в силу свободы договора в корпоративном праве допустимость совершения директором тех или иных действий. Например, в уставе может быть указано, что директор вправе самостоятельно определять размер и условия начисления стимулирующих выплат, премий и выходных пособий. Именно такая ситуация сложилась в делах *Re Lee Behrens & Co.* и *Re W & M Roith Ltd.*

В то же время на директоров распространяются обязанности действовать добросовестно в наилучших интересах корпорации (генеральный принцип, закрепленный в секции 172 *Companies Act*), не допускать действий в состоянии конфликта интересов (секция 175) и раскрывать заинтересованность в предполагаемых сделках (секция 177). Соответственно, даже формально допустимое действие должно оцениваться с точки зрения данных принципов, являющихся вспомогательными средствами для ответа на вопрос, является ли действие совершенным с надлежащей целью (секция 171) [Gower, 2021: § 10–018]. Сделки (действия) по выплате самому себе или аффилированным лицам премий или «пенсий», вне всяких сомнений, подпадают под определение конфликта интересов и сделок с заинтересованностью. Поэтому директор прежде всего обязан раскрыть свою заинтересованность в совершении данной сделки, донести необходимую информацию до незаинтересованных членов совета директоров и участников (акционеров). Если по результатам изучения предоставленной информации эти лица сочтут, что сделка не отвечает интересам корпорации и критериям надлежащей цели, они вправе обратиться к директору и контрагентам по сделке с иском об аннулировании сделки или с требованием о взыскании убытков с директора.

Данный подход, закрепленный в британском статуте, фактически отражает усовершенствованный элемент доктрины *ultra vires*, акцентируя внимание на фидуциарных обязанностях директоров, а не на устаревшем дискурсе ограничения правоспособности корпорации.

3. Какие положения зарубежного права могут быть позитивно восприняты российским правом

Полезно выделить правовые решения, найденные зарубежными судами применительно к нарушению директорами их обязанностей, и рас-

смотреть их в ракурсе проблемам российского «корпоративного представительства».

Во-первых, английская судебная практика показывает, что большое значение для оспаривания сделок, совершенных с превышением полномочий (в широком смысле, в том числе с причинением ущерба интересам корпорации), имеет вопрос объективной добросовестности директоров. Данный вопрос был одним из элементов «теста извлечения выгоды», использованного в деле *Re Lee Behrens & Co.*

Субъективная добросовестность контрагента по сделке в англо-американском праве также учитывается. Условие об учете должной осмотрительности контрагента было отмечено в уже упомянутом деле *Re David Payne & Co., Ltd. v. Young* в начале XX века. Член правления компании-кредитора знал, что облигационный заем, выданный должнику, является нецелесообразной сделкой и имеет черты *ultra vires* по причине наличия ограничений в уставе должника. Член правления написал должнику чек, который потом подлежал обмену на облигацию с выплатой денег. Но член правления действовал без санкции правления и не уведомил руководство своей организации о наличии уставных ограничений должника. Судья Бакли решил, что сам кредитор в этом случае не может быть признан недобросовестным контрагентом, поскольку не обязан изучать устав должника и толковать его положения.

Данный спор является отличным примером того, как сложно установить недобросовестность контрагента по сделке, если истец заявляет о признании ее недействительной. Впоследствии множество похожих дел было рассмотрено с апелляцией к *Re David Payne & Co., Ltd. v. Young*, и во многих из них судьи либо подвергали сомнению предложенный судьей Бакли подход, либо настаивали на соблюдении контрагентами некоего стандарта должной осмотрительности. Однако в том же судебном акте Бакли отметил: при совершении сделки *ultra vires* для корпорации вопрос о выяснении осведомленности контрагента становится неуместным.

Исходя из этого, установление явной недобросовестности директора при субъективной добросовестности контрагента все же позволяет признать сделку недействительной, что позитивно сказывается на законных интересах участников и кредиторов корпорации, иных стейкхолдеров.

Интересно отметить, что и в интеграционном пространстве Европы существуют аналогичные нормы о добросовестности контрагента. Так, Первая директива 68/151/ЕЭС Совета от 9 марта 1968 года регламентирует: действия, совершенные органами компании, обязательны для компании, даже если эти действия непосредственно не входят в предмет ее деятельности, за исключением случаев превышения полномочий, закрепленных законом или предоставленных в соответствии с ним. При этом

государства ЕС вправе установить, что такие действия (с превышением полномочий) не являются юридически обязывающими, если доказано, что третье лицо знало о выходе за пределы полномочий или не могло в силу обстоятельств не знать об этом²⁵.

Таким образом, клаузула об учете субъективной добросовестности другой стороны по сделке прослеживается не только в российском законодательстве, доктрине и практике стран общего права, но и в европейском праве. Тем не менее, аргумент о наличии подобного условия в законодательстве зарубежных юрисдикций не должен иметь решающего значения (с точки зрения политики права) для выяснения вопроса о регулировании аналогичных правоотношений в отечественном праве и законодательстве *de lege ferenda*. Важно видеть и контекст принятия тех или иных положений закона в конкретных правопорядках. На наш взгляд, норма ст. 9 Директивы ЕС имеет значение, поскольку она направлена на стабильность оборота в рамках ЕС, в географическом, экономическом и правовом поле которого действует огромное количество корпораций из разных стран. Данная мотивировка в России может оказаться неподходящей.

Во-вторых, крайне важно анализировать экономическую целесообразность сделки и ее направленность на достижение целей компании. Следуя нормам отечественного законодательства, можно сказать, что сделка на относительно невыгодных условиях (п. 2 ст. 174) не может быть признана недействительной, если не установлен сговор директора с контрагентом либо отсутствует явный ущерб. Англо-американская судебная практика является в этом отношении более гибкой, и это необходимо приветствовать. Недобросовестности директора и направленности совершенной сделки против интересов корпорации должно быть достаточно для признания ее недействительной, независимо от должной осмотрительности контрагента или видимого *prima facie* отсутствия явного ущерба (однако с учетом конкретных обстоятельств).

В-третьих, говоря о взаимодействии критериев субъективной добросовестности контрагента и экономической целесообразности сделки для целей п. 2 ст. 174, стоит отметить, что многие ситуации, связанные с оспариванием невыгодных сделок, фактически вовсе не предполагают исследования добросовестности контрагента либо сводят изучение данного обстоятельства к минимуму. Это связано с тем, что многие потенциально невыгодные сделки в действительности являются сделками с заинтересованностью, в которых на противоположной стороне участву-

---

²⁵ См. Art. 9 (1) of the First Council Directive 68/151 of 9 March, 1968. Official Journal of the European Communities, Ed. 41 (EEC).

ет сам директор или его аффилированные лица. Странно в этом контексте защищать от оспаривания сделку по выплате от имени корпорации ничем не оправданных бонусов, если супруг (а равно другие аффилированные лица) не знали и не могли знать, что эта сделка может противоречить интересам юридического лица и подлежит согласованию на уровне совета директоров или общего собрания участников (акционеров). Определяющее значение здесь должен иметь критерий экономической нецелесообразности сделки и ее направленности против интересов юридического лица.

Заключение

Превышение полномочий директором в контексте корпоративных сделок понимают в узком и широком смыслах.

В узком смысле превышение полномочий — это нарушение директором условий осуществления полномочий, ограниченных учредительным документом или иными документами корпорации, влекущее последствия, установленные п. 1 ст. 174.

В широком смысле [Sealy L.S., 1985: 40] превышение полномочий подразумевает нарушение фидуциарной обязанности по лояльному поведению в интересах корпорации и ее участников, если это нарушение не связано с выходом за формальные ограничения полномочий, но противоречит идее добросовестности. Ближайший аналог в российском законодательстве — п. 2 ст. 174 (оба состава недействительности).

Какие выводы можно сделать из настоящего исследования для совершенствования отечественного законодательства и правоприменения?

С точки зрения функционального подхода любой выход директора за пределы полномочий, а равно использование этих полномочий в ущерб интересам корпорации под прикрытием соблюдения формальных требований устава и внутренних документов является проявлением доктрины *ultra vires*.

Англо-американское право выработало ряд критериев и полноценных тестов, помогающих ответить на вопрос о совершении сделки с превышением полномочий. Основной акцент в рассмотренной судебной практике делается на объективной недобросовестности директора (нелояльное поведение и конфликт интересов), что фактически превращает *ultra vires* в частный случай доктрины фидуциарных обязанностей. Есть основания считать, что сближение обеих концепций произошло не из-за незнания или некомпетентности английских судей. Скорее это произошло по причине трудности доказывания ряда условий, необходимых для признания сделки недействительной.

Вероятно, отечественному правопорядку в этой сфере следует ответить на ряд принципиальных вопросов.

Прежде всего необходимо с привлечением политико-правовой методологии ответить: чьи интересы должны быть «более защищенными» в контексте применения п. 1 ст. 174? Если мы стремимся защитить интересы корпорации, ее участников (акционеров), работников и кредиторов, то учет субъективной добросовестности контрагента должен быть минимизирован (либо стандарт осмотрительности контрагента должен быть повышен), а выяснение объективной недобросовестности директора, напротив, активизировано. Если же защищать следует только интересы контрагентов и «хозяйственный оборот», то нынешнее положение вещей можно оставить неизменным.

Второй еще более важный аспект — это принятие сущности нарушения фидуциарных обязанностей. В юрисдикциях общего права содержание фидуциарных обязанностей заключается в «служении интересам других лиц и обеспечении лояльного поведения при несении этой службы». Для рассмотрения дела о привлечении к ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей не имеет значения, понес ли истец (корпорация, участник, иное лицо) убытки. Достаточно доказать, что на ответчике (директоре) лежали соответствующие фидуциарные обязанности, ответчик нарушил данные обязанности тем или иным образом и получил абстрактную выгоду [Vann V., 2006: 87, 91–92]²⁶.

За нарушение фидуциарных обязанностей следует фидуциарная ответственность, имеющая штрафной характер [Langbein J.H., 1995: 665]; [Ломакин Д.В., 2019]. Состав нарушения фидуциарных обязанностей является формальным, т.е. не требует доказывания убытков на стороне принципала (бенефициара). Применительно к оспариванию корпоративных сделок, совершенных нелояльным (недобросовестным) директором это означает, что такие сделки могут быть признаны недействительными в случае установления явной недобросовестности директора, без причинения ущерба корпорации и даже, полагаем, при субъективной добросовестности контрагента. Именно данное обстоятельство, в сущности, имел в виду судья Бакли, высказываясь в деле *Re David Payne & Co., Ltd. v. Young* о смысле *ultra vires*.

Такой подход обусловлен деликтной природой ответственности фидуциара, влекущей срабатывание штрафного механизма, затрагивающего порой даже третьих лиц (особенно в случае применения сверхком-

---

²⁶ См. также основополагающее дело, в котором было указано на недопустимость действий в состоянии любого конфликта интересов со стороны фидуциара (формальный состав): *Keech v. Sandford* (1726) Sel. Cas. T. King 61. 25 E.R. 223.

пенсационных способов защиты по праву справедливости: account of profits и constructive trust).

Однако российское законодательство признает ответственность директоров только в случае причинения убытков, что следует из ст. 53.1. ГК. Не ответственность, но возможность признания сделки недействительной по правилам п. 2 ст. 174 также исходит из наличия убытков (иного ущерба). Между тем совершение сделки *ultra vires* может не предполагать явного ущерба, но интересы корпорации и ее участников будут нарушаться. В таких ситуациях необходимо изменить нормативную матрицу, заложенную в п. 2 данной статьи.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Верховный Суд России в 2019 году отметил, что сделка может быть признана недействительной в соответствии с п. 2 ст. 174, если она хоть и не причиняет явный ущерб, но не является разумно необходимой, совершена в интересах только некоторых участников и причиняет неоправданный вред другим участникам²⁷. Данный пункт Обзора хотя и является дискуссионным [Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С., 2020], но демонстрирует во многом функциональный подход к проблеме и закладывает основу для более активного применения доктрин *ultra vires* и *improper purpose*.

Не так давно Суд также окончательно решил давнюю проблему взыскания убытков с директора, назначающего себе премии и увеличивающего собственное вознаграждение. Суд закрепил, что директор в силу наличия фидуциарных обязанностей не вправе самостоятельно устанавливать себе вознаграждение, определять или пересматривать его размер без согласия вышестоящего органа управления (общего собрания или совета директоров). Иное означало бы очевидный конфликт интересов и неправомерное уменьшение имущества общества²⁸. Хотя в данном деле заявители требовали взыскать с директора убытки, фактические обстоятельства и мотивировка ВС позволяют сформировать фундамент и для успешного оспаривания сделок по назначению премий в нарушение фидуциарных обязанностей и при умолчании устава и внутренних документов корпорации о недопустимости назначения премий без получения согласия вышестоящих органов. Встречаются и другие судебные акты, в которых суды анализируют поведение директора на

²⁷ П. 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

²⁸ См.: п. 12 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) и Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-11727 от 16.12.2022 по делу № А40-121758/2021 // СПС КонсультантПлюс.

предмет соблюдения фидуциарных обязанностей в делах об оспаривании корпоративных сделок²⁹.

Важно, что предлагаемый вариант применения п. 2 ст. 174 в некоторой мере угрожает стабильности оборота и влияет на интересы третьих лиц (которые действительно могут быть субъективно добросовестными). В связи с этим применение данной нормы *de lege ferenda* должно происходить аккуратно и лишь в нетривиальных ситуациях, в свете всех фактических обстоятельств дела и взвешиванием разнонаправленных интересов участников спора.

Небесспорной альтернативой расширенному применению ст. 174 может быть связка ст. 10 и 168 ГК. Указанные решения англо-американских судов демонстрируют схожий подход в отсутствие нормативно закреплённого и систематизированного принципа добросовестности. Однако данное средство по своей телеологии рассчитано на применение крайне редко, когда у суда и участников процесса нет других (специальных корпоративно-правовых) способов признать сделку недействительной. Иной подход неизбежно приведет к тому, что эти статьи будут использоваться в корпоративных спорах так же неоправданно часто, как в делах об оспаривании сделок по основаниям банкротства, что не является позитивным выходом из ситуации. Более того, на ст. 10 и 168 ГК и сейчас ссылаются одновременно с другими «ординарными» составами недействительности, в том числе п. 2 ст. 174³⁰.

Наконец, еще один момент, обсуждаемый в доктрине, — это применение к нарушению внутренних корпоративных ограничений правил о нарушении полномочий представителя (ст. 183 ГК). При данном подходе совершенная с нарушением внутренних ограничений сделка (п. 1 ст. 174) останется действительной, но свяжет обязательством совершившее ее лицо (генерального директора) и контрагента, что более всего соответствует «классическому» превышению представительских полномочий [Карапетов А.Г., 2018]. Однако в отечественном праве данный подход не реализован: сделка, совершенная с превышением внутренних представительских полномочий может быть только оспорена в суде по правилам п. 1 ст. 174.

---

²⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.06.2022 по делу № А57-32272/2020 // СПС Консультант Плюс.

³⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.01.2019 № Ф09-2444/17 по делу № А71-10877/2015. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.07.2021 по делу № А41-44299/2020 // СПС Консультант Плюс.

Список источников

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. 528 с.
2. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134; № 11. С. 101–171.
3. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
4. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. 383 с.
5. Карапетов А.Г. (отв. ред.) Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Логос, 2018. 1264 с.
6. Карапетов А.Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 86–147.
7. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
8. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.
9. Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб.: Издание Бр. Башмаковых, 1907. 815 с.
11. Шиткина И.С. (отв. ред.) Корпоративное право. М.: Статут, 2019. 735 с.
12. Budylin S. Going Beyond: The Ultra Vires Problem in Russian Corporate Law. *Columbia Journal of East European Law*, 2008, vol. 2, no. 1, pp. 128–141.
13. Cahn A., Donald D.C. *Comparative Company Law: Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA*. Cambridge: University Press, 2010, 956 p.
14. Eisenberg M.A. The Duty of Good Faith in Corporate Law. *Delaware Journal of Corporate Law*, 2006, vol. 31, no. 5, pp. 1–75.
15. Gower: *Principles of Modern Company Law*. Davies P., Worthington S., Hare C. 11th ed. Sweet & Maxwell, 2021, 2134 p.
16. Griffin S. The Rise and Fall of the Ultra Vires Rule in Corporate Law. *Mountbatten Journal of Legal Studies*, 1998, vol. 2, no. 1, pp. 5–31.
17. Hicks A., Goo S.H. *Cases and Material on Company Law*. 6th ed. Oxford: University Press, 2008, 688 p.
18. Langbein J.H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts. *Yale Law Journal*, 1995, vol. 105, pp. 627–675.
19. O'Sullivan J. Rescission as a Self-Help Remedy: A Critical Analysis. *The Cambridge Law Journal*, 2000, vol. 59, no. 3, pp. 509–543.
20. Sealy L.S. *Cases and Materials in Company Law*. Cambridge: University Press, 1971, 879 p.
21. Sealy L.S. Ultra Vires and Agency Untwined. *The Cambridge Law Journal*, 1985, vol. 44, no. 1, pp. 39–41.

22. Smith T.E. A Summary of the Law of Companies. 3rd ed. London: Stevens and Haynes, 1885, 207 p.
23. Spencer R. Corporate Law and Structures: Exposing the Roots of the Problem. Oxford: Corporate Watch Press, 2004, 32 p.
24. Vann V. Causation and Breach of Fiduciary Duty. Singapore Journal of Legal Studies, 2006, pp. 86–107.
25. Wedderburn K.W. Ultra Vires and Redundancy. The Cambridge Law Journal, 1962, vol. 20, no. 2, pp. 141–146.
26. Wedderburn K.W. Ultra Vires or Directors' Bona Fides? The Modern Law Review, 1967, vol. 30, no. 5, pp. 566–571.

References

1. Budylin S. (2008) Going Beyond: The Ultra Vires Problem in Russian Corporate Law. *Columbia Journal of East European Law*, vol. 2, no. 1, pp. 128–141.
2. Cahn A., Donald D.C. (2010) Comparative Company Law: Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA. Cambridge: University Press, 956 p.
3. Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. (2016) Representation: a Study of Judicial Practice. Moscow: Statut, 383 p. (in Russ.).
4. Eisenberg M.A. (2006) The Duty of Good Faith in Corporate Law. *Delaware Journal of Corporate Law*, vol. 31, no. 5, pp. 1–75.
5. Glazunov A.Yu., Gorchakov D.S., Chuprunov I.S. (2020) Commentary to Courts Practice on Applying Legislation on Business Companies. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*=Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, no. 10, pp. 79–134; no. 11, pp. 101–171 (in Russ.).
6. Gower (2021) Principles of Modern Company Law. Davies P., Worthington S., Hare C. (eds.) 11th ed. London: Sweet and Maxwell, 2134 p.
7. Griffin S. (1998) The Rise and Fall of the Ultra Vires Rule in Corporate Law. *Mountbatten Journal of Legal Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 5–31.
8. Gutnikov O.V. (2019) *Corporate Liability in Civil Law*. Moscow: KONTRAKT, 488 p. (in Russ.).
9. Hicks A., Goo S.H. (2008) Cases and Material on Company Law. 6th ed. Oxford: University Press, 688 p.
10. Karapetov A.G. (2018) Application of Article 174 of the Civil Code. *Vestnik grazhdanskogo prava*=Civil Law Review, no. 1, pp. 86–147 (in Russ.).
11. Karapetov A.G. et al. (2018) Transactions, Representation, Limits of Actions: a Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code. Moscow: Logos, 1264 p. (in Russ.).
12. Kuznetsov A.A. (2017) Limits of the Autonomy of Will in Corporate Law: a sketch. Moscow: Statut, 160 p. (in Russ.).
13. Langbein J.H. (1995) The Contractarian Basis of the Law of Trusts. *Yale Law Journal*, vol. 105, pp. 627–675.
14. Lomakin D.V. (2008) *Corporate Legal Relations: General Theory and practice of Applying*. Moscow: Statut, 511 p. (in Russ.).
15. Lomakin D.V. (2019) Fiduciary Obligations in Corporate Relationships. *Grazhdanskoe pravo*=Civil Law, no. 4, pp. 3–8 (in Russ.).

16. O'Sullivan J. (2000) Rescission as a Self-Help Remedy: A Critical Analysis. *The Cambridge Law Journal*, vol. 59, no. 3, pp. 509–543.
17. Sealy L.S. (1971) *Cases and Materials in Company Law*. Cambridge: University Press, 879 p.
18. Sealy L.S. (1985) Ultra Vires and Agency Untwined. *The Cambridge Law Journal*, vol. 44, no. 1, pp. 39–41.
19. Shershenevich G.F. (1907) *Russian Civil Law: a textbook*. Saint Petersburg: Bashmakovykhs Print, 815 p. (in Russ.).
20. Shitkina I.S. et al. (2019) *Corporate Law: a textbook*. Moscow: Statut, 735 p. (in Russ.).
21. Smith T.E. (1885) *A Summary of the Law of Companies*. London: Stevens and Haynes, 207 p.
22. Spencer R. (2004) *Corporate Law and Structures: Exposing the Roots of the Problem*. Oxford: Corporate Watch Press, 32 p.
23. Vann V. (2006) Causation and Breach of Fiduciary Duty. *Singapore Journal of Legal Studies*, pp. 86–107.
24. Vitryanskiy V.V. (2018) Reform of Russian civil legislation: interim results. Moscow: Statut, 528 p. (in Russ.).
25. Wedderburn K.W. (1962) Ultra Vires and Redundancy. *The Cambridge Law Journal*, vol. 20, no. 2, pp. 141–146.
26. Wedderburn K.W. (1967) Ultra Vires or Directors' Bona Fides? *The Modern Law Review*, vol. 30, no. 5, pp. 566–571.

Информация об авторе:

В.А. Филипенко — аспирант.

Information about the author:

V.A. Filipenko — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 17.09.2023.

The article was submitted to editorial office 22.03.2024; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 17.09.2023.

Научная статья

УДК: 347.13

JEL: K 15

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Событие рождения и его гражданско-правовые последствия

Елена Александровна Останина

Челябинский государственный университет, Россия 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129,
elenaostanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-3161>.

Аннотация

Развитие медицинских технологий сделало процесс развития человеческой жизни более доступным для наблюдения и вызвало несколько правовых проблем, в числе которых вопросы о правовой природе эмбриона и допустимости предоставления гражданину, зачатому с использованием донорских репродуктивных клеток, сведений о доноре, если эти сведения необходимы гражданину по медицинским причинам. Предметом исследования статьи является вопрос о моменте начала правосубъектности человека. Цель статьи — выяснить, нуждается ли классическое правило о том, что правосубъектность человека возникает с момента рождения, в пересмотре в свете новейших достижений медицины и права. Методологией исследования являются сравнительно-правовой метод и приемы аналитической юриспруденции. В статье предложены следующие выводы. Эмбрион представляет собой объект гражданских прав особого рода, тесно связанный с личными нематериальными благами. Ни одна из попыток найти иной момент возникновения правосубъектности, кроме рождения, не свободна от условности. Является перспективным учение о ступенях развития правосубъектности. Правовая природа зиготы (зародышевой клетки, результата слияния яйцеклетки и сперматозоида) не равняется правовой природе плода на восьмом месяце развития. По мере того, как развивается человеческий организм, увеличивается и его правовая защита. Вместе с тем и на ранней стадии своего развития будущая человеческая жизнь должна пользоваться уважением и защитой закона. Поэтому эмбрион, созданный *in vitro*, нельзя признать вещью; это особый объект права. Данный вывод, в частности, означает, что эмбрион не может входить в состав наследства. При этом половые клетки содержат только часть генетической информации, поэтому к ним

возможно применять нормы гражданского права о вещах. В статье рассмотрены иски о возмещении вреда, вызванного недостаточной или недостоверной информацией о состоянии плода. Автор подчеркивает, что возможность таких исков не должна приводить к отрицанию ценности жизни; сохранение жизни не может рассматриваться как частный случай причинения вреда.

Ключевые слова

наситурус; эмбрион; правосубъектность; событие рождения; патентное право; медицинская помощь.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Останина Е.А. Событие рождения и его гражданско-правовые последствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 136–160. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Research article

Birth and its Civil Consequences

Elena A. Ostanina

Chelyabinsk State University, 129 Brothers Kashirin Str., Chelyabinsk 454001, Russia, elenaostanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-3161>

Abstract

The development of medical technology has made the process of human life development more accessible for observation and has raised several legal problems, including questions about the legal nature of the embryo. The subject of the study is the question of the moment of the beginning of human legal personality. The aim of the article is to find out whether the classical rule that the legal personality of a person arises from the moment of birth needs to be revised taking into account new medical and legal achievements. The research methods are comparative-legal method and techniques of analytical jurisprudence. Conclusions are suggested for discussion. The embryo and fetus cannot be classified as either subjects or things; the author proposes the conclusion that the embryo is an object of civil rights of a special kind, closely related to personal intangible goods. None of the attempts to find any other moment of the emergence of legal personality than birth is free from conventionality. The doctrine of the stages of development of legal personality seems promising. The legal nature of the zygote is not equal to the legal nature of the fetus in its eighth month of development. As the human organism develops, the protection afforded to it by the law increases. However, even at an early stage of its development, future human life must be respected and protected by the law. Therefore, the embryo invitro cannot be recognized as a thing, it is a special object of law. At the same time, germ cells contain only a part of genetic information,

so it seems possible to apply to them the norms of civil law on things. Claims “wrongful birth” and “wrongful life” are considered, it is emphasized that the possibility of such claims should not lead to a denial of the value of life; the preservation of life cannot be considered as a special case of harm.

Keywords

nasciturus; embryo; legal personality; birth event; patent law; medical care.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Ostanina E.A. (2024) Birth and its Civil Consequences. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 136–160 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.136.160

Введение

В современной цивилистике есть несколько вопросов, связанных с правосубъектностью граждан, где право должно установить общие дозволения и запреты. При выборе метода регулирования, однако, законодатель, практика и доктрина вместе испытывают чувство диссонанса. Дело в том, что не все общественные отношения нуждаются в регулировании, не все общественные отношения выигрывают от попытки их урегулировать; это отметил еще И.А. Покровский при исследовании вопроса о регулировании семейных отношений [Покровский И.А., 1917: 144–178]. В современной литературе также поддерживается мнение, что не все семейные отношения нуждаются в правовом регулировании. В частности, Б.М. Гонгало отмечает: «Многие отношения, складывающиеся между членами семьи, недостижимы для законодателя, ибо невозможно правом регулировать чувства» [Гонгало Б.М., 2021: 7].

В частности, интимный момент зачатия или печальное событие смерти от естественных причин всегда считались находящимися вне рамок правового регулирования. Однако развитие медицинских технологий привело к тому, что процесс оплодотворения и создания эмбриона *in vitro* открыт, изучен, разложен на стадии и очевидно нуждается в правовом регулировании, хотя бы в связи с тем, что уже возникает множество споров, связанных с распоряжением половыми клетками, зиготами¹ и

¹ Зигота (от др.-греч. ζῦγος — удвоенный) — это диплоидная, т.е. содержащая полный двойной набор хромосом клетка, образующаяся в результате оплодотворения. Согласно формуле оплодотворения: зигота = яйцеклетка + сперматозоид, начало развития зиготы — это момент формирования двойного (диплоидного) при встрече двух гаплоидных наборов родительских гамет. Именно тогда зарождается молекуляр-

эмбрионами. Причем обсуждаются и распоряжения между живыми на основании договора (например, договоры дарения и цессии; насколько применимы в данном случае обычные договорные конструкции, определяется в данной статье), и распоряжения «на случай смерти», в том числе завещательные распоряжения. Вопрос о пределах правового регулирования в этой части практически важен. Он усугубляется тем, что другие регуляторы, в том числе этика и религия, не знают единого решения, а содержат множество противоположных подходов.

Несколько примеров такой контроверзы. Так, по вопросу о генетическом исследовании клеток и плода этика, религия и право сходятся в выводе о допустимости и желательности полного медицинского исследования; но по вопросу о допустимости прерывания беременности по медицинским показаниям в связи с генетической болезнью эмбриона и плода некоторые религии категорично говорят «нет», охраняя право нерожденного ребенка на жизнь², а некоторые этические исследования говорят «может быть», отстаивая право родителей делать все возможное для рождения здорового ребенка без наследственного заболевания [Quaas A., 2019: 23–28.].

Законодательное решение данного вопроса в большинстве стран имеется, хотя оно варьируется от полного запрета исследований, уничтожающих один из эмбрионов *in vitro*, до разрешения такого исследования. В вопросе о допустимости прерывания беременности по медицинским показаниям регулирование также различается от установления сроков возможных операций до полного их запрета.

Законодательное регулирование не снимает остроты проблемы, поскольку для прерывания беременности по медицинским показаниям, даже если оно разрешено, требуется медицинская информация. В частности, в американской и немецкой судебной практике есть разновидность исков, обозначенных английским термином *wrongful birth*. Это иски о возмещении вреда, причиненного неверным генетическим обследованием или отсутствием генетического обследования родителей или плода. Их предъявляют родители в связи с необходимостью серьезного изменения образа жизни при воспитании ребенка-инвалида, либо сам ребенок по достижении им совершеннолетия [Giesen I., 2009: 257].

ная жизнь и запускается цепь последовательных реакций на основе сначала экспрессии генов генотипа зиготы, а затем генотипов появившихся из нее дочерних соматических клеток [Мутовин Г.Р., 2010: 57].

² *Ioannes Paulus II Evangelium Vitae*. Available at: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_25031995_evangelium-vitae.html; Congregation for the Doctrine of the Faith. Clarification on procured abortion. Available at: https://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20090711_aborto-procurato_en.html (дата обращения: 25.04.2024)

При рассмотрении подобных исков вся путаница этических концепций обрушивается на суд, рассматривающий дело. Суду приходится отвечать на вопросы: можно ли рождение ребенка в целом считать действием, причинившем вред, если, например, ошибка в генетическом обследовании родителей привела к рождению ребенка-инвалида, а при правильном генетическом обследовании мать могла бы воспользоваться донорским материалом и родить ребенка, пусть и не полностью здорового, но не страдающего тяжелым неизлечимым генетическим заболеванием. Особенно выразительны этические вопросы при предъявлении исков самим инвалидом. Можно ли считать ошибку в генетическом исследовании вредоносным действием, если даже при правильном генетическом исследовании болезнь все равно не смогли бы вылечить, так что стандартный медицинский совет состоял бы в прерывании беременности по медицинским показаниям?

Необходимо признать, что коль скоро данные отношения, в том числе зачатие и развитие жизни стали в той или иной мере зависимы от воли человека, то правового регулирования не избежать. Вместе с тем регулирование не обязательно должно быть гражданско-правовым. В случае установления общего запрета регулирование может осуществляться только в рамках конституционного и уголовного права.

Однако регулирование отношений по применению вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) изначально соответствует всем признакам предмета гражданского права: это отношения между лицами, организационно и административно не подчиненными друг другу (пациент и клиника), это имущественные отношения в части, касающейся возмездной медицинской услуги. Неимущественные отношения, которые также могут возникать (в том числе организационные отношения по поводу медицинской информации) также относятся к сфере не только публичного, но и частного права.

1. Дискуссия о моменте возникновения жизни

Некоторые правовые порядки, в основном основанные на культурных традициях католической церкви, признают возникновение жизни с момента зачатия. Авторы, поддерживающие идею признания нерожденного субъектом, дискутируют о моменте начала человеческой жизни. Медицинская наука различает два периода внутриутробного развития: эмбриональный период — от оплодотворения яйцеклетки до 10-й недели акушерского срока, и фетальный (плодный) период, начиная от 11-й акушерской недели. Во время эмбриогенеза происходят оплодотворение, дробление зиготы, имплантация, гастрюляция (образование

зародышевых листков), формирование органов, плацентация (процесс закладки частей плаценты и объединение их в единый орган).

Вопрос: какой момент следует считать моментом начала человеческого существа оживленно обсуждается в доктрине³. Многие считают, что жизнь образуется в момент оплодотворения — слияния женской и мужской половых клеток, в результате чего восстанавливается диплоидный набор хромосом и формируется качественно новая клетка — зигота, оплодотворенная яйцеклетка⁴ [Мутовин Г.Р., 2010: 57]; [Roller M., 2013: 132]. Здесь появляется уникальный генетический код [Schwarz K.-A., 2001:195], который человек (если он появится на свет) пронесет через всю жизнь. Так, по мнению ряда авторов, тот факт, что зигота уже имеет генетический материал, необходимый для формирования человеческого существа, позволяет считать, что человеческая жизнь начинается с момента оплодотворения [Herdegen M., 2001: 773–779]. Все дальнейшие стадии формирования, по мнению этих авторов, служат лишь развитию человеческого существа. В отечественной литературе тоже имеется такая точка зрения. Так, В.А. Лихолая пишет: «Жизнь человека начинается с момента зачатия. В результате слияния мужской и женской гамет образуется новая биологическая суть — зигота с единым ядром, содержащим уникальную, определенную в момент зачатия программу развития новой индивидуальной жизни — нового человеческого индивида со своим генетическим кодом» [Лихолая В.А., 2015: 201].

Многие исследователи, даже не отрицающие возможности «правосубъектности до рождения», не согласны с этим. Основных аргументов всего два, но каждый из них убедителен. Во-первых, примерно каждой второй зиготе не удастся внедриться в слизистую матки, поэтому есть вероятность того, что потенциальная жизнь так и останется потенциальной. Во-вторых, соединение яйцеклетки и сперматозоида — не одномоментный процесс, он длится примерно 24 часа [Tur M.Ş., 2021: 132–154]. Какой из этих часов следует считать часом возникновения новой жизни?

Вторая⁵ стадия в развитии эмбриона — это имплантация, внедрение в слизистую матки; как и процесс оплодотворения, он не является од-

³ В немецком Законе о защите эмбрионов содержится определение, что под эмбрионом понимается оплодотворенная жизнеспособная яйцеклетка с момента слияния ядер (Embryonenschutzgesetz (ESchG): Закон от 13.12.1990, с изменениями от 21.11.2011. Available at: <https://www.buzer.de/gesetz/2831/a173675.htm> (дата обращения: 22.08.2024)

⁴ Начало развития зиготы — это момент формирования двойного (диплоидного) при встрече двух гаплоидных наборов родительских гамет.

⁵ Слово «вторая» здесь, конечно, условно. Учебные пособия по эмбриогенезу считают множество промежуточных стадий между образованием зиготы и внедрением эмбриона в слой эндометрия. Однако полный обзор медицинской литературы не соответствует задачам исследования; предметом анализа являются те пункты, которые чаще всего признаются в доктрине ключевыми в образовании человеческой личности.

номоментным, а длится примерно 6–7 дней. После того, как зигота имплантируется в матку, яйцеклетка и материнский организм синхронизируется, и яйцеклетка получает от материнского организма вещества, необходимые для дальнейшего развития. Некоторые авторы склонны считать именно этот момент моментом начала человеческого существа; это, вероятно, связано с тем, что с момента имплантации эмбриона вероятность его «отбраковки» естественным путем существенно снижается [Rager G., 2016: 136, 139]⁶; некоторые с этим не согласны, указывая, что для выживания требуются все дальнейшие стадии нормального развития эмбриона [Гландин С.В., 2014: 136–141]. При дальнейшем развитии медицинских технологий теоретически может стать возможным развитие эмбриона вне тела матери, полностью invitro. В таком случае придется искать иной момент начала жизни. Целесообразно, конечно, найти такое решение, которое способно выдержать возможные вызовы новых медицинских технологий.

Следующей точкой отсчета может быть гастрюляция — образование оси тела и трех слоев клеток (эктодерма, энтодерма и мезодерма) [Федорова М.Г., Латынова И.В., Вишнякова Ж.С., 2022: 32]. Примерно к 14-му дню после оплодотворения утрачивается возможность образования идентичных множественных особей из одной клетки; поэтому на этот момент можно говорить об индивидуализации. До этого момента из одной зиготы может сформироваться два близнеца (пожалуй, уже эта вероятность исключает возможность признания человеческой личности возникающей с момента формирования зиготы). 14-й день развития как ключевой день начала защиты используют, например, некоторые нормативные акты Великобритании, разрешающие проведение исследования на эмбрионах только до 14-го дня со дня оплодотворения и запрещающие после этого дня [Алейникова В.В., 2022: 46–65].

Следующая стадия развития и следующая потенциальная точка отсчета — это формирование нейрулы, когда из эктодермы выделяется нервная пластинка (эта стадия начинается на 16-й день после оплодотворения и заканчивается на 21–22-й день).

Некоторые исследователи, утверждающие, что быть человеком — значит обладать сознанием, чувствовать боль — относят начало жизни к

---

⁶ Это, вероятно, связано с тем, что с момента имплантации эмбриона вероятность его «отбраковки» естественным путем существенно снижается. В одном из судебных актов ЕСПЧ тоже упоминается дискуссия о моменте возникновения жизни, и ЕСПЧ указывает: «Некоторые считают — с момента зачатия, некоторые — с момента имплантации, некоторые — с момента, когда плод становится жизнеспособным, а некоторые — с момента рождения». См.: European Court of Human Rights. X. v. United Kingdom. Application N 8416/79. Judgment of 13 May 1980.

этому моменту как к самому первому моменту формированию нервной системы [Viebahn С., 2003: 269–278]. Некоторые с этим не согласны, указывая, что формирование нервной системы — это длительный процесс, он даже не заканчивается рождением (отделением плода от тела матери) [Tur M.Ş., 2021: 132–154]. Иногда считают момент формирования мозга началом человеческого существа. Например, Р. Андорно отметил, что «мы говорим о постоянном развитии, и не стоит ждать каких-либо революционных преобразований после оплодотворения. Это та же самая сущность, которая растет и развивается. Например, сердце начинает биться очень рано, на 21-й день. Нервная система также формируется на второй неделе. Есть точка зрения, что эмбрион можно защищать только через 14 дней после зачатия, а до этого момента мы имеем дело с «предэмбрионом»; цит. по: [Верещагин А., 2020: 8–25].

Установлено, что на 5–6-й неделях развития интенсивно развивается нервная система и быстро растет мозг [Dreier Н., 2002: 377–424], но и этот момент многие отвергают как недостаточно определенный [Beckmann R., 2003: 97–101].

У Х. Драйера есть интересная теория о поэтапном возникновении правосубъектности. Он пишет, что правоспособность зиготы не равна правоспособности восьмимесячного плода, способного выжить вне тела матери. Автор прослеживает увеличение защита человеческой жизни до рождения и делает вывод, что «использование избыточных эмбрионов не равно экспериментам над людьми»; защита права на жизнь увеличивается по мере развития эмбриона и плода в утробе матери, пока не трансформируется в право на жизнь в строгом смысле этого слова при рождении [Dreier Н., 2002: 377–424].

Следующий момент, который предлагается в литературе в качестве точки начала квази-правоспособности — это 12 недель развития, поскольку, по мнению авторов, «... на данном этапе эмбрион приобретает человеческий облик» [Федосеева Н.Н., Фролова Е.А., 2008: 36–40].

Следующий важный момент — момент, когда плод обретает возможность выжить вне тела матери. С развитием медицины время выживаемости плода переносится на более ранние сроки, в настоящее время он составляет приблизительно 20–22 недели с момента зачатия. Однако выживание недоношенного младенца сильно зависит от аппаратуры, которая имеется в медицинском учреждении, поэтому и этот вариант критикуется как неточный.

Как видим, процесс формирования человеческой жизни — это именно процесс, а не момент; установление в нем одного какого-то пункта может быть только результатом общей договоренности, традиции, сформировавшейся в обществе. Сейчас эта традиция находится в са-

мом начале формирования (если допустить, что ранее установленный момент начала правосубъектности — момент рождения — нуждается в пересмотре). В связи с длительностью процесса формирования биологически уникального человеческого организма в доктрине возникла концепция «увеличивающейся правоспособности». Так, по мнению Х. Драйера, правовая защита эмбриона и плода проходит несколько ступеней от момента зачатия до момента рождения, и с момента рождения превращается в право на жизнь в строгом смысле этого слова [Dreier H., 2002: 377–442]. Концепция Драйера создана в основном для уголовного права, но она, вероятно, имеет познавательную ценность и для гражданского права, например, при решении вопроса, допускается ли уничтожение избыточно созданных в ходе ВРТ эмбрионов.

Концепция увеличивающейся охраны сама по себе не конкурирует с классическим представлением о неправосубъектности nasciturуса. Насцитурус (лат.: nasciturus) — это плод в чреве матери. По наиболее распространенному в отечественной литературе мнению [Шершеневич Г.Ф., 2001: 80, 638]; [Гонгало Б.М., 2020: 136]; [Белова Д.А., 2020: 6–8]; [Сергеева Е.С., 2023: 7–11], nasciturus не является субъектом права. При этом допускаются меры предварительной охраны. Так, законодатель закрепляет в ст. 1166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК) механизм защиты будущих прав будущего ребенка в наследственных правоотношениях. В судебной практике постепенно выявляются другие отношения, в которых также в центре внимания оказывается интерес будущего лица: деликтные обязательства⁷, пенсионные правоотношения⁸ и т.д. Но во всех этих случаях речь идет именно о защите прав будущего ребенка, принимаемых предварительно, еще до появления управомоченного лица, а не о частичной правосубъектности уже существующего nasciturуса. Пожалуй, концепция увеличивающейся охраны, автором которой является Х. Драйер, сама по себе не способна изменить понятия о nascитурусе, поскольку две эти теории, во-первых, касаются разных защищаемых гражданским правом благ (теория Драйера говорит об увеличивающейся охране жизни человека, а теория nascитуруса прослеживает судьбу имущественных правоотно-

---

⁷ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 № 7-П // СЗ РФ. 2023. № 11. Ст. 1868.

⁸ 22 октября 2024 года состоялось слушание дела о проверке конституционности положений частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой на нарушение прав ее несовершеннолетних детей. Available at: URL.: <https://ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3885> (дата обращения: 27.10.2024)

шений), во-вторых, обе эти теории не отрицают целесообразности предварительной охраны интересов будущего субъекта.

Наконец, самым точным моментом, с которым можно связать начало уникальной человеческой личности, является момент рождения — отделения плода от тела матери при наличии признаков рождения живым. Момент рождения и объявлен моментом начала правоспособности в действующем отечественном законодательстве (ст. 17 ГК).

Итак, формирование человека от оплодотворенной яйцеклетки до младенца, способного выжить вне тела матери — процесс непрерывный и очень постепенный. Какой-то отдельный момент в этом процессе может быть взят и объявлен началом человеческой жизни только в результате общего согласия или в результате действия исторической традиции. Момент отделения ребенка от тела матери — это как раз такая историческая традиция. С этого момента предварительные меры охраны интересов будущего ребенка меняются на охрану прав появившегося субъекта права. Но и здесь абсолютная определенность до сих пор не достигнута, поскольку признаки рождения живым определены ведомственным актом и установлены не совсем последовательно.

2. Критерии рождения живым

Данные критерии в российском праве установлены ведомственным нормативным актом⁹: «Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов». Можно обсуждать, насколько допустимо важнейший вопрос, связанный с правосубъектностью граждан, решать в ведомственном акте. Здесь есть доводы «за» и «против». Основным доводом «за» является возможность легко изменять регулирование по мере совершенствования медицинских технологий.

Доводами «против» являются следующие. Во-первых, недостаточная юридическая техника ведомственного акта, где, в частности, используются пересекающиеся категории «живорождение» и «медицинские критерии рождения». Во-вторых, наличие в Приказе № 1687н спорного указания о том, что при сроке беременности менее 22 недель или массе тела ребенка при рождении менее 500 г, или (если масса тела ребенка при рождении неизвестна) длине тела ребенка при рождении менее 25 см, «ребенок считается родившимся живым при продолжительности жизни более 168 часов после рождения» (семь суток). Правило о 168 ча-

⁹ Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2012 № 23490; далее — Приказ №1687н // Российская газета. 2012. № 64.

сах критикуется в доктрине [Коробеев А.И., Ширшов А.А. 2020: 64–72]. В отношении глубоко недоношенных детей событием рождения является (в результате применения правила о 168 часах) не момент отделения от тела матери, а успех реанимационных мероприятий и жизнь такого ребенка не менее чем в течение 168 часов после отделения от тела матери, это правило способно очень специфично вмешаться в регулирование наследственных, деликтных и некоторых иных отношений.

3. Правовая природа эмбриона *in vitro*

При использовании вспомогательных репродуктивных технологий отношения усложняются тем, что оплодотворенная яйцеклетка (в сложившейся терминологии — эмбрион *инвитро*) может быть криоконсервирован с целью дальнейшей имплантации его в тело биологической или суррогатной матери. С момента криоконсервации до момента действительной имплантации могут пройти годы и даже десятилетия; в этот период возникает множество правовых вопросов, прежде всего, цивилистических.

О правовой природе эмбриона *in vitro* в иностранной [Roller M., 2013: 132] и отечественной [Богданова Е.Е., 2019: 28–32] литературе высказаны две основные точки зрения. Согласно первой эмбрион, созданный *in vitro*, представляет собой квази-субъект права. За ним закрепляется право на жизнь, к передаче донорского эмбриона применяется термин «усыновление» [Winfield P.H., 1942: 76–91]. При этом в гражданском обороте эмбрион не участвует, не может быть наследником, не может иметь иных (кроме права на жизнь) прав, не может иметь обязанностей. Эта точка зрения весьма распространена в немецкой и итальянской литературе, известна в доктрине США, имеет сторонников в российском праве. Так, А.Н. Левушкин частично поддерживает эту концепцию, поскольку пишет, что «установление специальных механизмов защиты прав нерожденного ребенка позволит обеспечить более эффективные гражданско-правовые гарантии права на жизнь и здоровье ребенка в медицинской практике» [Левушкин А.Н., 2019: 18–23].

Вторая точка зрения: эмбрион *in vitro* — это вещь и к нему должны применяться все нормы гражданского права о вещах [Дружинина Ю.Ф., 2017: 129–140]. Л.А. Новоселова делает обобщающий вывод о правовой природе половых клеток, органов, переданных для трансплантации и эмбрионов: «Указание на его [биоматериала] хранение (возмездное) и перевозку позволяет говорить о рассмотрении таких объектов в качестве вещей. Полученный биоматериал следует признавать объектом права собственности донора» [Новоселова Л.А., 2021: 115–130].

Возможен промежуточный компромиссный вариант. Эмбрион *in vitro* — объект особого рода, не вещь, поскольку несет в себе генетическую программу будущего субъекта и может при надлежащем с ним обращении (имплантации, вынашивании, рождении) стать субъектом права. Но это несуществующий субъект, поскольку, во-первых, он еще не обладает сознанием и волей, во-вторых, даже появление сознания и воли зависит от массы случайных факторов (успеха или безуспешности имплантации, состояния здоровья матери).

Возможный вывод, следовательно, может состоять в том, что эмбрион *in vitro* — объект особого рода, содержащий уникальную генетическую программу будущего субъекта права. Эмбрион, созданный *in vitro*, должен охраняться не как существующая человеческая жизнь, но как возможность человеческой жизни. Поэтому законодательство устанавливает особые требования к использованию эмбрионов¹⁰. Кроме того, характеристика эмбриона как особого объекта гражданских прав, вероятно, позволяет сделать вывод о том, что этот объект не входит в состав наследства.

4. Влияние на патентное право

С особыми свойствами эмбриона нести в себе всю ДНК-программу будущей человеческой жизни связан предусмотренный ст. 1349 ГК запрет (согласно этой статье не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека). В одном из споров заявителя с Роспатентом речь шла об отказе в выдаче патента на способ редактирования конкретного гена для исправления патогенного варианта в ооцитах человека, культивируемых *in vitro*. Заявителю было отказано в выдаче патента в связи с тем, что «... полученные заявителем модифицированные клетки имеют измененный, не существующий в природе геном. При этом вносимые изменения будут сохраняться в геноме как на более поздних стадиях развития эмбриона, так и в геноме взрослой человеческой особи, имеющей половые клетки с соответствующими генетическими изменениями»¹¹. Поэтому Роспатент сделал вывод, что заявленный способ предназначен

---

¹⁰ В частности, запрет создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов. См.: п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Российская газета. 2016. № 139.

¹¹ Заключение Палаты по патентным спорам от 13.09.2023. Приложение к решению Роспатента от 30.10.2023 по заявке № 2021139313/10. Об отказе в выдаче патента на изобретение // СПС КонсультантПлюс.

для внесения изменений в геном эмбриональных клеток человека, в то время как в соответствии с п. 4 ст. 1349 не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека.

Заявитель в своих возражениях указывал, что изменения касаются самой ранней стадии единственной клетки зиготы, до начала ее деления и образования клеток зародышевой линии. Однако Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам истолковала ст. 1349 ГК скорее телеологически, указывая, что «получаемый новый эмбрион (организм) на всех стадиях его развития будет являться новым, генетически модифицированным», и оставила в силе отказ в выдаче патента. В данном случае заявленный способ был направлен на лечение генетически обусловленной глухоты.

В другом подобном споре, где предметом заявки был способ воздействия на зиготы с целью создания у человека повышенной устойчивости против заболевания ВИЧ, Суд по интеллектуальным правам, исследовав доводы заявителя и Роспатента, установил, что заявленный способ призван воздействовать на будущий эмбрион в пятые сутки развития (стадия бластоцисты), сохраняется при дальнейшем его развитии и закрепляется на весь период жизни человека. Суд согласился с доводами Роспатента о том, что это решение не может защищаться, поскольку не могут быть объектами патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека.

5. Правовая природа репродуктивных клеток

Относительно ооцита¹² и спермы можно утверждать, что это объекты гражданских правоотношений. Но нужно выяснить, является ли данный объект объектом особого рода или его следует отнести к вещам. Решение такого вопроса, в частности, повлияет на решение вопроса, входит ли подобный объект в состав наследственной массы. Есть основания полагать, что это вещь, но вещь особого рода, использование которой должно осуществляться с тем, что материал несет в себе генетическую

---

¹² В подзаконных нормативных правовых актах обычно используется термин «ооцит» как более широкий синоним термину «яйцеклетка». См., напр.: приложение № 5 к Приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457 / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020. В медицине и биологии различают ооциты первого порядка — это клетки-предшественницы яйцеклеток, и ооциты второго порядка — это ооциты, достигшие в своем развитии стадии, когда они пригодны к оплодотворению. Последние также могут быть названы «яйцеклетки».

информацию донора. Защищая автономию личности гражданина, нужно позволить ему самому распоряжаться информацией о себе: так, он может быть донором без установления каких-либо ограничений, тогда границы использования определяются императивными требованиями закона и правила общественной морали. В частности, нельзя использовать такие клетки для клонирования (императивный законодательный запрет), нельзя осуществить оплодотворение близкого родственника (запрет, установленный правилами морали).

6. Информация о доноре

К вопросу о правовой природе репродуктивных клеток тесно примыкает вопрос: следует ли обязывать медицинскую организацию собирать такую информацию о доноре, которая позволила бы при необходимости лечения ребенка от генетических болезней запросить у донора дополнительные сведения о состоянии его здоровья, выявленных заболеваниях и т.д.

Здесь налицо несколько противоборствующих интересов. Во-первых, донор спермы или ооцитов может быть заинтересован в анонимности донорства. Во-вторых, родители ребенка могут быть заинтересованы оставить в тайне подробности медицинских процедур, приведших к зачатию и рождению ребенка. Вместе с тем, в случае обнаружения у ребенка генетического заболевания может потребоваться генетическое обследование биологического «родителя».

Действующее законодательство пытается предотвратить такую ситуацию, требуя генетического обследования потенциальных доноров, но это не отменяет, а только смягчает проблему. Во-первых, обследование обычно учитывает самые тяжелые и при этом самые распространенные болезни, передающиеся генетически. Что касается «орфанных»¹³ (редких) генетических заболеваний, то для выявления всех их требуется долгое и дорогое обследование. Во-вторых, медицинские знания развиваются, поэтому впоследствии ребенку, возможно, понадобится такое обследование биологического «родителя», о котором в период донорских отношений никто не знал и не мог знать.

Отечественная судебная практика¹⁴ и доктрина [Подрабинок Е.М., 2012: 599] уже обращали внимание на то, что гражданин заинтересо-

---

¹³ Термин «орфанные», т.е. «сиротские» применительно к редким генетическим заболеваниям появился в связи с тем, что некоторые из этих заболеваний долго не привлекали внимание исследователей.

¹⁴ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018, ред. от 26.12.2018 // Бюллетень ВС РФ. 2019 № 5, 6.

ван знать о своем происхождении и что такая информация может быть полезной для лечения генетических болезней. Вместе с тем этот вывод касался ситуации, когда необходимо раскрыть тайну усыновления для того, чтобы информировать усыновленного о его происхождении. В решении Верховного Суда России от 13.01.2011 № ГКПИ10-1601¹⁵ сказано, что сведения о личности донора составляют врачебную тайну. Женщина имеет право на информацию о процедуре искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, о медицинских и правовых аспектах ее последствий, о данных медико-генетического обследования, внешних данных и национальности донора, предоставляемую врачом, осуществляющим медицинское вмешательство. Перечень сведений является исчерпывающим. В этом судебном акте сделан вывод, почти соответствующий требованиям к афоризму: «Женщина, родившая ребенка в результате искусственного оплодотворения, и донор не вступают друг с другом в какие-либо правоотношения». В акте упоминается политико-правовое обоснование такого решения — это делается для того, чтобы исключить иски об отцовстве, предъявленные донору.

Вместе с тем отечественное законодательство, в том числе и ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁶ не исключает, что женщина, проходящая лечение от бесплодия, при необходимости использования донорских ооцитов или донорской спермы найдет донора самостоятельно, а значит, донорство не будет анонимным. В пп. 44 и 54 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»¹⁷ упоминается, что донорство может быть анонимным или не анонимным.

Проблема известна многим законодателям. Исследователи отмечают, что французское законодательство исходит из абсолютной анонимности донорства, а испанское законодательство допускает получение информации о личности донора, если жизни ребенка угрожает опасность [Лебедева О.Ю., 2013: 32–35]. Следует обратить внимание на относительно новое немецкое законодательство, ранее не обобщавшееся в отечественной доктрине. В ФРГ с 1 июля 2022 г. действует Закон о реестре доноров спермы (Samenspenderegistergesetz), целью которого являются хранение и защита информации о согласии на донорство и об использо-

---

¹⁵ Решение Верховного Суда РФ от 13.01.2011 № ГКПИ10-1601 // СПС Консультант-Плюс.

¹⁶ С изм. от 26.09.2024 // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁷ Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457.

вании криоконсервированного генетического материала. Закон позволяет лицам, зачатым с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, осуществить право на получение информации о своем биологическом происхождении. Закон призван также создать организационные предпосылки и определить порядок получения такой информации (п. 2 ст. 1).

Реестр доноров спермы создается и ведется в Германии Федеральным институтом лекарственных средств и медицинских изделий¹⁸ (п. 1 ст. 1 Закона с изменениями от 26.05.2020). Информация хранится в течение 110 лет и доступна по письменному запросу лица, достигшего 16 лет, или по письменному запросу законного представителя такого лица, и только если гражданин действительно зачат в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий с использованием донорской спермы. Поскольку Закон касается передачи, хотя и в защищенной форме, персональных данных, то его нормы не имеют обратной силы и применяются только к случаям, когда согласие на донорство было дано после вступления в силу этого Закона с соответствующим разъяснением донору спермы, а также потенциальной матери, норм и правил Закона. Немецкий опыт показывает, что и при отсутствии анонимности отношения донорства не аннулируются. Вместе с тем тот же опыт показывает, что доступ к данным о доноре ограничен: только по мотивированному ходатайству совершеннолетнего лица и только при посредстве либо управомоченного органа, либо медицинской организации.

Отечественное законодательство исходит из общего правила об анонимности донорства. Согласно п. 8 ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ¹⁹ при использовании донорских половых клеток и эмбрионов граждане имеют право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных. Другая информация не может быть затребована у донора. Это, в частности, означает, что медицинская организация не обязана хранить сведения по вопросам, выходящим за рамки перечня, предусмотренного п. 8 ст. 55. Насколько это правильно, трудно сказать.

С одной стороны, необходимость раскрытия большей информации может снизить количество потенциальных доноров; кроме того, есть вероятность, что доступность информации о личности донора может

---

¹⁸ Bundesinstitut für Arzneimittel und Medizinprodukte. Samenspenderegistergesetz от 17.07.2017; с изм. от 28.04.2020, действует с 01.07.2018. Available at: https://www.buzer.de/1_SaRegG_Samenspenderegistergesetz.htm (дата обращения: 22.08.2024)

¹⁹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

увеличить число исков об установлении отцовства, в том числе недобросовестных. С другой стороны, в будущем для лечения гражданина могут потребоваться сведения медицинского характера, которые можно было бы получить при наличии информации у медицинской организации. Пока этот вопрос остается открытым.

7. Дозволение или запрет использования эмбриона in vitro в научных исследованиях

Еще одной правовой проблемой, связанной с особой правовой природой эмбриона, в том числе эмбриона, созданного инвитро, является дозволение или запрет использования эмбрионов в научных целях. В п. 5 ст. 3 Закона о биомедицинских клеточных продуктах²⁰ установлена «недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса».

В.В. Алейникова считает, что «ограничений на создание эмбрионов, а равно использование их в иных исследовательских целях (редактирование генома, преимплантационная диагностика) не предусмотрено. Отсутствие закрепленного законом запретительного подхода на практике порождает дозволительный подход, который вызывает ожесточенные дискуссии с точки зрения медицины, этики и права» [Алейникова В.В., 2022: 46–65]. В ст. 18 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины²¹ вопрос о допустимости или недопустимости исследований на эмбрионах in vitro оставлен на усмотрение национального законодателя, и отмечается только, что когда «... закон разрешает проводить исследования на эмбрионах in vitro, он же должен предусматривать надлежащую защиту этого эмбриона» (п. 1 ст. 18), и создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается (п. 2 ст. 18).

Вероятно, нужно различать диагностику, которая осуществляется перед имплантацией эмбриона, и исследования, при которых эмбрионы используются в качестве объектов эксперимента. В первом случае диагностика может быть признана допустимой даже при том, что один созданный инвитро эмбрион может быть уничтожен для того, чтобы

---

²⁰ О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016. № 180-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849.

²¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). Заключена в Овьедо 04.04.1997 // СПС Консультант плюс.

другой получил больше шансов на жизнь. Морально-этическое обоснование этого вывода может состоять в том, что речь идет об эмбрионе на стадии до его имплантации в матку, т.е. буквально о нескольких клетках.

Тем не менее немецкий законодатель допускает такую диагностику только при наличии серьезных показаний, которые можно подразделить на две группы: (1) если из-за генетического заболевания отца или матери имеется серьезный риск передачи болезни ребенку (в таком случае допускается проведение исследования с целью выбрать здоровый эмбрион, а тот эмбрион, который находится «под сомнением» может быть подвергнут исследованию); (2) если имеется риск повреждения эмбриона, что может привести к мертворождению (тогда предполагаются способы исследования, которые не приведут к гибели эмбриона). Это правило с 1990 г. предусмотрено п. 3 ст. 3а немецкого Закона о защите эмбрионов²². В 2018 г. появилось разъяснение процедуры применения данного правила: чтобы выяснить, есть ли серьезные основания для исследования, особенно в случаях, когда исследование может привести к уничтожению одного из эмбрионов, пациентка или лечащий врач должны обратиться с заявлением в Комитет по этике²³. Комитет должен уточнить, есть ли показания к исследованию, и сравнить риск для эмбриона и риск здоровью ребенка и матери, если диагностика не будет проведена.

Во втором случае (исследование эмбриона ради науки, в результате которого эмбрион может быть уничтожен), использование эмбрионов неприемлемо (§5 ESchG), при этом запрещается искусственное изменение генетической информации зародышевой клетки человека и использование зародышевой клетки с искусственно модифицированной генетической информацией.

В России правила редукции эмбрионов и даже плода довольно просты: требуются медицинские показания и согласие матери. Эти правила исходят из представления о том, что до момента рождения эмбрион и плод в теле матери — это часть тела матери. Данная концепция (ранее повсеместно распространенная) признана ошибочной в немецкой литературе [Roller M., 2016: 189–216.], но надо признать, что она интуитивно понятна и позволяет принимать оперативные решения, касающиеся лечения плода.

²² Embryonenschutzgesetz (ESchG): Закон от 13.12.1990 с изменениями от 21.11.2011. Available at: <https://www.buzer.de/gesetz/2831/a173675.htm> (дата обращения: 02.06.2024)

²³ Это установлено в § 4 Постановления о порядке предимплантационной диагностики (Präimplantationsdiagnostikverordnung от 21.02.2013 с изм. от 02.07.2018. Available at: <https://www.buzer.de/gesetz/10518/a179735.htm?m=a173675a> (дата обращения: 02.06.2024)

8. Ответственность за недостаточную информацию

При характеристике своеобразной системы, которую составляют мать и плод в период беременности, нельзя не упомянуть еще один юридический аспект — это иски о вредоносном сохранении жизни (*wrongful life*) и вредоносном рождении (*wrongful birth*), связанные с рождением ребенка с тяжелой инвалидностью в случае, когда медицинская организация не сообщила информации о возможных осложнениях (*wrongful birth*) или когда мать приняла решение о сохранении беременности, несмотря на риски (*wrongful life*). В последнем случае имеется в виду иск, предъявленный ребенком, родившимся с тяжелой формой инвалидности, к матери. Идея такого иска вызывает отторжение: рождение нельзя считать противоправным действием, а полученную жизнь — вредом. Страны, допускающие прерывание беременности по медицинским показаниям, признают прерывание правом, а не обязанностью женщины. Поэтому иски о «вредоносной жизни» как иски ребенка к матери вряд ли имеют право на существование.

Несколько иначе можно рассмотреть иски родителей или самих граждан, страдающих тяжелыми и неизлечимыми врожденными заболеваниями к медицинской организации, которая, оказывая услуги, не выявила болезни (при том, что при ее своевременном выявлении болезнь была бы основанием прерывания беременности по медицинским основаниям). Особенность таких исков и их отличие от всех других случаев медицинской ответственности состоит в представлении истца о причинно-следственной связи. В таких исках обычно говорится, что если бы информация о вероятном или даже неизбежном тяжелом заболевании эмбриона или плода была бы сообщена, мать приняла бы решение о прерывании беременности по медицинским показаниям.

Эти иски, часто называемые исками о «вредоносном рождении», связаны с несколько странным (но тем не менее обсуждающимся в литературе) вопросом — может ли рождение ребенка восприниматься в качестве вреда. Т. Винтер правильно отмечает, что с ветхозаветных времен рождение ребенка воспринималось как счастье и радость, поэтому характеристика новой жизни как приносящей вред противоречит внутреннему чувству справедливости [Winter T., 2002: 13–14, 19].

В одном из ключевых дел, рассмотренных Верховным судом Германии²⁴, обстоятельства были следующими: мать в период беременности заболела краснухой и лечащий врач не предупредил ее о рисках плоду,

---

²⁴ BGH, Urt. v. 18. Januar 1983, VI ZR 114/81. Available at: URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VI_ZR_114-81 (дата обращения 02.06.2024)

не выявил заболевания плода, в результате чего допустимый при таком повреждении плода аборт по медицинским показаниям не был выполнен. Ребенок родился с серьезными повреждениями. Суд отказал ребенку в его требованиях к врачу о возмещении ущерба, отметив, что нет общепринятого ответа на вопрос, что лучше — жить с тяжелой формой инвалидности или совсем не жить, соответственно, суд не может признать, что сохранение жизни представляло собой вред в юридическом значении этого слова. В целом, люди должны принять свою жизнь такой, какой она задумана природой, — рассуждает суд. Кроме того, суд отметил, что «ребенок не имеет права на несуществование». В 1993 г. Конституционный суд Германии подтвердил, что существование ребенка не может оцениваться как источник вреда (ст. 1 Основного закона ФРГ)²⁵.

Иск о вредоносном рождении является одним из частных случаев ответственности за вред, причиненный при оказании медицинских услуг, и (как и всегда при рассмотрении иска о возмещении вреда) имеют значение основание и условия ответственности. В частности, при выяснении вопроса о том, было ли действие или бездействие врача противоправным, нужно выяснить, были ли применены необходимые средства диагностики, и можно ли было (при современном уровне развития медицинской науки) предвидеть тяжелое заболевание плода, а затем — ребенка.

В качестве иска о вредоносном рождении в 2019 г. Верховный суд Германии обозначил также иск, предъявленный родственником пожилого пациента к медицинскому учреждению в связи с тем, что медицинское учреждение, по мнению истца, слишком долго держало умирающего пациента на аппарате жизнеобеспечения, чем продлеvalo его страдания. Распоряжения на случай болезни пациент не оставил (для немецкого права в 2019 г. это обстоятельство уже имело значение). Суд в иске отказал, подчеркнув, что действия больницы были правомерными. Судьи указали, что «человеческая жизнь является высшей правовой ценностью и безусловно достойна сохранения, никакое третье лицо не вправе судить о ценности чей-то жизни; поэтому нельзя рассматривать жизнь, даже полную боли и страданий, как вред. Таким образом, обязанность компенсации морального вреда отсутствует в случае поддержания жизни пациента»²⁶. Это решение интересно тем, что в нем правильно подчеркивается ценность жизни.

---

²⁵ См.: п. 14 Решения Конституционного суда ФРГ от 28.05.1993. BVerfG, 28.05.1993. Available at: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Text=BVerfGE%2088,%20203> (дата обращения 02.06.2024)

²⁶ BGH, решение от 02.04.2019 VI ZR 13/18. Available at: <https://openjur.de/u/2171851.html> (дата обращения 03.06.2024)

Заключение

Современная наука позволяет проследить формирование жизни от момента зарождения до момента первых признаков рождения живым. Есть публичный интерес в формировании человеческой личности в максимально благоприятных условиях, есть, несомненно, законный интерес родителей в рождении здорового ребенка, и они подлежат охране; есть и личные неимущественные права, которые следует считать нарушенными и в том случае, когда противоправное действие имело место до рождения ребенка. Если противоправное действие, имевшее место в период беременности матери, сказалось на здоровье ребенка, ребенок имеет право требовать возмещения вреда, причиненного здоровью.

Концепция «ступенчатого развития правоспособности», предложенная в немецкой цивилистике, в целом может быть воспринята и отечественной доктриной, если речь идет об оценке вероятности возникновения будущего субъекта права. Отечественная судебная практика также учитывает потребность охраны будущей жизни, в том числе и в рамках деликтных обязательств.

Признавая дискуссионный характер вопроса о правовой природе человеческого эмбриона в состоянии вне тела матери (инвитро), автор предлагает считать, что он не является вещью, но является особым объектом гражданских прав, неразрывно связанным с личными нематериальными благами его родителей, в том числе с их правом знать своих потомков.

Вопрос о правовой природе репродуктивных клеток человека также относится к числу дискуссионных; в работе сделан вывод, что такие клетки составляют особую разновидность вещей. Различие в решении вопроса о правовой природе эмбриона и вопроса о правовой природе репродуктивных клеток обусловлено тем, что о репродуктивных клетках нельзя сказать, что вся генетическая информация, необходимая для будущего человеческого существа, уже имеется в данном объекте. Тем не менее генетическая информация потенциального родителя сохраняется в репродуктивной клетке, поэтому добровольное информированное согласие на донорство должно быть опрошено как в случае передачи реципиенту эмбриона инвитро, так и в случае передачи реципиенту репродуктивной клетки.

Вопрос о праве ребенка, при зачатии которого использованы донорские репродуктивные клетки, знать свое происхождение, также относится к числу спорных. В ряде стран законодательно предусмотрена возможность получения полной информации о доноре репродуктивной клетки, если эта информация нужна для лечения ребенка, зачатого с ис-

пользованием репродуктивной клетки. При этом российское правило об анонимном донорстве также имеет положительные черты.

Список источников

1. Алейникова В.В. Гражданско-правовое положение эмбрионов: в поисках баланса интересов // Закон. 2022. № 12. С. 46–65.
2. Белова Д.А. Проблемы правового статуса эмбриона // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 6–8.
3. Богданова Е.Е. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. 2019. № 4. С. 28–32.
4. Верещагин А. Суррогатное материнство ведет к смешению людей и вещей. (Интервью с Р. Андорно) // Закон. 2020. № 7. С. 8–25.
5. Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136–141.
6. Гонгало Б.М. Избранное: сборник научных трудов. Т. 5. М.: Статут, 2021. 310 с.
7. Гонгало Б.М. Правосубъектность гражданина / Гражданское право социального государства: сборник статей. М.: Статут, 2020. С. 136–148.
8. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.
9. Коробеев А.И., Ширшов А.А. Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 5. С. 64–72.
10. Лебедева О.Ю. Проблемы, возникающие при установлении происхождения детей, рожденных при помощи методов вспомогательной репродукции: обзор законодательства и правоприменительной практики стран Европы, Канады и США // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 32–35.
11. Левушкин А.Н. Неродившиеся дети: учет интересов и прав в гражданском обороте и медицинской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 18–23.
12. Лихолая В.А. Проблемы соотношения биомедицинской этики и правового регулирования в области защиты неродившейся жизни / Биомедицинское право в России и за рубежом. М.: Проспект, 2015. С. 271–282.
13. Мутовин Г.Р. Клиническая генетика. Геномика и протеомика наследственной патологии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 832 с.
14. Новоселова Л.А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8. С. 115–130.
15. Подрабинок Е.М. Комментарий к главе V Закона об актах гражданского состояния / Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 592–600.
16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Изд-во Юридического книжного склада «Право», 1917. 327 с.
17. Сергеева Е.С. Защита интересов неродившегося ребенка в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 7–11.

18. Федорова М.Г., Латынова И.В., Вишнякова Ж.С. Эмбриогенез. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 60 с.
19. Федосеева Н.Н., Фролова Е.А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40.
20. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
21. Beckmann R. Wachsendes Lebensrecht? Erwiderung zu Dreier. Zeitschrift für Rechtspolitik, 2003, no. 3, S. 97–101.
22. Dreier H. Stufungen des vorgeburtlichen Lebensschutzes. Zeitschrift für Rechtspolitik mit Rechtspolitischer Umschau, 2002, no. 9, S. 377–424.
23. Herdegen M. Die Menschenwürde im Fluß des Bioethischen Diskurses. Juristen Zeitung, 2001, no. 15, S. 773–779.
24. Quaas A.M. A new global perspective: Geographic variations in the use of preimplantation genetic technologies to screen human embryos. In: Human Embryos and Preimplantation Genetic Technologies. Ethical, Social, and Public Policy Aspects. London: Academic Press, 2019. S. 23–28.
25. Rager G. Der Anfang des individuellen menschlichen Lebens. Zeitschrift für Lebensrecht, 2016, no. 4, S. 134–142.
26. Roller M. Die Rechtsfähigkeit des Nasciturus. Series: Schriften zum Bürgerlichen Recht. Band 43. Berlin: Duncker & Humboldt, 2013. 266 S.
27. Schwarz K.-A. Therapeutisches Klonen—ein Angriff auf Lebensrecht und Menschenwürde des Embryos? Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 2001, no. 84, S. 182–210.
28. Tur M.Ş. Wann Beginnt das menschliche Leben? In: Lebensschutz für den Embryo in Vitro. In: Schriften zum Strafrecht, 2021, no. 374, S. 132–154.
29. Viebahn C. Eine Skizze der embryonalen Frühentwicklung des Menschen. In: Der moralische Status menschlicher Embryonen. Pro und contra Spezies-, Kontinuums-, Identitäts- und Potentialitätsargument. Berlin: Walter de Gruyter, 2003, S. 269–278.
30. Winfield P.H. The Unborn Child. Cambridge Law Journal, 1942, no. 8, pp. 76–91.
31. Winter T. «Bébé prejudice» und «Kind als Schaden». Eine rechtsvergleichende Untersuchung zur Haftung für neues Leben in Deutschland und Frankreich. Berlin: Duncker und Humboldt, 2002. 194 S.

References

1. Aleynikova V.V. (2022) The civil status of embryos: in search of a balance of interests. *Zakon=Law*, no. 12, pp. 46–65 (in Russ.)
2. Beckmann R. (2003) A growing right to life? Reply to Dreier. *Journal of Legal Policy*, no. 3, pp. 97–101.
3. Belova D.A. (2020) Legal status of the embryo. *Semeynoe i zhilishnoe pravo=Family and Housing Law*, no. 3, pp. 6–8 (in Russ.)
4. Bogdanova E.E. (2019) On the rights to human biomaterial. *Grazhdanskoe pravo=Civil Law*, no. 4, pp. 28–32 (in Russ.)
5. Dreier H. (2002) Stages of prenatal life protection. *Zeitschrift für Rechtspolitik*, no. 9, pp. 377–424.
6. Druzhinina Yu.F. (2017) Legal regime of the embryo in vitro. *Zhurnal rossiyskogo prava=Journal of Russian Law*, no. 12, pp. 129–140 (in Russ.)

7. Fedorova M.G., Latypova I.V., Vishnyakova J.S. (2022) Embryogenesis. Penza: University, 60 p. (in Russ.)
8. Fedoseeva N.N., Frolova E.A. (2008) Determination of legal status of an embryo in international and Russian law. *Meditsinskoe pravo*=Medical Law, no. 1, pp. 36–40 (in Russ.)
9. Glandin S.V. (2014) Status of the human embryo in the light of the right for respect for personal and family life in European and Russian law. *Zakon*=Law, no. 4, pp. 136–141 (in Russ.)
10. Gongalo B. M. (2021) Selected works. Vol. 5. Moscow: Statut, 310 p. (in Russ.)
11. Gongalo B.M. (2020) The legal personality of a person. In: Civil law of the welfare state: collection of articles. V.V. Vitryansky, E.A. Sukhanov (eds.). Moscow: Statut, pp. 136–148.
12. Herdegen M. (2001) Human dignity in the flow of bioethical discourse. *Juristen Zeitung*, no. 15, pp. 773–779.
13. Korobeev A.I., Shirshov A.A. (2020) Criteria of live birth in determining life as an object of criminal law protection. *Russkiy zakon*=Lex Russica, no. 5, pp. 64–72 (in Russ.)
14. Lebedeva O.Yu. (2013) Determining origin of children born by assisted reproduction methods: review of legislation and law enforcement practice in Europe, Canada and the USA. *Semeinoe i zhilishnoe pravo*=Family and Housing law, no. 5, pp. 32–35 (in Russ.)
15. Levushkin A.N. (2019) Unborn children: consideration of interests and rights in civil turnover and medical practice. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 6, pp. 18–23 (in Russ.)
16. Likholyaya V.A. (2015) Correlation of biomedical ethics and legal regulation in the field of protection of unborn life. In: Biomedical law in Russia and abroad. Moscow: Prospekt, pp. 271–282 (in Russ.)
17. Mutovin G.R. (2010) Clinical genetics. Genomics and proteomics of hereditary pathology. Moscow: GEOTAR-Media, 832 p. (in Russ.)
18. Novoselova L.A. (2021) Disposal of the human body: a civil law aspect. *Zakon*=Law, no. 8, pp. 115–130 (in Russ.)
19. Podrabinok E.M. (2012) Commentary to chapter 5 of Law on Acts of civil status. In: Commentary on the Family Code of the Russian Federation, Federal Laws on Guardianship and on acts of civil status. F.V. Krashenninikov (ed.). Moscow: Statut, pp. 592–600 (in Russ.)
20. Pokrovsky I.A. (1917) Main issues of civil law. Petrograd: Pravo Press, 327 p. (in Russ.)
21. Quaas A.M. (2019) A new global perspective: Geographic variations in the use of preimplantation genetic technologies to screen human embryos. In: Human Embryos and Preimplantation Genetic Technologies. Ethical, Social, and Public Policy Aspects. London: Academic Press, pp. 23–28.
22. Rager G. (2016) The beginning of individual human life. *Journal of the Law of Life*, no. 4, pp. 134–142.
23. Roller M. (2013) The legal capacity of the Nasciturus. In: Writings on civil law. Vol. 43. Berlin: Duncker & Humboldt, 266 p.
24. Scharz K.-A. (2001) Therapeutic cloning — an attack on the right for life and human dignity of the embryo? *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*, № 84, S. 182–210.
25. Sergeeva E.S. (2023) Protection of the interests of an unborn child in civil proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*=Arbitration and civil proceedings, no. 9, pp. 7–11 (in Russ.)

26. Shershenevich G.F. (2001) Course of civil law. Tula: Autograph, 720 p. (in Russ.)
  27. Tur M.Ş. (2021) When does human life begin? In: Life protection for the embryo in vitro. *Schriften zum Strafrecht*, № 374, S. 132–154.
  28. Vereshchagin A. (2020) Surrogacy leads to a mixture of people and things. (Interview with R. Andorno). *Zakon=Law*, no. 7, pp. 8–25 (in Russ.)
  29. Viebahn C. (2003) A sketch of embryonic early development of man. In: The moral status of human embryos. Pro and contra species, continuum, identity and potentiality argument. Berlin: Walter de Gruyter, pp. 269–278.
  30. Winfield P. H. (1942) The unborn child. *Cambridge Law Journal*, no. 8, pp. 76–91.
  31. Winter T. (2002) “Bébé prejudice” and “Child as a harm”. A comparative study on liability for new life in Germany and France. Berlin: Duncker and Humboldt, 194 p.
-

Информация об авторе:

Е.А. Останина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E.A. Ostanina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.08.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024 ; принята к публикации 05.10.2024.

The article was submitted to editorial office 31.08.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 05.10.2024.

Научная статья

УДК: К34

JEL: K29

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.161.184

Проблема финансового стимулирования ученичества в России: сравнительно-правовое исследование

Станислав Сергеевич Агеев¹,

Дина Матвеевна Осина²

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия 119454, Москва, просп. Вернадского, 76,

¹ s.ageev@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9593-7645>

² d.osina@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-6903>

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты развития института ученичества в России. Существование этого института выгодно как работникам, обучающимся по программам ученичества, так и работодателям и государству. Основной преградой на пути к развитию ученичества являются финансовые издержки, с которыми сталкиваются работодатели в связи с приемом на производственную практику обучающихся и с профессиональной переподготовкой действующих сотрудников образовательных организаций. Способы минимизации этих издержек исследуются на примерах зарубежных стран, где институт ученичества существует давно и оказывает положительное влияние на экономику компаний и самих государств. Соответственно предметом статьи являются общественные отношения, возникающие в связи с финансовым стимулированием ученичества государством. Методология исследования включает нормативное микро-сравнение, в том числе внешнее, поскольку правовой институт ученичества является общим для различных правовых систем и смежным для отдельных отраслей права: финансового и трудового. Также авторами применено функциональное сравнение в целях поиска оптимальной модели правового регулирования. Эффективность при этом определяется через призму достигнутых странами социально-экономических показателей. Сравнительно-исторический метод, а именно диахронный анализ правового регулирования позволил проследить переход между разными моделями финансового

стимулирования ученичества в отдельных юрисдикциях на различных этапах исторического развития. Выявлены механизмы прямого и косвенного финансирования ученичества, действие особых налогов, систем налоговых льгот, фондов, специальных программ ученичества. В свете поручений Президента России по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума проанализировано состояние российского законодательства, касающегося вопросов ученичества, и сделан вывод о направлениях его совершенствования с возможным использованием зарубежного опыта. Авторы предлагают расширить перечень налоговых льгот введением налогового зачета для стимулирования работодателей, в особенности, малых и средних предприятий, поддерживающих программы ученичества.

Ключевые слова

ученичество; ученический налог; налоговые льготы; налоговый зачет; программы ученичества; фонды денежных средств.

Для цитирования: Агеев С.С., Осина Д.М. Проблема финансового стимулирования ученичества в России: сравнительно-правовое исследование // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 161–184. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.161.184

Research article

Financial Stimulation of Apprenticeship in Russia: Comparative Legal Research

Stanislav S. Ageev¹,

Dina M. Osina²

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia,

¹ s.ageev@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9593-7645>

² d.osina@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-6903>

Abstract

The article raises the problem of development of apprenticeship in Russia. This institute is equally beneficial for employers, apprentices and the state. It has been found out that the main obstacle to its development is in financial costs that employers bear when they organize internship for students and professional training of employees in educational organizations. The authors study the ways to minimize the aforementioned costs on the example of the foreign countries' experience where apprenticeship has existed for a long time and positively influenced the economy of companies and the states themselves. Correspondingly, the subject of the article is social relations arise in the light of state financial support of apprenticeship. The methodology of the research is represented by

normative micro-comparison, in particular external comparison, since apprenticeship as a legal institute is common for different legal systems and for various branches of law: labor law and financial law. The authors implement functional comparison as well to find an effective model of legal regulation. The effectiveness is measured through the social and economic results achieved by the states. The comparative historical method, in particular diachronic analysis of legal regulation, has helped the authors to see the transfer among various models of financial support of apprenticeship in different states retrospectively. In the course of the research the authors identify mechanisms of direct and indirect financing of apprenticeship, the existence of peculiar taxes, tax benefits, funds, special apprenticeship programs. Following the goals defined by the President of Russia after XXVI International Economic Forum in Saint Petersburg the authors analyze the current state of the Russian legislation concerning apprenticeship issues and make a conclusion about the directions for its improvement on the basis of the foreign experience. The authors propose to expand the list of tax benefits by introducing a tax credit that would support employers, in particular small and medium-sized enterprises, which involve in apprenticeship programs.

Keywords

apprenticeship; apprenticeship levy; tax benefits; tax credit; apprenticeship programs; funds.

For citation: Ageev S.S., Osina D.M. (2024) Financial Stimulation of Apprenticeship in Russia: Comparative Legal Research. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 161–184 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.161.184

Введение

Понятие «ученичества» может быть истолковано по-разному. С одной стороны, это привлечение учащихся учебных заведений на производство с целью их профессиональной ориентации и начальной подготовки к осуществлению трудовой деятельности (в узком смысле). С другой, это программы повышения квалификации не только учащихся учебных заведений, но и уже действующих работников компании (в широком смысле). Ученичество в широком смысле в большей мере отражает социальное назначение данного явления.

Ученичество выполняет важные социально-экономические задачи. Во-первых, оно решает проблему профессиональной ориентации выпускников учебных заведений разного уровня. Во-вторых, оно способствует трудоустройству выпускников. В-третьих, оно способствует обновлению знаний работников, что делает их более разносторонними и конкурентоспособными. В-четвертых, профессиональная переподготовка и повышение квалификации работников способствуют экономическому росту и развитию компаний, в которых они трудоустроены, а значит, и государства в целом. В-пятых, ученичество обеспечивает тес-

ную связь образовательных организаций и работодателей, следовательно, первые могут точнее ориентироваться на потребности вторых [Aggarwal A., Aggarwal G., 2021: 213].

Между тем выгоды от ученичества являются видимыми лишь в долгосрочной перспективе, тогда как издержки работодателей очевидны изначально. Так, если речь идет об обучении на производстве, то работодатель вынужден назначить наставника, обязанного заниматься подготовкой учеников и отвлекаться от основной работы. Более того, эта дополнительная работа должна быть оплачена. Если речь идет о профессиональной переподготовке действующих сотрудников, то они вынуждены отрываться от производства, а работодатель обязан оплачивать их обучение в образовательных организациях.

Таким образом, объективной преградой на пути к выгодам от ученичества являются издержки работодателей, прежде всего финансовые, с которыми они сталкиваются в краткосрочной перспективе. Субъективные же преграды являются предметом социологических исследований [Smith E., 2022].

Предмет настоящего исследования — общественные отношения, возникающие в связи с финансовым стимулированием ученичества со стороны государства. Соответствующие общественные отношения и их правовое регулирование получили распространение в ряде зарубежных стран; следовательно, этот опыт может быть учтен в российском законодательстве, в котором также регулируется институт ученичества. Поручение по развитию данного института было дано Президентом Российской Федерации по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума 14–17 июня 2023 г.¹ В этом поручении, в частности, говорится об обеспечении «возвратности затраченных на обучение средств» работодателей.

В российском законодательстве ученичество предусмотрено Главой 32 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК)². В соответствии с ученическим договором работодатель-юридическое лицо (организация) имеет право заключать с лицом, ищущим работу, или с работником этой организации ученический договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы. Ученический договор с работником является дополнительным к трудовому договору и заключается на срок, необходимый для получения определенной квалификации.

---

¹ Перечень поручений по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума. Available at: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72060> (дата обращения: 09.01.2024)

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС Консультант Плюс.

Во Франции ученический договор регулируется Разделом II Книги II Части шестой Трудового кодекса Франции³, заключается на определенный (*à durée limitée*) или на неопределенный срок (*à durée indéterminée*). Если договор заключается на точно определенный период, его срок составляет от 6 месяцев до 3 лет. Работниками по ученическому договору могут быть лица в возрасте от 16 до 29 лет.

В России, в отличие от Франции, ученический договор заключается только на определенный срок, но зато без ограничения по возрасту работника. Такой подход оправдан, поскольку он соответствует концепции непрерывного образования, закрепленной в ст. 10 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ⁴.

Трудовым кодексом Франции предусмотрен не только ученический договор (*contrat d'apprentissage*), но также договор о повышении квалификации (*contrat de professionnalisation*). Отечественные исследователи обращали на это внимание и ранее, когда предлагали разграничить ученический договор и договор о повышении квалификации [Занданов С.В., 2009: 94], т.е. предлагали исходить из узкого понимания ученичества как явления, но российский законодатель сделал выбор в пользу широкого подхода.

Изучение зарубежного опыта, а именно опыта Франции, Германии, Венгрии, Великобритании, Ирландии, США и Республики Корея, где ученичество развито, позволит: во-первых, удостовериться в том, что оно может быть экономически выгодным для работодателей; во-вторых, выявить механизмы государственной поддержки работодателей, на которых ложатся основные издержки, связанные с реализацией ученичества.

Соответственно методология данного исследования представлена нормативным микросравнением, в том числе внешним, поскольку институт ученичества является общим для России и зарубежных стран, и внутренним с учетом того, что ученичество как институт присутствует не только в трудовом, но и в финансовом праве [Малиновский А.А., 2016: 15]. Одновременно с этим акцент сделан и на функциональном сравнении, предполагающем выявление лучших моделей правового регулирования [Van Hoescke M., 2015: 9]. Их выявление подтверждают те социально-экономические показатели, которые были достигнуты после принятия соответствующих нормативных актов и нашли отражение в официальных документах, в том числе в статистике. Наряду с пере-

---

³ Code du travail. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006160820/#LEGISCTA000037386097 (дата обращения: 20.02.2024)

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС Консультант Плюс.

численными выше методами в процессе исследования применен сравнительно-исторический метод, а именно, диахронный анализ правового регулирования в отдельных зарубежных странах, который также отражает поиск и нахождение государствами оптимального правового регулирования [Кудрявцев В.Н. и др., 1980: 21]. В частности, применение этого метода продемонстрировано на примере перехода отдельных стран от прямого финансирования программ ученичества через специальные фонды денежных средств к косвенному — через механизм налоговых льгот.

Традиционным для сравнительного правоведения было бы проведение исследования в рамках правовых семей, но в заявленных выше странах меры финансовой поддержки не совпадают с их отнесением к англо-саксонской, романо-германской или иной правовой семье. Выходом стал выбор в качестве основания для сравнения мер прямой и косвенной финансовой поддержки.

1. Меры прямой финансовой поддержки ученичества

Названная поддержка осуществляется двумя основными способами: за счет специальных фондов; при реализации специальных программ.

Специальные фонды отличаются от специальных программ источниками формирования: в первом случае это преимущественно страховые взносы, во втором — средства, выделенные из государственного бюджета. Также деньги, находящиеся в управлении специальных фондов, могут быть инвестированы, тогда как средства, выделенные на реализацию специальной программы, не могут. Для государства существенной разницы между этими двумя механизмами нет, поскольку оба они связаны с прямыми расходами на развитие ученичества и сопряжены с дополнительными издержками администрирования и контроля.

1.1. Специальные фонды денежных средств

До введения в действие с 1.01.2001 части второй Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ)⁵ в России в соответствии с Постановлением Верховного Совета от 08.06.1993 №5132-1⁶ функционировал внебюджетный Государственный фонд занятости населения.

---

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС Консультант Плюс.

⁶ Постановление Верховного Совета от 08.06.1993 № 5132-1 «Об утверждении Положения о Государственном фонде занятости населения Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Фонд занятости, включавший федеральную, региональную и местную составляющие, формировался в том числе за счет обязательных страховых взносов работодателей и работников. Средства Фонда направлялись среди прочего на меры профориентации, профессиональной подготовки и переподготовки безработных, включая содержание (аренду) учебных заведений и выплату стипендий обучающимся, а также на сохранение, создание дополнительных или новых рабочих мест.

Создание Фонда изначально было временным⁷, направленным на оперативное решение проблемы массовой безработицы. Профессиональная подготовка и переподготовка были ориентированы не столько на практикантов или работников, сколько на безработных граждан, вынужденных адаптироваться к новым экономическим условиям. Сейчас, когда рынок труда находится в относительно стабильном состоянии, профессиональная подготовка и переподготовка направлены, напротив, на работников и практикантов, чтобы обновить знания первых и адаптировать к работе вторых.

Именно из соображений адаптации к работе исходят, к примеру, в Республике Корея, где Закон «О параллельной работе и учебе» (2021)⁸ предусматривает две программы ученичества: новых работников и студентов (в том числе учащихся старших классов). Ученичество новых работников подразумевает прохождение обучения как на рабочем месте, так и в образовательных центрах.

Программы ученичества осуществляются при участии Министерства занятости и труда, контролирующего данные программы наряду с Министерством образования, и финансируются за счет страховых взносов, уплачиваемых работниками и работодателями в Фонд страхования занятости. Его функционирование регулирует глава 7 Закона «О страховании занятости» (1995)⁹.

Из Фонда аккумулированных таким образом денежных средств наряду с ученичеством финансируются и другие программы, направленные на развитие трудовой сферы и борьбу с безработицей. Размер страхового взноса зависит от многих факторов, в частности, от количества работников у работодателя, но в среднем составляет около 0,65% (от 0,25 до 0,85%) фонда оплаты труда. Текущий контроль операций осуществляет Банк Кореи, в котором у Фонда открыт счет.

---

⁷ Обязательные платежи в Фонд занятости, безусловно, являлись дополнительной финансовой и административной нагрузкой на работодателей, поэтому в условиях становления рыночной экономики такое решение не могло быть постоянным.

⁸ Available at: <https://www.law.go.kr> (дата обращения: 21.02.2024)

⁹ Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=60878#0000> (дата обращения: 24.09.2023)

И хотя Фонд был создан в 1995 г., программы ученичества в стране появились в качестве пилотного проекта лишь в 2013 г., а их фактическая реализация началась в 2014 г. Это может быть связано с перемещением фокуса внимания Фонда с безработицы на проблему подготовки квалифицированных кадров. За первые 2,5 года развития ученичества, как отмечают зарубежные исследователи, количество учеников превысило 25 тыс. [Kang K.-J. et al., 2017: 4]. К 2019 г. их количество превысило 89 тыс. человек¹⁰. По данным 2016–2020 гг., расходы работодателей на развитие ученичества полностью покрывались за счет доходов от реализации таких программ¹¹.

Аналогичный Фонд создан и в Ирландии в 2000 г. в связи с принятием Закона «О Национальном фонде обучения»¹². Целью его учреждения было финансирование программ профессиональной подготовки и обучения не только трудоустроенных (включая ученическую подготовку), но и ищущих работу. Фонд имеет текущий и инвестиционный счет. Контроль за первым осуществляет министр предприятий, торговли и занятости, а за вторым — министр финансов. Инвестиционный счет позволяет вкладывать неиспользованные средства, находящиеся в управлении Фонда, и получать доход. На текущий счет поступают сборы с работодателей в размере 0,7% фонда оплаты труда.

Так, в 2016 г. сборы с работодателей в Ирландии на финансирование программ ученичества составили 390 млн. евро, что на 20 млн. евро больше, чем в 2015 г.¹³ Из них 334 млн. евро были потрачены в 2016 г. на образовательные программы. Вероятно, остаток в виде 56 млн. евро был направлен на инвестиции. По статистике 2015–2016 гг. около 208 тыс. компаний стали плательщиками этого сбора, тогда как выгоду от программ подготовки получили около 13 тыс. компаний, т.е. всего 6,25%¹⁴.

Таким образом, в России, Республике Корея и Ирландии специальные фонды денежных средств были созданы примерно в одно и то же время для решения схожих задач, среди которых развитие ученичества не была основной. В России учреждение Фонда занятости оказалось временным решением, соответствующие сборы были обременительны как для государства, так и для работодателей. В Корее расходы работода-

---

¹⁰ Apprenticeship in Korea 2019. Available at: <https://www.voced.edu.au/content/ngv%3A88943> (дата обращения: 23.09.2023)

¹¹ Ibid.

¹² National Training Fund Act of 2000. Available at: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2000/act/41/enacted/en/html> (дата обращения: 17.09.2023)

¹³ NTF in Ireland. Available at: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/financing-apprenticeships/financing-instruments/national-training-fund-ntf> (дата обращения: 18.09.2022)

¹⁴ Там же.

лей на развитие ученичества полностью покрываются за счет доходов от реализации таких программ, но это показатель по всем работодателям в целом. Опыт Ирландии показывает, что выгоду от реализации программ ученичества, несмотря на равные страховые взносы или сборы, получает лишь незначительная часть работодателей.

Отказ от подобного способа поддержки ученичества и переход к иным механизмам виден на примере Венгрии, где с 1988 г. в рамках Национального фонда занятости действовал Подфонд профессионального обучения. Его деятельность регулировалась Законом «О взносах на профессиональное обучение и поддержке развития обучения» (2011)¹⁵. Контролировало деятельность этого Фонда Министерство национальной экономики, в частности, подведомственное ему Национальное управление профессионального образования и обучения взрослых.

Фонд финансировал программы ученичества и иные образовательные программы и пополнялся за счет работодателей, которые уплачивали взнос на профессиональное обучение в размере 1,5% фонда оплаты труда. Но 1.01. 2022 данный взнос был упразднен в связи с переходом к механизму налоговых льгот: для работодателей был введен зачета налога в рамках налога на социальное страхование¹⁶.

Целесообразность такого перехода подтверждается статистикой, согласно которой в 2016 г. платеж уплатили 544 156 работодателей, а выгоду получили только 7059, т.е. 1,3%, тогда как в 2015 г. платеж уплатили 567 857 работодателей, а выгоду получили лишь 6991 или 1,2%¹⁷. Также эти данные, как и статистика Ирландии, доказывают несовершенство прямой поддержки ученичества через специальные фонды, поскольку они обеспечивают аккумулирование, но не распределение денежных средств.

1.2. Специальные программы поддержки ученичества

В России такие программы на федеральном уровне отсутствуют. Есть лишь общая государственная программа «Содействие занятости населения».

---

¹⁵ 2011. Évi CLV. Törvény a szakképzési hozzájárulásról és a képzés fejlesztésének támogatásáról. Available at: <https://mkogy.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1100155.TV> (дата обращения: 17.09.2023)

¹⁶ “Újszochokedvezmény 2022. január 1-jétől”. Available at: https://nav.gov.hu/ado/szocialis_hozzajarulasi_ado/uj-szochokedvezmeny-2022.-januar-1-jetol (дата обращения: 17.09.2023)

¹⁷ National Employment Fund, Training Sub-Fund, Vocational Training Contribution in Hungary. Available at: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/financing-apprenticeships/financing-instruments/national-employment-fund-training-sub-fund-vocational-training> (дата обращения: 18.09.2022)

ния», утвержденная Постановлением Правительства от 15.04.2014 № 298¹⁸, но и в ней не так много положений, в которых упоминается ученичество.

В государственной программе указано лишь, что развитие системы профессиональных квалификаций, механизма независимой оценки квалификации, а также функций базового центра профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров в соответствии с Федеральным законом «О независимой оценке квалификации» предусматривает в том числе повышение квалификации руководителей образовательных организаций и структурных образовательных подразделений предприятий, методистов, преподавателей, мастеров производственного обучения, наставников на производстве. Другими словами, государственная программа направлена на повышение квалификации наставников, но не учеников.

На региональном уровне в России наряду с ученичеством получил развитие схожий с ним институт наставничества, заключающийся в передаче профессиональных знаний, компетенций, помощи в профессиональной адаптации, развитии и продвижении. Так, в Воронежской области действует Закон от 06.10.2011 № 132-ОЗ¹⁹, по которому, в частности, организациям-работодателям, применяющим наставничество, могут быть оказаны меры государственной (областной) поддержки в соответствии с государственными программами области.

Таким образом, сейчас в России ученичество или наставничество поддерживаются напрямую лишь из бюджетов регионов, а федеральных субсидий на развитие данных институтов действующими государственными программами не предусмотрено.

В США первая региональная программа ученичества появилась в штате Висконсин в 1911 г., на федеральном уровне — в 1937 г. с принятием закона «О национальном ученичестве» (National Apprenticeship Act)²⁰, или закон Фитцджеральда. Этот закон регулирует программы ученичества и обучения на рабочем месте. Стандарты, регулирующие программы ученичества, разработаны Министерством труда и консолидированы в частях 29 и 30 Раздела 29 свода федеральных правил, посвященного вопросам труда²¹.

---

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 (ред. от 22.09.2023) «Об утверждении государственной программы «Содействие занятости населения» // СПС Консультант Плюс.

¹⁹ Закон от 06.10.2011 № 132-ОЗ «О первом рабочем дне выпускников и трудовом наставничестве» // СПС Консультант Плюс.

²⁰ National Apprenticeship Act of 1937. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3091/pdf/COMPS-3091.pdf> (дата обращения: 18.10.2023)

²¹ Available at: <https://www.govinfo.gov/app/collection/cfr/2021/title29> (дата обращения: 24.09.2023)

В настоящий момент в США действуют следующие виды программ ученичества: зарегистрированная программа ученичества (Registered Apprenticeship Program); программа ученичества, признанная в отрасли (Industry-Recognized Apprenticeship Program) [Smith E., Rauner F., 2010: 125].

Зарегистрированная программа ученичества называется так потому, что она утверждается либо Отделом ученичества Министерства труда, либо Агентством ученичества штата²². Каждый работодатель имеет право на свою программу ученичества, зарегистрировав ее и получив как следствие права на техническую помощь государства в части реализации программы, льготы в виде зачета налога, возможность выдавать признаваемый на территории страны диплом об окончании программы ученичества. При реализации программы у работодателя есть возможность сотрудничать с образовательными организациями, например, с колледжами и школами.

Программа ученичества, признанная в отрасли, должна быть утверждена лицом, уполномоченным государством (как правило, это крупная компания-лидер отрасли)²³.

Названные программы ученичества поддерживаются государством, о чем свидетельствует выделение штатам средств из федерального бюджета. Министерство труда ежегодно выделяло 50,5 млн. дол. на расширение программ ученичества в штатах с упором на быстрорастущие отрасли. Эта субсидирование ознаменовало первый в США случай, когда федеральное правительство поддержало штаты в их усилиях по расширению и диверсификации программ ученичества²⁴. В 2023 г. ежегодная субсидия увеличена до 65 млн. дол.²⁵.

Предусмотрены не только федеральные субсидии, но и меры косвенной поддержки программ ученичества. Так, участие работодателей в данных программах по законодательству отдельных штатов является основанием получения ими федеральных налоговых льгот. Иными словами, именно штаты стимулируют работодателей к развитию ученичества.

Например, закон Алабамы²⁶ дает работодателю льготу по подоходному налогу в размере 1250 дол. за каждого квалифицированного ученика

---

²² Available at: <https://www.apprenticeship.gov/employers/explore-apprenticeship> (дата обращения: 19.09.2023)

²³ Available at: https://www.apprenticeship.gov/sites/default/files/IRAP_FAQ.pdf (дата обращения: 18.10.2023)

²⁴ Available at: <https://www.apprenticeship.gov/investments-tax-credits-and-tuition-support/state-apprenticeship-expansion> (дата обращения: 22.02.2024)

²⁵ Department of Labor Awards \$65m to Help States Increase, Expand Access to Registered Apprenticeships in High-Growth, High-Demand Industries. Available at: <https://www.dol.gov/newsroom/releases/eta/eta20230719> (дата обращения: 22.02.2024)

²⁶ Available at: <https://codes.findlaw.com/al/title-40-revenue-and-taxation/al-code-sect-40-18-422/> (дата обращения: 09.01.2024)

работодателя (500 дол. за каждого квалифицированного ученика средней школы). Законодательно ограничены совокупные налоговые льготы в размере 3 000 000 дол. в течение первых двух налоговых лет и 5 000 000 дол. за каждый последующий налоговый год²⁷. В Иллинойсе размер ежегодного зачета налога не должен превышать 3500 дол. на одного ученика.

В 2020 г. к программам ученичества на федеральном и региональном уровнях присоединились 221 000 человек, были запущены 3143 новые программы, всего действовало порядка 26 000 программ²⁸. При этом участие в программах ученичества по сравнению с общим количеством обучающихся остается небольшим: несмотря на более чем 80-летнюю историю ученичества в стране, для многих предприятий малого и среднего сектора расходы на организацию подобного обучения являются неподъемными [Савина М.В. и др., 2022: 62].

Таким образом, Россия и США исходят из разного понимания специальных программ поддержки ученичества. Если в России они имеют форму государственных программ, на реализацию которых выделяются бюджетные средства, то в США они больше напоминают образовательные программы, которые в случае их признания государством или уполномоченным им специальным лицом становятся основанием федеральных субсидий или налоговых льгот.

2. Меры косвенной финансовой поддержки ученичества

Ключевые меры такой поддержки ученичества — льготы по налогам, отличным от ученического налога/сбора, и сам ученический налог/сбор²⁹. Они не предполагают бюджетного субсидирования. В России отсутствует ученический налог/сбор, но он имеет место в некоторых зарубежных странах, например, в Великобритании и Франции.

---

²⁷ States that Offer Tax Credits for Hiring Apprentices and Tuition Support for Registered Apprentices. Available at: <https://www.apprenticeship.gov/investments-tax-credits-and-tuition-support/state-tax-credits-and-tuition-support> (дата обращения: 18.09.2023)

²⁸ Available at: <https://www.dol.gov/agencies/eta/apprenticeship/about/statistics/2020> (дата обращения: 21.09.2022)

Примечание: информация на указанном сайте содержит суммарные данные из различных источников регионального и федерального уровней.

²⁹ Хотя это обязательный платеж, имеющий налоговую природу, его уплата может быть компенсирована полностью или частично, что позволяет отнести его также к мерам косвенной финансовой поддержки. Тем более, что расходы работодателя на финансирование программ ученичества могут быть выше, чем издержки, связанные с уплатой ученического налога/сбора.

В большинстве зарубежных стран (в Германии, Венгрии, США и др.), как и в России, косвенная поддержка ученичества происходит через налоговые льготы, являющиеся элементом юридического состава иных налогов. Между тем виды налоговых льгот и степень их влияния на поведение налогоплательщика могут различаться: в частности, применение налогового зачета, уменьшающего величину налогового обязательства, способно компенсировать налогоплательщику больше расходов, чем налоговый вычет, сокращающий налоговую базу.

2.1. Льготы по налогам, отличным от ученического налога/сбора

Как отмечают отечественные исследователи, именно с налоговыми льготами, которые по общему правилу относятся к факультативным элементам налога, чаще всего связывают реализацию регулирующей функции налогов [Копина А.А., 2023: 9]. Данная функция, на первый взгляд, противоположна фискальной: действительно, в краткосрочной перспективе ее можно связать с явлением «налоговых расходов» [Мичурина Ю.П., 2022: 30] или недополученных доходов бюджета, тогда как фискальная функция отвечает за «бюджетную безопасность» [Долматова Н.Г., 2021: 17]. В долгосрочной перспективе обе функции выполняют общую задачу наполнения бюджета, поскольку регулирующая функция связана с финансовым стимулированием в настоящем, чтобы получить еще больший экономический результат в будущем. Иное противоречие бы самой идее налогообложения.

Так, Министерство образования и науки Российской Федерации письмом³⁰ информировало о действующих с 1.01.2009 налоговых льготах работодателей, направляющим средства на обучение. Правовое регулирование с тех пор претерпело изменения и ныне заключается в следующем.

Организации на основании пп. 23 п. 1 и п. 3 ст. 264 Налогового кодекса вправе учесть при исчислении налога на прибыль в прочих расходах, связанных с производством и реализацией, расходы на обучение своих работников, а также физических лиц, с которыми заключены договоры, предусматривающие их обязанность не позднее трех месяцев после окончания указанного обучения, оплаченного налогоплательщиком, заключить с ним трудовой договор и отработать у налогоплательщика не менее одного года.

Такие расходы могут быть учтены, если они направлены на обучение по основным профессиональным образовательным программам, основным программам профессионального обучения и дополнительным

---

³⁰ Письмо Министерства образования и науки РФ от 01.12.2008 № 03-2495 // СПС Консультант Плюс.

профессиональным программам на основании договора организации-налогоплательщика с российской образовательной организацией, научной организацией либо иностранной образовательной организацией, имеющими право на образовательную деятельность. К указанному виду расходов относятся также расходы организации-налогоплательщика на прохождение независимой оценки квалификации на соответствие требованиям к квалификации работников налогоплательщика на основании договора оказания услуг проведения независимой оценки квалификации на соответствие требованиям к квалификации в соответствии с федеральным законодательством.

Выплачиваемые организацией в соответствии с ученическим договором и ст. 204 ТК стипендии ученикам, впоследствии принятым на работу, могут быть учтены при исчислении налога на прибыль в качестве прочих расходов, связанных с производством и реализацией, на основании пп. 49 п. 1 ст. 264 НК. Указанное право организаций подтверждено единообразными разъяснениями Министерства финансов России³¹, а также судебной практикой³². Размер стипендии по ст. 204 ТК определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, но не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда³³.

Кроме того, при исчислении налога на прибыль в расходы на оплату труда включаются следующие расходы организаций, связанные с обучением штатных работников:

в виде среднего заработка, сохраняемого за работниками в соответствии с трудовым законодательством на время предоставляемых работникам учебных отпусков, а также расходы на оплату проезда к месту учебы и обратно (п. 13 ст. 255 НК);

предусмотренные законодательством начисления по основному месту работы работникам во время их обучения с отрывом от работы в системе повышения квалификации или переподготовки кадров (п. 19 ст. 255 НК).

Другими словами, согласно Налоговому кодексу основной льготой для работодателей, применяющих общую систему налогообложения, является вычет по налогу на прибыль, или возможность уменьшить на-

---

³¹ Письма Министерства финансов РФ от 10.06.2016 № 03-03-06/1/34188, от 26.03.2015 № 03-03-06/1/16621, от 03.07.2014 № 03-03-06/1/32275, от 08.06.2012 № 03-03-06/1/297 // СПС Консультант Плюс.

³² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2017 по делу № А40-234177/2016 // СПС Консультант Плюс.

³³ С 1.01. 2024 МРОТ установлен в сумме 19 242 руб. в месяц (ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О минимальном размере оплаты труда» // СПС Консультант Плюс.

логовую базу на величину расходов, понесенных в связи с реализацией ученичества. Плюсом такой налоговой льготы является возможность компенсировать хотя бы часть соответствующих расходов. Минусом — необходимость документального подтверждения и экономического обоснования этих расходов. Такая необходимость может оказаться сдерживающим фактором для работодателей.

Для работодателей, применяющих некоторые специальные налоговые режимы, данный Кодекс также предусматривает налоговые льготы в связи с расходами на ученичество. Так, в соответствии с пп. 29 п. 2 ст. 346.5 Кодекса плательщики единого сельскохозяйственного налога вправе уменьшить полученные ими доходы на сумму расходов на обучение специалистов в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. Указанные расходы учитываются при налогообложении, если с обучающимися в указанных образовательных организациях физическими лицами заключены договоры (контракты) на обучение, предусматривающие их работу у налогоплательщика в течение не менее трех лет по специальности после окончания соответствующей образовательной организации.

Мера направлена в первую очередь на поддержку сельского хозяйства посредством привлечения квалифицированных кадров в отрасль. Подтверждением такого вывода является то, что по иным специальным налоговым режимам аналогичная льгота не предусматривается. На наш взгляд, это опрометчиво, поскольку малые и средние предприятия, применяющие упрощенную систему налогообложения, должны быть также обеспечены квалифицированными кадрами. Тем более что их финансовые возможности в период становления и превращения в крупный бизнес весьма ограничены (о чем уже говорилось при анализе мер прямой поддержки ученичества в США).

В Германии возможность вычета из налоговой базы по налогу на прибыль организаций (*die Körperschaftsteuer*) расходов, связанных с ученичеством, как расходов, связанных с ведением бизнеса, существует с 1920 г. [Alber M., 2019: 9]. Примечательно, что к указанным расходам относятся как затраты на образование внутри компании, так и во внешних учреждениях³⁴. Иными словами, в Германии, в отличие от России, есть возможность вычета затрат на образование внутри компании, а также нет ограничения величины расходов, что следует из Закона «О налоге на прибыль организаций» (1976)³⁵.

³⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2017 по делу № А40-234177/2016 // СПС Консультант Плюс.

³⁵ Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/kstg_1977/ (дата обращения: 17.10.2023)

По данным на 2016 г. в Германии косвенная поддержка работодателей в виде возможности вычета расходов на ученичество из налоговой базы по налогу на прибыль организаций составила 1 млрд. 230 млн. евро³⁶. Поэтому, как отмечают зарубежные исследователи, работодатели в Германии не испытывают существенных финансовых издержек, связанных с профессиональной переподготовкой работников, а потому решающим фактором при принятии решения работодателями являются выгоды, которые они получают от такой переподготовки [Muehlemann S. et al., 2010: 806].

При этом и Россия, и Германия исходят из более скромной льготы в виде налогового вычета, чем США, где законодательство штатов, как отмечалось ранее, допускает зачет налога. Во Франции Подраздел XXXII Раздел II Общего налогового кодекса³⁷ также предусматривает налоговый зачет: величина налогового обязательства по налогу на прибыль организаций может быть уменьшена, среди прочего, на величину ученического налога. Добавим, что применение зачета налога, в отличие от налогового вычета, не требует экономического обоснования расходов.

Примечательно, что российский НК также предусматривает изъятия как разновидность налоговых льгот, но по страховым взносам. В силу подп. 12 п. 1 ст. 422 Налогового кодекса не подлежат обложению страховыми взносами суммы платы за обучение работников по основным профессиональным образовательным программам и дополнительным профессиональным программам. Также согласно абз. 7 подп. 2 п. 1 ст. 422 Кодекса не подлежат обложению страховыми взносами все виды установленных законодательством компенсационных выплат, связанных с возмещением расходов на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников. К указанной категории относятся, например, и расходы на оплату организацией-работодателем стоимости обучения сотрудников технике безопасности и охране труда³⁸.

Стипендии, выплачиваемые организацией ученикам в соответствии с ученическим договором и ст. 204 ТК, также не подлежат обложению страховыми взносами. Данный вывод прямо и не закреплен в Налоговом кодексе, однако он следует из однозначной и действующей до сих

---

³⁶ Corporate tax in Germany. Available at: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/financing-apprenticeships/financing-instruments/corporate-tax> (дата обращения: 18.10.2023)

³⁷ Code general des impôts. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069577/LEGISCTA000006162553/#LEGISCTA000006162553 (дата обращения: 09.01.2024)

³⁸ Письмо Министерства финансов РФ от 31.10.2017 № 03-04-06/71534 // СПС Консультант Плюс.

пор позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда России³⁹, который подчеркнул, что «поскольку предметом ученического договора не является выполнение трудовой функции либо выполнение работ (услуг), стипендия, выплачиваемая организацией обучающемуся лицу, в том числе работнику организации, на основании данного договора, не является объектом обложения страховыми взносами и не подлежит включению в базу для начисления страховых взносов». Министерство труда и социальной защиты также указало⁴⁰, что «стипендии, выплачиваемые по ученическому договору, заключенному с физическим лицом, ищущим работу, а также по ученическому договору на получение образования без отрыва от работы, заключенному с работником данной организации, не признаются объектом обложения страховыми взносами».

Как отмечено выше, в Венгрии Закон «О взносах на социальное страхование» (2018)⁴¹ предусматривает право снижения работодателями с 1.01.2022 величины налогового обязательства по налогу на социальное страхование на сумму расходов на ученичество. Более того, если эта сумма превышает величину налогового обязательства, разница может быть возмещена из бюджета. Правом на зачет наделяются работодатели, которые заключили: трудовой договор о профессиональном обучении (включая ученический договор) со студентом или лицом, участвующим в обучении; или договор о трудоустройстве со студентом; или соглашение о сотрудничестве с вузом в рамках программы обучения⁴².

Другими словами, в России и Венгрии предусмотрены различные механизмы налогового льготирования в рамках страховых взносов или налогов на социальное страхование — изъятия и налоговый зачет, соответственно. Между тем, как изъятия, так и зачет налога являются более существенными льготами, чем налоговый вычет.

2.2. Ученический налог / сбор

Выше говорилось, что в Великобритании и Франции, в отличие от России, взимаются специализированные налоги, направленные на развитие ученичества. Они называются ученическими налогами / сборами.

³⁹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 03.12.2013 № 10905/13 по делу № А71-9175/2012 // СПС Консультант Плюс.

⁴⁰ Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 26.02.2015 № 17-3/В-83 // СПС Консультант Плюс.

⁴¹ 2018. évi LII. Törvény a szociális hozzájárulási adóról. Available at: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1800052.tv> (дата обращения: 18.09.2023)

⁴² “Újszochokedvezmény 2022. január 1-jétől”. Available at: https://nav.gov.hu/ado/szoocialis_hozzajarulasi_ado/uj-szochokedvezmeny-2022.-januar-1-jetol (дата обращения: 18.10.2023)

Так, в Великобритании ученический сбор, введенный Законом «О финансах» (2016)⁴³, составляет сумму, которую работодатели уплачивают в размере 0,5% годовой заработной платы⁴⁴, которая является аналогом фонда оплаты труда [Kuczera M., Field S., 2018: 60]. Примечательно, что данный сбор был введен сразу после победы консерваторов на всеобщих выборах, вслед за бюджетным посланием канцлера казначейства в 2015 г.⁴⁵

Британские работодатели обязаны уплачивать ученический сбор ежемесячно, если: годовая заработная плата превышает 3 млн. ф. ст. либо работодатель аффилирован с компаниями или благотворительными фондами для целей получения льгот по трудоустройству⁴⁶, и их совокупная годовая заработная плата превышает 3 млн. ф. ст.

Согласно исследовательскому обзору «Ученический сбор: как отреагируют работодатели?» (2016)⁴⁷, разработанному Министерством образования, целью ученического сбора в 2017 г. является: увеличение общего количества случаев подготовки работников; помощь правительству в финансировании ученичества. Британским работодателям была поставлена задача к 2020 г. принять 3 млн. работников в рамках программ ученичества⁴⁸. Отчет о реализации Программы реформирования ученичества (2021) фиксирует, что эта цель была достигнута на 79,1%⁴⁹.

Примечательно, что ученический сбор в Великобритании является не единственным обязательным платежом и подлежит уплате наряду со сборами на подготовку специалистов отрасли (industry training levy contributions). В частности, подобные сборы взимаются в строительной отрасли на основании Закона «О производственной подготовке» (1982)⁵⁰.

---

⁴³ Finance Act of 2016. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/24/contents/enacted/data.htm> (дата обращения: 17.10.2023)

⁴⁴ Под «годовой заработной платой» понимаются все выплаты работодателя работникам в течение года.

⁴⁵ Chancellor George Osborne's Summer Budget 2015 Speech. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-george-osbornes-summer-budget-2015-speech> (дата обращения: 22.02.2024)

⁴⁶ Под «льготой по трудоустройству» понимается возможность работодателя сократить ежегодные взносы по национальному страхованию вплоть до 4000 ф. ст.

⁴⁷ Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/562445/The_apprenticeship_levy_how_will_employers_respond.pdf (дата обращения: 17.09.2022)

⁴⁸ Available at: <https://www.gov.uk/government/news/government-kick-starts-plans-to-reach-3-million-apprenticeships> (дата обращения: 18.10.2023)

⁴⁹ Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1003681/CCS0621801708-001_2021_Progress_Report_on_the_Apprenticeships_Reform_Programme_E-Laying.pdf (дата обращения: 19.10.2023)

⁵⁰ Industrial Training Act of 1982. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1982/10/contents> (дата обращения: 17.10.2023)

Управляют ученическим сбором Агентство финансирования образования и развития навыков, находящееся в подчинении у министерства образования, а также служба доходов и таможни.

В контексте ученического сбора в Великобритании предусмотрена специальная льгота, которая сокращает его величину на 15 000 фунтов стерлингов ежегодно. Правда, неиспользованную часть льготы нельзя перенести на следующий налоговый год. При этом если работодатель прекратил свою деятельность в течение года, то он все равно может воспользоваться налоговой льготой в полном размере. Тем не менее этой льготой в полном объеме не могут воспользоваться работодатели, связанные с компаниями или благотворительными фондами для получения льгот по трудоустройству, чья совокупная годовая заработная плата превышает 3 млн. ф. ст.: указанная льгота делится между ними.

В сущности данная льгота — налоговый зачет, который гарантирует работодателю, что его ежегодные расходы на реализацию ученичества в размере 15 000 фунтов стерлингов будут компенсированы государством.

Во Франции аналогичный платеж называется ученическим налогом (*taxe d'apprentissage*)⁵¹. Он взимается с 1925 г. для финансирования программ ученичества и профессиональной или производственной подготовки. В Германии примерно тогда же получили распространение налоговые льготы в связи с расходами на ученичество. Объяснить это можно тем, что и во Франции, и в Германии существовала объективная необходимость в восстановлении экономики после Первой Мировой войны, но Франция как одна из стран-победительниц могла позволить себе взимать ученический налог, а Германия была вынуждена исходить из возможностей налоговых льгот.

Согласно Общему налоговому кодексу Франции⁵², ученический налог взимается с субъектов, являющихся плательщиками подоходного налога или налога на прибыль организаций, если они зарегистрированы во Франции и у них трудоустроено хотя бы один работник. К плательщикам такого налога отнесены индивидуальные предприниматели, компании, коммерческие, промышленные или ремесленные предприятия, сельскохозяйственный кооператив или группа по экономическим интересам.

Между тем ряд работодателей освобождается от уплаты ученического налога: структуры, в которых трудоустроено от одного и более учеников и их заработная плата не превышает 10483,20 евро (на 2023 г.);

⁵¹ Apprenticeship tax in France. Available at: URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/financing-apprenticeships/financing-instruments/apprenticeship-tax> (дата обращения: 17.10.2023)

⁵² Code général des impôts. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006069577/> (дата обращения: 17.10.2023)

структуры, занимающиеся некоторыми видами деятельности (например, юридические лица, единственным видом деятельности которых является образование, группы сельхозпроизводителей и др.).

Заслуживает внимания и то, что наряду с ученическим налогом во Франции взимается дополнительный платеж на обучение (*contribution supplémentaire à l'apprentissage*). Им обложены исключительно компании, где трудоустроено более 250 работников, которые являются плательщиками ученического налога, но не выполняют условий трудоустройства учащихся, совмещающих учебу и работу. Так, доля таких работников в компании должна быть не менее 5% от средней ежегодной численности сотрудников. Вероятно, указанный платеж выполняет в большей степени стимулирующую функцию, нежели фискальную, поскольку фактически выступает альтернативой штрафу.

Но и для таких компаний действуют освобождения. Среди прочего, освобождаются от дополнительного платежа на обучение компании, в которых доля работников, совмещающих учебу и работу, составляет 3%, если доля сотрудников, с которыми заключен ученический договор, увеличилась на 10% по сравнению с предыдущим годом.

Базой исчисления данных платежей является фонд оплаты труда за предыдущий год, т.е. совокупная заработная плата без взносов на социальное страхование и любых выплат, сделанных компанией (бонусов, премий и прочего). С указанной базы ученический налог взимается по ставке 0,68%, если речь идет о континентальной Франции и ее заморских департаментах, а также по ставке 0,44% на территории Эльзаса и Мозеля.

Примечательно, что данный налог делится на две части: основную, составляющую 0,59%, которая идет на финансирование ученичества; остаточную, равную 0,09%, которая направляется на возмещение расходов, связанных в том числе с приобретением нового оборудования, обновлением существующего оборудования и пр.

Сбором ученического налога ранее занимались операторы профессиональных навыков, но с 1.01.2022 эта функция возложена на частные организации сбора страховых взносов и взносов на семейное благополучие (*Unions de Recouvrement des Cotisations de Sécurité Sociale et d'Allocations Familiales*). Они отвечают за сбор платежей в рамках системы социального страхования. Их деятельность регулируется Кодексом социального страхования⁵³.

Далее средства распределяются между центрами подготовки учеников, которые также являются частными организациями, осуществляющими общую и техническую подготовку работников в дополнение к

---

⁵³ Code de la sécurité sociale. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006073189/LEGISCTA000006156305/ (дата обращения: 18.10.2023)

их обучению на производстве в компании. Их деятельность регулирует Раздел III Книги II Части шестой Трудового кодекса Франции⁵⁴.

Во Франции величина ученического налога может быть уменьшена, к примеру, на сумму: расходов на покупку оборудования и материалов, необходимых для подготовки одного или нескольких учеников компании в рамках центра подготовки учеников; платежей, связанных с покупкой оборудования и материалов, необходимых для создания таким центром новой ученической программы, в рамках которой будут проходить подготовку сотрудники компании. Иными словами, возможен зачет налога.

Польза применения такой льготы подтверждена статистикой: во Франции в 2014 г. в виде ученического налога от компаний поступило 949 млн. евро (в 2004 г. — 603 млн. евро)⁵⁵. В том же году зачет налога позволил работодателям возместить 350 млн. евро, т.е. 39% расходов (175 млн. евро в 2004 г., или 29% расходов).

Таким образом, и в Великобритании, и во Франции ученический налог/ сбор взимается с фонда оплаты труда по ставке от 0,5% до 0,68%. При этом в обеих странах предусмотрены освобождения от уплаты данного налога (изъятия) по различным основаниям, которые связаны не только с размером и финансовыми показателями, но и со статусом компании. Особенностью Великобритании является взимание дополнительных сборов на подготовку специалистов отрасли, тогда как отличительной чертой Франции следует признать взимание дополнительного платежа на обучение, который взимается не по отраслевому признаку, а при нарушении доли работников, совмещающих учебу и работу. Также особенностью Франции является сбор ученического налога не государственными органами, как в Великобритании, а частными организациями — по сути, сборщиками налогов, институт которых на современном этапе для России не характерен.

Заключение

Сопоставление зарубежного опыта регулирования ученичества и действующего российского законодательства и правоприменительной практики в этой области позволяет сделать вывод, что в России действует система, схожая с действующими в Германии, Венгрии и США. Но в России, как и в Германии, предпочтение среди налоговых льгот отдает-

---

⁵⁴ Code du travail. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006160820/#LEGISCTA000037386097 (дата обращения: 20.02.2024)

⁵⁵ Apprenticeship tax in France. Available at: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/financing-apprenticeships/financing-instruments/apprenticeship-tax> (дата обращения: 17.10.2023)

ся налоговым вычетам, а не зачету налога, как в Венгрии, Франции и США. Зачет налога в сравнении с налоговым вычетом способен в большей степени стимулировать работодателей к расходам подобного рода, поскольку он применяется к величине налогового обязательства, а не к налоговой базе. Следовательно, работодатели способны возместить больше расходов, вплоть до их полной компенсации.

Применение в США специальных программ ученичества как основания зачета налога — также разумная инициатива, так как это объективный критерий, способный облегчить управление и контроль в этой области. В России тоже действуют государственные программы поддержки ученичества, но они в большей мере связаны с субсидированием из государственного бюджета и имеют место только на региональном уровне.

Опыт Великобритании и Франции является более радикальным, поскольку в данных странах расходы на ученичество становятся не добровольными, а обязательными: они облечены в форму ученического налога/сбора. Этот способ финансовой поддержки ученичества практичен, но лишь когда он сбалансирован параллельным применением налоговых льгот. В Великобритании и Франции есть ряд освобожденных от обложения этим сбором субъектов (изъятия), а тем, кто является плательщиком указанного налога/сбора, доступен зачет налога. Именно такая налоговая льгота позволяет налогоплательщику компенсировать наибольшую часть расходов, связанных с налогообложением. Примечательно и то, что во Франции администрированием ученических налогов/сборов занимаются сборщики налогов, что позволяет государству сократить дополнительные издержки.

Республика Корея и Ирландии придерживаются консервативной модели поддержки ученичества через специальные фонды, в которых аккумулируются соответствующие сборы/страховые взносы. Данные фонды, управляемые государственными органами, имеют счета, по которым осуществляются зачисление, списание и инвестирование средств. Именно возможность инвестирования находящихся в управлении фонда денежных средств образует его преимущество в сравнении со специальными программами поддержки ученичества. Между тем данные фонды оказываются мало полезными в части распределения денежных средств.

Повышению действенности российского законодательства в сфере ученичества при сохранении добровольного характера расходов в этой области может способствовать введение зачета налога как более серьезной меры стимулирования работодателей к таким расходам. При этом данная налоговая льгота должна быть доступна не только работодателям, применяющим общую систему налогообложения, но также малым и средним предприятиям на специальных налоговых режимах.

Список источников

1. Долматова Н.Г. Правовые основы видов бюджетной безопасности // Финансовое право. 2021. № 10. С. 17–19. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-10-17-19>
2. Занданов И.В. Ученический договор и договор о повышении квалификации: общее и особенное // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 85–94.
3. Копина А.А. Правовые средства реализации функций налогов на современном этапе // Налоги. 2023. №3. С. 9–14. DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2023-3-9-14>
4. Кудрявцев В.Н. и др. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.
5. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 9–24.
6. Мичурина Ю.П. Классификация налоговых расходов, их виды // Финансовое право. 2022. №10. С. 30–31. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-10-30-31>
7. Савина М.В. и др. Концептуальные проблемы инновационной политики в сфере образования. М.: Дашков и К, 2022. 132 с.
8. Aggarwal A., Aggarwal G. New Directions for Apprenticeships. Singapore: Springer, 2021. 321 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0983-1_15
9. Alber M. Körperschaftsteuer in der Unternehmenspraxis. Wiesbaden: Springer Gabler, 2019. 540 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3116-7>
10. Kang K.-J. et al. Apprenticeships in Korea. Sejong: KRIVET, 2017. 105 p.
11. Kuczera M., Field S. Apprenticeship in England, United Kingdom. OECD Reviews of Vocational Education and Training. Paris: OECD Publishing, 2018. 120 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264298507-en>
12. Muehlemann S. et al. The financing of apprenticeship training in the light of labor market regulations. Labour Economics, 2010, vol. 17, no. 5, pp. 799–809. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.04.006>
13. Smith E. Apprenticeships: The problem of attractiveness and the hindrance of heterogeneity. International Journal of Training and Development, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijtd.12281>
14. Smith E., Rauner F. Rediscovering Apprenticeship. Dordrecht: Springer, 2010, 175 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3116-7>
15. Van Hoecke M. Methodology of Comparative Legal Research. Law and Method, 2015, vol. 5, no. 4, pp. 1–35. DOI: <https://doi.org/10.5553/REM/.000010>

References

1. Aggarwal A., Aggarwal G. (2021) New Directions for Apprenticeships. Singapore: Springer, 321 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-0983-1_15
2. Alber M. (2019) Körperschaftsteuer in der Unternehmenspraxis. Wiesbaden: Springer Gabler, 540 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3116-7>
3. Dolmatova N.G. (2021) Legal Foundations of Types of Budgetary Security. *Finansovoe pravo*=Financial Law, no. 10, pp. 17–19 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-10-17-19>

4. Kang K.-J. et al. (2017) Apprenticeships in Korea. Sejong: KRIVET, 105 p.
5. Kopina A.A. (2023) Legal Means of Implementing Tax Functions at the Present Stage. *Nalogi=Taxe*s, no. 3, pp. 9–14 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18572/1999-4796-2023-3-9-14>
6. Kuczera M., Field S. (2018) Apprenticeship in England, United Kingdom, OECD Reviews of Vocational Education and Training. Paris: OECD Publishing, 120 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264298507-en>
7. Kudryavtsev V.N. et al. (1980) Efficiency of Legal Norms. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 280 p. (in Russ.)
8. Malinovsky A.A. (2016) Methodology of Comparative Law. *Vestnik Universiteta O.E. Kutafina=Bulletin of the Kutafin University*, no. 3, pp. 9–24 (in Russ.)
9. Michurina Yu. P. (2022) Classification of Tax Expenses and Their Types. *Finansovoe pravo=Financial Law*, no. 10, pp. 30–31 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2022-10-30-31>
10. Muehlemann S. et al. (2010) Financing apprenticeship training in the light of labor market regulations. *Labour Economics*, vol. 17, no. 5, pp. 799–809. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.04.006>
11. Savina M.V. et al. (2022) Conceptual Aspects of Innovative Policy in the Educational Field. Moscow: Dashkov Press, 132 p. (in Russ.)
12. Smith E. (2022) Apprenticeships: The problem of attractiveness and the hindrance of heterogeneity. *International Journal of Training and Development*, vol. 27, no. 1, pp. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijtd.12281>
13. Smith E., Rauner F. (2010) Rediscovering Apprenticeship. Dordrecht: Springer, 175 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-3116-7>
14. Van Hoecke M. (2015) Methodology of Comparative Legal Research. *Law and Method*, vol. 5, no. 4, pp. 1–35. DOI: <https://doi.org/10.5553/REM/.000010>
15. Zandanov I.V. (2009) Apprenticeship Contract and Professional Development Contract: General and Special. *Zhurnal rossiyskogo prava=Journal of Russian Law*, no. 12, pp. 85–94 (in Russ.)

Информация об авторах:

С.С. Агеев — кандидат юридических наук.
Д.М. Осина — кандидат юридических наук.

Information about the authors:

S.S. Ageev — Candidate of Sciences (Law).
D.M. Osina — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 22.03.2024.

The article was submitted to editorial office 19.10.2023; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 22.03.2024.

Научная статья

УДК: 343.71

JEL: K14

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.185.209

Системные проблемы уголовно-правовой защиты виртуальных объектов

Илья Николаевич Мосечкин

Вятский государственный университет, Россия 610000, Киров, ул. Московская, 36,
usr09858@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования виртуальных объектов и проблем охраны общественных отношений, связанных с их использованием. В условиях цифровизации виртуальные объекты приобрели экономическую стоимость, а спрос на них растет ежегодно. При этом их правовой статус остается в целом неопределенным или определенным не в полной мере. Исследование сосредоточено на проблемах защиты невзаимозаменяемых токенов, цифровой валюты и внутриигровых виртуальных объектов. Автор констатирует, что единого подхода к их гражданско-правовому регулированию не выработано. Статус невзаимозаменяемых токенов остается дискуссионным, а внутриигровые объекты обычно приравниваются к интеллектуальной собственности, при этом споры между пользователями и правообладателями, не выходящие за пределы игрового процесса, не подлежат судебной защите. Наиболее урегулированным является статус цифровой валюты, однако и в этой области остается множество недостатков, требующих внимания законодателя. Проблемы уголовно-правовой защиты и квалификации тесно связаны с гражданским законодательством. Нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации не способны обеспечить надлежащей дифференциации ответственности в зависимости от последствий экономического характера. В условиях неопределенности режима невзаимозаменяемых токенов и применении концепции «магического круга» в отношении игровых объектов затрудняется отнесение их к предмету хищений или вымогательств. Открытым остается вопрос о распространении признаков «изъятие» и «обращение» имущества на цифровую валюту. Зарубежный опыт (Китай, Нидерланды, Великобритания) говорит о возможности применения норм о хищении в случае посягательств на виртуальные объекты. Автор приходит к выводу, что такой подход при

его распространении на отечественное законодательство обладает рядом недостатков: казуистическим характером решения, нарушением устоявшейся правоприменительной практики, игнорированием лицензионных соглашений правообладателей. В связи с этим целесообразно проведение комплексной и системной оптимизации гражданского и уголовного законодательства, результатом которой должен стать специальный режим защиты виртуальных объектов.

Ключевые слова

невзаимозаменяемый токен; виртуальный объект; цифровая валюта; вредоносная программа; хищение; вымогательство; имущественный ущерб.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Мосечкин И.Н. Системные проблемы уголовно-правовой защиты виртуальных объектов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 185–209 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.185.209

Research article

Systemic Problems of Criminal Legal Protection of Virtual Objects

Ilya N. Mosechkin

Vyatka State University, 36 Moskovskaya St., Kirov 610000, Russia,
usr09858@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>

Abstract

The article is devoted to the study of the peculiarities of the legal regulation of virtual objects and the problems of protecting public relations associated with their use. In the context of digitalization virtual objects have acquired economic value, and the demand for them is growing every year. However, their legal status remains generally uncertain or not fully defined. The research focuses on the issues of protecting non-fungible tokens, digital currency and in-game virtual objects. The author states that a unified approach to their civil regulation has not been developed. The status of non-fungible tokens remains controversial, and in-game objects are usually equated to intellectual property, while disputes between users and copyright holders that do not extend beyond the game process are not subject to judicial protection. The most regulated is the status of digital currency, however, in this area there are still many shortcomings that require the attention of the legislator. Problems of criminal defense and qualification are closely related to civil law. The rules on crimes in the field of computer information are not able to ensure proper differentiation of liability depending on the consequences of an economic nature. Given the uncertainty of the regime of non-fungible tokens and the application of the “magic circle” concept in relation to game objects, it becomes

difficult to attribute them to the subject of theft or extortion. The question remains open about the distribution of signs of “seizure” and “circulation” of property in relation to digital currency. Foreign legislation (China, the Netherlands, Great Britain) speaks of the possibility of applying theft rules in the event of attacks on virtual objects. The author comes to the conclusion that this approach, if extended to domestic legislation, has a number of disadvantages: the casuistic nature of the decision; violation of established law enforcement practice; ignoring license agreements of copyright holders. In this regard, it is advisable to carry out a comprehensive and systematic optimization of civil and criminal legislation, the result of which should be a special regime for the protection of virtual objects.

Keywords

non-fungible token; virtual object; digital currency; malware; theft; extortion; property damage.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Mosechkin I.N. (2024) Systemic Problems of Criminal Legal Protection of Virtual Objects. *Law. Journal of the Higher School of the Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 185–209 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.185.209

Введение

В условиях продолжающейся цифровизации все большее распространение получают отношения, складывающиеся по поводу оборота виртуальных объектов. В отечественном законодательстве и научной литературе не сложилось единой позиции по поводу содержания данного понятия и перечня его видов. В рамках настоящего исследования под виртуальными объектами понимаются любые объекты, не имеющие физического эквивалента и существующие в цифровых условиях [Тумаков А.В., Петраков Н.А., 2021: 68]. Примерами таких объектов являются доменные имена, учетные записи, цифровая валюта, игровые предметы и т.п.

Нематериальный характер не исключает экономической стоимости и высокого спроса, что определяет необходимость адекватного правового регулирования. Сообщества в социальных сетях с большой посещаемостью приносят регулярные доходы от рекламных записей и пожертвований. Популярными стали невзаимозаменяемые токены (NFT — non-fungible token; далее — NFT). В частности, один из них, связанный с картиной *Everydays — The First 5000 Days*, продан за 69,3 млн. дол.¹.

¹ Available at: <https://www.theverge.com/2021/3/11/22325054/beeples-christies-nft-sale-cost-everydays-69-million> (дата обращения: 29.08.2023)

Виртуальную недвижимость, существующую исключительно в пределах цифровой Метавселенной, приобрело юридическое лицо за 5 млн. дол.² В рамках участия в компьютерных играх регулярно совершаются сделки по поводу внутриигровых объектов: внешнего вида персонажей, предметов, доступа к дополнениям и пр. В цифровом виде существуют и обращаются книги, фильмы и другая продукция, не имеющие физических копий. При этом известно и давно доказано: все имеющее экономическую ценность неизбежно привлекает внимание лиц, стремящихся извлечь выгоду криминальным способом. Нематериальный характер объектов не приводит к исключению из правила.

Отечественные ученые-правоведы выделяют риски: хищения аналогов валюты, использующихся в социальных сетях; повреждения и недобросовестного оборота внутриигрового имущества на фоне неполного правового регулирования; противоправного использования криптовалюты; использования аккаунтов третьими лицами [Левинзон В.С., Митин Р.К., 2020: 40].

В зарубежном законодательстве сложились различные подходы к правовому регулированию споров и нарушений, связанных с использованием виртуальных объектов. Среди них встречаются: концепция отказа от вмешательства в отношения в виртуальной среде; возложение обязанности регулирования на разработчиков и правообладателей; применение аналогии норм о вещах и праве собственности; создание специальных правовых режимов и иные [Kasiyanto S., Kilinc M.R., 2022: 301–304].

Вместе с тем в ряде случаев виртуальный элемент тесно переплетен с реальным. Обладатели невзаимозаменяемых токенов рассчитывают на закрепление за ними прав на уникальный цифровой объект и потенциальную перепродажу по более высокой цене. Аккаунты и игровые предметы приобретаются и продаются за реальные денежные средства, даже если это прямо запрещено пользовательским соглашением. Иначе говоря, противоправные действия с виртуальными объектами способны причинить значительный экономический ущерб, превышающий ущерб от традиционных краж, мошенничеств и вымогательств. Отказ от уголовно-правового вмешательства при таких условиях, на наш взгляд, недопустим.

Настоящее исследование сосредоточено на проблемах системного правового противодействия посягательствам на виртуальные объекты, при этом особое внимание уделяется гражданско-правовым и уголов-

---

² Available at: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/628dd1779a794719472a728e> (дата обращения: 29.08.2023)

но-правовым аспектам. Выводы, отраженные в работе, получены благодаря использованию классических методов правовых исследований: формально-логического и сравнительно-правового. Кроме того, применялся метод контент-анализа для изучения материалов правоприменительной практики.

1. Постановка проблемы

Факты посягательства на виртуальные объекты пока трудно назвать распространенными, однако они имеют место и их количество будет возрастать. Криптовалюту похищают или она используется при легализации имущества, добытого преступным путем, а также при получении и даче взятки. Юридическая оценка таких случаев крайне разнообразна. Лишь недавно цифровую валюту стали признавать предметом преступления, чему немало способствовали акты судебного толкования и изменения в законодательстве [Коренная А.А., Тыдыкова Н.В., 2019: 414].

В мировой правоприменительной практике нередко фиксируются противоправные посягательства на внутриигровые объекты. В многопользовательских играх, например, неоднократно имели место мошенничества, направленные на получение виртуальной валюты. Для ее получения игроки часто тратили реальные деньги. Виртуальную валюту обычно официально нельзя преобразовать в реальные деньги, но ее можно продать заинтересованным игрокам на «черном рынке» [Kelly C., Lynes A., 2020: 120]. Кроме того, имеют место вымогательства (в том числе с угрозами применения насилия), направленные на получение виртуальных объектов, применение которых ограничено рамками многопользовательской игры [Овсюков Д.А., 2023: 90–93].

При этом гражданско-правовой режим виртуальной собственности трудно назвать полным и сформированным. Одни объекты относятся к категории «иного имущества», другие — к категории интеллектуальной собственности, а третьи вовсе исключаются из сферы правового регулирования судами [Беликова К.М., 2021: 3]. Дискуссионным остается вопрос о правовой природе NFT со всеми вытекающими из этого последствиями [Рабец А.П., Найденов К.Д., 2023: 143]. Кроме того, как утверждает Н.В. Гаразовская, затруднительно применение норм вещного права к объектам виртуальной собственности, так как они имеют явно выраженный нематериальный характер, хотя и могут приобретаться, отчуждаться и обладать реальной ценностью [Гаразовская Н.В., 2020: 278–279].

В обществе сложилось преобладающее отношение к виртуальной собственности. Так, в ходе социологического опроса 360 человек исследователи установили, что 37% респондентов сталкивались с взлома-

ми аккаунтов, кражей игровых персонажей и игровой валюты, а также мошенничеством. При этом 68% респондентов посчитали хищения и иные противоправные деяния виртуальных объектов равноценными преступлениям, совершаемым по отношению к реально существующему имуществу. Кроме того, 71% опрошенных высказались в пользу установления для виртуальной собственности такого же режима, как для реальной [Васильев А.М., Козырин А.А., 2019: 40–43].

Уголовное законодательство также нельзя назвать свободным от пробелов. В условиях вызовов цифровизации его адаптация происходила и происходит точечно и противоречиво. Это привело к весьма отличающимся подходам к правовой защите. Например, неправомерный доступ к игровому аккаунту запрещает ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ; УК), однако ее конструкция не позволяет охватить в полной мере экономический ущерб от утраты виртуального имущества или его использования виновным лицом. Статьи 146 и 180 УК применяются независимо от того, существуют ли физические копии результата интеллектуальной деятельности или данные результаты имеют только цифровой вид. Значительные проблемы в квалификации порождают хищения виртуальных объектов, поскольку нерешенным остается вопрос об отнесении некоторых их видов к предмету преступления.

В то же время необходимо обратить внимание, что пробелы уголовно-правового регулирования тесно связаны с пробелами в гражданском праве. Неопределенность режима виртуальных объектов часто приводит к невозможности применения охранительных норм. Отталкиваясь от указанного, считаем целесообразным рассмотреть проблемы защиты виртуальных объектов, таких как: невзаимозаменяемые токены, цифровая валюта и внутриигровые предметы.

2. Гражданско-правовой аспект защиты виртуальных объектов

Связь уголовного законодательства с гражданским имеет особое значение при квалификации преступлений против собственности или в сфере экономической деятельности. Справедливость и полнота запретов, а также надлежащее наказание за их нарушение невозможны, если отношения урегулированы не в полной мере. Реагируя на вызовы цифровизации, законодатель неоднократно подвергал оптимизации ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в результате чего к объектам гражданским прав были отнесены цифровые права и цифровые рубли. Однако это не устранило неопределенности статуса ряда виртуальных объектов.

Отечественное законодательство не содержит норм, специально посвященных невзаимозаменяемым токенам (NFT). По существу это цифровой объект с уникальными метаданными, закрепляющий связь держателя с иным объектом. С одной стороны, невзаимозаменяемые токены могут свидетельствовать об обладании изображением, видеозаписью, доменным именем. Именно такая особенность и порождает спрос на них. С другой стороны, NFT также могут быть привязаны к залоговым или кредитным обязательствам, что пока распространено в меньшей степени [Fortnow M., Terry Q., 2021: 15]. Как бы то ни было, невзаимозаменяемые токены обладают экономической стоимостью и не запрещены к обороту на территории России.

В литературе отмечается, что при отсутствии конкретных правовых норм, посвященных режиму и статусу NFT, решающее значение имеют правила конкретной платформы [Рабец А.П., Найденов К.Д., 2023: 147]. В то же время такие правила не могут содержать уголовно-правовых норм, а диспозиции бланкетного характера не дают к ним отсылки. Иначе говоря, их использование для уголовно-правовой защиты проблематично.

Возвращаясь к вопросам гражданско-правового регулирования, необходимо отметить, что одни специалисты относят невзаимозаменяемые токены к категории «иное имущество», другие — к категории «цифровые права» [Брисов Ю.В., Победкин А.А., 2022: 64]. Точку в споре, как представляется, должен положить законодатель, однако этого еще не сделано. Между тем разница в правовых статусах названных категорий весьма велика, а их защита силами уголовного права неодинакова. Встречается также весьма критикуемая позиция об отнесении NFT к объектам интеллектуальной собственности [Рожкова М.А., 2022: 37]. При этом сам невзаимозаменяемый токен не является художественным, литературным или иным произведением, а лишь в своеобразной форме информирует о правах на такой объект.

Ученые-правоведы убедительно аргументируют, что NFT-токены не являются вещами (из-за отсутствия материального признака), не являются цифровыми правами (так как не отвечают признакам, закрепленным в ст. 141.1 ГК РФ) и не являются имущественными правами. Больше всего доводов приводится в пользу отнесения невзаимозаменяемых токенов к категории «иное имущество» [Рабец А.П., Найденов К.Д., 2023: 150]. Тем не менее статус такого объекта законодательно не определен, а правоприменительная практика малочисленна. Все это неизбежно будет приводить к проблемам квалификации и уголовно-правовой защиты.

В частности, обман, повлекший переход невзаимозаменяемого токена от одного лица к другому, подпадает под признаки составов престу-

плений, закрепленных в ст. 159 УК «Мошенничество» и ст. 165 УК «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Признание NFT имуществом создает возможность применения ст. 158 УК «Кража», ст. 161 «Грабеж» или ст. 162 «Разбой», хотя это не вполне отвечает традиционной трактовке предмета преступлений. Отнесение NFT к объектам интеллектуальной собственности и вовсе открывает дорогу для квалификации содеянного по ст. 146 УК. Как видно, применение той или иной нормы во многом зависит от категории, к которой будут отнесены невзаимозаменяемые токены. В рассматриваемом контексте необходимой видится дальнейшая оптимизация гражданского законодательства, направленная на уточнение их правовой природы, порядка и формы заключения сделок по отношению к ним и особенностей исполнения обязательств.

Дискуссии в теории и практике вызывает и правовая природа внутриигровых виртуальных объектов. Они появились раньше невзаимозаменяемых токенов, чаще становились предметом судебных споров, однако их регулирование трудно назвать полным и адекватным. В современных играх возможно приобретение за реальные денежные средства цифровых разновидностей оружия, мебели, недвижимости, аватаров, дополнений и т.п. В большинстве случаев предусматривается, что игровые предметы предназначены лишь для использования в игре по ее правилам, а их оборот не должен осуществляться в реальном мире. Международный характер индустрии позволил распространить идентичные или сходные условия для пользователей.

Вопреки ограничениям широко распространились платформы «черного рынка», позволяющие заключать сделки с игровыми предметами [Lee E. et al., 2018: 1826]. Игроки также могут договариваться о передаче того или иного предмета, совершая плату вне виртуального мира. Таким образом, оборот игровых предметов сформировался: фактически, но не юридически совершаются сделки купли-продажи, дарения и иные. В литературе верно отмечается, что виртуальное имущество обладает признаками объектов интеллектуальной собственности, но также и характерными чертами имущества: его можно создавать, продавать, приобретать [Левинзон В.С., Митин Р.К., 2020: 41].

Хотя игровые объекты выглядят как вещи, подразделяются на движимые и недвижимые, приобретаются за плату различным образом, к категории вещей их, как утверждает О.Н. Горохова, отнести нельзя в связи с отсутствием материального признака и признака владения [Горохова О.Н., 2019: 380]. Автор также утверждает, что игровые объекты не отличаются индивидуальными характеристиками, однако в этой части все же необходимо отметить, что разработчикам ничто не мешает создать

индивидуально-определенный объект в единственном числе (например, с использованием блокчейн-технологий), если это необходимо в рамках игры. Тем не менее к вещам игровые объекты действительно относить трудно и нецелесообразно.

Поддержку в доктрине и практике нашел подход, при котором игровое виртуальное имущество относится к объектам интеллектуальной собственности. Такая позиция отвечает положениям, закрепленным в ч. 1 ст. 1225 и ст. 1261 ГК, т.е. игрок не становится собственником того или иного объекта, а получает право на его использование, определяемое лицензионным соглашением.

Этот момент обычно отдельно оговаривается правообладателем, а перед началом игры пользователь обязан согласиться с установленными правилами. Например, для использования игровой интернет-платформы Steam требуется заключить соглашение подписчика, в разделе 2 «Лицензии» которого указывается: «Настоящим Valve передает вам, а вы принимаете неэксклюзивное право пользования Контентом и Услугами в личных некоммерческих целях (за исключением случаев, когда коммерческое использование разрешено в прямой форме в настоящем документе или в соответствующих Условиях подписки). Передаваемое право не порождает никакого титула или права собственности на Контент и Услуги»³.

Условия использования многопользовательской игры Path of Exile указывают на ограниченность лицензии, отсутствие права собственности на какие-либо элементы игры, запрет передавать монеты и использовать их за пределами установленных ограничений, обязанность производить торговлю виртуальными предметами только с помощью внутриигровых механизмов⁴. Лицензионное соглашение игровой онлайн-платформы Blizzard содержит похожие условия. Отдельно прописан запрет на сбор внутриигровой валюты, предметов или ресурсов для продажи / обмена за пределами Платформы или Игр⁵.

Соглашение с компанией Gaijin Entertainment прямо указывает, что предоставляемая лицензия на право использования игрового клиента и игры является неисключительной, только для личного использования, ограниченной и отзывной. Сами игры и игровые объекты не продают-

³ Available at: URL: <https://store.steampowered.com/about/Steam?l=russian> (дата обращения: 31.08.2023)

⁴ Available at: URL: <https://ru.pathofexile.com/legal/terms-of-use-and-privacy-policy> (дата обращения: 31.08.2023)

⁵ Available at: URL: <https://www.blizzard.com/ru-ru/legal/08b946df-660a-40e4-a072-1fbde65173b1/licenzionnoe-soglashenie-s-konechnym-polzovatelem-dlya-emea-blizzard> (дата обращения: 31.08.2023)

ся. Внутриигровые предметы, которые можно приобрести за денежные средства, составляют неотъемлемую часть соответствующей Игры, и их использование регулируется Лицензией в той же степени, что и Игры, включая любые и все применимые ограничения⁶.

Наделение правообладателя правом устанавливать строгие ограничения в отношении обладаемого результата интеллектуальной собственности выглядит логичным, пока виртуальные отношения не перетекают в реальные. Пользователи совершают покупки в игре на внушительные денежные суммы, прилагают усилия для получения какого-либо объекта, а значит, должны защищаться правом. Установленные лицензионными соглашениями ограничения ставят пользователя в заведомо проигрышное положение по сравнению с правообладателем, что порождает гражданско-правовые споры.

В частности, как следует из апелляционного определения Московского городского суда по делу № 33-21065/19, доступ истца Б.В.В. к многопользовательской бесплатной онлайн-игре был ограничен за нарушение правил, связанных с использованием «золотых монет», приобретаемых за плату. В 2013 году владелец одного из персонажей в игре предложил оплатить 550 руб. для снятия наказания с его персонажа, что Б.В.В. сделал. В результате наказание было снято. В октябре 2013 года ответчик вновь ограничил доступ истца к игре, расценив совершение платежа другим игроком для снятия ограничений с персонажа как нарушение правил игры. В апелляционном определении Московским городским судом было подтверждено, что действия ответчика и пользователя игры относятся исключительно к игровому процессу, регулируются внутренними правилами ответчика, а поэтому не подлежат судебной защите. Более того, в судебном акте прямо указано на недопустимость ссылки на деятельность ответчика по оказанию услуг развлекательного характера в рамках рассматриваемого спора⁷.

Из рассматриваемого примера видно, что правообладатель может лишить пользователя доступа даже к оплаченному им за реальные деньги виртуальному имуществу. В отдельных случаях это не лишено оснований, но отсутствие судебной защиты в целом влечет риск злоупотребления правом. Кроме того, туманными при действующем регулировании выглядят перспективы споров между игроками из-за завладения виртуальными внутриигровыми объектами путем обмана, взлома аккаунта или иным противоправным способом. Ущерб от таких действий может

---

⁶ Available at: <https://legal.gaijin.net/eula> (дата обращения: 31.08.2023)

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33-21065/19 // ГАС Правосудие.

быть весьма значительным. Применение уголовно-правовых норм в ряде случаев невозможно, поскольку само по себе нарушение лицензионного соглашения не образует состава преступления, если только не имеет-ся иных признаков (например, неправомерного доступа к компьютерной информации или незаконного использования объектов авторского права). В силу ст. 1062 ГК, часто применяемой судами к подобного рода отношениям, требования пользователей не подлежат судебной защите. Игроку остается лишь уповать на правообладателя, хотя в случае хищения реальных вещей были бы применены совершенно иные механизмы восстановления нарушенных прав.

Статус криптовалюты или цифровой валюты в России до принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА) оставался неопределенным и порождающим бурные дискуссии о правовой природе и возможном применении⁸. В то же время регулярно совершались сделки по поводу криптовалюты и с ее помощью. Ею пытались завладеть противоправными способами: обманом, вымогательством и иными. Неопределенность приводила к значительным проблемам при уголовно-правовой квалификации.

Вступление в силу ФЗ о ЦФА в целом оказало положительное влияние на прояснение статусов цифровой валюты и цифровых финансовых активов. В соответствии с п. 5 ст. 14 указанного нормативного акта, цифровая валюта не принимается в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги. Такой запрет распространяется на юридические лица, личным законом которых является российское право, а также обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, обладающие гражданской правоспособностью, созданные на территории России. Равным образом запрет распространяется на физических лиц, фактически находящихся в России не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев. В то же время ч. 3 ст. 1 ФЗ о ЦФА прямо говорит, что цифровая валюта может быть принята в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций.

Как бы то ни было, и до, и после принятия данного нормативного акта имели место правовые споры и противоправные деяния, связанные с посягательствами на криптовалюту. В частности, Приморским

---

⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Вступил в силу с 1.01.2021 // СПС Консультант Плюс.

районным судом Санкт-Петербурга в решении по делу № 2-2959/2021 от 30.07.2021 указано, что операции с криптоактивами «не обеспечиваются принудительной силой государства», а это означает невозможность передачи активов посредством исполнения судебных актов.

Не в полной мере решен вопрос о завещании и передаче криптовалюты по наследству. В ходе судопроизводства возникают значительные проблемы с доказательствами принадлежности криптовалюты конкретному лицу. В доктрине обращается внимание на необходимость распространения на криптовалюту норм гражданского законодательства как общего правила в целях избежать злоупотребления правами сильной стороной договора [Абрамова Е.Н., 2022: 353].

С другой стороны, заметно расширение правового признания цифровой валюты в России и формирование правоприменительной практики. Огромную роль в этом сыграло принятие ФЗ о ЦФА. Вероятно, можно спрогнозировать дальнейшее уточнение его положений и дополнение новыми нормами.

Исследование особенностей и состояния гражданско-правового регулирования виртуальных объектов позволило сформулировать промежуточные выводы. Единого подхода по отношению к таким объектам, несмотря на схожесть их признаков, в гражданском законодательстве не имеется, что связано с их различным содержанием и временными промежутками в появлении в общественной жизни. Наименее урегулированным видится статус невзаимозаменяемых токенов. На наш взгляд, назрела необходимость принятия специальных правовых норм, проясняющих статус NFT и уточняющих порядок и формы заключения сделок по отношению к ним и особенностей исполнения обязательств. Такой шаг существенно усилит защиту с помощью административно-правовых и уголовно-правовых норм с диспозициями бланкетного характера.

Виртуальные внутриигровые объекты чаще всего оцениваются как объекты интеллектуальной собственности, при этом споры между пользователями и правообладателями, не выходящие за пределы игрового процесса, не подлежат судебной защите. Непризнание деятельности правообладателей игр в качестве оказания услуг затрудняет защиту прав потребителей. Думается, отождествление азартных игр и иных игр недопустимо в силу их различного содержания и значения. В условиях, когда пользователи вкладывают огромные денежные суммы в приобретение виртуальных предметов мебели, недвижимости, элементов внешнего вида, необходимы должное закрепление и защита их прав. Помимо прочего, это позволит преодолеть злоупотребление правом со стороны правообладателя, а также противоправные действия иных игроков. В свете сказанного особенно актуально утверждение Дж. Бонар-Бриджеса: не

следует полагаться на разработчиков, когда речь идет о больших деньгах. Поэтому для защиты инвестиций требуется законодательное признание геймеров как класса защищенных потребителей [Bonar-Bridges J., 2016: 88].

Наиболее урегулирован из всего перечисленного статус цифровой валюты. Очевидно, законодатель понимает актуальность вопроса и потребность общества в его решении. Несмотря на проблемы, внимание на которые обращают теоретики и практики, заметно правильное направление первых шагов по совершенствованию отечественного законодательства. В то же время нет сомнений в будущих существенных переработках нормативных актов, регулирующих цифровые финансовые активы.

Анализ гражданско-правового регулирования отдельных виртуальных объектов показал его неполноту и противоречия. Появляются новые разновидности «цифрового имущества», казуистичные реакции законодателя на которые не приводят к формированию цельной системы. Напрашивается вывод о введении отдельного института виртуальных объектов со своим правовым режимом и иными особенностями. В то же время лишь силами гражданского права невозможно обеспечить надлежащую защиту прав обладателей такими объектами, в связи с чем целесообразно рассмотреть в работе вопрос об уголовной ответственности.

3. Уголовно-правовой аспект защиты виртуальных объектов

Приговором мирового судьи судебного участка № 213 Раменского судебного района Московской области по делу №1-20/2014 от 2.06.2014 гражданин Ш.Д.Б. был признан виновным в совершении девяти преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272 УК «Неправомерный доступ к компьютерной информации». Все эпизоды характеризуются схожими признаками. Действуя из корыстной заинтересованности и имея информацию о логинах и паролях, подсудимый осуществлял не согласованный с правообладателем и пользователями доступ к учетным записям многопользовательской игры «Lineage 2». Из инвентарей игровых персонажей пользователей он продавал различные предметы в виртуальный магазин. Полученную таким образом игровую валюту (адены) подсудимый в дальнейшем преобразовывал в реальные денежные средства через системы интернет-платежей. За совершение девяти преступлений ему было назначено наказание в виде одного года и двух месяцев ограничения свободы⁹.

⁹ Приговор мирового судьи судебного участка № 213 Раменского судебного района Московской области от 02.06.2014 по делу №1-20/2014 // ГАС Правосудие.

Как видно из приведенного примера, правоприменительной практике достаточно давно (с момента вынесения приговора прошло почти 10 лет) и хорошо известны случаи посягательств на виртуальные объекты. С тех пор распространился оборот цифровой валюты, появились технология блокчейн и невзаимозаменяемые токены. С уверенностью можно говорить о появлении новых разновидностей виртуальных объектов в будущем.

Неправомерный доступ является одним из самых распространенных способов завладения ими. Квалификация осуществляется по ст. 272 УК за исключением случаев, когда посягательство осуществляется на критическую информационную инфраструктуру государства. Использование вредоносных программ, если оно имело место, дополнительно квалифицируется по ст. 273 УК. Причиненный вред в виде утраты виртуальных объектов (приобретенных за плату), а также их дальнейшая судьба остаются за рамками названных составов преступления.

Одним неправомерным доступом перечень способов посягательств на названные объекты не ограничивается. Фактически они разнообразны, но некоторые виды не находят должного юридического отражения. В ходе изучения особенностей гражданско-правового регулирования уже отмечалось, что для виртуальных объектов характерны отдельные черты имущества: возможность создания, продажи, приобретения и т.п. Подобно вещам, виртуальные объекты могут быть похищены тайно, открыто или путем обмана. Совершаются их вымогательства, сопряженные с насилием или угрозами какого-либо рода. Каждый способ влияет на квалификацию содеянного, как и правовой статус виртуального объекта.

В первую очередь стоит остановиться на противоправных деяниях, совершаемых в отношении криптовалюты. В подавляющем большинстве случаев ранее уполномоченные органы не признавали Bitcoin, Ethereum и прочее предметом преступления, что влекло отказ в возбуждении уголовного дела. Такой подход соответствовал традиционному пониманию имущества в нормах о хищении, к которому компьютерный код в различных проявлениях относить нельзя. Принятие ФЗ о ЦФА, а также разъяснения, содержащиеся в различных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, существенным образом повлияли на правоприменительную практику, складывающуюся по поводу посягательств на цифровую валюту. В настоящее время все чаще цифровая валюта признается иным имуществом, что порождает соответствующие правовые последствия. В частности, в апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда по делу № 22-2616/2022 отмечено, что вопреки доводам, изложенным в апелляционных жалобах, похищенная криптовалюта является иным имуществом, поскольку к иму-

щественным правам в соответствии со ст.128 ГК относятся и цифровые права. Такая позиция отвечает и требованиям, закрепленным в примечании к ст. 158 УК¹⁰.

Пока единообразие в практических подходах по отношению к посягательствам на криптовалюту (или к ее противоправному использованию) формируется, ее целесообразно отнести к категории «иное имущество» в рамках различных составов преступлений. Это позволит без ограничений применять нормы о хищениях, вымогательстве, легализации (отмывании), взяточничестве и иные. Не исключается в том числе квалификация тайного хищения цифровой валюты по ст. 158 УК, поскольку законодатель давно прямо допускает возможность кражи безналичных денежных средств, пусть и находящихся на банковском счете. Правда, подобное расширение предмета хищения вступает в некоторое противоречие с такими юридическими конструкциями, как «изъятие» и «обращение» имущества. Кроме того, следует отметить, что выделение и особая защита одной разновидности виртуальных объектов может служить только временной мерой казуистичного характера. Постоянное правовое противодействие посягательствам на такие объекты должно быть комплексным и системным.

NFT-токены также тесно связаны с блокчейн-технологией, как и криптовалюта. Однако уголовно-правовая квалификация противоправных действий, совершаемых с ними, намного сложнее. В отличие от криптовалюты, невзаимозаменяемые токены не являются средством платежа. Их ценность состоит, прежде всего, в закреплении прав на какой-либо объект посредством записи в распределенном реестре. Соответственно, для потенциальных правонарушителей интерес имеет и сам NFT-токен, и объект, права на который закрепляются с его помощью.

В обществе распространено мнение о невозможности подделки невзаимозаменяемых токенов. На наш взгляд, оно опрометчиво. В научной литературе приводятся примеры, как хакер подделал NFT, продав его затем более чем за 60 млн. дол. [Astakhova L.V., Kalyazin N.V., 2022: 119]. Скорее всего, с распространением невзаимозаменяемых токенов в деятельности человека количество их подделок возрастет.

Рассматривая проблему фальсификации, стоит остановиться на возможности привлечения к ответственности. Отечественный уголовный кодекс запрещает подделку денег и ценных бумаг (ст. 186 УК), средств платежей (ст. 187), документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327), акцизных марок, специальных марок или зна-

---

¹⁰ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2022 по делу № 22-2616/2022 // ГАС Правосудие.

ков соответствия (ст. 327.1) документов, а также документов на лекарственные средства (ст. 327.2). Ни одну из этих статей нельзя применить к подделке NFT, что означает ненаказуемость такого действия.

Кроме того, завладение невзаимозаменяемыми токенами (а значит, и связанными с ними объектами) фактически возможно путем хищения. Наибольшая угроза здесь — фишинговое мошенничество, в результате которого виновные лица получают доступ к NFT. В частности, известность получило хищение невзаимозаменяемых токенов у коллекционера Тодда Крамера. Он использовал «горячий кошелек», имеющий постоянное подключение к Интернету и позволяющий быстро покупать или продавать монеты и токены без выполнения дополнительных настроек. Получив посредством фишинга доступ к кошельку, правонарушители распродали невзаимозаменяемые токены на сумму, превышающую 2 млн. дол. [Pulgarin E.X., 2022]¹¹.

Не исключаются кража, грабеж и разбой по отношению к NFT. Допустимо провести аналогию. Если правонарушитель использует платежную карту другого лица, совершая тайное хищение путем перевода электронных денежных средств на свой расчетный счет, то содеянное квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК. Точно таким же образом правонарушитель может получить доступ к кошельку с данными о NFT-токенах и произвести их незаконное отчуждение себе или кому бы то ни было еще. В чем заключается принципиальное отличие? Прежде всего в статусах электронных денежных средств и NFT. В условиях правовой неопределенности природы невзаимозаменяемых токенов становится затруднительным или вовсе невозможным применение уголовно-правовых норм о хищении. Опять же встает вопрос о соответствии таким признакам объективной стороны, как изъятие и обращение.

Признание NFT объектом интеллектуальной собственности (попытки реализации данного, весьма спорного подхода, предпринимались в проекте Федерального закона № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов)») категорически исключит применение норм о краже, мошенничестве, грабеже и разбое. Отнесение NFT к категории цифровых прав на имущество обозначит возможность защиты с помощью ст. 159 УК, но не с помощью его ст. 158, 161 и 162.

Наконец, признание невзаимозаменяемых токенов имуществом позволит создать почти такой же режим защиты, как и для иных разновид-

---

¹¹ Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4275490 (дата обращения: 02.09.2023)

ностей имущества. Решение остается за законодателем, но его актуальность сомнений не вызывает. К слову, неопределенность статуса NFT не помешала английскому законодателю признать его собственностью (без уточнения, являются ли токены «вещами в действии» или «прочими нематериальными активами»). Данный подход способствовал применению норм о краже, а значит, надлежащей защите потерпевших [Pulgarin E.X., 2022].

Пока можно с уверенностью говорить о возможности применения ст. 272 УК к неправомерному доступу к кошельку, а также ст. 273 — при использовании вредоносных программ. Как говорилось выше, дифференциация ответственности в зависимости от суммы ущерба с таким подходом обеспечивается не в полной мере. Кроме того, на наш взгляд, утрата NFT-токенов, являющаяся следствием противоправных действий, в большей степени наносит ущерб общественным отношениям в сфере экономики, нежели отношениям, складывающимся в сфере компьютерной информации. Иначе говоря, основной объект преступления имеет экономическую природу. Таким образом, одних лишь ст. 272 и 273 УК недостаточно для полноценной защиты обладателей невзаимозаменяемых токенов.

В то же время некоторые составы преступления в действующей редакции УК охватывают, на наш взгляд, определенные посягательства. В частности, широкий перечень предметов преступления, закрепленный в ст. 163, позволяет привлекать к ответственности за вымогательские действия в отношении NFT. Однако норма применима лишь к требованиям, подкрепленным угрозой, а тайные, открытые, насильственные или обманные хищения остаются за пределами ее действия.

Внутриигровые виртуальные объекты при сложившемся гражданско-правовом подходе относятся к объектам интеллектуальной собственности, а их защита в основном обеспечивается правообладателями в рамках лицензионных соглашений. По существу, используется концепция так называемого «магического круга», защищающего игровой процесс от правового вмешательства. В современных условиях концепция неадекватна рискам утраты объектов, имеющих для игроков экономическую ценность или являющихся результатом больших трудозатрат. В зарубежной доктрине верно отмечается, что с быстрым развитием технологий грань между реальным и виртуальным миром стирается, и как только внутриигровые товары приобретают значительную реальную ценность, концепция магического круга становится все более иллюзорной [Lintaman D., 2020: 14]. Именно наличие реального, оценимого ущерба от утраты виртуального объекта обуславливает необходимость всесторонней правовой защиты.

Завладение игровыми объектами против воли их обладателя осуществляется несколькими способами. Самым распространенным из них вновь является неправомерный доступ к аккаунту (учетной записи). Его совершение квалифицируется по ст. 272 УК, а также по ст. 273, если использовались вредоносные программы. Стоимость утраченных пользователем объектов в рамках уголовного судопроизводства по данным статьям обычно не принимается во внимание, а возмещение ущерба от их утраты зависит от действий правообладателя.

Еще одним распространенным способом завладения виртуальным имуществом является мошенничество. Зарубежные правоохранительные органы неоднократно сталкивались с ним [Holden J.T., Ehrlich S.C., 2017: 570–571]. В отечественной практике хищение игрового объекта в результате обмана мошенничеством не признается в силу отсутствия предмета преступления. В действительности нетрудно предусмотреть не только переход по фишинговым ссылкам с ложным содержанием, но и простейший обман одним игроком другого, повлекший передачу какого-либо объекта. Применение ст. 159 УК невозможно, даже если этот предмет был приобретен первым игроком за плату. Это обусловлено правовым статусом внутриигровых виртуальных объектов, не являющихся ни имуществом, ни правом на него. В рассматриваемом контексте также трудно определить потерпевшего. Получается, что игрок понес реальный ущерб, но в рамках лицензионного соглашения все игровые элементы его собственностью не являются. Правообладателю реального ущерба не наносится, поскольку игровой элемент не покидает пределов игры.

О сложившейся ситуации в отечественной литературе отмечают: похищение имущественных благ в виде информации, объектов интеллектуальной собственности, работ или услуг в практической деятельности оценивается как непередача должного, а похищение товара оценивается как противоправное завладение чужим имуществом, и вопрос о непередаче должного никто не ставит. Тем не менее во всех этих ситуациях механизм совершения преступления один и тот же [Хилюта В.В., 2022: 10].

Насильственные способы также применяются для завладения виртуальными объектами. В частности, Верховный суд Нидерландов подтвердил, что имело место ограбление, когда два мальчика потребовали от третьего передать им магический амулет и маску в онлайн-игре *Runescape*. Их действия сопровождались угрозами неvirtуального физического насилия. По мнению защиты, игровые магический амулет и маска не обладают ценностью, а представляют собой последовательность компьютерного кода. Рассматривая дело, судья отметил, что материальная форма не является обязательной для признания вещей похищенными.

Таким образом были применены нормы о хищении, как если бы предметом выступала обычная вещь [Wildman N., McDonnell N., 2020: 494–495].

В отечественном законодательстве содеянному примерно соответствуют нормы о групповом разбое или вымогательстве (в зависимости от временного промежутка между угрозой и передачей имущества). Однако правовой статус внутриигрового объекта не позволяет отнести его к предмету хищения, в том числе предусмотренного ст. 162 УК. Предмет вымогательства является более широким по содержанию. Д.А. Овсюков полагает, что к нему можно отнести и виртуальные ценности как действия имущественного характера [Овсюков Д.А., 2023: 93–96]. Позиция автора является смелой, однако при действующем правовом регулировании без внесения изменений о правовом режиме она вряд ли найдет полноценную поддержку в правоприменительной практике.

Как полагают П.П. Степанов и М.А. Филатова, для российского уголовного права наиболее очевидны два пути развития:

возврат к хищению в традиционном его понимании при условии параллельной разработки иного регулирования имущественных отношений в отношении цифровых (в том числе виртуальных) активов;

расширение признаков хищения путем иного толкования вещного и экономического признаков предмета хищения, а также широкого подхода к владению и изъятию [Степанов П.П., Филатова М.А., 2021: 753].

Применение норм о хищении к игровым виртуальным объектам, с одной стороны, является наиболее простым решением, хотя в гражданском праве к имуществу они не относятся. Н.И. Пикуров полагает, что гражданско-правовая и уголовно-правовая оценки нарушений имущественных прав могут не совпадать. В этом смысле не образуется разных отраслевых понятий — различается именно оценка юридических фактов, а возможность такого расхождения заложена в самой сути функций гражданского и уголовного права [Пикуров Н.И., 2021: 45].

Изучение зарубежного законодательства показывает, что внутриигровые объекты, находящиеся у пользователя, защищаются уголовным правом как имущество. Такой подход используется, например, в Китае. Предмет хищений в китайском уголовном законодательстве не ограничивается материальными объектами. В то время как в гражданском праве остается неопределенность статуса виртуальной собственности, ее уголовно-правовая защита все равно применяется [Wang H., 2023: 15].

Приведенный выше пример из практики Верховного суда Нидерландов дополнительно демонстрирует возможность применения положений о грабеже, разбое или вымогательстве. Традиционные нормы, предусматривающие ответственность за различные формы хищения, применялись к виртуальным внутриигровым объектам в Южной Корее,

причем довольно давно [Arias A.V., 2007: 68]. Кроме того, как отмечает В.В. Хилюта, идея признания виртуальных объектов (игрового имущества) в качестве объектов собственности доминирует в правовой доктрине стран общего права [Хилюта В.В., 2021: 72]. Примеры подходов, применяемых в законодательстве зарубежных стран, пока не являются распространенными, однако они иллюстрируют применимость подхода о признании игровых объектов имуществом и их защите, невзирая на ограничения лицензионных соглашений.

Необходимо отметить, что расширение норм о хищении и вымогательстве на виртуальные игровые объекты имеет недостатки. Во-первых, нарушится устоявшаяся правоприменительная практика, что породит множество новых ошибок следственных и судебных органов. Во-вторых, такое решение казуистично и игнорирует другие формы посягательства (уничтожение, подделку и пр.) на всевозможные виртуальные объекты. В-третьих, сущность игровых объектов вряд ли позволяет полностью отказаться от учета лицензионного соглашения, поскольку именно оно определяет, какое поведение в игре является нормальным. Если правила изначально позволяют (и даже поощряют) обман, нападения и иные действия, влекущие утрату виртуального объекта у пользователя, то применять уголовно-правовые нормы к таким отношениям бессмысленно. И наоборот, если правила запрещают завладение виртуальным объектом, но оно было совершено и причинило ущерб, то уголовно-правовая защита необходима. Таким образом, есть основания полагать, что простое расширение норм о хищении и вымогательстве не является правильным разрешением проблем. Более верный подход — дополнение уголовного законодательства комплексом взаимосвязанных норм, предусматривающих ответственность за посягательства на виртуальные игровые объекты.

Как показано выше, адекватной уголовно-правовой защиты заслуживает вся категория виртуальных объектов в целом, а не только отдельные их виды. Хотя, как отмечает Н.И. Пикуров, практика в основном справляется с проблемами, связанными с формированием цифровой экономики, стремительное накопление этих проблем неизбежно вызовет реформирование системы преступлений против собственности в свете новых требований экономической жизни [Пикуров Н.И., 2021: 55].

Мы наблюдаем, как подвергается уголовной ответственности преступник, похитивший, например, ноутбук или мобильный телефон, но если дело касается виртуальных объектов, порой превышающих по стоимости реальные предметы, то лицо, завладевшее ими, по какой-то причине часто остается безнаказанным. Для не обладающего юридически-

ми знаниями потерпевшего столь отличающаяся официальная реакция по схожим для него вредным последствиям будет несправедливой, что в массе безусловно способствует росту социальной напряженности и недоверию к правовой системе. По мнению Е.А. Русскевича, которое автор настоящей статьи поддерживает, виртуальные объекты не должны и не могут быть исключены из уголовно-правовой охраны только потому, что обладают несколько иной природой, выражены в другой форме и выглядят, попросту говоря, незнакомыми [Русскевич Е.А., 2019: 167].

Заключение

Виртуальные объекты приобретают все большее значение в условиях цифровизации жизнедеятельности человека. Их стоимость в ряде случаев сопоставима со стоимостью недвижимого имущества и автомобилей, а количественный перечень неустанно пополняется новыми разновидностями. При этом гражданское законодательство относит виртуальные объекты к разным категориям, регулирует их статус фрагментарно и обеспечивает лишь выборочную защиту. В силу специального нормативного акта в большей степени регламентировано положение цифровой валюты. В отношении внутриигровых виртуальных объектов применяется концепция «магического круга», защищающая игровой процесс от правового вмешательства. Такие объекты относятся к категории интеллектуальной собственности, к ним применяются ограничения, закрепленные в ст. 1062 ГК, что создает риски злоупотребления правообладателя правом и препятствует судебной защите пользователей. Статус невзаимозаменяемых токенов до сих пор не нашел надлежащего отражения в гражданском законодательстве.

Названные и иные виртуальные объекты роднит то, что в них активно вкладываются денежные средства, время и труд человека. Неопределенность правового режима, неполнота регулирования крайне негативно сказывается на развитии цифровой экономики. Отсутствие адекватных гражданско-правовых норм, к сожалению, приводит к затруднению или невозможности уголовно-правовой защиты.

Создались проблемы в квалификации посягательств на невзаимозаменяемые токены, поскольку не уточнен их правовой статус. Признание внутриигровых объектов интеллектуальной собственностью препятствует применению норм о хищении, в то время как фактически оно имеет место. На фоне названных недостатков регулирования более полной выглядит уголовно-правовая защита цифровой валюты, однако не вполне справедливо и правильно то, что какому-либо виртуальному объекту отдается большее предпочтение.

Исследование показало необходимость переосмысления применяемых подходов правового регулирования виртуальных объектов. Точечные, казуистичные поправки являются временным решением, не способным дать ответ вызовам цифровизации. Целесообразным решением может стать комплексная и системная оптимизация как гражданского, так и уголовного законодательства. Необходимо отказаться от соблазна распространять действие традиционных норм на виртуальные объекты. Вместо этого следует сконструировать специальный правовой режим их защиты, фиксирующий сущность и особенности посягательств. Лишь полномасштабная реформа законодательства, четкое и полное определение статуса виртуальных объектов и тщательная проработка их уголовно-правовой защиты приведут к надлежащим гарантиям соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также интересов общества и государства.

Список источников

1. Абрамова Е.Н. Цифровые технологии в системе частноправовых (цивилистических) отношений / Цифровые технологии и право: сборник трудов I Международной конференции (2022 г.). Казань: Познание, 2022. С. 347–355.
2. Беликова К.М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 1–28.
3. Брисов Ю.В., Победкин А.А. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Цифровое право. 2022. Т. 3. № 1. С. 44–66.
4. Васильев А.М., Козырин А.А. Уголовно-правовая защита правомерных интересов в отношении виртуальных объектов // Уральский журнал правовых исследований. 2019. №. 1. С. 14–44.
5. Гаразовская Н.В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-scio. 2020. №. 4. С. 276–290.
6. Горохова О.Н. Игровое имущество» как разновидность «виртуального имущества». В кн.: Анализ современного права. Сборник статей. М.: Статут, 2019. С. 378–392.
7. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. №. 3. С. 408–415.
8. Левинзон В. С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. №. 5. С. 39–42.
9. Овсюков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-коммуникационных сетей: вопросы квалификации. М.: Проспект, 2023. 184 с.
10. Пикуров Н.И. Трансформация понятия предмета хищения с учетом изменений его экономического и гражданско-правового содержания // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. №. 3. С. 43–56.

11. Рабец А.П., Найденов К.Д. Гражданско-правовой режим невзаимозаменяемых токенов: современное состояние и перспективы развития законодательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25. №. 2. С. 142–154.
12. Рожкова М.А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал по интеллектуальным правам. 2022. №. 4. С. 29–39.
13. Русскевич Е.А. Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. №. 1. С. 163–168.
14. Степанов П.П., Филатова М.А. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Том 15. №. 6. С. 744–755.
15. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №. 4. С. 67–72.
16. Хилюта В.В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25. №. 5. С. 68–82.
17. Хилюта В.В. Понимание имущества как предмета хищения в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. №. 1. С. 5–11.
18. Arias A.V. Life, liberty, and the pursuit of swords and armor: Regulating the theft of virtual goods. *Emory Law Journal*, 2007, vol. 57, pp. 1–70.
19. Astakhova L.V., Kalyazin N.V. Non-fungible tokens (NFT) as a means and object of ensuring information security. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 2022, vol. 56, no. 3, pp. 116–121.
20. Bonar-Bridges J. Comment: Regulating Virtual Property with EULAs. *Wisconsin Law Review Forward*, 2016, vol. 78, pp. 79–91.
21. Fortnow M., Terry Q. *The NFT Handbook: How to Create, Sell and Buy Non-Fungible Tokens*. N.Y.: Wiley, 2021. 288 p.
22. Holden J.T., Ehrlich S.C. Esports, skins betting, and wire fraud vulnerability. *Gaming Law Review*, 2017, vol. 21, no. 8, pp. 566–574.
23. Kasiyanto S., Kilinc M.R. The legal conundrums of the metaverse. *Journal of Central Banking Law and Institutions*, 2022, vol. 1, no. 2, pp. 299–322.
24. Kelly C., Lynes A., Hoffin K. (eds.) *Video games crime and next-gen deviance*. Leeds: Emerald Publishing, 2020. 240 p.
25. Lee E. et al. No silk road for online gamers! using social network analysis to unveil black markets in online games. *Proceedings of the 2018 World Wide Web Conference*. Lyon: University, 2018, pp. 1825–1834.
26. Lintaman D. Unusual canvasses: Resolving copyright infringement through the lens of community customs. *Interactive Entertainment Law Review*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 3–20.
27. Wang H. How to deal with virtual property crime: Judicial dilemma and a theoretical solution from China. *Computer Law & Security Review*, 2023, vol. 49, pp. 1–16.
28. Wildman N., McDonnell N. The puzzle of virtual theft. *Analysis*, 2020, vol. 80, no. 3, pp. 493–499.

References

1. Abramova E.N. (2022) Digital technologies in the private law (civil) relations. In: Digital technologies and law: collection of papers of international conference. Kazan: Poznanie, pp. 347–355 (in Russ.)
2. Arias A.V. (2007) Life, liberty, and the pursuit of swords and armor: regulating the theft of virtual goods. *Emory Law Journal*, vol. 57, pp. 1–70.
3. Astakhova L.V., Kalyazin N.V. (2022) Non-fungible tokens (NFT) as a means and object of ensuring information security. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, vol. 56, no. 3, pp. 116–121.
4. Belikova K.M. (2021) Legal qualification of virtual property in Russia and abroad. *Yuridicheskiye issledovaniya=Legal Studies*, no. 7, pp. 1–28 (in Russ.)
5. Bonar-Bridges J. (2016) Comment: Regulating virtual property with EULAs. *Wisconsin Law Review Forward*, vol. 78, pp. 79–91.
6. Brisov Yu. V., Pobedkin A.A. (2022) Legal regime of NFT (Non-Fungible Token) in Russia: How to work in the absence of legislative regulation? *Tsifrovoye pravo=Digital Law Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 44–46 (in Russ.)
7. Fortnow M., Terry Q. (2021) *The NFT Handbook: How to Create, Sell and Buy Non-Fungible Tokens*. N. Y.: Wiley, 288 p.
8. Garazoavskaya N.V. (2020) Virtual property in games: prospects for legal regulation. *E-scio=E-scio*, no. 4, pp. 276–290 (in Russ.)
9. Gorokhova O.N. (2019) Game property” as a type of “virtual property». In: Analysis of Contemporary Law. Collection of articles. Moscow: Statut, pp. 378–392 (in Russ.)
10. Holden J.T., Ehrlich S.C. (2017) Esports, skins betting, and wire fraud vulnerability. *Gaming Law Review*, vol. 21, no. 8, pp. 566–574.
11. Kasiyanto S., Kilinc M.R. (2022) The legal conundrums of the metaverse. *Journal of Central Banking Law and Institutions*, vol. 1, no. 2, pp. 299–322.
12. Kelly C., Lynes A., Hoffin K. et al. (2020) *Video games crime and next-gen deviance*. Leeds: Emerald Publishing, 240 p.
13. Khilyuta V.V. (2021) Dematerialization of stealing object and classification issues of crimes on virtual property. *Zhurnal rossiyskogo prava=Journal of Russian Law*, vol. 25, no. 5, pp. 68–82 (in Russ.)
14. Khilyuta V.V. (2022) Considering property as an object of theft in criminal law. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii=Research Bulletin of Omsk Academy of Internal*, no. 1, pp. 5–11 (in Russ.)
15. Korennaya A.A., Tydykova N.V. (2019) Crypto currency as object and instrument of Crimes. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal=Russian Journal of Criminology*, vol. 13, no. 3, pp. 408–415 (in Russ.)
16. Lee E. et al. (2018) No silk road for online gamers! using social network analysis to unveil black markets in online games. In: Proceedings of the 2018 World Wide Web Conference. Lyon: University, pp. 1825–1834.
17. Levinson V.S., Mitin R.K. (2020) Legal regulation of virtual property. *Zakon i pravo=Law and Legislation*, no. 5, pp. 39–42 (in Russ.)
18. Lintaman D. (2020) Unusual canvasses: Resolving copyright infringement through the lens of community customs. *Interactive Entertainment Law Review*, vol. 3, no. 1, pp. 3–20.

19. Ovsyukov D.A. (2023) *Acquisitive crimes against property using information and communication networks: qualification issues*. Moscow: Prospekt, 184 p. (in Russ.)
20. Pikurov N.I. (2021) Transformation of the concept of the subject of theft, taking into account changes in its economic and civil content. *Vestnik universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*=Bulletin of Federal Procuracy University, no. 3, pp. 43–56 (in Russ.)
21. Rabets A.P., Naidenov K.D. (2023) Civil legal regime of non-fungeable tokens: condition and prospects of development. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*=Pacific Rim: Economics, Politics, Law, vol. 25, no. 2, pp. 142–154 (in Russ.)
22. Rozhkova M.A. (2022) NFT and other tokens: right to record and right under record. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*=Journal of the Intellectual Property Rights Court, no. 4 (38), pp. 29–39 (in Russ.)
23. Russkevich E.A. (2019) On criminal law policy in construction of the digital economy in Russia. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*=Bulletin of Economic Security, no. 1, pp. 163–168 (in Russ.)
24. Stepanov P.P., Philatova M.A. (2021) Protecting virtual game property under criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*=Russian Journal of Criminology, vol. 15, no. 6, pp. 744–755 (in Russ.)
25. Tumakov A.V., Petrakov N.A. (2021) Civil law specifics of digital property. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*=Bulletin of Moscow University of the Internal, no. 4, pp. 67–72 (in Russ.)
26. Vasiliev A.M., Kozyrin A.A. (2019) Criminal law protecting legitimate interests in respect to virtual objects. *Uralskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy*=Ural Journal of Legal Research, no. 1, pp. 14–44 (in Russ.)
27. Wang H. (2023) How to deal with virtual property crime: judicial dilemma and a theoretical solution from China. *Computer Law & Security Review*, vol. 49, pp. 1–16.
28. Wildman N., McDonnell N. (2020) The puzzle of virtual theft. *Analysis*, vol. 80, no. 3, pp. 493–499.

Информация об авторе:

И.Н. Мосечкин— кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

I.N. Mosechkin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 12.06.2024.

The article was submitted to editorial office 03.03.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 17.06.2024 .

Научная статья

УДК: 343.3/.7

JEL: K14

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.210.234

Типология способов фальшивомонетничества

Денис Андреевич Печегин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия 117218, Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34,
crim5@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-9966>

Аннотация

Согласно отчету Центрального Банка Российской Федерации «Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России» в 2023 году количество зафиксированных в банковской системе случаев фальшивомонетничества достигло исторического минимума (с 2011 года) и составило 12 425 поддельных денежных знаков. Вместе с тем такие данные отражают лишь минимальный уровень криминализации фальшивомонетничества, масштабы которого в действительности более впечатляющи, поскольку, по оценкам экспертов, до 75% фактов использования таких знаков по объективным причинам квалифицируется как мошенничество, следовательно, не принимается во внимание в данных статистики надлежащим образом. При этом неоднозначность конструкции статьи 186 Уголовного кодекса Российской Федерации вызывает затруднения в правоприменении. Предмет настоящего исследования составляет толкование отличительных признаков фальшивомонетничества, придаваемое им судебной практикой. Используются такие методы, как гегелевская диалектика, юридическая герменевтика (правовая экзегеза), типология, а также специальные юридические методы толкования права. Установлен ограничительный характер судебного толкования нормативно закрепленных способов фальшивомонетничества (изготовление, хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт), обусловленный, в том числе их недостаточной ясностью; раскрыты проблемы такого толкования. На основе изучения приговоров по уголовным делам о фальшивомонетничестве в России за 2019–2023 годы, и правовой доктрины в статье предложена актуальная типология способов совершения данного преступления по признаку объективной стороны, определены вектор и приоритеты последующих исследований и вероятных законодательных преобразований. Исследование особенностей толкования отличительных признаков фальшивомонетничества, придаваемое им судебной практикой, демонстрирует, что основными

© Печегин Д.А., 2024

способами совершения деяния являются различные, но немногочисленные формы изготовления, хранения, перевозки и сбыта, что в целом связано с особенностями выявления и пресечения преступлений указанной направленности в целом. Показатели типологии способов совершения анализируемого деяния, размещенные на графиках 1 и 2, позволили сделать ряд дополнительных выводов.

Ключевые слова

типология способов совершения преступления; фальшивомонетничество; валюта; деньги; подделка денежных средств; хранение; перевозка; сбыт поддельных денег; ценные бумаги.

Для цитирования: Печегин Д.А. Типология способов фальшивомонетничества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 210–234. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.210.234

Research article

Typology of Counterfeit Money Methods

Denis A. Pechegin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russia, crim5@izak.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-9966>.

Abstract

According to the report of the Central Bank of the Russian Federation in 2023, the number of cases of counterfeiting recorded in the banking system reached a historical minimum (since 2011) and amounted to 12,425 counterfeit banknotes. At the same time, such data seem to reflect only a minimal level of criminalization of counterfeiting, the scale of which is actually more impressive, since experts estimate that up to 75 percent of the facts of the use of such marks, for objective reasons, qualify as fraud, and, therefore, are not properly taken into account in legal statistics. At the same time, it is important to take into account that the ambiguity of the construction of Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation causes difficulties in law enforcement. The subject of this study is the interpretation of the distinctive features of counterfeiting, given to them by judicial practice. Methods like Hegelian dialectics, legal hermeneutics (legal exegesis), typology, as well as special legal methods of interpreting law are used. The restrictive nature of the judicial interpretation of the normatively fixed methods of counterfeiting (manufacture, storage, transportation for marketing and marketing), due, *inter alia*, to their lack of clarity, has been established, and the problems of such interpretation have been disclosed. Based on the study of sentences handed down in criminal cases of counterfeiting in the Russian Federation for 2019–2023 and the doctrine, an up-to-date typology of ways to commit this crime based on the objective side is presented, the vector and priorities of subsequent research and likely legislative changes in the area under consideration are determined. At the same time, the study of the pe-

cularities of the interpretation of the distinctive features of counterfeiting, given to them by judicial practice, demonstrates that the main ways of committing an act are various, but few forms of manufacture, storage, transportation and sale, which, as it seems, is generally associated with the peculiarities of detecting and suppressing crimes of this orientation in general. Moreover, the indicators of the typology of the ways of committing the act mentioned are presented at graphs 1 and 2, allowed us to draw a number of additional conclusions.

Keywords

typology of ways of committing a crime; counterfeiting; currency; money; counterfeiting; storage; transportation; sale of counterfeit money; securities.

For citation: Pechegin D.A. (2024) Typology of Counterfeit Money Methods. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 210–234 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.210.234

Введение

В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, которое определяется совокупностью не только количественных экономических показателей уровня жизни, но и качественных характеристик (ст. 75¹ Конституции России). Во многом достижение соответствующих показателей, особенно в условиях современности, поставлено в зависимость от защищенности валютно-денежной системы как стержневого элемента экономики. От качества функционирования системы валютно-денежного обращения и действенности валютных ограничений зависят макроэкономические показатели стабильности экономической системы, курс национальной валюты, достижение необходимого для стабильного развития страны уровня сальдо платежного баланса и др. Кроме того, именно валютное регулирование и валютный контроль становятся основными стабилизирующими средствами в системе государственных мер поддержки экономики в условиях структурных дисбалансов мировой экономики, санкционного давления, изменения геополитической обстановки, развития технологий и др.

Примечательно, что достижение стратегических целей национальной безопасности государства¹ осуществляется путем решения именно таких задач, как сохранение макроэкономической устойчивости; поддержание инфляции на стабильно низком уровне; обеспечение устойчивости рубля и сбалансированности бюджетной системы; укрепление

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

национальной финансовой системы; развитие национальной инфраструктуры финансовых рынков, в том числе платежной; сокращение вывода финансовых активов за границу; противодействие незаконным финансовым операциям; снижение доли теневого и криминального секторов экономики.

Вместе с тем эволюционный характер национальной валютно-денежной системы, образуемой и развивающейся в контексте окружающей ее исторической и экономической действительности, формирует маркеры, задающие надлежащий уровень охраны общественных отношений в сфере валютно-денежного обращения и пределы совершенствования правовых средств реализации направлений уголовной политики государства. Развитие норм уголовного законодательства в русле противодействия валютной преступности соответствует историческим этапам совершенствования системы валютно-денежного обращения. Вслед за появлением новых форм денег и способов расчетов в уголовное законодательство вносились изменения, направленные на противодействие соответствующему уровню развития валютно-денежной системы общественно опасному поведению. Однако диспозиции статей о валютных преступлениях исторически характеризуются насыщенностью бланкетными и оценочными признаками, раскрываемыми в отраслевых актах, преимущественно подзаконных.

По этим причинам многие уголовно-правовые запреты не были сформулированы с должной степенью ясности; кроме того, они зачастую не соответствовали действительности, которая характеризовала состояние и динамику развития отношений в сфере валютно-денежного обращения. Следовательно, одной из основ реализации единой государственной валютной политики, а также устойчивости валюты России и стабильности внутреннего валютного рынка может стать лишь такая реализация уголовной политики государства, которая будет учитывать исторический контекст, состояние и динамику развития национальной валютно-денежной системы.

Хотя фальшивомонетничество можно в целом отнести к группе преступлений, составляющих *mala in se* уголовного законодательства, его конструкцию нельзя считать статичной, так как отдельные элементы подвержены влиянию изменений, причем не только в контексте законодательного регулирования сферы охраняемых интересов *mala prohibitum*, но прежде всего с учетом значения, придаваемого им судебной практикой. Соответственно, задача повышения эффективности противодействия фальшивомонетничеству с научной точки зрения неизбежным образом может быть решена только на основе анализа практики правоприменения.

Обратим при этом внимание на затрудненность такого исследования. Поддельные денежные знаки или ценные бумаги изготавливаются различными методами, которые, за редким исключением, фактически не находят полного описания в обвинительных приговорах. Так, в соответствии с приговором по делу № 1-91/2021 поддельный банковский билет Центрального Банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) номиналом 5 000 руб. образца 1997 года был изготовлен способом цветной струйной печати². Данное обстоятельство, вероятно, связано прежде всего с тем, что субъект преступления в подавляющем количестве случаев не изготавливает предмет фальшивомонетничества самостоятельно, а как правило приобретает его в готовом виде у неустановленных лиц (в 80% случаев).

Вместе с тем обращение к анализу приговоров [Пономарева Н.С., 2007: 21], вынесенных с 2019 года по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК), позволяет установить типологию способов их совершения, соответствующую современным тенденциям и уголовно-правовой ситуации, в том числе с позиции финансово-правового регулирования денег и денежного оборота, и соответственно сформулировать обоснованные положения, выводы и рекомендации, определить вектор и приоритеты последующих исследований и вероятных законодательных преобразований. Есть смысл разобрать данный вопрос с опорой на анализ теоретических аспектов уголовной ответственности за фальшивомонетничество и примеров из правоприменительной практики.

1. Теоретические аспекты регламентации уголовной ответственности за фальшивомонетничество

Практика наживы при помощи порчи либо подделки денег (фальшивомонетничество) известна с древних времен [Кучеров И.И., 2016: 107–120]. «Деньги не просто служат орудием стоимостного обмена, но опосредуют современное управление, в том числе государственное, являются основным его инструментом» [Горбунова О.Н., Денисов Е.Р., 2007: 2–5]. Наличные деньги и ценные бумаги независимо от формы своего выражения в целом признаются наиболее ликвидным видом имущества при привлечении кредитной организацией средств [Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г., 2020: 217–249] и по этой причине

---

² Приговор Фурмановского городского суда Ивановской области по делу № 1-91/2021. Available at: URL: https://furmanovsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=71008409&case_uid=bc0fb06a-15af-4313-8f52-c06a8e4e75c3&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.02.2024)

являются объектом особого интереса и потенциального посягательства злоумышленников.

По данным статистики, полученным из открытых источников, наиболее частым предметом преступления становятся денежные знаки Банка России, а именно — банкноты номиналом 5000, 2000 и 1000 руб. За 2023 год выявлены 12 425 поддельных денежных знаков Банка России, в том числе 8 856 пятитысячных, 671 двухтысячных и 2 438 тысячерублевых купюр, а также 154 поддельных десятирублевых и 61 поддельных пятирублевых монет³. Подделывают и банкноты иностранных государств. В 2023 году таких «денег» обнаружено 1 438 штук, из них — дол. США 1126, евро 303, китайских юаней 5, украинских гривен 2, шведских крон 1 и дирхам ОАЭ 1⁴.

Показатели подделки отечественных денежных знаков снизились по сравнению с 2022 годом. В 2022 году было выявлено 22 874 поддельных денежных знаков Банка России, включая 14 184 поддельных пятитысячных, 4 336 двухтысячных и 3 637 тысячерублевых купюр, а также 183 поддельных десятирублевых и 83 поддельных пятирублевых монет⁵. Соответствующие показатели по иностранной валюте не сильно отличаются от данных 2023 года. В 2022 году таких «денег» обнаружено в количестве 1 811 штук, из них банкнот дол. США 1558, евро 238, китайских юаней 10, фунтов стерлингов 3, норвежских крон 2⁶.

Однако данные цифры не отражают всей картины фальшивомонетничества [Пономарева Н.С., 2007: 22–24], причем не только ввиду высокой латентности данного вида общественно опасного поведения, но также и в связи с существующими особенностями квалификации и необходимости разграничения смежных составов, например, мошенничества с использованием поддельных денег и подделки ценных бумаг как документов [Тюнин В.И., 2019: 103–110]. Другими словами, статистические данные отражают минимальный уровень (самую верхушку айсберга) степени криминализации подделки денежных знаков, масштабы которой в действительности более впечатляющие.

По некоторым оценкам, до 75% фактов использования поддельных денежных знаков по объективным причинам квалифицируется как мо-

³ Банк России. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России в 2023 году. Available at: URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2023/ (дата обращения: 15.10.2024)

⁴ Там же.

⁵ Банк России. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России в 2022 году. Available at: URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2022/ (дата обращения: 15.10.2024)

⁶ Там же.

шенничество [Пономарева Н.С., 2007: 24]; [Шурухнов Н.Г., 2014: 142–143]. Так, устойчивые показатели количества выявленных случаев изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничества) в последние несколько лет фиксируются в Центральном федеральном округе. По мнению Т.В. Молчановой, в Москве это преступление является наиболее часто совершаемым деянием из тех, которые указаны в главе 22 УК. По ее данным, в Москве с 2016 по 2019 г. зафиксировано 2113, 2861, 3382 и 3520 фактов фальшивомонетничества [Молчанова Т.В., 2020: 36–40].

Несмотря на то обстоятельство, что фальшивомонетничество можно в целом отнести к группе преступлений, составляющих *mala in se* уголовного законодательства, его конструкцию нельзя считать статичной, так как отдельные элементы вполне подвержены влиянию изменений в контексте законодательного регулирования сферы охраняемых интересов *mala prohibita*. Например, изначально редакция ст. 186 УК РФ не предусматривала хранения и перевозки поддельных денег или ценных бумаг в целях их сбыта в качестве действий, образующих состав преступления фальшивомонетничества. Соответствующие дополнения были внесены в диспозицию статьи лишь в 2009 году. Однако с тех пор данная статья не подвергалась изменениям. Более того, конструкция самой нормы неоднозначна, вызывает дискуссии в доктрине и затруднения в практике в связи с многочисленными противоречиями и особенностями.

Напомним, что по конструкции преступления в качестве его предмета выступают: поддельные банковские билеты Банка России, металлические монеты, государственные ценные бумаги или другие ценные бумаги в российской валюте либо иностранная валюта или ценные бумаги в иностранной валюте.

Денежной единицей в России является рубль (ст. 75 Конституции), прерогатива эмиссии которого принадлежит исключительно Банку России. Введение в налично-денежное обращение банкнот того или иного образца и достоинства сопровождается подробным описанием содержания, свойств, а также качественных характеристик⁷. При этом отождествление слов «банкнота» и «Билет Банка России» содержится в письме Банка России от 10.02.1993 № 07-1-141/114 «Об отличительных признаках банкнот образца 1993 года», содержащего структурные элементы об описании конкретных «билетов Банка России (банкнот)» образца 1993 года.

Кроме того, при анализе признака предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК, отсутствует ясность в том, что подразумевает

---

⁷ Например, описание банкноты достоинством 1000 рублей дано в письме Банка России от 24.11.2000 № 29-5-10/3687 «Описание банкноты Банка России образца 1997 года достоинством 1000 рублей» // СПС Консультант Плюс.

ся под металлической монетой, за изготовление, хранение, перевозку в целях сбыта и сбыт которой установлена уголовная ответственность. На первый взгляд, таковой может являться лишь монета Банка России. Это следует из содержания ст. 29 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Металлической соответствующая монета указана в ст. 186 [Артемов Н.М. и др., 2016: 89–90]⁸, во-первых, ввиду нормативных предписаний Банка России, по которым основу монеты составляет металл либо сплав металлов, а во-вторых, так же, как и в случае с банкнотами, в силу исторических особенностей используемой терминологии⁹.

Характеристика предмета данного преступления, указывающая на его свойства в виде употребления слова «металлический» является излишней. Основу фальшивомонетничества составляет использование, перевозка, хранение в целях сбыта либо сбыт таких поддельных монет, которые по своим свойствам приближены к оригиналу и эмитируют его настолько, чтобы никто не смог ничего заподозрить [Яни П.С., 2015: 20–24]¹⁰. Необходимо констатировать, что с развитием технологий монета может быть подделана не с использованием металла, а, например, посредством технологии преобразования пластика и краски, имитирующих так называемый металлический эффект. По этим причинам согласимся с авторами, предлагающими в диспозиции ст. 186 УК воспроизво-

---

⁸ См., напр.: Письмо Банка России от 03.07.2001 «Об обращении золотых и серебряных монет на территории Российской Федерации» // Вестник Банка России. № 43. 11.07.2001. Согласно данному документу золотые монеты (червонцы (10 руб.) 1975–1982 годов выпуска) и серебряная монета (номиналом 3 руб. 1995 года выпуска с изображением соболя) обращаются на территории страны в качестве законного средства платежа наряду с монетами образцов, выпущенных в обращение с 01.01.1998. Золотой червонец и серебряная монета «Соболь» обладают статусом и техническими характеристиками монет из драгоценных металлов, операции с которыми не подлежат обложению налогом на добавленную стоимость. Эти положения, а также относительно невысокая себестоимость указанных выше монет обеспечивают возможность для их обращения по ценам, приближенным к стоимости содержащихся в них драгоценных металлов. Тем самым создаются условия для обращения в России золотых и серебряных монет в качестве самостоятельного инструмента для вложения свободных денежных средств граждан и организаций.

⁹ Так, металлическими названы монеты образца 1992 года, а также монеты образца 1993 года достоинством 50 и 100 рублей. См.: Телеграмма Банка России от 25.02.1993 № 32-93 «О металлической монете образца 1993 года достоинством 50 рублей» // СПС Консультант Плюс. Монета достоинством 50 рублей изготавливалась из медно-цинкового сплава желтого цвета, тогда как монета достоинством 100 рублей — из медно-никелевого сплава белого цвета.

¹⁰ П. 3 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Бюллетень ВС РФ. 2001. № 6.

дять используемые в актах законодательства и Банка России категории [Гейвандов Я.А., 2003: 3–496].

Валюты и монеты иностранных государств, например, банкноты и монеты евро — специальные изображения на бумаге и сплав определенных металлов, соответственно¹¹. Например, монета достоинством 2 евро бело-желтого цвета имеет состав: наружное кольцо медь-никель; внутренняя часть трехслойная — никель-латунь, никель, никель-латунь; гурт ребристый с тонко прочеканенными литерами, различающимися в зависимости от страны изготовления.

Более того, в соответствии с Международной конвенцией по борьбе с подделкой денежных знаков (1929) уголовная ответственность устанавливается за подделку денежных знаков, в том числе и других стран-участниц Конвенции, в число которых Россия вошла в 1931 году. По этой причине верен широкий подход к пониманию металлической монеты как предмета анализируемого преступления.

Таковой следует считать не только монету Банка России, но также имеющую официальное хождение в качестве законного средства наличного платежа монету в зарубежных государствах, даже несмотря на то, что эпоха металлических денег (как указывают некоторые ученые) подходит к завершению [Ляскало А.Н., 2017: 68–72], а их подделка не оправдана в силу значительных затрат на изготовление (ввиду чего отдельные исследователи предлагали и вовсе отказаться от уголовной ответственности за подделку металлической монеты [Образцова Н.В., 2005: 66]).

Однако с данным предложением трудно согласиться в силу того, что подделка монеты причиняет ущерб охраняемым уголовным законом отношениям в валютно-денежной сфере. Более того, исторический опыт свидетельствует в пользу необходимости сохранения уголовной ответственности за подделку монет до тех пор, по крайней мере, пока они имеют официальное хождение на территории страны. Так, в ходе денежной реформы середины XX века в СССР (реформа 1947 года) все формы денежных средств были деноминированы и преобразованы, за исключением монеты достоинством в 1 коп. Изготовление рубля тогда обходилось в 16 коп., а одной копейки — в 8 коп.

Поэтому советские денежные реформы происходили без изъятия мелкой разменной монеты из обращения. Номинальная стоимость и форма копейки не изменились, тогда как ценность копейки повысилась в несколько раз. Данное обстоятельство послужило к значительному обогащению тех лиц, которые успели разменять старые денежные сред-

---

¹¹ Письмо Банка России «Описание и технические характеристики банкнот и монет евро» // Вестник Банка России. 2001. № 72.

ства на монеты по 1 коп. в ходе кампании по обмену денежных средств на новые. Этот исторический факт, а также сведения о выявлении поддельных десятирублевых монет, свидетельствует в пользу невозможности абсолютного утверждения о невыгодности подделки металлической монеты.

К ценным бумагам в соответствии со ст. 142–144 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона № 173-ФЗ относятся:

внутренние ценные бумаги (эмиссионные ценные бумаги, номинальная стоимость которых указана в валюте и выпуск которых зарегистрирован в России; иные ценные бумаги, удостоверяющие право на получение российской валюты, выпущенные на территории России);

внешние ценные бумаги — не относящиеся к внутренним ценным бумагам.

Ценными бумагами являются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги). Ценными бумагами признаются также обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав (бездокументарные ценные бумаги). Ценными бумагами являются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке. Выпуск или выдача ценных бумаг подлежит государственной регистрации в случаях, установленных законом.

«Ценные бумаги разделяют на долевые и долговые. К долевым относятся акция и инвестиционный пай. Все иные разновидности ценных бумаг являются долговыми, поскольку отражают движение заемного капитала в денежной (например, чек, финансовый вексель, облигация) или товарной форме (например, товарный вексель, складское свидетельство, коносамент)» [Ляскало А.Н., 2017: 72]. Отдельно в данной статье выделены государственные ценные бумаги, в том числе зарубежные, которые эмитируются полномочными органами государственной власти.

Подделка должна иметь существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами. Явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в

денежном обращении, а также иные обстоятельства дела, которые свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного круга лиц, могут привести к квалификации деяния как мошенничества.

Под изготовлением понимается создание без полученной в установленном порядке лицензии или восстановление утраченных свойств, а также переделка каких-либо предметов, в результате чего они приобретают свойства, характерные для соответствующих предметов преступления. При полной подделке фальшивые деньги или ценные бумаги создаются без применения настоящих. Частичная подделка связана с настоящими деньгами и ценными бумагами.

Под хранением в судебной практике понимается: «сокрытие ... предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность»¹²; «действия лица, связанные с незаконным владением» предметами преступления, «в том числе для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других местах). При этом не имеет значения, в течение какого времени лицо незаконно хранило»¹³ предмет преступления; «любые умышленные действия, связанные с фактическим их владением (на складе, в местах торговли, изготовления или проката, в жилище, тайнике и т.п.)»¹⁴. Таким образом, под хранением заведомо поддельных денег или ценных бумаг следует понимать любые умышленные действия лица, связанные с фактическим их владением, в том числе их сокрытие [Нудель С.Л., 2010: 99–103].

Под перевозкой согласно постановлению Пленума Верховного Суда России понимается: «перемещение на любом виде транспорта, но не непосредственно при обвиняемом»¹⁵; «умышленные действия лица, которое перемещает» предмет преступления «из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства... При этом следует иметь в виду, что незаконная перевозка... может быть осуществлена

---

¹² О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного суда РФ от 12.03.2002. № 5 // Бюллетень ВС РФ. 2002. № 5.

¹³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 // Там же. 2006. № 8.

¹⁴ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума ВС РФ от 26.04.2007 № 14 // Там же. 2007. № 7.

¹⁵ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия ... // Там же. 2002. № 5.

с их сокрытием, в том числе в специально оборудованных тайниках в транспортном средстве, багаже, одежде, а также в полостях тела человека или животного и т.п.»¹⁶; «умышленное их перемещение любым видом транспорта из одного места нахождения в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта»¹⁷.

Следовательно, под перевозкой заведомо поддельных денег или ценных бумаг следует понимать любые умышленные действия лица, которое их перемещает из одного места нахождения в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства.

Таким образом, особенности конструкции отличительных признаков состава преступления изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг обусловлены, с одной стороны, статикой данного вида общественно опасного поведения, характерного для любой юрисдикции, использующей наличные денежные средства и другие финансовые инструменты для целей расчета, имеющие материальное выражение. С другой, отдельные элементы данного преступления подвергаются влиянию исторических условий, формирующих основу для регулирования сферы охраняемых объектов *mala prohibita*.

Сложность структурной основы состава преступления фальшивомонетничества и трудность противодействия данному явлению также усматриваются в отсутствии надлежащих статистических сведений, отражающих уголовно-правовую ситуацию в полной мере. Некоторые отличительные признаки данного преступления требуют корректировки в связи с неясностью либо избыточностью правового регулирования, в особенности с учетом типологии способов совершения данного деяния, проведенной на основе проанализированной судебной практики.

2. Практические аспекты типологии способов фальшивомонетничества

2.1. Комбинированный либо иной сложный способ подделки

Данные способы фальшивомонетничества на практике встречаются редко (в 9% случаев). Подавляющая часть таких случаев связана при этом с простой комбинацией двух или нескольких способов подделки.

¹⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами... // Там же. 2006. № 8.

¹⁷ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав... // Там же. 2007. № 7.

Например, согласно приговору по делу № 1-351/2019 поддельный банковский билет номиналом 5 000 руб. образца 1997 года был выполнен способом цветной струйной печати на цветном струйном печатающем устройстве, а герб Хабаровска по типу способа трафаретной печати¹⁸. В другом случае Г., используя струйный принтер с функцией сканера и оригинальный банковский билет номиналом 100 дол. США, изготовил не менее четырех копий указанного банковского билета, после чего вырезал из них буквенно-цифровые обозначения номинала, которые наклеил не менее чем на четыре банковских билета номиналом 5 дол. США, т.е. изменил фактический номинал указанных банковских билетов, тем самым изготовил поддельные банковские билеты иностранной валюты¹⁹.

По делу № 1-116/2017 с использованием компьютерной техники, в том числе системного блока, не имеющего марки и серийного номера, и многофункционального устройства сканирования и распечатывания, были сканированы подлинные банковские билеты с двух сторон, их печать на листах приобретенной в неустановленные время и месте бумаги формата А-4 (с обозначением на упаковке «Гознак фирменная»), по всей поверхности которой имеются двутонные изображения водяного знака в виде упорядоченно расположенных рядов элементов, по форме похожих на куб, размерами 10*10*2 мм, предварительно смачивая указанную бумагу водой с растворенным в ней сахаром для придания бумаге жесткости и характерного хруста²⁰.

Вместе с тем встречаются следующие сложные способы изготовления фальшивых денег: банковские билеты выполнены на двух склеенных листах бумаги; водяные знаки в них эмитированы бескрасочным тиснением; защитная нить имитирована вклеиванием между листами бумаги полимерной ленты с металлическим блеском и деметализованными участками, образующими повторяющиеся светлые изображения числа «5000» (при наблюдении на просвет) и удаления прямоугольных фрагментов на листе с реквизитами оборотной стороны в местах, имитирующих выход нити на поверхность; защитные волокна, изображения знаков серийной нумерации, тексты, изображение метки для лиц с ослабленным зрением, элемент MVC-эффекта, эмблема Центробанка и

---

¹⁸ Приговор Петроградского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 1-351/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-78RS0017-1-351-2019-2019-09-02-2-0/?ysclid=lt4dxwux3o651009880> (дата обращения: 27.02.2024)

¹⁹ Приговор Егорьевского городского суда Московской области по делу № 1-253/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0009-1-253-2019-2019-04-30-2-0/?ysclid=lt4efk0v6b23041062> (дата обращения: 27.02.2024)

²⁰ Приговор Советского районного суда Томска по делу № 1-116/2017. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-70RS0004-1-116-2017-2017-02-28-2-0/?ysclid=lt4ezwp8mj815707319> (дата обращения: 27.02.2024)

основные реквизиты полиграфического оформления имитированы способом струйной печати, в том числе с последующим бескрасочным тиснением для создания рельефности изображений либо поверхностным нанесением тонкого слоя полупрозрачного вещества с мелкими блестящими частицами различного размера и конфигурации; микроперфорация имитирована путем прокалывания листа бумаги с лицевой стороны, изображение герба выполнено при помощи трафарета; в УФ-излучении наблюдается гашение люминесценции лицевой и оборотной стороны денежных билетов; на изображение эмблемы Банка России дополнительно нанесено вещество со светоотражающими частицами²¹. Единственным элементом, который в данном случае не был имитирован, стала метамерность красок в ИК-лучах.

В соответствии с приговором по делу № 1-189/2018 билеты Федерального резервного банка Нью-Йорка выполнены (каждый) на двух листах бумаги белого цвета, склеенных между собой. Красочные изображения основных реквизитов лицевой стороны нанесены способом глубокой («металлографской») печати. Изображения серийных номеров купюр, букв и номеров Федеральных резервных округов на лицевой стороне денежных билетов нанесены способом цветной электрографической печати. Изображение оттиска печати казначейства США на лицевой стороне денежных билетов нанесено способом высокой печати. Красочные изображения реквизитов оборотной стороны на денежных билетах нанесены способом плоской офсетной печати.

Основные элементы специальной защиты имитируют: а) оптический эффект перемены цвета красящего вещества, которым выполнено изображение номинала купюры в нижнем правом углу лицевой стороны, на денежных билетах частично имитирован наличием в красящем веществе, которым выполнено данное изображение, мелких частиц различной формы, имеющих блеск; б) защитная нить в виде повторяющегося микротекста «100 USA», расположенного поперек денежного билета в толще бумажного слоя, имитирована путем нанесения изображения на внутреннюю сторону листа с изображением оборотной стороны денежного билета красящим веществом светлых оттенков; в) водяной знак имитирован путем нанесения изображения на внутреннюю сторону листа с изображением оборотной стороны денежного билета красящим веществом светлых оттенков²².

²¹ Приговор Красногорского городского суда Московской области по делу № 1-128/2022. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0021-1-128-2022-2022-02-02-2-0/?ysclid=lt4e9hfkfz186150391> (дата обращения: 27.02.2024)

²² Приговор Ленинского районного суда г. Кирова по делу № 1-189/2018. Available at: URL: https://leninsky--kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo &srv_num=1& name_

Заметим, что в подавляющем большинстве случаев комбинированный либо иной сложный способ изготовления поддельных денег используется в отношении купюр крупного номинала — например, 5 000 руб., 100 дол. США.

2.2. Квалифицированный способ подделки

Изготовление поддельных ценных бумаг является более квалифицированным способом совершения анализируемого преступления, поскольку предполагает осведомленность в правовом регулировании и необходимость опыта сделок с ценными бумагами [Ляскало А.Н., 2017: 68].

Так, П., будучи заинтересованным в увеличении ОАО «К.Р.И.К.» объемов ипотечного кредитования по программе ОАО «АИЖК», преследуя цель извлечения преимуществ и выгод, в том числе имущественного характера, решил за счет знакомых, обратившихся к нему за оформлением кредита, совершать в течение неопределенно продолжительного срока изготовление поддельных ценных бумаг (закладных) в целях сбыта. Для этого он указывал в фиктивных кредитных документах, в том числе в именных ценных бумагах (закладных) вымышленные предметы ипотеки (несуществующие в реальности объекты недвижимости — квартиры), ложную денежную оценку данных несуществующих квартир, фиктивное право собственности, в силу которого предметы ипотеки принадлежат залогодателям — заемщикам.

При этом он подделывал от имени аккредитованных ОАО «АИЖК» оценщиков отчеты по определению рыночной и ликвидационной стоимостей несуществующих квартир (предметов залога), сведения о государственной регистрации договоров купли-продажи, прав собственности и ипотеки в силу закона в фиктивных договорах купли-продажи квартир, сведения о государственной регистрации прав собственности и ипотеки в именных ценных бумагах — закладных, а также нотариально заверенные копии свидетельств о государственной регистрации права собственности на несуществующие квартиры и выписки из единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним²³.

В другом деле Б. и лица, дело которых выделено в отдельное производство, приобрели заведомо для них поддельную ценную бумагу в российской валюте — простой вексель номиналом 100 000 000 руб. (при этом эмитент и

---

op=case&case_id=161397488&case_uid=22d74033-6012-429c-8eb6-0a9654c1b802&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.02.2024)

²³ Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова по делу № 1-405/2017. Available at: URL: https://oktyabrsky--kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=156761485&case_uid=528e1a39-fc2e-4266-b005-edbac335aac8&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.02.2024)

векселеполучатель являлись обществами, не осуществляющими реальной финансово-хозяйственной деятельности), подлежащий оплате по предъявлению, но не ранее 01.10.2017, якобы авалированный с проставленным на авале векселя оттиском печати и подписью от имени руководителя. С целью придания законности владения и распоряжения ценной бумагой неустановленный участник преступной группы проставил на векселе индоссамент в пользу Общества, генеральным директором которого является Б. Также для совершения преступления были изготовлены подложные документы, подтверждающие авалирование векселя, а именно:

верификационное письмо от 06.10.2014, подтверждающее подлинность векселя, факт его авалирования;

договор от 03.10.2014 об авалировании простых векселей;

акт приема-передачи векселей от 06.10.2014;

выписка от 06.10.2014 по расчетному счету, подтверждающая производство оплаты денежных средств в размере 18 500 000 руб. по договору об авалировании от 03.10.2014 простых векселей;

договор залога ценных бумаг от 03.10.2014, согласно которому в качестве исполнения обязательств по договору от 03.10.2014 об авалировании простых векселей принят в залог депозитный сертификат на предъявителя;

договор на банковское хранение ценных бумаг от 06.10.2014, по которому на хранение Банком принят простой вексель номиналом 100 000 000 руб. от 01.10.2014, а также иные документы, подтверждающие «законность» владения и распоряжения вышеуказанным векселем²⁴.

2.3. Девариативность хранения поддельных денег

Поддельные денежные средства и ценные бумаги хранятся субъектом преступления, как правило, при себе либо по месту его проживания. Иными словами, в практике встречается ограниченное количество способов хранения [Ляскало А.Н., 2022: 437–444] поддельных купюр, что указывает на девариативность данного способа совершения деяния. Например, Г. хранил фальшивые денежные средства по месту проживания в квартире²⁵. В другом деле И. хранил поддельную купюру при себе²⁶.

²⁴ Приговор Одинцовского городского суда Московской области по делу № 1-745/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0031-1-745-2019-2019-09-06-2-0/?ysclid=lt6yhv1kpt883159732> (дата обращения: 29.02.2024)

²⁵ Приговор Пушкинского городского суда Московской области по делу № 1-61/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0036-1-61-2019-2019-01-22-2-0/?ysclid=lt6yl2ad3g899788652> (дата обращения: 29.02.2024)

²⁶ Приговор Боровского районного суда Калужской области по делу № 1-221/2020. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-40RS0004-1-221-2020-2020-08-19-2-0/?ysclid=lt6yn6a63n997725973> (дата обращения: 29.02.2024)

Вместе с тем, хотя и гораздо реже, встречаются ситуации, когда предмет преступления размещается для хранения в общественных местах. Как правило, такой способ характерен при организации их продажи неустановленному кругу лиц. Тогда предмет преступления укрывается в неочевидных местах или тайниках. Например, П. спрятал 25 единиц поддельных банковских билетов ЦБ РФ номиналом 5 000 руб., прикрепив их к водосточной трубе на фасаде здания²⁷.

2.4. Девариативность перевозки поддельных денег

Специфика способов совершения анализируемого преступления при перевозке заключается в том, что злоумышленники в основном используют личный или общественный виды транспорта, хотя также обращаются к услугам курьерской доставки и почтовой связи [Шурухнов Н.Г., 2014: 142–143]. Так, Д. и Д. приобрели не менее 2 поддельных денежных купюр номиналом 5000 руб. путем перевода денежных средств из совместных собственных сбережений в счет их приобретения, с условием их получения посредством курьерской доставки²⁸. По другому делу Р. получил почтовое отправление с поддельным банковским билетом ЦБ РФ номиналом 5000 руб., находясь в отделении почтовой связи²⁹.

Вместе с тем важно, что отмеченные способы фальшивомонетничества, хотя и представляют собой самостоятельные варианты «перемещения», в свете разъяснений Верховного Суда поглощаются категорией «сбыт».

3. Практика сбыта поддельных денег

Среди способов сбыта фальшивых денежных средств выделяются следующие. В основном предмет анализируемого преступления сбывается посредством оплаты товара в мелких магазинах, торговых точках, кафе, на рынке, продавцам гаджетов, курьерам доставки еды, а также конторах при оплате услуг (например, тура), поскольку такие места не

---

²⁷ Приговор Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 1-652/2020. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-78RS0023-1-652-2020-2020-06-30-2-0/?ysclid=lt6yrgro7s527484098> (дата обращения: 29.02.2024)

²⁸ Приговор Советского районного суда Самары по делу № 1-329/2021. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-63RS0041-1-329-2021-2021-07-05-2-0/?ysclid=lt6yxvnxhoe203745592> (дата обращения: 29.02.2024)

²⁹ Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга по делу № 1-228/2021. Available at: URL: https://promyshleny--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=176055746&case_uid=f906a29b-1bcc-43f6-b6b3-b23d3027c8af&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.02.2024)

оборудованы должными техническими средствами проверки денежных средств на их подлинность. Так, Б., незаконно храня поддельные банковские билеты ЦБ РФ, перевез их в целях сбыта в Анапу Краснодарского края, где в период времени с 22 час. 57 мин. до 23 час. 00 мин. в магазине «Азалия», купил букет цветов за 650 руб., используя в качестве платежа поддельный билет номиналом 5000 руб.³⁰

В другом деле Ф. в счет оплаты бутылки газированной воды и блока сигарет передал продавцу поддельный банковский билет³¹. Примечательен факт, что в подавляющем большинстве таких случаев покупка, совершенная из корыстных побуждений получения средств при размене, осуществляется на минимальную сумму.

Реже встречаются случаи сбыта фальшивых денежных знаков при организации их продажи неустановленному кругу лиц. Например, С. с целью сбыта, используя неустановленный вид транспорта, подъехал к офису курьерской компании, где, назвавшись чужим именем, осуществил отправку поддельных билетов Центробанка треком в адрес заказчика, тем самым сбыв указанные поддельные банковские билеты³².

В качестве эксклюзивных выступают ситуации сбыта поддельных денежных знаков при осуществлении злоумышленником размена в связи с оплатой его услуг потерпевшим, в платежном терминале или в отделении банка. Так, в период с 20 час. 00 мин. до 21 час. 00 мин. Р. через программу «Яндекс-Такси» пришел заказ. В машину под управлением Р. сел Ф., находящийся в состоянии алкогольного опьянения. Далее Р. осуществил перевозку Ф. и, прибыв в конечную точку маршрута, понимая, что Ф. находится в состоянии опьянения, передал в качестве размена Ф. поддельный банковский билет номиналом 500 руб. образца 1997 года³³.

В другом случае Н., Н. и Г. 10.04.2017 не позднее 13 час. 15 мин. подошли к банковским платежным терминалам № 817, 817, 818, 825, 826, 829, принадлежащим ОАО «ЦППК» и расположенным по адресу: Москва, Булатниковский пр., 5, стр. 1, где сбыли путем внесения в платеж-

³⁰ Приговор Керченского городского суда Республики Крым по делу № 1-310/2021. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-91RS0012-1-310-2021-2021-04-23-2-0/?ysclid=lt6zch12cb657579109> (дата обращения: 29.02.2024)

³¹ Приговор Крымского районного суда Краснодарского края по делу № 1-163/2021. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-23RS0024-1-163-2021-2021-02-01-2-0/?ysclid=lt6zfpnpne363252647> (дата обращения: 29.02.2024)

³² Приговор Красногорского городского суда Московской области по делу № 1-128/2022. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0021-1-128-2022-2022-02-02-2-0/?ysclid=lt6zj2wkla723274698> (дата обращения: 29.02.2024)

³³ Приговор Калужского районного суда Калужской области по делу № 1-721/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-40RS0001-1-721-2019-2019-07-01-2-0/?ysclid=lt6zp2b83m860044414> (дата обращения: 29.02.2024)

ные терминалы 34 поддельных банковских билета ЦБ РФ номиналом 500 руб., приобретая с помощью каждой поддельной банковской купюры железнодорожные билеты с минимальной стоимостью проезда. Электронная система банковских платежных терминалов определила внесенные в терминал купюры как подлинные, зачислила указанные денежные средства и выплатила причитающуюся им сдачу подлинными деньгами³⁴.

Согласно приговору по другому делу П., реализовав свой преступный умысел, в период с 25.08.2017 по 07.10.2017 получил у неустановленного лица поддельные банковские билеты Европейского центрального банка в валюте евро в количестве 16 штук, достоинством 500 евро каждая. После этого он на автомобиле «Фольксваген» прибыл в филиал Сбербанка России, где в помещении кассы с целью извлечения материальной выгоды предъявил старшему менеджеру паспорт на свое имя и заведомо поддельные банковские билеты для обмена на рубли. Сотрудник банка проверила предъявленные к обмену купюры с использованием специальной техники и из предъявленных к обмену 16 купюр 13 вернула как сомнительные, а три купюры, не обнаружив признаков подделки, обменяла на 100 350 руб.³⁵

Заключение

Исследование особенностей толкования отличительных признаков фальшивомонетничества, придаваемое им судебной практикой с 2019 года, демонстрирует, что основными способами совершения деяния являются различные, однако немногочисленные формы изготовления, хранения, перевозки и сбыта, что, вероятно, связано с особенностями выявления и пресечения преступлений указанной направленности в целом. При этом практика подтверждает, что в подавляющем большинстве рассмотренных случаев предметом преступления выступали денежные средства и, прежде всего, билеты Центробанка номиналом 5 000 руб. (более 80% случаев).

Тем не менее также не являются редкостью деяния, предметом которых выступает иностранная валюта (около 20% случаев). Ситуации, в которых подделке подвергаются ценные бумаги [Яни П.С., 2016: 25–29], в материалах судебной практики практически не встречаются.

---

³⁴ Приговор Пушкинского городского суда Московской области по делу № 1-61/2019. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-50RS0036-1-61-2019-2019-01-22-2-0/?ysclid=lt6zu0w2cp995507510> (дата обращения: 29.02.2024)

³⁵ Приговор Центрального районного суда Челябинска по делу № 1-327/2018. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-74RS0002-1-9-2019-1-327-2018-2018-05-30-2-0/?ysclid=lt6ztygy95247426649> (дата обращения: 29.02.2024)

Данные особенности рассмотрения и разрешения уголовных дел о фальшивомонетничестве наглядным образом демонстрируют проблемные аспекты, которые нуждаются в разрешении. Среди таковых, с одной стороны, вопросы квалификации подделки ценных бумаг, их хранения, перевозки и сбыта. С другой — совершенствование средств выявления и раскрытия фальшивомонетничества, совершенного сложным способом либо организованной группой.

Однако электронные и технические способы совершения противоправных действий [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2018: 85–102]; [Кучеров И.И., 2017: 69–79]; [Поветкина Н.А., Леднева Ю.В., 2018: 46–67] значительно потеснили традиционные подходы к организации преступной деятельности в рассматриваемой области [Калатози Д.Г., 2020: 38–40], при этом они в целом не учтены в конструкции соответствующего состава преступления [Нудель С.Л., 2023: 5–22]³⁶.

В структуре проанализированной судебной практики доля отмеченных способов совершения преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе путем доступа к ресурсам «Darknet» по состоянию на 2023 год составляет не менее 30%. В то же время, к сожалению, приобретение фальшивых денежных средств, в том числе без цели сбыта, не является криминообразующим признаком фальшивомонетничества. Включение такого признака в конструкцию состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК, могло бы

³⁶ Например, К. посредством Интернета на сайте «Hydraruzxpnew4af.onion» заказал неустановленное количество заведомо для него и Г. поддельных банковских билетов номиналом 5000 руб. каждый, но не менее четырех, произвел оплату в неустановленной сумме путем безналичного перечисления на неустановленный платежный ресурс, получив координаты мест «закладок» вышеуказанных поддельных банковских билетов на территории Мытищ Московской области. См.: Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области по делу № 1-533/2020. Available at: URL: https://sergiev-posad--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=652018735&case_uid=bd9e8b03-3489-4cc9-8486-f1f47b95122a&delo_id=1540006 (дата обращения: 29.02.2024). В другом случае Б., осознавая фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий, движимый корыстными побуждениями, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая их наступления, при помощи мобильного телефона «Xiaomi Mi 8 Lite», используя программное обеспечение «Тор-браузер», перешел на платформу «Hydra», где в разделе «категории» выбрал подкатеорию «фальшивые деньги» и «Интернет»-сайт «Elit001», используя мобильное приложение «ПАО Сбербанк», через банковскую карту, открытую на свое имя, осуществил перевод электронных денежных средств в сумме 24 497 руб. 10 коп. на криптовалюту «биткоин», эквивалентную денежным средствам в указанной сумме, за которую приобрел 30 поддельных банковских билетов номиналом 5000 руб. См.: приговор Керченского городского суда Республики Крым по делу № 1-310/2021. Available at: URL: <https://actofact.ru/case-91RS0012-1-310-2021-2021-04-23-2-0/?ysclid=lth3cuw9ww181433964> (дата обращения: 29.02.2024)

способствовать пресечению преступной деятельности на более ранних этапах с учетом развития технических средств контроля.

Показатели типологии способов совершения данного деяния, показанных ниже на графике, позволяют сделать ряд дополнительных выводов.

Так как в 80% случаев поддельные денежные средства приобретаются у третьих лиц, необходима разработка научно обоснованного комплекса мер к повышению действенности норм, предусматривающих ответственность за деяния, связанные с организацией фальшивомонетничества на профессиональной основе при использовании релевантного зарубежного опыта, а также совершенствование порядка уголовного преследования таких лиц.

Поскольку в 85% случаев поддельные денежные средства сбываются в точках реализации товаров и услуг, целесообразно проработать вопросы гармонизации уголовного, административного, финансового законодательства и законодательства об информации, регулирующих правоотношения, возникающие в процессе расчетов за товары и (или) услуги, в особенности при внедрении цифровых технологий.

Большинство ученых, анализирующих проблему «подделки» таких средств, сходятся во мнении, что и безналичная, и электронная, и цифровая формы существования денежных знаков и ценностей (экономических благ) в виде записей исключает их подделку [Ясинов О.Ю., 2006: 1–21].

Данный вывод подтверждается особенностями функционирования информационных систем, в которых учитываются записи о зачислении или списании средств, так как технологии исключают возможность придания записям существенного сходства с оригиналом. Этап валидации записи позволяет с однозначностью определить, является ли она подлинной.

В случае подтверждения системой «сфальсифицированной» записи таковая не становится поддельной по самой форме, так как форма соответствует предъявляемым требованиям. Однако соответствие форме не исключает возможности ввода в обращение не контролируемых государством средств в безналичной, электронной или цифровой формах, что может повлечь нарушение баланса между количеством финансовых средств, находящихся в обращении, и совокупным объемом расходов в экономике [Петрянин А.В., 2003: 118–119].

Непосредственный объект фальшивомонетничества претерпевает негативные изменения не только в результате подделки наличных денежных средств и (или) валютных ценностей, но и при «фальсификации» безналичных, электронных или цифровых средств, даже если информационная система отождествила представленную на проверку

запись с подлинным положением дел по форме, а не содержанию. С данных позиций вероятным направлением дальнейшего исследования может стать разработка вопроса об установлении ответственности за незаконную эмиссию.

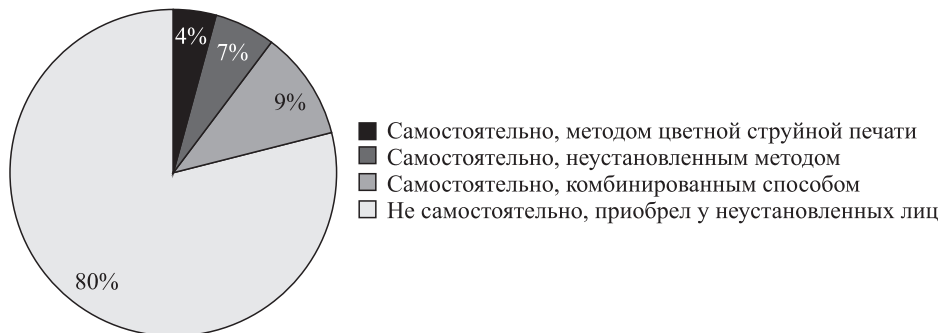

Рис. 1. Типологии способов изготовления в целях сбыта поддельных денег (в процентах, усредненно)

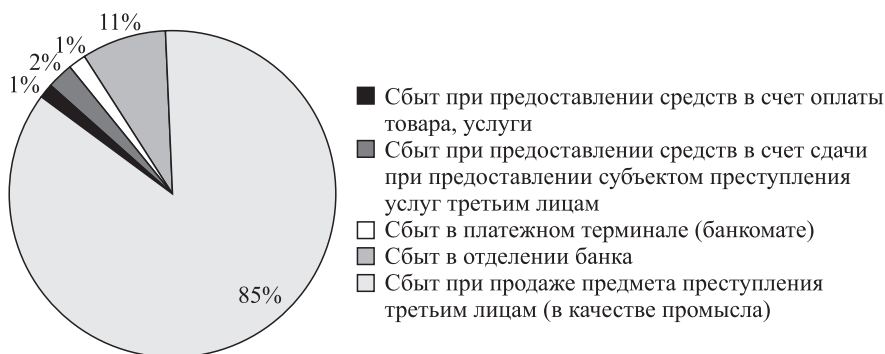

Рис. 2. Типологии способов сбыта поддельных денег или ценных бумаг (в процентах, усредненно)

Список источников

1. Артемов Н.М., Лагутин И.Б. и др. Правовое регулирование денежного обращения (денежное право) М.: НОРМА, 2016. 96 с.
2. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. 312 с.
3. Гейвандов Я.А. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации. М.: Аванта, 2003. 496 с.

4. Горбунова О.Н., Денисов Е.Р. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации // Финансовое право. 2007. N 8. С. 2–5.
5. Калатоци Д.Г. Правовая ответственность в сфере денежного обращения // Финансовое право. 2020. N 11. С. 38–40.
6. Кучеров И.И. Порча денег и фальшивомонетничество: правовая сторона явлений и ответственность // Журнал российского права. 2016. N 1. С. 107–120.
7. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. N 6. С. 69–79.
8. Ляскало А.Н. Деньги и ценные бумаги как предмет подделки (статья 186 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. N 7. С. 68–72.
9. Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д.ю.н. М., 2022. 650 с.
10. Молчанова Т.В. Статистическая оценка преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2020. N 3. С. 36–40.
11. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. N 1. С. 5–22.
12. Нудель С.Л. О проблемах уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Бизнес в законе. 2010. N 1. С. 99–103.
13. Образцова Н.В. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. ... к.ю.н. М., 2005. 203 с.
14. Петрянин А.В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. ... к.ю.н. Н. Новгород, 2003. 221 с.
15. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. N 2. С. 46–67.
16. Пономарева Н.С. Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации фальшивомонетничества // Российский следователь. 2007. N 2. С. 21–24.
17. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право. М.: Проспект, 2020. 776 с.
18. Тюнин В.И. К вопросу об ответственности за использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ) // Уголовное право. N 4. 2019. С. 103–110.
19. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. N 1. 2018. С. 85–102.
20. Шурухнов Н.Г. Следственные действия последующего этапа расследования фальшивомонетничества: практическое значение и тактико-технологические основы // Российский следователь. 2014. N 5. С. 13–17.
21. Яни П.С. Поддельная ценная бумага как предмет фальшивомонетничества // Законность. 2016. N 8. С. 25–29.
22. Яни П.С. Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. N 2. С. 20–24.
23. Ясинов О.Ю. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: фальшивомонетничество: Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2006. 21 с.

References

1. Gejvandov Ya. A. (2003) Social and legal basics of Russian bank system. Moscow: Avanta, 496 p. (in Russ.)
2. Gorbunova O.N., Denisov E.R. (2007) Issues of regulation of money and its turnover in the Russian Federation. *Finansovoe pravo*=Financial Law, no. 8, pp. 2–5 (in Russ.)
3. Kalatozi D.G. (2020) Liability in monetary circulation field. *Finansovoe pravo*=Financial Law, no. 11, pp. 38–40 (in Russ.)
4. Khabrieva T.Y., Chernogor N.N. (2018) The law of digital reality. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 85–102 (in Russ.)
5. Kucherov I.I. (2016) Damage to money and counterfeiting: legal side of phenomena and liability. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 107–120 (in Russ.)
6. Kucherov I.I. (2017) Elements of financial security and its legal support. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 6, pp. 69–79 (in Russ.)
7. Lyaskalo A.N. (2017) Money and securities as a subject of forgery. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 7, pp. 68–72 (in Russ.)
8. Lyaskalo A.N. (2022) Financial crimes in Russian criminal law: modern concept and problems of qualification. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 650 p. (in Russ.)
9. Molchanova T.V. (2020) Evaluation of crimes in the field of economy. *Bezopasnost' biznesa*=Business Security, no. 3, pp. 36–40 (in Russ.)
10. Nudel S.L. (2010) On liability for making, storage, moving or sale of counterfeit. *Biznes v zakone*=Business under Law, no. 1, pp. 99–103 (in Russ.)
11. Nudel S.L. (2023) Modernization of criminal policy: issues of regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 5–22 (in Russ.)
12. Obrazcova N.V. (2005) Liability for making or sale of false money or security bones. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 203 p. (in Russ.)
13. Petryanin A.V. (2003) Liability for making or sale of counterfeit money or securities. Candidate of Juridical Sciences Thesis. N. Novgorod, 221 p. (in Russ.)
14. Ponomareva N.S. (2007) Issues of criminal qualification of counterfeiting. *Rossiyskiy sledovatel*=Russian investigator, no. 2, pp. 21–24 (in Russ.)
15. Povetkina N.A., Ledneva Y.V. (2018) Fintekh and Redtekh: limits of regulation. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 46–67 (in Russ.)
16. Regulation of money turnover (2016) N.M. Artemov (ed.). Moscow: NORMA, 96 p. (in Russ.)
17. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. (2020) Private bank law. Moscow: Prospekt, 776 p. (in Russ.)
18. Shurukhnov N.G. (2014) Subsequent stage of counterfeiting investigation: significance, tactical and technological bases. *Rossiyskiy sledovatel*=Russian Investigator, no. 5, pp. 13–17 (in Russ.)
19. Tyunin V.I. (2019) Liability for using clearly false documents. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 103–110 (in Russ.)
20. Volzhenkin B.V. (1999) The economic crimes. Saint Petersburg: Yuridical Centr Press, 312 p. (in Russ.)

21. Yani P.S. (2016) Counterfeit security as a subject of counterfeiting. *Zakonnost=Legality*, no. 8, pp. 25–29 (in Russ.)
  22. Yani P.S. (2015) The qualification of counterfeit. *Zakonnost=Legality*, no. 2, pp. 20–24 (in Russ.)
  23. Yasinov O.Yu. (2006) Liability for making or sale of counterfeit money or securities bones. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 21 p. (in Russ.)
-

Информация об авторе:

Д.А. Печегин — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author:

D.A. Pechegin — Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 06.03.2024.

The article was submitted to editorial office 25.08.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 06.03.2024.

Научная статья

УДК: 342

JEL: K4

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.235.253

Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти

Александр Юрьевич Ульянов

Южно-Уральский национальный исследовательский университет, Россия
454080, Челябинск, проспект Ленина, 78,

70ru@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3858-2424>

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой эффективности судебной власти и осуществления правосудия в Российской Федерации. Целью исследования является актуализация подходов и выявление критериев оценки деятельности судебной власти, их классификация по уровням организации судебной системы и видам судопроизводства, поиск ключевых задач и направлений повышения эффективности осуществления правосудия в Российской Федерации. Отмечается, что судебная власть занимает особое место в конституционной системе властно-публичных институтов. Несмотря на это обстоятельство, судебная власть как часть единой системы публичной власти в Российской Федерации и правосудие как особый вид государственной деятельности не могут находиться вне системы оценки, что в первую очередь продиктовано общественным запросом на законное, социально ориентированное, доступное и открытое правосудие. На основе системно-структурного, формально-юридического, формально-логического и других методов познания предлагается использование различных подходов к оценке эффективности таких категорий как «судебная власть», «судебная деятельность», «правосудие». Автор приходит к выводу, что с точки зрения конституционно-правовой доктрины оценка эффективности судебной власти не эквивалентна оценке эффективности правосудия. Эффективность судебной власти рассматривается как степень достижения задач по осуществлению законного, доступного, открытого и социально ориентированного правосудия в рамках всех видов судопроизводства в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Эффективность правосудия в узком смысле выражается в статистических показателях работы судебных органов. Однако в широком понимании она ассоциируется с общим вкладом, который вносит вся судебная система в достижение конституционных целей и решение общегосударственных за-

дач. Особое внимание уделено эффективности конституционного правосудия как ключевого фактора развития судебной системы. Внесены предложения, направленные на совершенствование практики исполнения решений Конституционного Суда России, повышение эффективности электронного правосудия, информационной открытости судебной власти.

Ключевые слова

судебная власть; судебная система; правосудие; оценка; электронное правосудие; судопроизводство.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Ульянов А.Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 235–253. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.235.253

Research article

Legal Approaches to Assessing Efficiency of Judiciary

Alexander Yu. Ulyanov

South Ural State National Research University, 78 Lenina Ave., Chelyabinsk 454080, Russia,

70ru@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3858-2424>

Abstract

The article deals with issues related to the evaluation of the effectiveness of the judiciary and the administration of justice in the Russian Federation. The purpose of the study is to update approaches and identify criteria for evaluating the effectiveness of the judiciary, classify them by levels of organization of the judicial system and types of legal proceedings, search for key tasks and directions to improve the effectiveness of the administration of justice in the Russian Federation. It is noted that the judiciary occupies a special place in the constitutional system of public institutions. Despite this circumstance, the judiciary as part of the unified system of public authority in Russia and justice as a special type of state activity cannot be outside the evaluation system, which, first of all, is dictated by the public demand for legitimate, socially oriented, accessible and open justice. On the basis of system-structural, formal-legal, formal-logical and other methods of cognition, it is proposed to use various approaches to assessing the effectiveness of such categories as: “judicial authority”, “judicial activity”, “justice”. The author comes to the conclusion that from the point of view of the constitutional and legal doctrine, the evaluation of the effectiveness of the judiciary is not equivalent to the evaluation of the effectiveness of justice. The latter is considered as the degree of achievement of the tasks of implementing lawful, accessible, open one and socially oriented justice in all types

of legal proceedings, for the purpose of state protection of human and civil rights and freedoms, the interests of society and the state. The effectiveness of justice in a narrow sense is expressed in statistical indicators of the work of judicial bodies. However, in a broad sense, the effectiveness of justice is associated with the overall contribution that the entire judicial system makes to achieve constitutional goals and national tasks. Special attention is paid to the effectiveness of constitutional justice as a key factor in the effective functioning of the judicial system. Recommendations are made aimed at improving the practice of executing decisions of the Constitutional Court, increasing the effectiveness of electronic justice, information openness of the judiciary.

Keywords

judicial authority; judicial system; justice; assessment; electronic justice; judicial proceedings.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Ulyanov A.Yu. (2024) Legal Approaches to Assessing Efficiency of Judiciary. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 235–253 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.235.253

Введение

Судебная власть занимает особое место в конституционной системе властно-публичных институтов. Судам принадлежит ведущая роль в обеспечении законности и прав граждан, формировании свободного и инициативного гражданского общества, поддержании взаимного доверия граждан, общества и государства, уважения к закону¹. Конституция Российской Федерации (далее — Конституция), провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантируя каждому судебную защиту, отводит судебной власти решающую роль в государственной защите прав и свобод.

Суд как самостоятельный и независимый конституционный орган является необходимым условием успешного функционирования публичной власти в правовом государстве. Несмотря на это обстоятельство, судебная власть как разновидность государственной власти, даже с учетом ее самостоятельности и независимости, а также функций правосудия как особого вида государственной деятельности, не свободна от общественного контроля и оценки.

Теория эффективности правосудия в доктрине начала развиваться с середины 1970-х гг. Эффективность правосудия тогда рассматривалась

¹ Постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС Гарант.

как степень достижения целей судопроизводства, установленных в процессуальных кодексах. В рамках данной теории были заложены методологические основы оценки эффективности судебной деятельности [Морщакова Т.Г., 1977]; [Петрухин М.Л., 1979].

С начала 1990-х гг. в России последовательно реализуется судебная реформа — система взаимосвязанных мер, направленных на создание необходимых условий для обеспечения прав граждан на доступную и своевременную судебную защиту. Утверждена и реализуется федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»².

Однако в обществе продолжает существовать запрос на законное, социально ориентированное, доступное и открытое правосудие. Этот запрос по сути может быть реализован только на основе принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей, с применением научно обоснованных подходов и критериев эффективности организации и функционирования судебных органов.

1. Определение вероятных подходов к оценке эффективности судебной власти в Российской Федерации

Согласно ст. 10 Конституции государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Таким образом, судебная власть является одним из самостоятельных видов государственной власти.

Судебная система представляет собой совокупность всех судов государства, связанных между собой правоотношениями и общими задачами по осуществлению правосудия. Суд как орган судебной власти — звено судебной системы, наделенное полномочиями осуществлять правосудие от имени государства. Правосудие как правило рассматривается как особая форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции уголовных, гражданских, административных и арбитражных дел. Правосудие осуществляется судом в порядке, регламентированном процессуальным законодательством. В этом функциональном значении правосудие рассматривается как осуществление судопроизводства.

---

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 — 2024 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

Судебная деятельность — деятельность по осуществлению правосудия и иных полномочий, входящих в компетенцию органов судебной власти. Судебная деятельность несколько шире, чем правосудие, так как она включает в себя организационно-вспомогательную часть — деятельность, осуществляемую судьями, работниками аппаратов судов, судами как органами судебной власти, направленную на повышение эффективности, качества и оптимизацию правосудия [Носков И.Ю., 2015: 87]. При этом критерии организации такой деятельности не могут быть эквивалентны критериям эффективности правосудия. Однако показатели эффективности правосудия одновременно характеризуют эффективность организационного руководства, то есть судебной деятельности [Морщакова Т.Г., 1977: 62].

Таким образом, понятия «эффективность судебной власти» и «эффективность правосудия» далеко не всегда тождественны. Если в узком смысле эффективность правосудия выражается в статистических показателях работы судей, то широкое понимание эффективности правосудия связано с общим вкладом, который вносит судебная система в достижение конституционных целей и общегосударственных задач — защиту прав и свобод граждан, обеспечение законности, поддержание доверия к власти, формирование правового государства, свободного и инициативного гражданского общества и т.д. С функциональной точки зрения эффективность судебной власти равнозначна эффективности осуществления правосудия в широком смысле, однако категория «эффективность судебной власти» значительно шире, так помимо организационно-функционального аспекта, включает социальный, политический, экономический и публично-правовой аспекты.

В советской доктрине было выработано несколько подходов к пониманию критериев эффективности судебной деятельности, основанных на общем понимании эффективности реализации правовых норм. Сторонники более широкого подхода предлагали учитывать необходимость оценки эффективности по двум группам критериев. Одни из критериев должны быть отнесены к целеполаганию и степени достижения целей, а другие — к оценке рациональности использования ресурсов и затраченных средств для достижения поставленных целей, отражая тем самым оптимальность как «правовой баланс» между результативностью и эффективностью [Петрухин И.Л., 1979: 244].

В современной юриспруденции количественная трактовка эффективности традиционно сопровождается качественным анализом, при котором учитывается степень социальной ценности (полезности) результатов. Критериями эффективности служат признаки, с помощью которых можно определять степень достижения заданных параметров

или целей. Следовательно, под критериями эффективности судебной власти можно понимать характеристики и признаки, посредством анализа которых можно определять степень выполнения органами судебной власти процессуальных задач судопроизводства и достижения социально значимых целей, их соответствие потребностям общества и интересам государства [Астафьев А.Ю., 2012: 127].

Рассматривая состояние судопроизводства, С.А. Курочкин выделяет пять базовых элементов эффективности правосудия. Это эффективность: реализации норм процессуального права; обращения в суд; судебного разбирательства; судебного решения; проверочных производств. В разрезе каждого из них могут быть сформированы основные критерии, определяющие достижение целей судебной защиты с минимально необходимыми издержками [Курочкин С.А., 2020: 137–138]. Всего автор выделяет 14 таких критериев. Однако данный подход основан на формально-юридических критериях оценки эффективности судопроизводства.

Более широкий подход предлагает использовать А.Ю. Астафьев, который считает, что «эффективность правосудия раскрывается в четырех аспектах: нормативном (качество законодательства), процессуальном (качество судебных решений, своевременность, открытость правосудия), организационном (материальные, технические и кадровые ресурсы) и коммуникативном (культура взаимодействия судьи с участниками судопроизводства)» [Астафьев А.Ю., 2012: 130].

В обоснование своей позиции автор предлагает использовать не только юридические средства оценки, но и аксиологический, т.е. ценностно-ориентированный подход. По его мнению, процессуальный, коммуникативный и организационный аспекты эффективности судебной деятельности должны подлежать этико-юридической оценке, сконцентрированной на личности судьи. При этом такая оценка не поддается строгой формализации, т.е. не может быть выражена в конкретных цифрах, поскольку основана на субъективном восприятии [Астафьев А.Ю., 2012: 131–132].

В русле обозначенной терминологии можно выделить как минимум шесть категориальных подходов к определению эффективности судебной деятельности. Первый, наиболее узкий подход, связан с оценкой деятельности судьи по делу в рамках разрешения судебного спора. Вторым подходом основан на оценке показателей деятельности судьи за определенный период времени (по данным судебной статистики). Третий подход позволяет оценивать деятельность конкретного судебного органа. Четвертый подход связан с оценкой эффективности звена судебной системы (мировой юстиции, районного звена и т.д.). Пятый из подходов предполагает оценку деятельности судебных инстанций — первой, апелляционной, кассационной, надзорной. Наконец, самый широкий подход

направлен на оценку эффективности судебной системы в целом с точки зрения оптимальности судоустройства и других возможных критериев. Кроме того, на основе обозначенных подходов можно рассматривать и оценивать эффективность правосудия в рамках отдельного вида судопроизводства (конституционного, уголовного гражданского, арбитражного, административного — табл. 1).

Таблица 1 Декомпозиция оценки эффективности судебной власти по уровням судебной системы и видам судопроизводства

По уровню судебной системы	По видам судопроизводства
Оценка эффективности судебной системы в целом	Оценка эффективности конституционного судопроизводства (конституционного судебного контроля)
Оценка эффективности судебных инстанций	Оценка эффективности уголовного судопроизводства
Оценка эффективности звена судебной системы	Оценка эффективности гражданского судопроизводства
Оценка эффективности деятельности судебного органа	Оценка эффективности административного судопроизводства
Оценка эффективности деятельности судьи за определенный период	Оценка эффективности арбитражного судопроизводства
Оценка эффективности деятельности судьи по конкретному делу	

Выделенные категориальные подходы к оценке правосудия как судебной деятельности в широком понимании представляют собой компоненты оценки судебной власти, из которых в итоге и складывается обобщенное мнение об эффективности механизма данной власти.

При этом понятия «эффективность судебной власти» и «эффективность правосудия» не могут рассматриваться как тождественные. По существу эти две категории — явления разного порядка. Судебная власть рассматривается как институциональная категория и представляет собой важнейший институт публичной власти в государстве, а категория «правосудие» в большей степени отражает нормативно-процессуальный аспект деятельности судебных органов. Поэтому критерии эффективности судебной власти не могут быть абсолютно тождественны критериям эффективности правосудия, поскольку понятие «эффективность судебной власти» охватывает не только нормативный и процессуальный аспекты, но и также включает в себя: институциональный, организационный, функциональный, социальный, экономический и другие аспекты (табл. 2).

Таблица 2. Категориальные подходы к оценке эффективности судебной власти, судебной деятельности и правосудия

Категории эффективности	Критерии эффективности
Эффективность судебной власти (судебной системы)	Институциональные, политико-правовые, организационные, функциональные, нормативные, процессуальные, социальные, экономические
Эффективность судебной деятельности	Организационные, функциональные, нормативные, процессуальные, социальные, экономические
Эффективность правосудия (судопроизводства)	Нормативные, процессуальные, коммуникативные, морально-этические

Таким образом, эффективность судебной власти рассматривается как степень осуществления законного, доступного, открытого и социально ориентированного правосудия в рамках всех видов судопроизводства в целях государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Важным показателем эффективности судебной власти является возможность судебных органов юрисдикционно влиять на управленческие и иные решения исполнительных и законодательных органов, а при необходимости также корректировать их с помощью права.

2. Эффективность конституционного правосудия как ключевой фактор устойчивого развития судебной системы

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС) — высший судебный орган конституционного контроля, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства. Согласно Конституции (ст. 125) и Федеральному конституционному закону от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон о КС), КС не возглавляет судебную систему и не является высшей судебной инстанцией по отношению к другим судам, что, однако, не мешает ему занимать ведущее положение в обеспечении эффективности судебной власти и правосудия. Отличительной особенностью конституционного правосудия является возможность влиять не только на решения законодательной и исполнительной властей, но и создавать конституционно-правовую материю для процессуальной деятельности всех элементов судебной системы, корректировать складывающуюся судебную практику.

КС вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения. Однако, в отличие от Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС), данное право на практике не использовалось³. Во многом это связано с тем, что фактическая реализация «законодательных инициатив» происходит посредством использования других полномочий этого высшего органа судебного контроля, прежде всего связанных с осуществлением абстрактного нормоконтроля за соблюдением конституционной законности.

Решения КС подлежат неукоснительному исполнению всеми правоприменительными органами, прежде всего судами. Установленные законом положения о юридической силе решений актов конституционного правосудия налагают на суды всех уровней и инстанций обязанность безусловно выполнять все содержащиеся в них предписания, в том числе относительно пересмотра дел заявителей, временного регулирования, особого порядка исполнения, применения компенсаторных механизмов, а также учета всех выраженных правовых позиций.

Достижению надлежащего исполнения судебными органами актов конституционного контроля способствовало принятие Федерального закона от 30.12.2021 № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», конкретизирующего требования ст. 79 Закона о КС применительно к действию процессуального законодательства. Принятым законом внесены корреспондирующие изменения в положения ряда процессуальных кодексов в части дополнения перечня оснований для пересмотра состоявшихся судебных решений.

Вместе с тем проблемы с исполнением решений КС остаются. В немалой степени от этого зависят качество российского законодательства, эффективность действия правовых норм, а также то, насколько последовательно и полно будут воплощаться в жизнь конституционные принципы. Следует заметить, что еще в 2001 г. профессор М.А. Митюков выражал мнение о необходимости внесения в Закон о КС дополнительной главы «Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации» [Митюков М.А., 2001: 12–14]. В настоящее время ряд исследователей обосновывает необходимость принятия отдельного закона «О порядке исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации» [Колесников Е.В., 2017: 55–58].

В ходе изучения вопросов конституционного судопроизводства Ж.В. Нечаева выделила два вида (типа) механизма исполнения решений высшего органа конституционного контроля: непосредственный, в

³ См.: Информация по субъектам законодательной инициативы. Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/spzigid> (дата обращения: 15.03.2023)

основе которого, в первую очередь, лежит «самоценность» решений КС и его активное участие в процессе их реализации; опосредованный механизм исполнения, включающий деятельность иных государственных органов, действующих согласно их компетенции [Нечаева Ж.В., 2007: 187–194]. Вероятно, эффективность реализации актов конституционного правосудия требуется повышать прежде всего совершенствованием института конституционно-правовой ответственности за их неисполнение, ненадлежащее или несвоевременное их исполнение.

Анализ практики показывает, что разработка законопроектов, направленных на исполнение решений КС, в большей части обеспечивается Правительством России. Иные субъекты законодательной инициативы реже реализуют свое право разработки и внесения соответствующих законопроектов. В частности, в 2021 г. парламентарии внесли всего два законопроекта, направленных на исполнение решений высшего судебного органа конституционного контроля⁴. Дальнейшее совершенствование практики и процедур реализации актов конституционного правосудия требует активного вовлечения в этот процесс как самих законодателей (депутатов Государственной Думы и сенаторов), так и других субъектов законотворческой инициативы, в том числе КС.

Наряду с этим до настоящего времени не решена проблема обеспечения разработки и принятия нормативных актов во исполнение решений КС в случаях, когда ранее разработанный законопроект был по каким-либо причинам отклонен Государственной Думой. Очевидно, решение этой проблемы требует тщательного изучения и соответствующего нормативного закрепления порядка и сроков подготовки и предложения новых законопроектов⁵.

Сегодня можно утверждать, что именно исполнение решений КС является одним из основных критериев эффективности конституционного правосудия. Поэтому требуется принимать дополнительные меры, направленные на повышение эффективности конституционно-

---

⁴ См.: Законопроект № 41739-8 «О внесении изменений в статью 242 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (внесен депутатами Государственной Думы), направлен на реализацию постановления от 08.07.2021 № 33-П; законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (внесен сенатором и депутатом Государственной Думы), комплексно направленный на совершенствование организации местного самоуправления и на реализацию постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 23-П и от 23.11.2021 № 50-П.

⁵ См.: Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году. Available at: URL: <https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202021.pdf> (дата обращения: 15.03.2023)

го судопроизводства на основе использования цифровых технологий. В числе таких мер может быть создание единого информационно-аналитического портала мониторинга исполнения актов конституционного правосудия, что позволит систематизировать информацию по всем неисполненным решениям и отслеживать ход их исполнения в режиме реального времени.

3. Ключевые задачи и способы повышения эффективности судебной власти в Российской Федерации

По итогам X Всероссийского съезда судей 2022 г. ключевыми условиями качества судебной деятельности названы укрепление самостоятельности судебной власти, совершенствование судопроизводства и судопроизводства, обеспечение независимости судей. Характерно, что постановлении съезда от 1.12.2022 содержит раздел «О путях повышения качества, оперативности и эффективности правосудия, доверия гражданского общества к суду», где наряду с понятием «эффективность правосудия» широко используется понятие «качество правосудия». Говоря о соотношении этих двух понятий, необходимо отметить, что категория «эффективность» отражает как качественные, так и количественные характеристики, а «качество» есть существенный признак эффективности, который наполняет данную категорию позитивным содержанием.

По данным Европейской комиссии эффективности правосудия, российская система правосудия признана наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 западных стран. В России гражданские дела рассматриваются почти в пять раз быстрее, чем в среднем по Европе, а административные — почти в 25 раз. Средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров в российских судах составляет 50 дней. Между тем в Германии этот срок составляет 220 дней, во Франции — 420 дней, в Италии — 527 дней⁶. Однако решение дел в установленные законом сроки обеспечивается в основном за счет повышения интенсивности работы судей. В связи с этим по инициативе ВС разработаны научно обоснованные нормы нагрузки судей и работников аппаратов судов⁷.

Тем не менее очевидным препятствием на пути быстрого и эффективного правосудия остается несовершенство процессуального зако-

⁶ См.: Судебная система России признана наиболее эффективной в Европе // Российская газета. 2020. 5 ноября.

⁷ См.: Постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС Гарант.

нодательства; особенно это касается сферы производства по делам об административных правонарушениях. Иначе невозможно объяснить наличие в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях нормы о том, что жалоба на постановление по делу об административном правонарушении подлежит рассмотрению судом в двухмесячный срок со дня ее поступления со всеми материалами дела (ч. 1.1 ст. 30.5). Мало того, что эта процессуальная норма не согласуется с положениями части 1 той же статьи, которая предусматривает рассмотрение жалобы внесудебными органами и должностными лицами в 10-дневный срок. Она никак не способствует скорейшему исполнению судебных запросов, поскольку ставит срок рассмотрения жалобы в зависимость от поступления всех материалов дела в суд.

Важную роль в повышении эффективности деятельности судов играет внедрение и развитие элементов электронного правосудия. Оно предполагает регулирование судами правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видеоконференцсвязи [Тищенко А.В., 2018: 66]. Основные элементы электронного правосудия были впервые реализованы в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, Кодексе административного судопроизводства и успешно зарекомендовали себя на практике.

С 2006 г. в России функционирует государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее — ГАС «Правосудие»), созданная в целях повышения эффективности деятельности судов, реализации прав граждан на судебную-правовую информацию. В ходе выполнения федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» ГАС «Правосудие» подверглась модернизации. В частности, была внедрена система юридически значимого электронного документооборота. С 2015 г. появилась возможность ведения онлайн-трансляций судебных заседаний, что стало особенно актуально в период ограничений, связанных с пандемией коронавируса. С 2016 г. ГАС «Правосудие» интегрирована с Единой системой межведомственного электронного взаимодействия. С 2017 г. функционирует сервис подачи документов в федеральные суды общей юрисдикции в электронной форме [Брянцева О.В., 2019: 99].

Максимального использования цифровых возможностей электронного правосудия требует и обеспечение цифровой экономики. Дальнейшее развитие системы электронного правосудия в рамках национальной программы «Цифровая экономика» предполагает автоматическое определение подведомственности и подсудности дел, автоматический расчет размера государственной пошлины на основе информации, ука-

занной в исковом заявлении, а также получение всех процессуальных документов в электронной форме. Применение цифровых технологий позволит повысить скорость документооборота и обмена информацией о судебных делах, обеспечив тем самым реализацию такого значимого стандарта судебной деятельности, как оперативность и транспарентность правосудия.

Несмотря на позитивные изменения в области цифровой трансформации судебной системы, цифровизация правосудия активно затронула только систему государственных арбитражных судов⁸ и федеральных судов общей юрисдикции. Мировыми судьями, где в настоящее время рассматривается значительная часть гражданских и уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях, современные информационные технологии не применяются или применяются не в полном объеме. К существенным недостаткам низового звена судебной системы можно отнести отсутствие в большинстве российских регионов технических средств для использования юридически значимого электронного документооборота. В первую очередь речь идет о возможностях подачи процессуальных документов в электронной форме, направления и получения судебных решений, извещений и других документов с помощью единой системы идентификации и аутентификации пользователей на портале «Госуслуги»⁹.

К основным направлениям повышения эффективности российской системы «электронного правосудия» относятся: создание процессуальных основ возможностей дистанционного (удаленного) участия граждан в рассмотрении гражданских и административных дел без посещения судов (урегулирование споров онлайн); создание возможностей подачи в электронной форме процессуальных документов по делам об административных правонарушениях; сокращение сроков рассмотрения судами жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях до одного месяца; направление судебных документов, повесток, извещений в электронном виде на портале госуслуг без дублирования на бумажном носителе; интеграция ГАС «Правосудия» с информационными системами Федеральной службы судебных приставов.

Значительным потенциалом в области повышения эффективности деятельности судебных органов и улучшения качества судопроизводства

---

⁸ В системе арбитражных судов с 2010 г. в сегменте «Электронное правосудие» работает сервис «Картотека арбитражных дел» (<https://kad.arbitr.ru>), включающий данные о реквизитах всех судебных дел и документов, а также тексты судебных актов.

⁹ В 2021 г. в Белгородской области запущен пилотный проект, в рамках которого ведется разработка сервиса «Правосудие онлайн», с помощью которого можно будет подавать документы в суд с использованием портала «Госуслуги».

обладают органы судейского сообщества (квалификационные коллегии судей, экзаменационные комиссии, советы судей и пр.)¹⁰, в компетенцию которых входит широкий круг полномочий, связанных с оценкой деятельности судей. Так, квалификационные коллегии судей осуществляют комплекс полномочий по конкурсному отбору кандидатов на должность судьи, дают рекомендации на замещение вакантных судейских должностей, присвоение квалификационных классов судей, рассматривают вопросы, связанные с дисциплинарной ответственностью и соблюдением Кодекса судейской этики и т.д.

В 2012 г. в Закон от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» введено понятие «квалификационная аттестация судьи», под которым понимается оценка уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия, результатов судебной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи и соответствия его требованиям, предъявляемым, предъявленным Законом о статусе судей и Кодексом судейской этики. При этом, как заметил М.А. Клеандров, сам институт квалификационной оценки не является новым изобретением. Например, в Казахстане действует Судебное жюри, созданное для определения профессиональной пригодности действующего судьи, имеющего низкие показатели по отправлению правосудия или допустившего систематические нарушения законности при рассмотрении судебных дел [Клеандров М.А., 2015: 7].

Таким образом, потенциал органов российского судейского сообщества по повышению эффективности системы правосудия далеко не исчерпан. В связи с этим предлагается укрепить их роль в вопросах оценки профессиональной квалификации судей [Момотов В.В., 2018: 145–146]. В частности, закон связывает возможность досрочного прекращения полномочий судьи в случае грубых и систематических нарушений при осуществлении правосудия, которые повлекли искажение основополагающих принципов судопроизводства и установлены вступившим в законную силу судебным постановлением, только по жалобе или обращению участника процесса¹¹.

В качестве дополнительных мер ответственности судьи, ранее подвергнутого дисциплинарному взысканию за нарушения процессуального характера, могут рассматриваться: понижение в квалификационном классе и (или) повторная сдача квалификационного экзамена.

---

¹⁰ См.: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

¹¹ См.: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (часть 5 статьи 12.1) // СПС Гарант.

Поскольку подобные нарушения свидетельствуют о снижении профессиональной квалификации судьи, в качестве дополнительного основания досрочного прекращения полномочий может быть предусмотрена неудовлетворительная оценка при повторной сдаче квалификационного экзамена, при подтверждении обстоятельств жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи.

Не менее актуален вопрос об информационной открытости судебной системы. Анализ информации, размещаемой на сайтах квалификационных коллегий судей субъектов федерации, свидетельствует о том, что имеется значительное пространство для совершенствования этой части деятельности органов судейского сообщества. Так, на сайте квалификационной коллегии судей Томской области информация о привлечении к дисциплинарной ответственности судей размещена только за 2012, 2013 и 2017 гг., а решения по жалобам и ходатайствам на действия судей и вопросам, связанным с гарантиями неприкосновенности судей, в общем доступе отсутствуют. Не заполнены и некоторые другие разделы сайта (анализ практики, порядок подачи документов и др.)¹². На сайте квалификационной коллегии судей Новосибирской области также отсутствует информация о решениях, связанных с гарантиями неприкосновенности, решениям о приостановлении, возобновлении и прекращении полномочий судей, информация о рассмотренных жалобах и ходатайствах¹³. В итоге правосудие отдаляется от общества, понижается доверие к нему, судьи становятся закрытыми для общественного контроля. Отрицательное влияние на открытость и эффективность судопроизводства, по мнению ученых, могут оказать изменения, внесенные в Закон о КС в 2020 г., предусматривающие недопустимость обнародования особых мнений судей КС и запрет публично высказывать мнение о вопросе, который может стать предметом рассмотрения либо изучается или принят к рассмотрению КС, до принятия решения по этому вопросу, а также критиковать в какой бы то ни было форме решения КС (ч. 4 ст. 11, ст. 76) [Михайлов В.К., 2022: 146–147].

Повышению эффективности судебной власти способствует закрепление прав граждан на участие в отправлении правосудия и на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции), которые реализуются через функцию общественного контроля над правосудием, обеспечивающую демократизм, открытость и независимость судебной власти. В частности, В.М. Лебедев определял участие общественности в

¹² Available at: URL: <http://tom.vkks.ru> (дата обращения: 15.03.2023)

¹³ Available at: URL: <http://nvs.vkks.ru> (дата обращения: 15.03.2023)

отправлении правосудия как форму «реализации суверенитета народа в осуществлении важнейшего вида государственной власти» [Лебедев В.М., 2001: 174]. При этом формы такого участия не должны ограничиваться институтами присяжных и арбитражных заседателей. Одно время практиковалась общественная оценка эффективности деятельности органов судебной власти в рамках опросов населения в российских регионах¹⁴. Целью опросов было выявление отношения населения к деятельности органов государственной власти, в том числе судебных органов. Но методика данных опросов была противоречивой, их результаты не доводились до сведения общественности, а служили инструментом политической оценки эффективности региональных органов исполнительной власти.

Степень удовлетворенности граждан деятельностью судов общей юрисдикции может оцениваться на любой стадии непосредственного взаимодействия граждан с судом, в том числе в электронной форме. Деятели бизнес-сообщества могут участвовать в оценке работы арбитражных судов. С помощью независимых экспертов, включенных в состав образованных при судах научно-консультативных советов, можно выявить сильные и слабые стороны в работе отдельных судов или звеньев судебной системы. Общественному контролю способствует открытость судебных заседаний, а также возможность участия в судебном производстве общественного защитника в уголовном процессе (ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса России).

При ВС, областных, краевых судах при участии академического сообщества формируются научно-консультативные советы, которые осуществляют научно-методическое сопровождение судебной деятельности, обсуждают проблемы судебной практики, участвуют в разработке обобщений, проектов заключений и научно обоснованных рекомендаций, содействуют повышению профессионального уровня и квалификации судебных работников.

В доктрине обсуждается вопрос, связанный с влиянием общественного мнения на отправление правосудия: можно ли характеризовать участие граждан и институтов гражданского общества в принятии судебных решений как проявление принципов народовластия и одновременно выражение социальной справедливости? [Бердникова Е.В., 2012: 97–101]. Рассмотрение возможных подходов к оценке эффективности судебной деятельности закономерно обуславливает постановку про-

---

¹⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 14.11.2018 № 1373 «О методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 48. Ст. 7415. Документ утратил силу.

блемы пределов участия общественности в такой оценке. Формы такого участия до сих пор законодательно не определены.

Несомненно, важным вопросом является обеспечение принципов правосудия, в том числе независимости и беспристрастности судей при вынесении ими решений. Однозначного ответа на данный вопрос нет, тем более когда речь идет о явных нарушениях закона, связанных с вынесением неправосудных судебных решений. Этот значимый с точки зрения баланса публичных и частных интересов аспект требует отдельного исследования в целях выработки оптимальных форм участия общественности в оценке эффективности органов судебной власти.

Заключение

Анализ проблем судебной власти и качества отправления правосудия в России позволяет выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, неоспоримо, что деятельность органов судебной власти как особого института публичной власти не может находиться вне системы оценивания. Во-вторых, юридический механизм оценки судебных органов должен руководствоваться конституционными принципами самостоятельности судебной власти, независимости и неприкосновенности судей, недопустимости вмешательства в судебную деятельность. В-третьих, нельзя смешивать многоаспектный характер оценки эффективности судебной власти как базовой категории и отдельные аспекты оценки судебной деятельности, качества правосудия. В-четвертых, необходимо принимать во внимание возможную декомпозицию оценки судебной власти по уровням организации судебной системы и видам судопроизводства.

К приоритетным задачам повышения эффективности судебной власти и осуществления правосудия относятся: развитие электронного правосудия в регионах на основе современных цифровых технологий; создание единого информационно-аналитического портала мониторинга исполнения актов конституционного правосудия; повышение информационной открытости деятельности судов и органов судейского сообщества; введение процедуры сдачи повторного квалификационного экзамена в качестве дополнительной меры ответственности судей; расширение возможностей участия граждан в отправлении правосудия.

Список источников

1. Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 123–133.

2. Бердникова Е.В. Формы общественного контроля в судебной системе Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. № 1. С. 97–101.
3. Брянцева О.В. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 97–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.097-104.
4. Клеандров М.И. О несовершенстве механизма квалификационной аттестации судей // Российское правосудие. 2015. № 6. С. 5–12. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.6.5.
5. Колесников Е.В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 55–58.
6. Курочкин С.А. Критерии и показатели эффективности гражданского судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 137–138.
7. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. 382 с.
8. Митюков М.А. Исполнение актов Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 12–14.
9. Михайлов В.К. Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 138–151. DOI: 10.12737/jrl.2022.022.
10. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 145–146.
11. Морщакова Т.Г. Критерии эффективности организации и деятельности судебной системы / Организация судебной деятельности. М.: Юрид. лит., 1977. С. 61–105.
12. Нечаева Ж.В. Об эффективности исполнения решений Конституционного Суда РФ // Философия образования. 2007. № 2. С. 187–194.
13. Носков И.Ю. Судебная деятельность и правосудие: понятие, соотношение // Современное право. 2013. № 11. С. 84–90.
14. Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
15. Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 65–69.

References

1. Astafyev A.Yu. (2012) Efficiency of judicial activity: concepts and criteria of evaluation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*=Bulletin of Voronezh State University, no. 1, p. 130 (in Russ.)
2. Berdnikova E.V. (2012) Forms of public control in judicial system of the Russian Federation. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*=Bulletin of Saratov University, no. 1, pp. 97–101 (in Russ.)
3. Bryantseva O.V. (2019) Electronic justice in Russia. *Vestnik Universiteta Kutafina*=Bulletin of Kutafin University, no. 12, pp. 97–104 (in Russ.). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.097-104>.

4. Kleandrov M.I. (2015) On imperfection of judge qualification machine. *Rossiiskoe pravosudie*=Russian Justice, no. 6, pp. 5–12 (in Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2015.6.5>
5. Kolesnikov E.V., Saibulaeva S.A. (2017) Fulfilling the Constitutional Court decisions. *Rossiiskaia justitsia*=Russian Justice, no. 1, pp. 55–58 (in Russ.)
6. Kurochkin S.A. (2020) Criteria and indicators of efficiency of civil proceedings. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 13, no. 4, pp. 137–138 (in Russ.)
7. Lebedev V.M. (2001) Judicial authority in modern Russia. Saint Petersburg: Lan' Press, p. 174 (in Russ.)
8. Mityukov M.A. (2001) Fulfilling the Russian Constitutional Court and regional constitutional (statutory) courts decisions. *Rossiyskaia justitsia*=The Russian Justice, no. 6, pp. 12–14 (in Russ.)
9. Mikhailov V.K. (2022) Openness and transparency of the court as a guarantee of the independence of justice. *Zhurnal rossiiskogo prava*=Journal of Russian Law, vol. 26, no. 2, pp. 138–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.022>
10. Momotov V.V. (2018) Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: concept, goals, content. *Zhurnal rossiiskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 10, pp. 145–146 (in Russ.)
11. Morshakova T.G. (1977) Criteria for the efficiency of organization and activity of the judicial system. In: Organization of judicial activity. Moscow: Juridicheskaya literatura, p. 62 (in Russ.)
12. Nechaeva Zh. V. (2007) Efficiency of executing decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Filosofia obrazovaniia*=Philosophy of Education, no. 2, pp. 187–194 (in Russ.)
13. Noskov I. Yu. (2013) Judicial activity and justice: concept, correlation. *Sovremennoe pravo*=Modern Law, no. 11, pp. 84–90 (in Russ.)
14. Petrukhin I.L. (1979) *Theoretical foundations of the justice efficiency*. Moscow: Nauka, p. 244 (in Russ.)
15. Tishchenko A.V. (2018) Electronic justice: judicial reform by 2020. *Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika*=Law and Order: history, theory, practice, no. 4, pp. 65–69 (in Russ.)

Информация об авторе:

А.Ю. Ульянов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A.Yu. Ulyanov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted to editorial office 13.07.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 15.03.2024 .

Научная статья

УДК: 347.736

JEL: K35, G33.

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.254.277

Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта

Елена Евгеньевна Якушева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20,
eeyakusheva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2901-0037>

Аннотация

В статье рассмотрена проблематика использования цифрового рубля в качестве национальной цифровой валюты. Автор отмечает актуальную тенденцию многих стран по внедрению цифровых валют центральных банков, начало которой в некоторых государствах было положено в 2020 г. Цифровой рубль, эмитируемый и контролируемый Центральным банком России, позволит облегчить доступ населения и бизнеса к цифровым инструментам, повысит привлекательность трансграничных платежей. Мировой опыт введения цифровых валют в правовые и финансовые системы центральных банков показал, что таковые уже применяются или находятся на финальных этапах внедрения в Китае, Сингапуре, Республике Корея и ряде других государств. Анализ нормативной базы цифровых валют центральных банков указанных стран продемонстрировал целостность законодательного регулирования правового статуса новых цифровых активов. В статье выявляются проблемы правового регулирования цифрового рубля в России, связанные с отсутствием комплексного законодательного закрепления института и основных принципов функционирования цифрового рубля. В настоящее время регулирование данной финансовой единицы находится в основном в сфере актов Центрального банка. Кроме того, имеется невысокое качество смежной

© Якушева Е.Е., 2024

правовой базы, допускающее коллизии, в частности, одновременные разрешение и запрет использования цифровых валют в качестве платежного средства и встречного предоставления в Российской Федерации. В связи с этим на основе обобщения опыта иностранных государств в статье рассмотрены приоритетные направления совершенствования законодательства, выражающиеся в принятии закона «О цифровом рубле Российской Федерации», во внесении изменений в закон «О цифровых финансовых активах», а также в корректировках подходов ко внедрению цифрового рубля в финансовую систему России. Это позволит обеспечить полноценное функционирование цифрового рубля и снизить риски участников финансового рынка. Исследование базируется на сравнительно-правовом и формально-юридическом методах, а также на общенаучных методах анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Ключевые слова

цифровой рубль; цифровые права; цифровые валюты; цифровые финансовые активы; виртуальная экономика; эквайринг.

Для цитирования: Якушева Е.Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 254–277. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.254.277

Law in the Modern World

Research article

Digital Ruble as a National Digital Currency: Issues and Prospects of Development in Context of World Experience

Elena E. Yakusheva

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia,

eeyakusheva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2901-0037>

Abstract

The article examines aspects of using digital ruble as a national digital currency. The author notes the current trend in many countries to introduce digital currencies of Central banks, which began in some countries in 2020. The digital ruble, issued and controlled by the Central Bank of Russia, will facilitate access to digital tools for the population and business, increase the efficiency and attractiveness of cross-border payments to friendly countries. The global experience of introducing digital currencies of central banks into legal and financial systems has shown that they have already been implemented or are

in the final stages of implementation in China, Singapore, the Republic of Korea and a number of other countries. An analysis of the regulatory framework for digital currencies of the central banks of these countries has demonstrated the existence of a holistic legislative regulation of the legal status of new digital assets. At the same time, the study revealed the aspects of legal regulating digital ruble in Russia, associated with the lack of comprehensive legislative consolidation of the institution and the basic principles of functioning of the digital ruble. Currently, the regulation of this financial unit is mainly in the sphere of acts of the Central Bank of the Russian Federation. In addition, there is a low quality of the related legal framework that allows for conflicts, in particular, the simultaneous authorization and prohibition of the use of digital currencies as a means of payment and counter-provision in Russia. In this regard, based on the generalization of the experience of foreign countries, directions for improving the current legislation are given expressed in the Law On the Digital Ruble of the Russian Federation, amendments to the Law On Digital Financial Assets, as well as adjustments to the approaches to the introduction of the digital ruble in the financial system of the Russian Federation. It will be able to maintain the functioning the digital ruble and reduce risks for financial market participants.

Keywords

digital ruble; digital rights; digital currencies; digital financial assets; virtual economy; acquiring.

For citation: Yakusheva E.E. (2024) Digital Ruble as National Digital Currency: Issues and Prospects of Development in Context of Global Experience. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 254–277 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.254.277

Введение

Появление цифровых валют привлекло внимание правительств, финансовых учреждений и частных лиц по всему миру. Наблюдается растущий интерес к обращению национальных цифровых валют (далее — НЦВ)¹, поскольку технологические достижения сделали возможным развитие цифровых валют в рамках государственного финансового сектора. Этому предшествовал рост капитализации таких криптовалют, как биткоин и эфириум, что бросило вызов традиционной концепции денег. Разработка проектов НЦВ направлена, в первую очередь, на предоставление государственному финансовому аппарату возможности использования всех преимуществ, присущих цифровым валютам, при

---

¹ В Докладе ЦБ РФ цифровой рубль обозначен как «цифровая валюта центрального банка» или как «российская национальная валюта» (с. 5) («цифровой рубль будет представлять собой цифровую форму национальной валюты», «цифровой рубль будет являться цифровой валютой российского центрального банка (далее — ЦВЦБ)»), в связи с чем в настоящей работе используется понятие национальной цифровой валюты как составляющей части единой системы денежного обращения. Available at: URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 12.07.2024)

одновременном поддержании стабильности и безопасности национальных финансовых систем [Ваганова О.В., 2021: 509].

Россия не так давно присоединилась к странам, изучающим возможность создания национальной цифровой валюты, однако в мировой практике разработка теоретических основ использования цифровой валюты ведется уже много лет. Нобелевские лауреаты Дж. Тобин и М. Фридман отмечали ограничения традиционных бумажных денег и отличительные особенности цифровых валют по сравнению с привычными формами государственных денег. Дж. Тобин утверждал, что традиционные деньги уязвимы к колебаниям стоимости товаров и услуг и подвержены нестабильности обменного курса. М. Фридман подчеркивал, что цифровые валюты могут обеспечить лучший контроль над денежной массой и способствовать эффективности транзакций [Шумилова В. В., 2022: 159].

1. Мировой опыт внедрения НЦВ

Проектом российской национальной цифровой валюты является цифровой рубль, который впервые обсуждался Центральным банком Российской Федерации (далее — ЦБ РФ; ЦБ) в 2020 году. Внедрение цифрового рубля будет направлено на совершенствование платежной системы, повышение ее безопасности, сокращение наличных денег в обращении, борьбу с коррупцией, растратами и уклонением от уплаты налогов, а также на продвижение инноваций в цифровой экономике. Развитие цифрового рубля согласуется с растущим интересом к НЦВ в мире.

Анализ мировой практики в данном вопросе позволяет сделать выводы, что внедрение цифрового рубля может создать ряд преимуществ бизнесу и потребителям России. Применительно к бизнесу цифровой рубль может снизить транзакционные издержки, повысить финансовую прозрачность и упростить трансграничные операции. По опубликованным тарифам на услуги Оператора платформы цифрового рубля (ЦБ РФ) с 1.01.2025 наиболее высокая комиссия за перевод цифровых рублей будет уплачиваться юридическими лицами при получении средств от физических лиц — 0,3% от суммы перевода, но не более 1 500,00 руб. за один перевод². Такие тарифы выгодны предпринимателям, так как они

---

² Решение Совета директоров Банка России от 03.08.2023 «О тарифах на услуги оператора платформы цифрового рубля (Оператор) для пользователей платформы цифрового рубля (Платформа), размерах вознаграждений, выплачиваемых Оператором участникам Платформы, максимальных значениях размера платы, взимаемой участниками Платформы с пользователей Платформы». Available at: URL: https://cbr.ru/fintech/dr/doc_dr/tarif/dr_t-1/ (дата обращения: 12.07.2024)

существенно ниже текущих комиссий за эквайринг; однако обратной стороной медали может являться снижение банками размеров потребительского кэшбека, так как кэшбек выплачивается в том числе из сумм, полученных в качестве платы за эквайринг [Минаков А.В., 2021: 8].

Потребителям цифровой рубль мог бы стать удобной и безопасной альтернативой традиционным средствам платежей и переводов, снизить риск мошенничества и кражи личных данных и упростить доступ к финансовым услугам. Однако следует также тщательно рассмотреть вероятные риски и проблемы, связанные с внедрением цифрового рубля — воздействие на банковскую систему и необходимость корректировок нормативной базы для безопасности и стабильности цифровой валюты.

Следует согласиться с А.В. Турбановым, отмечающим преимущества цифрового рубля: повышение доступности безналичных платежей; уменьшение стоимости, ускорение и упрощение транзакций; гарантируемая сохранность средств; упрощение проведения государственных платежей; возможность совершения расчетов в онлайн- и офлайн-режимах независимо от операционного дня Банка России и кредитных организаций; повышение конкуренции на финансовом рынке; возможность интеграции с другими цифровыми платформами [Турбанов А.В., 2024 : 40–42].

Проект цифрового рубля не является уникальной идеей, поскольку многие страны уже разрабатывают собственные цифровые валюты центрального банка (далее — ЦВЦБ³) для различных целей. Развитие ЦВЦБ является глобальной тенденцией, отражающей необходимость модернизации финансовой системы и растущую роль технологий в экономике. Характеристики этих проектов варьируются в зависимости от целей, уровня социально-экономического развития, финансовых и правовых систем, а также технологического уровня участвующих стран [Чапаев Н.М., 2022: 546].

Например, развивающиеся страны, как правило, уделяют приоритетное внимание финансовой доступности с целью оказания цифровых финансовых услуг лицам и группам, не имеющим доступа к традиционным банковским услугам. Развитые страны, с другой стороны, уделяют приоритетное внимание повышению качества трансграничных платежей, которые в нынешних условиях могут быть связаны с множеством финансовых издержек и отнимать много времени. Развитие ЦВЦБ также отражает растущую конкуренцию стран за сохранение финансового суверенитета и конкурентоспособности в глобальной экономике. В этом

---

³ Здесь и далее ЦВЦБ понимается как модель национальной цифровой валюты (НЦВ), эмиссия которой осуществляется центральным банком. Устойчивость функционирования ЦВЦБ обеспечивается государством в лице центрального банка.

контексте внедрение цифрового рубля могло бы позиционировать Россию как регионального лидера в развитии ЦВЦБ и сопутствующих ей технических, финансовых и юридических инструментов, способствовать модернизации финансовой системы страны.

Рассмотрение проекта цифрового рубля также отражает изменение отношения Центрального банка к денежным обязательствам эмитента в электронном виде, в распоряжении пользователя (электронные деньги или электронная валюта в понимании ЕС), в частности, криптовалютам, которые ранее рассматривались как угроза финансовой стабильности и национальной безопасности. ЦБ в последнее время стал более позитивно относиться к криптовалютам, о чем свидетельствует Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 259-ФЗ)⁴. Закон не только создает правовую основу регулирования цифровых финансовых активов; его принятием законодатель признает потенциал последних в содействии развитию финансовой системы. В то же время по ст. 1 данного Закона цифровыми финансовыми активами признаются только активы, выпущенные в порядке, предусмотренном данным Законом. При этом криптовалюта не может быть таким активом; для нее законодатель вводит термин «цифровая валюта».

Есть противоречие и в нормативных положениях данного Закона. Если в его ст. 1 указано, что цифровая валюта на территории страны может быть принята в качестве средства платежа и в качестве инвестиции, то ст. 14 Закона запрещает отечественным предпринимателям и физическим лицам принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, услуги или в качестве оплаты иным образом. Данная коллизия фактически лишает цифровые валюты (как и криптовалюты) статуса надежного и легального платежного средства и инвестиционного инструмента, создавая правовую неопределенность. Это негативно сказывается на целесообразности владения данным видом цифровых активов.

При анализе положений Закона № 259-ФЗ может сложиться ложное впечатление, что данные нормы опережают текущее отражение действительности. Безусловно, «закон имеет прогнозную составляющую, позволяя на основе предвидения развития общественных отношений внедрить в правовую систему необходимое регулирование» [Колобова М., 2022: 20]. Однако, на взгляд автора настоящей статьи, в Законе неоправданно мало внимания уделено терминологии, в нем не исполь-

⁴ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

зованы такие понятия, как «криптовалюта» и «токен», несмотря на их широкое употребление в данной сфере общественных отношений. Кроме того, отношения, связанные с криптовалютами и цифровыми финансовыми активами, в большинстве случаев отягощены иностранным элементом, что совершенно не учтено в Законе.

Качественная проработка закона о цифровых финансовых активах с поправкой на специфику регулирования цифрового рубля могло бы позиционировать последний в качестве движущей силы экономического развития страны. Однако разработка регулируемых цифровых финансовых активов должна основываться на тщательном изучении технологической базы криптовалют, включая их преимущества и недостатки. Это обеспечило бы развитие цифрового рубля как безопасного и надежного инструмента, отвечающего потребностям бизнеса и потребителей России. В предлагаемом ЦБ проекте плана цифрового рубля⁵ подчеркивается, что он будет иметь номинальную стоимость, эквивалентную наличным или безналичным рублям. Необходимо отметить, что цифровой рубль лишен материального выражения и, существуя в качестве обособленной цифровой информации, он является видом безналичных денежных средств [Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., 2024: 51].

Цифровой рубль хранится в системе виртуального кошелька, которая функционирует независимо от доступа в Интернет, гарантируя, что валюта доступна даже в районах с недостаточным подключением к Интернету. В связи с обширностью территории России следует уделить данному вопросу должное внимание при имплементации НЦВ. Следует обратиться к опыту стран, ранее занимавшихся решением данной проблемы. Так, в Китае пользователи могут проводить транзакции в автономном режиме, используя мобильные устройства с возможностями near-field communication (NFC). Другой подход к решению проблемы принят в Венесуэле, правительство которой создало систему для офлайн-транзакций с использованием SMS-сообщений [Залоило М.В., 2019: 98]. В России доступ к переводам НЦВ без подключения к Интернету станет особенно полезным в отдаленных регионах, где доступ в Интернет может быть ограничен или ненадежен. С автономным доступом к переводам цифровой валюты физические лица в этих регионах получают надежный и безопасный способ проведения транзакций.

Конвертация наличных рублей в цифровые также планируется простой процедурой, аналогичной снятию денег в банкомате, что облегчит переход на цифровой рубль для бизнеса и потребителей. Кроме того,

---

⁵ Available at: URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 12.07.2024)

серверы хранения данных о цифровой валюте могут занять символическое место печатного станка, отражая сдвиг к цифровизации и растущую роль технологий в экономике [Минбалеев А.В., 2018: 9].

Успеху российского проекта цифрового рубля могло бы способствовать изучение положительных примеров других стран, в частности, развития блокчейн-технологий и государственной блокчейн-платформы национального масштаба в Китайской Народной Республике. Китай добился значительного прогресса в области технологии блокчейна и ныне изучает возможность использования блокчейн-сетей для различных приложений, включая цифровые валюты [Либман Э., 2020: 94]. Технология блокчейна играет решающую роль при разработке и использования национальных цифровых валют. Блокчейн — децентрализованный реестр, который регистрирует все транзакции безопасным, прозрачным и защищенным от несанкционированного доступа способом. Используя эту технологию, национальные цифровые валюты могут достичь децентрализованного учета валютных операций, неизменности и прозрачности записей о сделках с использованием НЦВ, которые являются значимыми преимуществами цифровых валют. Как только транзакция внесена в блокчейн, она не может быть изменена или удалена. Данная технология создает надежную и безопасную основу для разработки и использования национальных цифровых валют. Ее характер гарантирует, что цифровые валюты можно безопасно и с пользой использовать в самых разных контекстах, от трансграничных платежей до повседневных транзакций [Цзинвэнь В., 2022: 104].

При этом, как и в нашей стране, в китайском законодательстве не закреплен термин «цифровая валюта». Однако суды КНР при осуществлении правосудия, как правило, считают криптовалюты объектами виртуального имущества, нематериальными объектами, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве. При этом Верховный народный суд КНР и Государственный комитет развития и реформ сформулировали официальную позицию о необходимости упрочения защиты новых видов прав — на цифровую валюту, электронные данные и т.д.⁶ В статье 127 Гражданского кодекса КНР, вступившего в силу в 2021 году, установлено, что «если законом предусмотрены нормы об охране цифровых данных или виртуального имущества, то применяются нормы соответствующего закона»⁷. Как указывают китайские исследователи,

⁶ The digital yuan: China's battle against Bitcoin and the future of money by CNN Business. Available at: <https://www.cnn.com/2021/06/21/tech/digital-yuan-china-crypto-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 12.07.2024)

⁷ Available at: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-242911.html> (дата обращения: 12.07.2024)

«дать единое определение цифровой валюты с юридической точки зрения крайне трудно, особенно после появления такого нового понятия, как цифровая валюта центрального банка (CBDC — Central Bank Digital Currencies)»; цит. по: [Хомякова С.С., 2019: 73]. В статье 19 закона КНР о Народном банке от 23.10.2020 предусмотрено: «...юань включает наличную и цифровую формы»⁸.

Разработка китайского проекта электронных платежей в цифровой валюте (Digital Currency Electronic Payment — DCEP) является важной вехой в глобальном переходе к цифровым валютам [Caudevilla O., Kim H., 2022: 16]. Проект направлен на снижение зависимости от наличных денег и на повышение эффективности платежной системы, а также на решение проблем отмывания денег и уклонения от уплаты налогов. Китайское правительство активно поощряет использование DCEP, и испытания уже ведутся в различных регионах страны, включая крупнейшие города Пекин и Шанхай. Успех DCEP может повлечь значительные последствия для глобальной финансовой системы и будущего международной торговли, особенно в контексте сохраняющейся торговой напряженности между Китаем и США.

Эксперимент Китая с внедрением национальной цифровой валюты в рамках проекта DCEP вступил в завершающую стадию, и китайское правительство опробовало использование этой валюты на некоторых государственных предприятиях. В рамках пилотного проекта сотрудники государственных банков и телекоммуникационных компаний получали НЦВ в качестве зарплаты. Ее можно использовать для покупок в торговых сетях и заведениях общественного питания. Заявлено, что НЦВ будет обязательна для интеграции в мобильные приложения, разрабатываемые ведущими телекоммуникационными компаниями, WeChat и Alipay обязаны обеспечивать совместимость своих приложений с программным обеспечением НЦВ. Этот переход к цифровой валюте рассматривается как попытка отойти от доминирования американской валюты в мировой торговле и укрепить контроль над финансовой системой страны⁹.

Подход Китая к НЦВ подкрепляется примерами разработки и использования цифровой валюты в других регионах. Так, в Республике Корея в 2018 году начались исследования в сфере цифровых валют. В апреле 2021 года Банк Кореи запустил пилотную программу тестирования

---

⁸ Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml> (дата обращения: 12.07.2024)

⁹ Available at: <https://time.com/6099105/us-china-digital-currency-central-bank/> (дата обращения: 12.07.2024)

функциональности цифровой валюты своего центрального банка, известной как цифровая вона. Проект направлен на изучение стабильности и функциональности валюты в различных платежных сценариях, таких как онлайн-платежи и трансграничные денежные переводы. Разработка цифровой воны является частью широких усилий Южной Кореи по совершенствованию национальной платежной системы и конкурентоспособного продолжения гонки цифровых валют в азиатском регионе. Власти страны считают, что цифровая валюта может снизить зависимость от наличных денег и кредитных карт, снизить транзакционные издержки и повысить прозрачность финансовых операций¹⁰.

Другим примером может послужить опыт Национального банка Камбоджи, который активно участвует в разработке собственной цифровой валюты с 2016 года в рамках проекта «Баконг» в сотрудничестве с коммерческими банками и японской технологической компанией «Сорамитцу» [Яковлев А.И., 2022: 100]. Целью данного проекта является борьба с высокими темпами инфляции и низким уровнем развития сектора банковских услуг в стране. НЦВ будет обрабатываться Национальным банком Камбоджи. Платежи можно производить с помощью мобильных устройств и QR-кодов, что обеспечит быстрый, удобный и экономичный способ оплаты. Ожидается, что внедрение НЦВ в Камбодже улучшит экономическую ситуацию в стране за счет снижения операционных издержек и обеспечения финансовой доступности для широких слоев населения.

Валютное управление Сингапура активно изучает возможность использования цифровой валюты в рамках проекта «Убин». Проект включал пять этапов тестирования с помощью сторонних организаций, и в июне 2020 года достиг важной вехи с успешным завершением пилотного тестирования платежной системы¹¹. В данный момент в ч. 3 приложения 1 Закона о платежных услугах Сингапура (2019) «цифровой платежный токен Центрального банка определяется как любой цифровой платежный токен, выпущенный Центральным банком или любым другим лицом, уполномоченным Центральным банком выпускать цифровой платежный токен от имени Центрального банка»¹².

¹⁰ Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/2-2019/Published/20190220?DocDate=20190220> (дата обращения: 12.07.2024)

¹¹ Available at: <https://www.cnbc.com/2020/11/10/singapores-central-bank-is-testing-ways-to-use-blockchain-for-cross-border-payments.html> (дата обращения: 12.07.2024)

¹² Payment Services Act of the Republic of Singapore passed 14.01.2019. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/2-2019/Published/20190220?DocDate=20190220> (дата обращения: 12.07.2024)

2. Фундаментальные аспекты применения цифровой валюты

Поскольку глобальная экономика продолжает развиваться, многие страны стремятся разработать совместные проекты внедрения цифровых валют, которые можно было бы использовать для трансграничных платежей. Проект «Данбар», например, являет собой совместную инициативу Южной Африки, Сингапура, Малайзии и Австралии, направленную на разработку цифровой валюты, которую можно использовать для трансграничных платежей в рамках коалиции. Аналогичным образом Франция сотрудничает с Сингапуром и Тунисом в тестировании цифровой валюты для трансграничных платежей [Ваганова О.В., 2021: 1].

Валютное управление Сингапура, руководствуясь принципами безопасности, устойчивости и всеохватности, в 2021 году сформулировало 12 вопросов, которые необходимо решить для разработки и технического применения ЦВЦБ¹³. Оптимальное решение каждого случая может отличаться в разных странах и валютных зонах. Если эти проблемы будут решены, то и гражданам, и предприятиям будет предложена система ЦВЦБ, которая может напрямую обеспечивать функционал платежей для населения в условиях кризиса, повысить безопасность и конфиденциальность данных, а также стимулировать инновации.

ЦВЦБ, поддерживаемые финансовыми системами нового поколения, могут предложить компаниям лучшие, дешевые и быстрые возможности осуществления платежей, что соответствует потребностям растущей цифровой экономики. Тем не менее при разработке и выпуске ЦВЦБ необходимо преодолеть трудности. ЦВЦБ (чтобы способствовать их широкому распространению и принятию) должны быть разработаны в свете текущих и предполагаемых будущих потребностей в платежах, таких как микроплатежи, конфиденциальность и программируемость. Чтобы создать новые пути к широкому финансовому доступу, система ЦВЦБ должна быть более открытой и всеобъемлющей, чем нынешние механизмы, позволяя широкому кругу компаний и отдельных лиц напрямую получать доступ и предлагать услуги в рамках финансовых систем. Улучшения платежной системы должны быть достигнуты без ущерба для устойчивости, безопасности, целостности и производительности, а также денежной и финансовой стабильности экономики.

Действительно, есть возможности использования инновационных технологий в решениях ЦВЦБ для розничной торговли, позволяющие

---

¹³ Available at: https://tribex.co/wp-content/uploads/2021/06/Global_CBDC_Challenge_Problem_Statements.pdf (дата обращения: 12.07.2024)

преодолеть недостатки и добиться улучшения благосостояния потребителей, компаний и общества. Но пока нет готовых систем, полностью отвечающих этим многочисленным требованиям. Создание новых решений требует фундаментальных исследований и совместных поисков как юристов, так и специалистов в области цифровых технологий.

Сформулированные проблемы целесообразно рассмотреть на примере реализации проекта цифрового рубля.

Проблемы делятся на три группы: инструментальные, распределительные и инфраструктурные.

3. Инструментальные проблемы. Улучшение и расширение доступности и полезности цифровых платежей

3.1. Новые функциональные возможности против инклюзивности

Удастся ли встроить в систему ЦВЦБ дополнительные функциональные возможности помимо базовой передачи стоимости, не требуя у пользователей использования смартфонов (другого дорогого или сложного оборудования)? Как это может повысить качество результативность программ платежей от государства к гражданину в условиях экономики с низким уровнем проникновения цифровых технологий?

В России программа внедрения цифрового рубля работает в рамках общей цифровизации экономики и распространения электронных средств взаимодействия государства с гражданами, что видно на примере Госуслуг.

3.2. Безопасность против доступности

В состоянии ли архитектура системы ЦВЦБ обеспечивать в розничной торговле безопасность всем пользователям без ущерба для простоты использования? Например, такую безопасность, которая предотвращает несанкционированное использование и незаконные транзакции? Способна ли такая система покрыть разнообразные потребности пожилых, несовершеннолетних и лиц с ограниченными возможностями?

Цифровому рублю, регулируемому ЦБ, предусмотрена высокая степень защиты от посягательств третьих лиц. Однако возможность обеспечить все потребности пожилых, несовершеннолетних и лиц с ограниченными возможностями ставится под сомнение. Кроме того, на текущий момент не предусмотрена возможность открытия счетов циф-

рового рубля для индивидуальных предпринимателей, самозанятых и лиц, занимающихся в установленном законодательством порядке частной практикой, что означает дискриминацию указанных категорий работников.

3.3. Доступность против риска спорных ситуаций

Можно ли обеспечить возможность офлайн-транзакций в районах с отсутствием или ограниченным доступом в Интернет? Какие меры защиты надлежит внедрить, чтобы минимизировать споры, связанные с автономными платежами?

Программа внедрения цифрового рубля не располагает четким инструментарием решения такого вида проблем. Однако вопросы отсутствия двойных списаний и несанкционированного доступа к платежному функционалу гражданина — это проблема технического характера, а не правового.

3.4. Возможность восстановления против анонимности

При краже, повреждении или потере кошелька, карты или иного инструмента способна ли система ЦВЦБ адекватно отследить транзакции, ограничить потери или поддержать восстановление утраченных средств без ущерба для пользователя?

В законодательстве необходимо предусмотреть возможность упрощенного оспаривания сделок при обнаружении несанкционированного доступа к счету цифрового рубля. В первую очередь такие сделки имеют порок субъекта. Кроме того, автор статьи считает, что должны применяться общие правила о гражданско-правовой ответственности, в частности, ст. 393 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК) об обязанности возместить убытки, причиненные нарушением обязательств, а также ст. 395 ГК о процентах за пользование чужими денежными средствами, так как ст. 128 ГК формально относит цифровой рубль к виду безналичных денежных средств («безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли»). Подобные правила об ответственности также закреплены в Гражданском кодексе КНР.

4. Технологические проблемы

Они связаны со снижением рисков при переводе платежей и с рыночной инфраструктурой.

4.1. Широко распространенное беспрепятственное использование против контроля

Существуют ли технологические особенности, которые могут быть включены в решения ЦВЦБ для розничной торговли, чтобы минимизировать риск значительного и внезапного оттока средств с банковских депозитов в ЦВЦБ, гарантируя при этом максимально беспрепятственное использование ЦВЦБ? Найдены ли технические решения, позволяющие использовать ЦВЦБ для менее затратных и быстрых трансграничных платежей и при этом снизить риск образования дестабилизирующих потоков капитала между странами?

Использование ЦВЦБ в трансграничных платежах требует создания международной системы, обрабатывающей разнородные технические решения многих стран. Вероятно, данная система может быть подвержена тем же рискам, что и система SWIFT.

Важным вопросом является также контроль над операциями с цифровым рублем на предмет соответствия требованиям Федерального закона от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹⁴, в связи с чем необходимо адаптировать положения данного Закона к особенностям операций по распоряжению цифровыми рублями.

4.2. Защита персональных данных против целостности системы

Может ли решение ЦВЦБ для розничной торговли защитить персональные данные и данные о потребительских операциях, в то же время позволяя осуществлять мониторинг, выявлять и предотвращать незаконную деятельность в сети, в том числе отмывание денег/финансирование терроризма, мошенничество, аферы и коррупцию?

Так как ЦБ регулирует цифровой рубль, следует предусмотреть возможность передачи прямым и зашифрованным путем информации ответственному регулятору — Роскомнадзору.

4.3. Расширение доступа к финансовым услугам против защиты от монополии на информацию и данные

Каким образом разработка решения ЦВЦБ для розничной торговли может позволить участвующим компаниям использовать платежные данные для оказания пользователям финансовых услуг, например,

¹⁴ СПС Консультант Плюс.

кредитов, страхования? Как будут регулировать настройку или улучшение ценообразования по финансовым инструментам, избегая при этом нежелательных последствий монополии на данные потребителей? Как пользователи могут сохранить контроль над использованием своих данных?

На данный момент в программе внедрения цифрового рубля не предусмотрено ответов на эти вопросы. В рамках регулирования персональных данных пользователь, согласно действующему законодательству, всегда имеет право отозвать свои персональные данные, которые не обладают публично-правовой важностью, например, персональные данные, используемые при вынесении судебного решения.

4.4. Сосуществование против трудностей интеграции

Как решение для ЦВЦБ может позволить финансовым учреждениям распространять ее среди конечных пользователей таким образом, чтобы использовать национальные платежные системы, сохраняя при этом приемлемую стоимость участия при минимальных сбоях? Каким образом система ЦВЦБ станет обрабатывать платежи между пользователями различных платежных систем без привлечения дополнительных посредников или необходимости пользовательской интеграции для ввода в эксплуатацию?

Прежде всего вышеуказанное является экономической проблемой. С точки же зрения юриспруденции роль ЦБ как регулятора всех отношений с цифровым рублем может обеспечить надежную нормативную основу.

5. Инфраструктурные проблемы

Они определяют обеспечение жизнеспособной инфраструктуры ЦВЦБ, которая является недорогой, надежной и обеспечивает расчеты по платежным операциям между участниками.

5.1. Децентрализация против подотчетности

Как повысить устойчивость инфраструктуры ЦВЦБ к единичным ошибкам? Можно ли минимизировать риски концентрации за счет децентрализации? Как разработать безопасную, стабильную и устойчивую модель управления такой децентрализованной инфраструктурой с точным распределением ответственности и подотчетности? Как могут быть защищены интересы граждан и участников рынка, будет ли защищена финансовая стабильность при сбое такой инфраструктуры?

Прежде всего ЦБ, являясь главным инициатором и гарантом надежности системы, должен следить за бесперебойной работой процесса обработки транзакций цифрового рубля. В качестве дополнительной меры защиты необходимо предусмотреть возложение материальной ответственности в случаях нарушения прав пользователей на государственную казну.

5.2. Масштабируемость против операционной устойчивости

Может ли инфраструктура ЦВЦБ быть гибкой и в то же время надежной, позволяя интенсивное использование программируемых функций и добавление новых возможностей без дополнительных расходов с точки зрения общей стоимости, операционной производительности или создания уязвимостей в системе?

Ответ на данный вопрос находится в области технического функционирования инфраструктуры. Для достижения поставленной цели требуется разработка адаптивных и безопасных протоколов, которые обеспечат гибкость и надежность системы. Применение технологий блокчейна и цифровых подписей позволит обеспечить безопасность и целостность данных, а также программирование новых функций без необходимости модификации основных компонентов. Использование передовых технологий и методов разработки программного обеспечения, таких как модульность, тестирование и автоматизация процессов, является необходимым условием соответствия системы данным критериям с технической точки зрения.

5.3. Конфиденциальность против эффективности

Может ли инфраструктура ЦВЦБ для розничной торговли включать возможности сохранения конфиденциальности, при этом оставаясь высокопроизводительной, с быстрым откликом, малой задержкой и масштабируемостью для поддержки крупного развертывания?

Конфиденциальность пользователя должна быть защищена законом о персональных данных. В таком свете назревает необходимость модернизации законодательного регулирования и специфических мер защиты пользователя именно для сферы цифрового рубля.

5.4. Функциональная совместимость против стандартизации

Стандартизация снижает накладные расходы и стоимость интеграции. Однако международная стандартизация требует значительной

координации. Как можно обеспечить функциональную совместимость инструментов цифровых денег и технологий без общепринятого стандарта? ЦВЦБ в различных юрисдикциях должны быть совместимы друг с другом, а также с системами, не относящимися к ним, и иными формами цифровых денег, не относящимися к ним, чтобы обеспечить более качественные, дешевые и быстрые трансграничные и внутренние платежи.

Трансграничные переводы с использованием цифрового рубля выглядят очень перспективными. В свете более высокой деловой активности в странах БРИКС, вероятно, следует рассмотреть варианты взаимодействия центральных банков стран, входящий в это объединение, для создания общей платформы.

19.06.2023 Международный валютный фонд (далее — МВФ) начал работу над платформой для ЦВЦБ, позволяющей осуществлять транзакции между странами¹⁵. ЦВЦБ не должны быть фрагментированными национальными предложениями. Для удобных и справедливых транзакций нужны системы, соединяющие страны, т.е. функциональная совместимость.

МВФ настаивает, чтобы центральные банки согласовали общую нормативную базу для цифровых валют, которая обеспечит им глобальную функциональную совместимость. Неспособность договориться об общей платформе создаст вакуум, который, вероятно, будет заполнен криптовалютами. 114 центральных банков находятся на той или иной стадии исследования ЦВЦБ, примерно 10 из них уже запустили проекты в реализацию. Если страны разрабатывают ЦВЦБ только для внутреннего развертывания, недоиспользуются их возможности. ЦВЦБ также могут способствовать расширению доступа к финансовым услугам и удешевлению денежных переводов.

6. Цифровой рубль: от идеи к реализации

В последние годы в связи с расширением международных санкций российские предприятия изучают альтернативные способы трансграничных расчетов. Одним из вариантов, завоевавших популярность среди российских предпринимателей, является использование криптовалют, таких как биткоин и эфириум. Учет операций с криптовалютами обеспечивается децентрализованными платежными системами, не подвер-

---

¹⁵ Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/imf-working-on-global-central-bank-digital-currency-platform/articleshow/101111832.cms?from=mdr> (дата обращения: 12.07.2024)

женными внешним ограничениям и колебаниям обменного курса. Использование криптовалюты позволило российскому бизнесу расширить круг контрагентов и избежать санкционных ограничений, особенно при работе с недружественными странами. Однако использование криптовалют для трансграничных транзакций в России по-прежнему ограничено отсутствием четкого всестороннего правового регулирования потенциальных рисков, связанных с инвестициями в децентрализованные криптовалютные проекты [Гончаренко Д., 2022: 4].

Законодательное регулирование цифровых денег неодинаково. Некоторые страны (Китай и Иран) полностью запретили криптовалюты, в то время как другие приняли их в качестве законной формы оплаты. Многие государства находятся в процессе разработки правил для цифровых валют.

Ожидается, что цифровой рубль будет функционировать как платежное средство и средство сбережения, аналогичное наличным рублям, но с дополнительными преимуществами скорости и удобства цифровых транзакций. Он будет функционировать аналогично наличным деньгам, позволяя пользователям совершать цифровые транзакции с той же легкостью и удобством.

01.08.2023 были приняты два федеральных закона, которые внесли изменения в законодательство с целью урегулирования использования цифрового рубля. В результате нововведений цифровой рубль был отнесен к категории имущественных прав, а именно — безналичных денежных средств (ст. 128 и 140 ГК). Действительно, как и безналичные денежные средства, цифровой рубль не будет иметь натуральной формы, иными словами, не будет существовать в виде вещи, как наличные деньги. Он будет представлять собой обязательство ЦБ перед обладателем такого законного платежного средства.

Следовательно, цифровой рубль правомерно рассматривать в качестве вида безналичных денежных средств, которые также по своей сути выражены в цифровой форме — существуют в виде записей на счетах в коммерческих банках. Цифровой рубль аналогичным образом будет иметь форму уникального цифрового кода, хранящегося в электронном кошельке. Следует согласиться с законодателем, который пришел к логичному выводу о том, что цифровой рубль не является новой формой денежных средств. Вопреки распространенному мнению о возникновении «третьей формы денег», Банк России также относит цифровые рубли именно к разновидности безналичных денежных средств¹⁶.

¹⁶ Письмо Банка России от 11.09.2023 № 04-45/8582 «О вопросах, связанных с цифровым рублем». Available at: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407556182/#review> (дата обращения: 12.07.2024)

Цифровые рубли ЦБ переводит через специальную платформу. П. 38 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» гласит¹⁷: «Платформа цифрового рубля — информационная система, посредством которой в соответствии с правилами платформы цифрового рубля взаимодействуют оператор платформы цифрового рубля, участники платформы цифрового рубля и пользователи платформы цифрового рубля в целях совершения операций с цифровыми рублями».

Платформой цифрового рубля могут пользоваться как физические лица, так и организации, включая индивидуальных предпринимателей. Согласно п. 40 ст. 3 Закона о национальной платежной системе и п. 2.5 Положения о платформе цифрового рубля¹⁸, эти пользователи имеют право проводить операции с цифровыми рублями. Однако до 31.12.2024 список пользователей, имеющих право на такие операции, а также виды этих операций и их минимальные суммы будут определять Совет директоров Банка России после согласования с Росфинмониторингом, согласно п. 4 ст. 8 Закона № 340-ФЗ¹⁹.

Для доступа к платформе необходимо пройти идентификацию в соответствии с п. 1 ст. 7 Закона о противодействии легализации преступных доходов. Также требуется получение сертификата ключа проверки электронной подписи в удостоверяющем центре. Физическим лицам и индивидуальным предпринимателям для открытия счета и операций с цифровыми рублями необходимо регистрироваться в Единой системе идентификации и аутентификации и получить ключ простой электронной подписи при личной явке. Это предусмотрено п. 2.5 и 2.6 Положения о платформе цифрового рубля.

Доступ к платформе обеспечивает любой ее участник, ведущий банковские счета или формирующий остаток электронных денежных средств, которыми можно распоряжаться с использованием персонализированного или корпоративного электронного средства платежа. В случаях, предусмотренных федеральными законами, доступ предоставляет Банк России. По общему правилу участник платформы не может отказать в доступе к ней (установлено в ч. 12 ст. 30.7 Закона о национальной платежной системе и в п. 2.4 гл. 2 Положения о платформе цифрового рубля).

---

¹⁷ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

¹⁸ Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. 2023. № 58.

¹⁹ Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5766.

Помимо этого, в 2022 году уже было заявлено, что Россия рассматривает варианты использования цифровой валюты во взаиморасчетах с Китаем, стремясь ослабить глобальную гегемонию доллара. В Государственной Думе подчеркивали, что тема цифровых финансовых активов, цифрового рубля и криптовалют обостряется, поскольку западные страны вводят санкции и создают трудности банковских переводов, в том числе в международных расчетах. Цифровое направление является ключевым, поскольку финансовые потоки могут обходить системы, контролируемые недружественными странами.

При регулировании процессов, связанных со взаимодействием классических институтов права с цифровым рублем, законодатель решил частично предугадать проблемные моменты регулирования. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 339-ФЗ 1.08. 2023 вступили в силу положения, определяющие совершение завещательных распоряжений цифровыми рублями²⁰. Правила должны быть утверждены Правительством Российской Федерации по согласованию с Банком России.

Внедрение новых правовых норм в российскую юридическую действительность затронуло вопрос об универсальности законов и применения их к наиболее разнообразным проявлениям эволюции финансового мира. Например, появление в легальном поле такого понятия, как цифровые финансовые активы, а также цифровые валюты, содержащиеся в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ, позволило расширительно толковать широко применяющиеся Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ²¹, а также Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ²² для обращения взыскания на цифровые рубли со счетов на платформе в случае недостаточности иного имущества должника.

Цифровой рубль будет интегрирован с другими платежными системами и станет доступен через цифровые кошельки. Кроме того, проект направлен на создание более безопасной и прозрачной платежной системы и поможет сократить использование нерегулируемых криптовалют в стране. Выпускать и контролировать цифровой рубль будет ЦБ, он же будет отвечать за регулирование его обращения.

С 15.08.2023 проходит тестирование операций с цифровыми рублями. В исследовании участвуют: Альфа-банк, Банк ДОМ.РФ, Ингосстрах

²⁰ Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. N 31 (Ч. III). Ст. 5765.

²¹ Ст. 68 Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

²² Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.

Банк, Банк ВТБ, Банк ГПБ, Ак Барс Банк, МТС-Банк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, Банк Синара, Росбанк, ТКБ Банк²³. Проект призван обеспечить обмен цифрового рубля на иностранную валюту и возможность открытия кошельков нерезидентами, что облегчит трансграничные транзакции и повысит привлекательность цифрового рубля для международной торговли.

В недавнем выступлении главы ЦБ было уделено внимание аспектам применения цифрового рубля. Согласно выступлению пилотный проект идет по плану и в нем участвуют 12 кредитных организаций, около 600 физических лиц и 30 торговых и сервисных компаний из 11 городов. Проектная группа тестирует открытие электронных кошельков, пополнение счетов, перевод средств между физическими лицами, оплату товаров и услуг, а также использование смарт-контрактов. Планируется привлечь больше пользователей, подключить вторую волну банков (еще 19 учреждений) и расширить функционал платформы. В частности, предполагается добавить динамические платежи по QR-коду, в том числе в Интернете, переводы между юридическими лицами, а также новые функции смарт-контрактов²⁴.

Заключение

Зарубежный опыт работы с цифровыми валютами центрального банка должен быть принят во внимание при создании отечественных правовых норм, регулирующих зарождающийся институт финансового права — цифровой рубль. Целесообразно законодательное регулирование цифрового рубля в противовес нынешнему, преимущественно ведомственному регулированию, осуществляемому Центральным банком. В Китае, Сингапуре, Республике Корея и других государствах цифровые валюты центральных банков регулируются на государственном уровне, что позволяет охватить наиболее полно все сферы затрагиваемых общественных отношений. Поэтому приоритетной задачей является принятие закона «О цифровом рубле Российской Федерации», содержащего весь комплекс правовых предписаний относительно данной валютной единицы.

Также необходимо внесение изменений в Федеральный закон № 259-ФЗ в части устранения коллизий, связанных с обращением на территории России криптовалют. Хотя данный вопрос связан с внедрением

---

²³ Available at: URL: <https://journal.tinkoff.ru/news/digital-ruble-law-2023/> (дата обращения: 12.07.2024)

²⁴ Available at: URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18474> (дата обращения: 12.07.2024)

цифрового рубля лишь отчасти, он важен, так как правовая неопределенность, связанная с данным аспектом, напрямую влияет на готовность населения и бизнеса взаимодействовать с любыми цифровыми активами, включая цифровой рубль.

Проект цифрового рубля открывает большие перспективы для экономической политики России и международных экономических отношений. Ожидается, что цифровой рубль будет функционально совместим с валютными системами других стран, что может улучшить трансграничные расчеты и интеграцию национальных платформ цифровой валюты [Шумилова В.В., 2022: 103]. Внедрение цифрового рубля обладает потенциалом модернизации и преобразования финансовой системы России и повышения ее конкурентоспособности в мировой экономике. Однако, как и при любой крупной реформе, успех проекта «цифровой рубль» будет зависеть от целого ряда факторов, включая качество правового регулирования, строгие меры кибербезопасности, а также общественное доверие и принятие. Если эти трудности удастся преодолеть, цифровой рубль может стать ключевым игроком в развивающемся ландшафте цифровых валют и сыграть важную роль в формировании устойчивой финансовой системы России.

Список источников

1. Минаков А.В., Иванова Л.Н. Пути развития эквайринга в России. Журнал прикладных исследований. 2021. № 3. С. 6–14.
2. Ваганова О.В. Цифровой рубль: перспективы внедрения и пути интеграции в финансовую систему России. Экономика. Информатика. 2021. № 48. С. 507–513.
3. Гончаренко Д. Деньги в лучшей форме. Приложение к газете «Коммерсантъ Банк». 2022. № 174. С. 1–8.
4. Колобова М. Перешли на крипты: бизнес начал проводить трансграничные сделки с цифровой валютой. Известия. 2022. № 187. С. 4–7.
5. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования. Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–28.
6. Каудевилла О., Ким Х. Цифровой юань и трансграничные платежи: Развертывание Китая цифровой валюты центрального банка. Электронный журнал SSRN. 2022. 36 с.
7. Либман Э. Асимметричная денежно-кредитная и валютная политика в странах Латинской Америки, преследующих антиинфляционные цели. Буэнос-Айрес: Издательство Университета, 2020. 130 с.
8. Минбалеев А.В. Правовая природа блокчейн. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 94–97.
9. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Правовое регулирование цифрового рубля. Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 48–55.

10. Турбанов А.В. Правовая природа счета цифрового рубля. *Банковское право*. 2024. № 2. С. 40–51.
11. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне. *Молодой ученый*. 2019. № 41. С. 9–12.
12. Цзиньзэн В. Цифровой юань — официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития. *Российский юридический журнал*. 2022. № 1. С. 71–75.
13. Цихилов А. Блокчейн. Принципы и основы. М.: Альпина Диджитал, 2019. 300 с.
14. Чапаев Н.М. Цифровой рубль как основа цифровой экономики России. *Журнал прикладных исследований*. 2022. № 6. С. 544–547.
15. Шумилова В.В. Цифровой рубль банка России как новая форма национальной валюты. *Legal Concept*. 2022. № 2. С. 156–162.
16. Яковлев А.И. Цифровой рубль: вопросы методологии. *Теоретическая экономика*. 2022. № 5. С. 100–106.

References

1. Caudevilla O., Kim H. (2022) The digital yuan and Cross-border payments: China's rollout of its Central Bank digital currency. *SSRN Electronic Journal*, 36 p.
2. Чапаев Н.М. (2022) Digital ruble as the basis of the digital economy of Russia. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy=Journal of Applied Research*, no. 6, pp. 544–547 (in Russ.)
3. Goncharenko D. (2022) Money in the best form. *Kommersant Bank*, no. 174, pp. 1–8 (in Russ.)
4. Jingwen W. (2022) Digital yuan, the official digital currency of China: legal nature and development trends. *Rossiyskiy juridicheskiy zhurnal=Russian Law Journal*, no. 1, pp. 71–75 (in Russ.)
5. Khomyakova S.S. (2019) Transformation and consolidation of the term “digitalisation” at the legislative level. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, no. 41, pp. 9–12 (in Russ.)
6. Kolobova M. (2022) Moved to crypto: business began to conduct cross-border transactions with digital currency. *Izvestia=News*, no. 187, pp. 4–7 (in Russ.)
7. Liebman E. (2020) Asymmetric monetary and exchange rate policy in Latin American countries using inflation targets. Buenos Aires: Editorial de la Universidad, 130 p.
8. Minakov A.V., Ivanova L.N. (2021) Ways of acquiring development in Russia. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy=Journal of Applied Research*, no. 3, pp. 6–14 (in Russ.)
9. Minbaleev A.V. (2018) Legal nature of blockchain. *Vestnik Juzhnouralskogo gosudarstvennogo Universiteta=Bulletin of South Ural State University*, no. 2, pp. 94–97 (in Russ.)
10. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. (2024) Legal regulating digital ruble. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava=Actual Issues of Russian Law*, no. 1, pp. 48–55 (in Russ.)
11. Shumilova V. V. (2022) Digital ruble of the Bank of Russia as a new form of national currency. *Pravovaya paradigma=Legal Concept*, no. 2, pp. 156–162 (in Russ.)

12. Tsikhilov A. (2019) *Blockchain. Principles and fundamentals*. Moscow: Alpina Digital, 300 p. (in Russ.)
  13. Turbanov A.V. (2024) Legal nature of the digital ruble account. *Bankovskoye pravo*=Banking Law, no. 2, pp. 40–51 (in Russ.)
  14. Vaganova O.V. (2021) Digital ruble: implementation prospects and ways of integration into financial system of Russia. *Ekonomika. Informatika*=Economics. Informatics, no. 48, pp. 507–513 (in Russ.)
  15. Yakovlev A.I. (2022) Digital ruble: issues of methodology. *Theoreticheskaya ekonomika*=Theoretical Economics, no. 5, pp. 100–106 (in Russ.)
  16. Zaloilo M.V. (2019) The anticipatory nature of lawmaking and the problem of synchronization of legal regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 9, pp. 20–28 (in Russ.)
-

Информация об авторе:

Е.Е. Якушева—кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E.E. Yakusheva — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 07.10.2024.

The article was submitted to editorial office 25.07.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 07.10.2024.

Обзор

Обзор

УДК: 34

JEL: K00

DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.278.306

Искусственный интеллект и право

 **И.Ю.Богдановская¹, Е.В.Васякина², А.А.Волос³,
Н.А.Данилов⁴, Е.В.Егорова⁵, В.А.Калятин⁶,
О.И.Карпенко⁷, Д.Р.Салихов⁸**

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва 101000, Мясницкая ул., 20,

¹ ibogdanovskaya@hse.ru SPIN РИНЦ: 9334-5490, ORCID: 0000-0002-6243-4301, ResearcherID: A-9675-2014

² evasyakina@hse.ru SPIN РИНЦ: 3972-4010, ORCID: 0009-0006-9016-988X, ResearcherID: KLZ-2932-2024

³ avolos@hse.ru SPIN РИНЦ: 4520-7706, ORCID: 0000-0001-5951-1479, ResearcherID: AAM-7949-2020

⁴ danilov@hse.ru ORCID: 0000-0003-4924-202X, ResearcherID: AAH-7720-2019

⁵ evegorova@hse.ru SPIN РИНЦ: 9101-5201, ORCID: 0000-0002-8424-8980, ResearcherID: M-4716-2015, Scopus AuthorID: 57189028712

⁶ vkalyatin@hse.ru SPIN РИНЦ: 3312-6790, ORCID: 0000-0002-2927-6591, ResearcherID: M-2393-2015, Scopus AuthorID: 55090215100

⁷ okarpenko@hse.ru ORCID: 0000-0003-1456-3261, ResearcherID: M-8288-2016

⁸ dsalihov@hse.ru SPIN РИНЦ: 5813-9980, ORCID: 0000-0001-5247-1312, ResearcherID: AAI-6467-2021

Аннотация

18 октября 2024 г на факультете права НИУ ВШЭ состоялась XIII Международная научно-практическая конференция «Право в цифровую эпоху». В этом году она была посвящена теме искусственный интеллект (далее-ИИ) и право. Она была рассмотрена с позиции как частного, так и публичного права. На конференцию

вынесены вопросы гражданско-правовой режим технологий искусственного интеллекта и объектов, созданных с его использованием, искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности, а также тема генеративного контента и защиты интересов правообладателей. С другой стороны, была рассмотрена роль публичного права в формировании оптимальной модели регулирования цифровых технологий и искусственного интеллекта, а также выделена тема регулирования и саморегулирования искусственного интеллекта, в том числе искусственный интеллект в Legal Tech. Внедрение технологий искусственного интеллекта в трудовые отношения: успехи, промахи, перспективы. Уголовно-правовая защита субъектов цифровой экономики и финансов с использованием элементов искусственного интеллекта. Таким образом, на конференции был предпринята попытка комплексного межотраслевого обсуждения роли права в развитии технологий ИИ. Такой подход позволил показать соотношение методов правового регулирования в данной сфере, их взаимодействия для развития ИИ технологий. На конференции были подняты как практические, так и теоретические вопросы развития права в новых условиях.

Ключевые слова

генеративный искусственный интеллект; право; цифровые технологии; гражданско-правовой режим технологий искусственного интеллекта; трудовое право; публичное право; уголовное право.

Для цитирования: Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.О., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. Том 17. № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306

Review

Review

Artificial Intelligence

**I.Yu. Bogdanovskaya¹, E.V. Vasyakina², A.A. Volos³,
N.A. Danilov⁴, E.V. Egorova⁵, V.O. Kalyatin⁶, O.I. Karpenko⁷,
D.P. Salihov⁸**

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8} National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia,

¹ ibogdanovskaya@hse.ru SPIN ПИНЦ: 9334-5490, ORCID: 0000-0002-6243-4301, ResearcherID: A-9675-2014

² evasyakina@hse.ru SPIN ПИНЦ: 3972-4010, ORCID: 0009-0006-9016-988X, ResearcherID: KLZ-2932-2024

³ avolos@hse.ru SPIN ПИНЦ: 4520-7706, ORCID: 0000-0001-5951-1479, ResearcherID: AAM-7949-2020

⁴ danilov@hse.ru ORCID: 0000-0003-4924-202X, ResearcherID: AAH-7720-2019

⁵ evegorova@hse.ru SPIN РИНЦ: 9101-5201, ORCID: 0000-0002-8424-8980, ResearcherID: M-4716-2015, Scopus AuthorID: 57189028712

⁶ vkalyatin@hse.ru SPIN РИНЦ: 3312-6790, ORCID: 0000-0002-2927-6591, ResearcherID: M-2393-2015, Scopus AuthorID: 55090215100

⁷ okarpenko@hse.ru ORCID: 0000-0003-1456-3261, ResearcherID: M-8288-2016

⁸ dsalihov@hse.ru SPIN РИНЦ: 5813-9980, ORCID: 0000-0001-5247-1312, ResearcherID: AAI-6467-2021

Abstract

On October 18, 2024, the XIII International Scientific and Practical Conference “Law in the Digital Age” was held at the Faculty of Law of the Higher School of Economics. This year it was devoted to the topic of artificial intelligence (AI) and law. It was considered from the standpoint of both private and public law. The conference covered the issues of the civil law regime of artificial intelligence technologies and objects created with its use, artificial intelligence and intellectual property law, as well as the topic of generative content and protection of the interests of copyright holders. The topic of regulation and self-regulation of artificial intelligence, including artificial intelligence in LegalTech, is highlighted. Introduction of Artificial Intelligence Technologies in Labor Relations: Successes, Failures, Prospects Criminal Law Protection of Digital Economy and Finance Entities Using Elements of Artificial Intelligence. Thus, the conference attempted a comprehensive cross-sectoral discussion of the role of law in the development of AI technologies. This approach made it possible to show the relationship between the methods of legal regulation in this area, their interaction to create conditions for the development of AI technologies. The conference raised both practical and theoretical issues of the development of law in the new conditions, as well as the problems of the development of legal education.

Keywords

generative artificial intelligence; law; digital technologies; civil law regime; labor law; public law; criminal law.

For citation: Bogdanovskaya I.Yu., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O., Karpenko O.I., Salikhov D.R., Vasyakina E.V., Volos A.A. (2024) Artificial Intelligence and Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, pp. 278–306 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306

1. Открывая XIII Международную научно-практическую конференцию «Право в цифровую эпоху», декан факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н. **В.А. Виноградов** отметил, что ее главная цель заключается в обмене передовым опытом и знаниями в сфере права и цифровых трансформаций. В этом году на конференцию поступили заявки более 350 человек как из России, так и из зарубежных стран (Узбекистана, Казахстана, ЮАР, Бразилии, Индии, Китая). **В.А. Виноградов** поблагодарил участников за проявленное внимание к уже ставшей традиционной конференции и пожелал плодотворной работы.

И.Ю. Богдановская (д.ю.н., ординарный профессор, главный редактор журналов «Право. Журнал Высшей школы экономики», “*Legal Issues in the Digital Age*”) отметила, что ежегодно на конференцию выносятся наиболее актуальные вопросы права в цифровую эпоху. В этом году основная тема конференции — «Искусственный интеллект и право». Она, несомненно, носит междисциплинарный характер. Но на этом этапе юристам было предложено обсудить правовые аспекты, перспективы ее развития.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) затрагивает разные аспекты — от фундаментальных вопросов правопонимания до вопросов развития законодательства. С одной стороны, ИИ не привел к смене парадигм в праве. Более того, нормативизм продолжает доминировать в его оценке. Но к традиционному формально-логическому подходу добавляется технологический подход, который, как предполагается, направлен на дальнейшее развитие эффективности правовой системы. Актуализируются традиционные для позитивного права вопросы правосубъектности и ответственности, категориального аппарата. С другой стороны, возникает вопрос о дальнейшем развитии традиционных принципов права (к примеру, верховенства права) в эпоху ИИ. В рамках Конференции предстоит выяснить, создаются ли правовые условия для развития ИИ, его влияние на юридическую профессию в целом, на юридическое образование и уровень научных исследований.

Модератором пленарного заседания выступил **А.В. Незнамов** (управляющий директор Центра человекоцентричного AI регулирования ПАО «Сбербанк»).

С.С. Калашников (руководитель правового направления IP и IT ООО «Яндекс») в докладе «Взвешенный подход: как сохранить благоприятную среду для развития искусственного интеллекта» выявил, что к регулированию ИИ в мире можно выделить два подхода: комплексное нормативное регулирование (Китай) и сочетание регулирования с саморегулированием (большинство стран). Развивающаяся технология обеспечивает конкурентоспособность отечественных решений. Нормативное регулирование должно вводиться тогда, когда в этом есть четкое понимание его влияния на технологию. Важно стимулировать выработку отраслевых правил.

Б.А. Едидин (заместитель генерального директора по правовым вопросам, АНО «Институт развития интернета» (ИРИ), рассмотрел «Практические и юридические аспекты использования искусственного интеллекта для создания контента в сети Интернет». На основе анализа зарубежного законодательства в сфере авторского права были выделены тенденции отказа в регистрации ИИ как автора / изобретателя, а

также тенденция отклонения исков в связи с недостаточностью доказательств в случае схожести оригинала и сгенерированного оригинала или в случае ущерба. В отношении дипфейков выявлена тенденция необходимости получить согласие, а также запрет на использование дипфейков в политике, как и в целях мошенничества и создания порнографического материала. Отдельно рассмотрено регулирование маркировок ИИ-контента в Китае и ЕС.

М.И. Тахавиев (*руководитель проектов, Ассоциация больших данных*) выступил на тему «Доступность и безопасность данных для обучения искусственного интеллекта». Отметив законодательные новеллы, **М.И. Тахавиев** остановился на риск-методике Ассоциации больших данных. Модель информационной утечки оценивает риск утечки конфиденциальной информации из обезличенных данных, а также вероятность идентификации или восстановления исходных данных из обезличенного набора данных. Риски обработки клиентских данных могут (и должны) быть измерены для конкретного бизнес-кейса. Существуют техники и технологии снижения риска реидентификации до околонулевых значений даже при использовании исходной информации. Использование технологий повышения конфиденциальности лежит в «серой» зоне нормативного регулирования, не успевающего за их развитием. Закрепление модели оценки рисков и внедрение регулирования доверенных посредников будет способствовать повышению доступности данных для ИИ при сохранении должного уровня конфиденциальности.

С.А. Махортов (*руководитель юридической практики Научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ»*) рассмотрел *риски и угрозы генеративного искусственного интеллекта, перспективы развития и регулирования технологий»*

В докладе члена-корреспондента РАН **Ю.М. Батурина** «Концепция создания системы когерентных субъективных “прав” человека и искусственного интеллекта» было предложено выйти из колеи бесперспективной, по мнению докладчика, дискуссии о наделении ИИ рядом субъективных прав, и рассмотреть пару «человек-искусственный интеллект» с позиции теории очень больших (сложных) систем, в которых возникает эффект коллективного поведения элементов, т.е. согласованные (когерентные) действия внутри указанной пары, осуществляемые через ролевые обязанности каждого. Таким образом можно уйти от привычной схемы «праву субъекта А корреспондирует обязанность субъекта В и наоборот», и рассматриваем «права» ИИ, которые когерентны правам взаимодействующего с ним человека и осуществляются через него. Ролевые обязанности искусственного интеллекта поощряют командную работу с человеком, как в спортивной команде или в балете, где коге-

рентные взаимодействия гармоничны, и невозможно представить постановку вопроса о нарушении права игрока на *нас* или балерины на *на*. В определенном отношении регуляция когерентных взаимодействий напоминают конфуцианскую традицию в восточном праве, где ритуал *ли* (в случае ИИ — ролевая обязанность) работает вместе с законом *фа*, причем *ли* — средство управления, *фа* — помогает управлению; *ли* и *фа* дополняют друг друга, позволяя делать упор то на *ли*, то на *фа*; *ли* устанавливает гармонию, *фа* восстанавливает нарушенную гармонию.

Безусловно, такой подход существенно отличается от западного (и российского) юридического принципа, согласно которому «я уважаю и не посягаю на ваше право, но оно не должно вступать в противоречие с моим правом». Делается вывод, что регулирование отношений по поводу пользования и взаимодействия с таким сложным объектом, как ИИ, не стоит искать на привычных юридических путях, и, как вариант, перейти к принципу уважения ролевых обязанностей ИИ в его взаимодействии с человеком. Регламентацию когерентных прав и ролевых обязанностей целесообразно осуществлять через разработку стандартов взаимодействия ИИ с человеком.

На пленарном заседании были рассмотрены национальные подходы к проблеме «ИИ и право».

А.Х. Саидов (действительный член Академии наук Узбекистана, д.ю.н., профессор международного и сравнительного права, Первый заместитель спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан), выступая на тему «Правовые основы использования технологий искусственного интеллекта: опыт Узбекистана», отметил, что в настоящее время как научно-теоретическое, так и практико-прикладное (законодательное регулирование) значение приобретает обсуждение и в Узбекистане, и в России сквозных и междисциплинарных проблем: оптимальные модели правового регулирования в области ИИ; предложения о разработке Модельного кодекса по ИИ; место ИИ в национальной правовой системе; разработка правовых способов преодоления угроз и рисков, связанных с использованием технологий ИИ; внедрение технологий ИИ в правообразование, правотворчество и правоприменение; динамика формирования правовой основы создания и использования ИИ: практика государств и международных организаций — ООН, ЕС, СНГ, ШОС и др.; перспективы формирования глобального правового порядка в сфере создания и использования технологии ИИ; влияние практики внедрения ИИ в государственно-правовую сферу на правовое сознание, правовую культуру граждан и общества, когнитивную основу правового порядка; разработка понятийно-категориального аппарата проблематики ИИ с учетом специфики правового регулирования

использования технологий ИИ и ее влияния на правопонимание, правотворчество и правоприменение.

В целях создания правовых основ для внедрения технологий ИИ в государственно-правовую жизнь, в социальную сферу и экономику, достижения вхождения Узбекистана в ряд ведущих государств мира, применяющих технологии ИИ, выдвигаются предложения правового характера: закрепить в законодательстве понятие «искусственный интеллект»; определить примерный перечень «цифровых прав человека»; законодательно закрепить принцип обеспечения прав человека в онлайн-среде и недопустимости дискриминации в цифровой среде; законодательно закрепить понятие цифрового разрыва, включая гендерный цифровой разрыв; закрепить в законодательстве принцип сохранения культурного разнообразия в цифровой среде; законодательно закрепить понятия «кибернасилие» и «кибербулинг».

С.Дж. Корнелиус (*руководитель департамента частного права факультета права Университета Претории (ЮАР)*) раскрыл «Сравнительные перспективы будущего права во время искусственного интеллекта». Он отметил, что юрисдикции во всем мире стремятся справиться с регулированием ИИ. Основное внимание уделяется ответственности, защите прав потребителей, защите данных, интеллектуальной собственности, регулированию рынка. Регулирующим органам придется учитывать цель ИИ в развитии человечества; его безопасное и этическое развитие, избежание технологического колониализма, снижение рисков и воздействия на человека, а также регулирование в сфере интеллектуальной собственности, трудовых отношений, сфере медицины, правоохранительных органов и военного использования.

К. Лучена (*профессор, Центр юридических исследований Государственного университета Параиба (Бразилия)*) раскрыл особенность правового подхода к искусственному интеллекту в Бразилии. В настоящее время в Бразилии действуют законодательные положения об ИИ в сфере выборов и защиты данных. Вносятся предложения по дальнейшему регулированию технологии ИИ в разных сферах. Отмечается необходимость снижения рисков и потенциальных негативных последствий ИИ на основе обязательств по безопасному, этичному и надежному развитию технологий.

Р. Сони (*Центр изучения права и управления Университета Джавахарлала Неру (Индия)*) отметила, что для обеспечения этичного использования технологий, содействия инновациям, снижения рисков необходимо укреплять доверие потребителей, защиту конфиденциальности данных, обеспечить прозрачность и подотчетность, соответствие требованиям законодательства. Индия предпринимает значительные шаги по

регулированию ИИ, принимая новый Закон о защите цифровых персональных данных (DPDP) в системах ИИ, разрабатывая проект об управлении в сфере ИИ. Тем самым в стране создается основа для развития ИИ и защиты данных, прав человека, стимулирование инноваций.

В завершении **А.А. Сковпень** (*старший юрист по интеллектуальной собственности Nestlé*) раскрыла «Сравнительный анализ подходов к защите результатов генераций и права на TDM».

2. На секции «Гражданско-правовой режим технологий искусственного интеллекта и объектов, созданных с его использованием», модератором которой выступил **А.А. Волос** (*к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ*), были заслушаны доклады ученых и практикующих юристов. Участники дискуссии обсудили самые разные вопросы: проблемы возмещения вреда, причиненного при использовании ИИ, правовые концепции авторства произведений, созданных с использованием ИИ, вопросы защиты персональных данных, проблемы обработки конфиденциальной информации, применения ИИ для целей наследственного и корпоративного права.

Д.А. Казанцев (*главный эксперт, АО «Гринатом» (ГК РОСАТОМ)*) выступил с докладом на тему: «Деликтоспособность искусственного интеллекта: фикция или необходимость?». Он обоснованно отметил, что использование роботов, управляемых алгоритмами ИИ, в повседневной деятельности переводит из теоретической в практическую плоскость вопрос об ответственности за последствия действий ИИ, в том числе вопрос о регулировании обязательств из причинения вреда, нанесенного ИИ. С точки зрения текущего уровня развития права, с одной стороны, и техники, с другой, мы не можем говорить об ИИ как о правовом субъекте, тем более, как о субъекте, обладающем деликтоспособностью. Деликтные обязательства сегодня могут быть возложены лишь на правовых субъектов, тем или иным образом влияющих на действия ИИ, т.е. на создателей, собственников, пользователей и т.д. Оптимальную модель распределения субсидиарной ответственности между ними еще только предстоит разработать. Едва ли это потребует создания новых правовых институтов: почти наверняка корректировки в данной области могут быть ограничены дополнением и уточнение существующих норм гражданского права. Однако невозможность деликтоспособности ИИ в настоящем не означает принципиальной невозможности ее возникновения в более или менее отдаленном будущем. Юристам уже сегодня стоит быть готовыми к тому, чтобы осмыслить, обосновать и включить в законодательство нормы, регулирующие деятельность и ответственность новых правовых субъектов: субъектов, обладающих нечеловеческим сознанием.

Е.В. Зайнутдинова (к.ю.н., доцент, Институт философии и права Новосибирского государственного университета) и **К.В. Сергеева** (координатор правовых проектов, ООО «Катрикс») в своем совместном выступлении «Правовые концепция авторства произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта» рассмотрели проблематику прав авторства на произведения, создаваемые генеративными моделями ИИ различные концепции авторства, существующие на сегодняшний день. Были обобщены выводы по актуальной правоприменительной практике и нормативно-правовым актам ЕС и других зарубежных государств, а также по последним актуальным нормативно-правовым актам России в исследуемой области. Сформулированы выводы по правовым проблемам «входящего» и «исходящего» контентов применительно к тематике ИИ. В контексте творческого труда рассмотрены исключительные и авторские права правообладателя используемой программы для ЭВМ и пользователя на произведения, создаваемые при помощи ИИ.

А.А. Амброс (руководитель по правовому сопровождению корпоративных процедур и инвестиционных проектов, АО «Вкусвилл») и **К. Кужанова** (заместитель руководителя по правовому сопровождению корпоративных процедур и инвестиционных проектов, АО «Вкусвилл») затронули проблемы обработки конфиденциальной информации в рамках своего выступления на тему: «Проблемы обработки конфиденциальной информации (в том числе персональных данных) на этапе сбора данных и инструкций для обучения нейронных сетей в системах автоматизации договорной работы». Выступающие отметили, что проблема раскрытия конфиденциальной информации на этапе выдачи результатов работы ИИ возникает, когда нейросеть, обученная на конфиденциальной информации, случайно или непреднамеренно раскрывает ее в ответе на запрос. Так, когда нейронные сети обучаются на конфиденциальной информации, они могут «запомнить» фрагменты этих данных и воспроизводить их в будущем. Например, если нейросеть обучалась на базе данных клиентов, она может случайно выдать личные данные в ответ на схожий запрос. В качестве возможного решения проблемы предложено применение регуляризации для снижения вероятности запоминания данных моделью, а также внедрение строгих процедур управления запросами и проверками результатов.

Говоря об основных итогах секции, следует подчеркнуть, что докладчики и слушатели пришли к единому мнению о том, что на стадии использования решений и результатов, созданных ИИ, возникают различные проблемы, которые требуют изменения законодательной базы и совершенствования судебной и деловой практики. Именно в этих ситуациях наиболее отчетливо прослеживается необходимость изменения

законодательной базы, точечного установления прав и обязанностей субъектов, использующих ИИ. Таким образом, с точки зрения частного права в плане регулирования отношений следует обращать внимание не на сам ИИ, например, не стоит делать акцент на попытках формирования его дефиниции, определении признаков, регулировании отношении отношений по поводу ИИ. Важнее сместить акцент нового законодательства и практики на стадию использования решений и результатов, созданных ИИ.

3. Первое выступление в рамках секции **«Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности»** было посвящено общему вопросу: есть ли связь между ИИ и интеллектуальной собственностью? **Э.Р. Вальдес-Мартинес** (*старший преподаватель НИУ ВШЭ, директор Ассоциации УПРАВИС*) отметил, что использование ИИ сегодня затрагивает абсолютно все сферы человеческой деятельности и, безусловно, интеллектуальную собственность. Однако среди специалистов нет единого мнения о средствах, механизме, структуре правового регулирования ИИ в сфере интеллектуальной собственности. Это связано, в первую очередь, с тем, что сложившаяся система норм интеллектуальной собственности направлена, прежде всего, на охрану творчества и труда автора-человека, но не машины. Позиция Всемирной организации интеллектуальной собственности в этом вопросе категорична: ИИ в части регулирования не имеет ничего общего с интеллектуальной собственностью. Такой подход, однако, никак не приближает к разрешению проблемы. В настоящее время можно наблюдать лишь за тем, как на практике применяются существующие правовые конструкции интеллектуальной собственности в отношении ИИ: от машинной обработки текста и данных (*text and data mining*), принятых в ЕС, до доктрины *fair use*, используемой в праве США.

Развил тему **М.Ю. Прокш** (*председатель правления Ассоциации IP-Chain*) В своем выступлении он рассказал о пределах свободного использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для целей машинного обучения. Создание и совершенствование ИИ требует активного использования результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат другим лицам, что конфликтует с законодательством об интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает вопрос о том, как должно измениться регулирование в сфере создания результатов интеллектуальной деятельности и их использования в условиях современного общества. Особое внимание докладчик уделил проблеме исключения из правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ. Это связано с тем, что в существующей концепции охраняются только те результаты интеллек-

туальной собственности, которые созданы человеком. Однако это создает опасности для творчества человека, так как если существует возможность бесплатно получить продукт, в целом отвечающий минимальным требованиям, мало кто захочет платить человеку за создание продукта, за исключение нишевого применения.

М.А. Кольздорф (*старший преподаватель НИУ ВШЭ, консультант ИЦЧП*), в своем выступлении обратила внимание на то, что в датасеты для обучения ИИ могут быть включены охраняемые авторским правом объекты. Как правило, при формировании датасета создаются копии произведений, что затрагивает правомочие автора на воспроизведение. По общему правилу, нужно получать согласие на использование таких объектов. Действующих в настоящее время случаев свободного использования, по мнению выступающей, недостаточно для того, чтобы проводить легальное обучение ИИ. В случае включения в часть 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) нового ограничения исключительного права необходимо соблюдать трехступенчатый тест, установленный в ст. 9 (2) Бернской конвенции. Такое ограничение, возможно, должно зависеть от модели ИИ (генеративная, предиктивная и др.) и влияния на интересы автора в получении дохода от использования его произведения (будет ли результат работы ИИ конкурировать с произведением). Докладчик также отметила, что в настоящее время проблематично установить факт неправомерного использования объектов авторских прав при обучении ИИ, если сами операторы ИИ не заявляют о том, что они проводили обучение на определенных данных (например, на музыке определенной группы) и результат работы ИИ не отражает частей произведений.

И. Л. Литвак и С. Ю. Лагутин (*тестировщики группы разработчиков ФКН ВШЭ(МФТИ и РАНХиГС)*) поделились ценным опытом применения обучающих датасетов для создания ИИ, который анализирует судебную практику и помогает в подготовке к судебным разбирательствам. Этот проект делает важный шаг к открытости и доступности информации в правовой сфере. Подготавливаемый контент распространяется под свободной лицензией GPLv3, что позволяет всем заинтересованным лицам свободно изучать, модифицировать и распространять датасеты, а также ознакомиться с методами их разработки.

О.А. Полежаев (*доцент, РШЧП, МГЮА*) рассмотрел проблему повсеместного использования ИИ для создания произведений. В связи с этим была проанализирована дискуссия о порядке и условиях охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности человека. Отмечено, что снижение критериев охраноспособности произведений, а также признание допустимости охраны результатов интеллектуальной

деятельности, созданных ИИ при помощи норм авторского права, существенным образом подрывают стабильность гражданского оборота и снижают степень эффективности нормативного регулирования искоемых отношений. По мнению докладчика, результаты деятельности ИИ могут быть объектом монополии их создателя или пользователя, однако отношения присвоения подобных объектов не должны основываться на положениях авторского права в целом и исключительного права, в частности.

И.Н. Сарапкин (*департамент информационных отношений г. Москвы*) посвятил свое выступление описанию влияния ИИ на правоотношения в сфере оформления и перехода прав на программы для ЭВМ, в том числе в контексте государственных закупок. Он обратил внимание слушателей на вопросы соотношения правового режима программы для ЭВМ и литературного произведения, обусловленные значением новых технологий, а также проблему расхождения правового регулирования и реальных общественных отношений в данной сфере. В качестве одного из возможных решений предложено оценить действующее правовое регулирование с точки зрения поиска новых подходов, выходящих за границы авторско-правовой парадигмы.

Выступление вызвало активное обсуждение и уточняющие вопросы, а также предложения по применению по аналогии режима цифровых финансовых активов для оформления перехода прав на РИД. Также участникам мероприятия было предложено пройти онлайн-опрос по тематике выступления, результаты которого будут использованы для формирования новых подходов к правовому регулированию сферы.

Р.Ш. Рахматулина (*доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ*) в своем выступлении остановилась на проблемах применения ИИ в сфере произведений дизайна. ИИ способен взять на себя значительную часть работы по разработке дизайна новой продукции, он дает новые возможности, но в то же время создает определенные риски с возможностью оспаривания прав на созданные произведения дизайна, которые необходимо учитывать при использовании ИИ в этой сфере.

В. О. Калятин (*к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ, профессор Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ*) рассмотрел проблему пересечения частного и публичного права при регулировании вопросов использования ИИ в сфере создания и использования интеллектуальной собственности. Создание и совершенствование ИИ требует массового использования чужих результатов интеллектуальной деятельности, что означает необходимость установления специальных изъятий в законе. Применение ИИ в данной сфере часто осуществляется в публично значимых интересах, соответственно, мож-

но предположить, что нормы будут толковаться в пользу возможностей использования соответствующих результатов интеллектуальной деятельности. Наконец, большие проблемы вызывает практическая трудность выявления недостоверных объектов, созданных с использованием ИИ, а также легкость введения в заблуждение общества. В результате докладчик пришел к выводу, что столкновение частного характера использования результатов интеллектуальной деятельности и публичных его последствий влечет неизбежность вмешательства публичных норм в частные отношения с использованием ИИ.

Завершил секцию доклад **Ван Бода** (*аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова*). В нем он рассказал об особенностях трансграничного (международного) обмена продуктами интеллектуальной собственности в области ИИ, в частности, о вызовах, рисках и механизмах защиты прав предпринимателей, действующих в данной сфере на примере Китая и России. Докладчик отметил не только различия в подходах двух стран, но и основу для сближения правового регулирования в этой сфере, включая международные соглашения.

4. На секции **«Генеративный контент: проблемы защиты интересов правообладателей»** обсуждались такие вопросы, как охраноспособность объектов, созданных с помощью ИИ; проблемы защиты цифровых образов и синтезированных голосов; использование интеллектуальной собственности в системах машинного обучения. Модератором секции выступил **Н.А. Данилов** (*Генеральный директор Ассоциации музыкальных компаний «Национальная федерация музыкальной индустрии», к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ*). В своем вступительном слове он отметил, что технологические компании стремятся использовать объекты интеллектуальной собственности для систем машинного обучения и для создания новых цифровых объектов без разрешения правообладателей. Сложившаяся ситуация требует законодательного решения, а также нахождения баланса интересов между владельцами исключительных прав и компаниями, разрабатывающими системы ИИ. При этом при решении вопроса об использовании объектов интеллектуальной собственности для систем машинного обучения необходимо использовать трехступенчатый тест как общепризнанный стандарт для установления и применения ограничений исключительных прав.

Т.Д. Богданова (*к.ю.н., доцент, РАНХиГС, ведущий юрист Союза Дикторов*) рассказала о проблемах использования нематериальных благ, включая человеческие голоса, для создания цифровых образов известных личностей и их синтезированных голосов. Она также сообщила об имеющихся в России законодательных инициативах, направленных на регулирование создания и использования «дипфейков». В частности,

внесенным в Государственную Думу законопроектом предлагается дополнить часть первую ГК РФ новой статьей, устанавливающей охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина по аналогии с изображением гражданина, в том числе в случаях имитации голоса или путем синтеза речи в режиме реального времени. В законопроекте подчеркивается, что обнародование и дальнейшее использование записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий (подразумеваются технологии синтеза речи) голос гражданина, допускаются только с согласия этого гражданина. Она также рассказала о международной практике защиты синтезированных голосов. При решении вопроса об охраноспособности нематериальных благ, в том числе голосов необходимо учитывать следующие факторы: в каких целях создается исполнение; где будет использоваться синтез голоса; кем будет использоваться синтез голоса; каковы пределы использования синтеза; будет ли у третьих лиц доступ к генеративным технологиям; какие меры по охране записей голоса и ограничению доступа к технологиям синтеза принимаются.

А.Ю. Бырдин (*Генеральный директор Ассоциации «Интернет-видео»*) рассказал о правовых проблемах создания генеративного аудиовизуального контента.

О.Н. Ким (*Советник генерального директора S&P Digital*) рассказала про проблемы использования ИИ в музыкальной индустрии, в которой часто возникают вопросы об авторских правах, затрудняя определение автора произведения. Простота создания трека с помощью ИИ-генератора музыки в совокупности с невысоким качеством приводит к ее обесцениванию. С помощью сервиса Suno AI за 8 месяцев с запуска платформы 10 млн. пользователей создали хотя бы один трек. На Udio выпускается около 10 треков в секунду, а MusicFX создал 10 млн. треков за 2 месяца с момента запуска. Если значительная часть этой музыки будет публиковаться на цифровых музыкальных сервисах, то можно представить, какой массив добавляется к тому большому количеству музыки, что есть уже сейчас и еженедельно добавляется артистами и музыкальными лейблами. Исследования показывают, что даже та качественная музыка, что уже загружена на цифровые музыкальные сервисы, не всегда находит свой путь к слушателю (по некоторым данным, 86% загруженных на сервисы треков имеет меньше 1000 прослушиваний). Появление на сервисах AI-треков и их монетизация больно ударят по доходам музыкантов и правообладателей, затрудняя и без того непростую дорогу в плейлисты слушателей. При этом уже сейчас наблюдается появление недобросовестных лиц, использующих ИИ-генераторы музыки для того, чтобы, паразитируя на творчестве популярных артистов, зарабатывать

деньги. Так, правообладатели часто фиксируют появление на цифровых музыкальных сервисах ремиксов и каверов на известные песни из собственного каталога, созданных с помощью ИИ-сервисов, но без разрешения правообладателей. Борьба с такими нарушениями путем имеющихся законных методов крайне затруднительно, поскольку блокировка даже одного такого трека требует значительного времени и ресурса, а их появляется множество — ведь их создание крайне облегчено благодаря ИИ-генераторам и недорого стоит недобросовестным игрокам.

М.Е. Рябыко (член Правления Ассоциации по защите авторских прав в Интернете, заместитель председателя комитета по законодательству Российского книжного союза) рассказал про проблематику юридических аспектов использования ИИ в книжной индустрии. Он отметил, что объекты интеллектуальной собственности используются практически на всех этапах развития систем ИИ: сбор и формирование базы данных для обучения ИИ; обучение этой базы данных (алгоритмы, которые используют авторский контент); создание инструментов для творческой переработки (интерфейсы для создания контента); создание конечного продукта (нового объекта или переработка старого). Отследить возможное нарушение исключительных прав становится гораздо труднее. Текущие правовые инструменты не всегда могут справиться с такими случаями. Как отметил докладчик, технологический прогресс нельзя остановить, но мы можем ввести стандарты добросовестности для посредников — тех, кто создает и предоставляет инструменты для работы с ИИ.

Р.Л. Лукьянов (управляющий партнер «Семенов&Певзнер») рассказал про риски использования контента, созданного с помощью генеративных нейросетей, в коммерческой деятельности. Он отметил, что любые результаты творческой деятельности, созданные только и исключительно с помощью генеративных нейросетевых систем, не могут и не должны охраняться какими-либо правовыми режимами (по крайней мере, режимами авторского права или смежных прав). При этом результаты творческой деятельности, созданные с помощью генеративных нейросетевых систем, должны быть таким образом сообщены любому потребителю, чтобы потребитель мог однозначно и без несоразмерных усилий идентифицировать такие результаты в гражданском обороте, отличить их от «классических» результатов творческой деятельности. Любая коммерческая эксплуатация генеративной нейросетевой системы, «обученной» на основе результатов творческой деятельности, права на которые принадлежат третьим лицам, должна предполагать обязательное предварительное разрешение таких третьих лиц на соответствующее использование. Любое нарушение исключительных прав третьих

лиц на результаты творческой деятельности, допущенное пользователем генеративной нейросетевой системы (включая создание с помощью такой системы производных произведений и иных объектов), должно предполагать обычную ответственность такого пользователя, предусмотренную законодательством.

Г.И. Уваркин (к.ю.н., Генеральный директор Правового бюро «Омега») рассказал про использование генеративного ИИ для создания профессионального и любительского контента. Он отметил, что использование генеративного ИИ для создания контента влечет множество проблем регулятивного и правоприменительного характера, в частности: отсутствие возможности точно установить, из каких именно источников были заимствованы включенные в контент элементы — необходимость оценки результата как возможно производного произведения; размытие критерия творчества — конкретный результат работы не может быть предсказан пользователями; отсутствие принципов определения, кого именно и в каких случаях можно считать авторами и правообладателями получающихся текстов, изображений и других результатов. Особенности использования ИИ при создании профессионального контента ставят перед юристами дополнительные задачи по обеспечению его правомерного использования и выполнению условий договоров с заказчиками и лицензиатами. В частности, необходимо разработка договорных механизмов, контролирующих использование ИИ в работе, согласование использования конкретных версий, проверки возможных ограничений, предоставление заказчику промежуточных результатов («выводных данных») для оценки творческого вклада автора.

Е.И. Ткач (адвокат, управляющий партнер юридической компании «Ткач и Партнеры») рассказала про проблему авторства и правового режима объектов, созданных с помощью ИИ. Она рассказала о международном опыте защиты интересов правообладателей, а также о ситуациях в отечественной практике.

В.В. Арабина (основатель Лаборатории математического моделирования, советник Президента Ассоциации экспорта технологического суверенитета) и **М.А. Шахмурадян** (основатель Лаборатории математического моделирования, основатель AiMoно, автор Телеграм-канала «Как ИИ меняет бизнес») рассказали про проблематику регулирования сферы машинного обучения и взгляд на данную проблематику со стороны технологических команд.

5. Участники секции «Роль публичного права в формировании оптимальной модели регулирования цифровых технологий и искусственного интеллекта» обсудили современные вызовы и перспективы публично-правового регулирования цифровых технологий и ИИ в Рос-

сии и в зарубежных странах, обозначили вопросы формирования публично-правовой модели регулирования искусственного интеллекта.

По мнению модератора секции **Е.В. Васякиной** (к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ), все рассмотренные выступления можно объединить в отдельные подтемы, которые затрагивали ключевые аспекты публично-правового регулирования цифровых технологий. В первом блоке можно выделить выступающих, которые рассмотрели проблемы применения цифровых технологий органами государственной власти.

Секцию открыл **О.А. Степанов** (д.ю.н., главный научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ), который в докладе «О формировании современной модели правосудия в Российской Федерации на основе внедрения элементов цифровых технологий» рассмотрел примеры использования инновационных технологий в зарубежных странах, сделал выводы о необходимости закрепления за технологиями ИИ, которые могут использоваться в РФ, в том числе в судах, статуса технического помощника. ИИ не может выступать самостоятельным участником судопроизводства, а имеющаяся за рубежом иная практика не представляется докладчиком образцовым вариантом для российской системы. Поэтому, несмотря на все плюсы и прогрессивность идеи внедрения технологий для повышения эффективности и доступности судебной системы, докладчик подчеркнул необходимость учета правовых и этических аспектов при ее реализации.

Вопросы обеспечения объяснимости и прозрачности систем автоматизированного принятия решений в государственном управлении были рассмотрены **П.П. Кабытовым** (к.ю.н., старший научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ). Он подчеркнул значение создания правовой основы для обеспечения прозрачности алгоритмов, используемых государством. Государственное управление в целом нуждается в модификации, которую можно осуществить, в том числе при разработке правовых механизмов, которые обеспечат прозрачность и доверие к автоматизированным системам принятия решений. Поэтому при реализации таких механизмов необходимо обеспечить соблюдение таких критериев, как «объяснимость» алгоритмов и «открытость» их работы, характеристики которых были предложены автором.

Отдельные аспекты применения цифровых технологий касались вопросов их активного использования при реализации гражданами своих прав и законных интересов. Так, **Г.А. Грищенко** (к.ю.н., доцент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) в докладе «Применение цифровых технологий при оказании государственных услуг: проблемы и риски» ос-

ветила проблемы цифровизации госуслуг, включая вопросы безопасности и доступности данных. Она отметила, что существующие примеры применения цифровых технологий при оказании государственных услуг в России позволяют не только повышать доверие граждан к цифровым нововведениям, но и в целом модернизировать сферу госуправления.

Н.Н. Кулешова (к.ю.н., доцент, Юридический институт Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина) в докладе «*Нейросеть как средство защиты избирательных прав*» предложила использовать ИИ для повышения уровня защиты избирательных прав граждан и рассмотрела возможные правовые и технологические барьеры. Докладчик отметила, что государственные услуги и избирательные права нуждаются в адаптации к цифровым реалиям. Внедрение ИИ в эти сферы может улучшить качество реализации процедуры выборов, но это потребует защиты данных и обеспечения безопасности граждан, что является более приоритетным вопросом.

Д.В. Большаков (основателя *low-code* платформы *Botman.one*) в докладе «*Соблюдение баланса интересов — один из ключевых факторов формирования оптимальной модели регулирования цифровых технологий*» поднял проблемы поиска оптимальной модели применения цифровых технологий, указав на необходимость учета интересов бизнеса, государства и граждан для гармонизации регулирования цифровых технологий. Он отметил, что развитие цифровых технологий сопряжено со значительными финансовыми сложностями, которые сегодня испытывает бизнес-сфера. Помимо ресурсных вопросов, необходимо решить проблемы использования данных компаниями, обучающими ИИ-системы. Эти вопросы необходимо решить таким образом, чтобы не допускать нарушения личных прав граждан. Поэтому именно комплексное регулирование данной сферы, по мнению докладчика, должно обеспечить баланс всех интересов, которые пересекаются в цифровых технологиях.

Тема приоритетности обеспечения прав граждан была развита в докладе **Е.В. Задорожной** (к.ю.н., доцент, Московский международный университет). Она представила концепцию личного цифрового суверенитета гражданина. Чтобы его обеспечить, она предложила внедрять правовые механизмы защиты цифровых прав личности, основанные на приоритете защиты персональных данных и цифровой идентичности.

Докладчики сделали закономерный вывод о том, что для достижения оптимального правового регулирования важно найти баланс между интересами различных участников цифровой среды. Защита прав граждан, включая цифровой суверенитет и персональные данные, становится приоритетом при разработке правовых норм в сфере цифровых технологий.

Ряд выступающих рассмотрели проблематику регулирования передовых технологий: искусственного интеллекта, квантовых технологий и блокчейн-технологий в публично-правовой плоскости.

Д.Л. Кутейников (к.ю.н., Тюменский государственный университет) выступил с темой «Передовые фундаментальные модели искусственного интеллекта: рубежи правового регулирования». Он акцентировал внимание на особенностях терминологического оформления понимания ИИ в различных юрисдикциях, а также сформулировал наиболее приемлемые критерии необходимости адекватного правового регулирования передовых ИИ-технологий.

О.А. Ижаев (к.ю.н., доцент, Тюменский государственный университет) представил доклад на тему «Концепция правового регулирования сферы искусственного интеллекта: опыт Бразилии», в котором рассмотрел эволюцию национального законодательства Бразилии, регулирующего цифровые технологии. Докладчик рассмотрел современные модели регулирования ИИ, определил особенности регулирования ИИ в Бразилии, сделал вывод о заимствовании государством таких базовых принципов правового регулирования, которые на сегодняшний день заложены в ЕС: защиты прав граждан, недопущения дискриминации, обеспечения ясности. Особое внимание в докладе было уделено категоризации рисков применения ИИ в законодательстве Бразилии. Согласно принятому в государстве подходу, «высокий риск» установлен на основные услуги, биометрическую проверку и прием на работу, а «чрезмерный риск» — на эксплуатацию уязвимых слоев населения и социальный скоринг.

Результатами исследования регулирования квантовых технологий поделился **А.А. Ефремов** (д.ю.н., профессор, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) в докладе «Перспективы публично-правового регулирования отрасли квантовых технологий». Он представил подходы к правовому регулированию новых технологий, таких как квантовые вычисления, которые открывают значительные возможности, и поэтому требуют особого внимания не только на внутривнутригосударственном, но и на международном уровне. Необходимость международно-правового внимания к данной сфере обусловлена угрозами применения квантовых технологий, распространение которых может повлечь за собой риски дестабилизации мировой финансовой системы, нарушение конфиденциальности и безопасности данных, утрату доверия к новым технологиям и др.

С.Д. Афанасьев (к.ю.н., научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук) в докладе «Публичные интересы и финансовая приватность: особенности регулирования блок-

чейн-технологий» остановился на проблемы обеспечения приватности данных при использовании блокчейн-технологий.

В ходе обсуждения докладчики согласились с мнением, что изучение международного опыта и адаптация передовых подходов могут способствовать формированию успешной модели правового регулирования в России, что позволит понимать глобальные тенденции и обеспечивать защиту граждан. Однако квантовые технологии, блокчейн и ИИ необходимо регулировать с учетом как инновационного потенциала, так и рисков для прав граждан. Внедрение передовых технологий требует разработки особых правовых норм, ориентированных на поддержку их безопасного и этического использования.

Кроме основной секции, в ходе заседания были заслушаны результаты исследований молодых ученых. **К.А. Зюбанов** (аспирант, НИУ ВШЭ) сделал доклад «*Контекстуальная целостность как критерий оценки правомерности обработки персональных данных*», предложив оценивать правомерность обработки данных с учетом контекста. **З.О. Митянов** (аспирант, факультет права Нижегородского филиала НИУ ВШЭ) представил для обсуждения «*Определение биометрических персональных данных в контексте развития биометрических техник на основе искусственного интеллекта*», обозначив необходимость четкого определения биометрических данных для их защиты. Проблема правового регулирования персональных данных сегодня представляется крайне острой, поскольку именно развитие цифровых технологий порождает много вопросов, касающихся их защиты.

Также представители молодой науки обсудили отдельные аспекты регулирования технологий ИИ и виртуальной и дополненной реальности. **В.С. Калинина** (победитель Всероссийского цифрового конкурса профессиональной подготовки специалистов, организованного Советом цифровой экономики при Совете Федерации и Президентской Академией (РАНХиГС)) в докладе «*Риск-ориентированный подход к регулированию искусственного интеллекта на российском финансовом рынке*» предложила учитывать международные тенденции в области регулирования ИИ для эффективной правоприменительной практики. **В.С. Долунц** (аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) в докладе «*Правовые аспекты использования виртуальной реальности в деятельности госорганов*» указал на необходимость урегулировать данную сферу и распространить последствия действий в ней на реальные отношения.

Рассмотренные на секции «**Роль публичного права в формировании оптимальной модели регулирования цифровых технологий и искусственного интеллекта**» подтвердили актуальность и необходимость

именно публично-правового регулирования цифровых технологий и ИИ в России. Особое внимание было уделено защите прав граждан, прозрачности и объяснимости автоматизированных систем, международному опыту и особенностям применения передовых технологий в госуправлении. Участники единогласно отметили необходимость создания актуальной правовой модели регулирования данной сферы, которая будет способствовать развитию безопасного и этичного подхода к внедрению цифровых технологий во всех сферах жизни и обеспечению прав человека.

6. Работа секции **«Регулирование и саморегулирование искусственного интеллекта. Искусственный интеллект в LegalTech»** была поделена на два тематических блока: вопросам регулирования и саморегулирования искусственного интеллекта и применения искусственного интеллекта в LegalTech.

Модератор секции **Д.Р. Салихов** (*руководитель группы правового сопровождения работы с регуляторными инициативами ООО «Яндекс», к.ю.н., доцент НИУ ВШЭ*) во вступительном слове обозначил концептуальные вопросы для обсуждения, включая обеспечение баланса интересов при выборе способа и объема нормативного регулирования, перспективы развития «мягкого права» в указанной сфере с учетом опыта зарубежных стран и российской практики (включая Кодекс этики ИИ и Декларацию об ответственном генеративном ИИ). Кроме того, модератор обозначил возможные направления трансформации юридической профессии с учетом развития технологий ИИ и ограничения технического, правового и этического характера при внедрении ИИ-решений в юридической сфере.

В рамках первого тематического блока было сделано восемь докладов. **Е.И. Свищева** (*директор Правового блока группы ВЭБ.РФ*) в рамках выступления проанализировала соотношения регулирования и саморегулирования в сфере ИИ с учетом обеспечения развития технологий и передовых отечественных решений, с одной стороны, а с другой — баланса интересов разработчиков, государства и граждан.

Н.А. Фальшина (*ЮФУ*) предложила комплексное теоретическое видение формирования и развития общеправовых подходов к категории «цифровые права» и их роли в системе российского права.

О проблемах конкретизации российского права с учетом развития технологий в ходе выступления размышлял **А.В. Федотов** (*старший преподаватель, НИУ ВШЭ*).

В рамках своего выступления **А.К. Лебедева** (*доцент, Университет имени О.Е. Кутафина*) рассмотрела технологические и правовые вопросы регулирования дипфейков, в том числе с точки зрения экспертной

работы. В выступлении были отмечены текущие вызовы и сложности, связанные с развитием технологий и формированием новых подходов в экспертной работе.

А.Н. Изотова (к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ) в своем выступлении обратилась к проблеме распределения ответственности за вред, причиненный с использованием технологий ИИ, проанализировав существующие подходы в отношении ответственности при причинении вреда высокоавтоматизированными транспортными средствами в различных правопорядках.

Вопросам применения алгоритмов для автономных систем в управлении корпорациями был посвящен доклад **А.С. Романовой** (МФТИ), которая с технических позиций сформировала свое видение о перспективах применения алгоритмов в традиционно «неалгоритмизированных» сферах.

Проблемам правового регулирования применения ИИ в медицине было посвящено выступление **В.А. Трубиной** (к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ), которая обозначила существующие подходы и проблемы в нормативном регулировании, в том числе в отношении применения систем поддержки принятия врачебных решений и медицинских изделий с ИИ.

Ю.С. Варуша (РАНХиГС) обратилась в своем выступлении к теоретическим и практическим вопросам, связанным с правоприменением и его трансформации средствами ИИ.

Второй тематический блок выступлений был посвящен проблемам применения ИИ для сферы LegalTech и цифровизации юридической функции.

Д.Д. Торопова (эксперт ООО «Докзилла») представила свое видение сценариев применения ИИ в юридической функции с учетом существующих запросов компаний и имеющихся ограничений технологического и правового характера. В рамках доклада был сделан вывод о том, что ИИ имеет большой потенциал при решении рутинных трудозатратных задач, но также имеет множество ограничений, которые важно учитывать.

О теоретических и методологических вопросах внедрения ИИ в юридической функции говорил в ходе своего выступления **А.А. Нахушев** (СГЮА).

Практическим вопросам внедрения ИИ в деятельность арбитражных судов было посвящено выступление **М.Е. Плугина** (СГЮА), который предложил ряд сценариев применения ИИ для оптимизации работы секретариатов судов.

7. В рамках конференции был проведен круглый стол «**Внедрение технологий искусственного интеллекта в трудовые отношения: успехи, промахи, перспективы**». Под руководством модератора Кругло-

го стола **О.И. Карпенко** (*к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ*) прошла активная дискуссия по актуальным проблемам цифровизации и ИИ: роль ИИ в трудовых отношениях; возможность и сложность судебной защиты трудовых прав, если их «нарушителем» является ИИ. Была поставлена и общая проблема: ИИ и человеческий фактор в трудовых отношениях — союз или противостояние?

В силу того, что в Круглом столе приняли участие не только представители науки трудового права, но и представители работодателя и профсоюза, была создана уникальная возможность обсудить позиции заинтересованных субъектов трудового правоотношения. Общее направление дискуссии было задано **Д.Л. Кузнецовым** (*ординарный профессор НИУ ВШЭ*), который осветил современные тренды влияния цифровизации и ИИ на рынок труда и правовое регулирование трудовых отношений.

С.С. Домбаев (*заместитель проректора, Старший директор по персоналу НИУ ВШЭ*), **А.В. Безукладникова** (*заместитель директора по правовым вопросам НИУ ВШЭ*), **А.В. Замосковный** (*Президент Общероссийского отраслевого объединения Работодателей электроэнергетики «Энергетическая работодателская ассоциация России» (Ассоциация «ЭРА России»)*), являясь представителями крупных работодателей, поделились опытом применения цифровых технологий в своих организациях и планах о введении в производственную жизнь элементов ИИ. **А.В. Замосковный** озвучил опыт применения ИИ, от которого организации электроэнергетики были вынуждены отказаться и заняться работой по доработке технологий.

Представители Московской федерации профсоюзов **А.Ф. Вальковой** (*руководитель Правовой инспекции труда Московской федерации профсоюзов*) и **М.Р. Рожко** (*старший юристконсульт Правовой инспекции труда Московской федерации профсоюзов*) отметили незначительную правовую активность работников в защите трудовых прав и их низкую правовую грамотность.

Ключевой доклад был представлен **И.А. Филиповой** (*к.ю.н., доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского*), которая предложила понятие ИИ, осветила вопросы его регулирования и влияние ИИ на труд и задачи для трудового права в AI-driven world. Также она предложила вниманию и обсуждению дискуссантов свои предложения по внесению изменений и дополнений в Трудовой кодекс Российской Федерации. Активным оппонентом ее позиции и предложений выступил **С.Ю. Чуча** (*д.ю.н., профессор, ИГП РАН*).

О.Ю. Павловская (*к.ю.н., доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук*) и **А. С. Кашлакова** (*к.ю.н., доцент,*

Сочинский государственный университет) повернули беседу в сторону отношений по трудоустройству, предшествующих трудовым отношениям. Были актуализированы проблемы дискриминационного характера, так называемой «скрытой дискриминации» со стороны работодателя при активном использовании новейших компьютерных технологий, которые внесли существенные коррективы в процесс администрирования отношений по трудоустройству при процедуре подбора персонала. В частности, отмечено, что размещение объявления и получение резюме на сервисе ни к чему не обязывает работодателя. Однако часто соискатели не видят разницы между стандартным электронным откликом на сайте работодателя о невозможности приглашения на собеседование и отказом в трудоустройстве по письменному требованию лица. Вместе с тем подчеркивается, что не исключены риски косвенной дискриминации со стороны потенциального работодателя на основе индивидуальных характеристик цифрового профиля кандидата без учета деловых качеств.

М.О. Буянова (д.ю.н., профессор-исследователь, НИУ ВШЭ) озвучила практику использования цифровых технологий в некоторых странах-участниках СНГ.

При подведении итогов было выражено единодушное мнение, что в обществе и даже в среде специалистов в области трудового права нет четкого и единого представления о том, что же такое «искусственный интеллект». Иногда происходит подмена понятий, и за ИИ нередко принимают цифровые технологии, которые, по сути, являются только инструментом, использующим достижения высоких технологий и способствующим отказу от архаики в процессах кадрового управления. Участники Круглого стола также обратили внимание на положение в эпоху ИИ основных субъектов трудового правоотношения — работодателей и работников. Как вывод, было отмечено, что в этом дуэте работодатель окажется в более выгодном положении по отношению к работнику, во-первых, в силу того, что работодатель обладает административным ресурсом и играет ключевую роль в производственном процессе, а работники находятся у него в подчинении, и их роль несколько пассивна. Во-вторых, именно работодатель (и только он) в настоящее время вводит в своих организациях элементы цифровизации, а в будущем станет внедрять технологии ИИ. Не исключено возникновения несколько абсурдной ситуации, когда человек будет вынужден конкурировать с ИИ за занятие вакантных рабочих мест. Было выражено опасение о возможном сокращении рабочих мест, особенно в техногенных отраслях экономики, и в связи с этим возрастанием безработицы. Однако здесь же прозвучало оптимистическое утверждение профессора **С.Ю. Чучи**, что

человек не останется без работы, так как может развиваться сфера обслуживания, а также будут появляться новые профессии.

Гораздо более высокую тревожность вызывают морально-нравственные вопросы, затрагивающие социальный аспект использования технологий ИИ. Психологические факторы готовности подавляющего числа людей к цифровой трансформации в организациях, в которых они работают, находятся на низком уровне. Требуется более активная работа по подготовке населения к грядущим изменениям в экономике и самой жизни людей, развитию образовательных процессов.

Поскольку технологии ИИ пока не стали устойчивой практикой и не введены в правовой оборот в должной мере, то рано заниматься редактированием трудового законодательства. Однако нельзя игнорировать действительность. Развитие цифровых технологий идет семимильными шагами, и невозможно отрицать их влияние на эволюцию права, а потому надо быть готовыми быстро и четко отреагировать на грядущие и неизбежные преобразования правовых общественных трудовых отношений. Если руководствоваться запретительными мерами, то это не выход. Остановить развитие технологий ИИ невозможно, хотя в некоторых странах уже действуют запреты использования ИИ.

НИУ ВШЭ запустил масштабный проект по обучению преподавателей, аспирантов и научных сотрудников, а также административно-управленческих сотрудников использованию ИИ в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». На сегодняшний день уже завершили обучение более 1000 человек. По окончании курсов участники смогут значительно упростить и оптимизировать свои рабочие процессы, используя доступные сервисы ИИ. Участие в программе поможет познакомиться с возможностями и ограничениями нейросетей и ИИ.

Если ИИ рассматривать как нечто самостоятельное, способное без посторонней помощи создать что-то новое, конкурирующее с продуктом, созданным интеллектом человека, то, видимо, еще рано говорить о готовности применения собственных технологий ИИ в трудовых отношениях, поскольку пока таких не создано. На текущий момент в развитии трудовых отношений формируются гибкие наработки цифровой трансформации, и происходит накопление цифрового капитала как инструмента постепенного перехода к технологиям ИИ.

8. Модератор секция **«Уголовно-правовая защита субъектов цифровой экономики и финансов с использованием элементов искусственного интеллекта» С.В. Расторопов** (д.ю.н., профессор НИУ ВШЭ) в выступлении *«Об особенностях подготовки кадров в сфере уголовно-правовой защиты субъектов цифровых прав»* подчеркнул, что в связи с появлением цифровых технологий человечество столкнулось с новыми вызо-

вами и угрозами, требующими от юристов новых подходов к рассмотрению проблем, в том числе разработки новых алгоритмов применения уголовного и уголовно-процессуального закона. По мнению **С.В. Расторопова**, основательное изучение цифровых технологий и рисков, которые они представляют, должно стать элементом уголовно-правового образования. В связи с этим департаментом уголовного права разрабатывается новая магистерская программа «Уголовная юстиция в правотворчестве и правоприменении».

В.А. Прорвич (д.ю.н., профессор-исследователь, НИУ ВШЭ) выступил с докладом «*Математические аспекты уголовного правотворчества и правоприменения в сфере современной экономики и финансов*», в котором обратил внимание, что возможности ИИ практически беспредельны, поэтому неизбежно возникает вопрос о его ограничении в уголовном праве и уголовном процессе. Юристам предстоит проделать серьезную правотворческую работу устранения пробельности многих норм уголовного и уголовно-процессуального права, касающихся современных технологий, в частности, ч. 6 Уголовного процессуального кодекса «Электронные документы и бланки процессуальных документов» (далее — УПК РФ). В этой деятельности могут применяться матричные системы по оценке правовых норм, с помощью которых можно исследовать их пробелы, выявлять противоречия, в связи с чем следует предусмотреть изложение правовых норм на алгоритмическом языке.

А.А. Бакрадзе (д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ) в докладе «*Общественно опасное в Метавселенной: вопросы квалификации и криминализации*» поднял вопрос о необходимости уголовно-правового регулирования метавселенных. Создание метавселенных, т.е. постоянно действующих виртуальных пространств, в которых владельцы аватары взаимодействуют через своих цифровых представителей, будет завершено в течение 3-5 ближайших лет. Впоследствии поведение аватара может стать самореферентным, и он будет определять свое поведение без владельца и без разработчиков. В связи с этим профессор **А.А. Бакрадзе** предлагает объединить усилия юристов и разработчиков с тем, чтобы алгоритмы контролировали правомерное поведение аватаров.

Е.А. Артамонова (д.ю.н. профессор, НИУ ВШЭ) в докладе «*О производстве следственных действий по видеоконференц-связи с участием “засекреченных” лиц*» отметила, что несмотря на высокую степень консервативности уголовного процесса по вопросу применения новых технологий, действующий УПК РФ допускает проводить ряд следственных действий (допроса, очной ставки, предъявления для опознания) с использованием современных технологий — по видеоконференц-связи. Несмотря на неоспоримые достоинства видеоконференц-связи, ее ис-

пользование создает новые проблемы теоретического и прикладного характера при производстве указанных следственных действий с участием «засекреченных» лиц. **Е.А. Артамонова** предложила внести ряд изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных на ограничение использования видеоконференц-связи при производстве следственных действий с участием «засекреченных» лиц.

И.И. Нагорная (к.ю.н., доцент, НИУ ВШЭ) в своем выступлении «Размыwanie понятия предмета хищения в современном уголовном праве» обратила внимание, что новые технологии трансформируют предмет хищения в современном уголовном праве. Развитие новых технологий, по всей видимости, приводит к необходимости пересмотра устоявшихся хрестоматийных положений о классических институтах уголовного права (в частности, о предмете хищения). Виртуальное имущество сегодня не является предметом преступления, поэтому необходимо вносить изменение в законодательство, учитывая цифровизацию и развитие искусственного интеллекта.

О.Ю. Цурлуй (доцент, Российский государственный университет правосудия, центральный филиал, г. Воронеж) выступила с докладом «Современный взгляд на криминалистическую профилактику». Она отметила, что понятие технологии надо понимать гораздо шире, изучая не только теоретические аспекты, но и обязательно практическую составляющую. Криминалистическая профилактика сегодня — деятельность по изучению и анализ закономерностей способа совершения преступления и выработка мер противодействия (нейтрализации или существенного затруднения) совершения преступления конкретным способом — законодательных, организационных, технических, криминалистических, криминологических, социальных, психологических, педагогических. Прогностическая функция криминалистики должна реализовываться по пути упреждения угроз применения технологий в преступных целях: предсказывать потенциальные угрозы и разрабатывать меры противодействия. Запрет и отрицание технологий не эффективны и вредны. Разработка единого понятийного аппарата в сфере правового регулирования применения технологий необходима, но его отсутствие не должно останавливать исследования, регулирования и противодействия использования технологий в преступных целях.

А.В. Вальтер (старший преподаватель ТИПК МВД России) выступил с докладом «Искусственный интеллект по налоговым преступлениям». Он отметил, что ИИ способен качественно изменить как налоговую преступность, так и способы борьбы с ней. Технологии ИИ предоставляют спектр возможностей в проведении налогового мониторинга и раскрытия налоговых преступлений.

А.Ю. Чурикова (доцент, Саратовская государственная юридическая академия) выступила с докладом «Применение искусственного интеллекта для выявления и пресечения преступлений». В своем выступлении докладчик отметила растущие цифры преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подчеркнула необходимость создания программы с заданными алгоритмами поиска, программы ИИ для разработки правового регулирования этих вопросов.

Ф.М. Фазилов (и.о. профессора Ташкентского государственного юридического университета) в докладе «Уголовная ответственность искусственного интеллекта» уделил большое внимание вопросу уголовной ответственности ИИ, указав, что в цивилистике уже есть законодательное регулирование, а уголовное право отстает в этом отношении. Вопрос, прежде всего, заключается в том, кто будет подлежать уголовной ответственности: разработчик? оператор? юридическое лицо, которому принадлежит этот искусственный интеллект? Докладчик отметил, что в Узбекистане принята стратегия по развитию ИИ до 2030 г.

В.М. Яковлева (старший преподаватель, НИУ ВШЭ) осветила тему «Использование искусственного интеллекта в противодействии преступлениям, совершаемых осужденными». По ее мнению, ИИ становится все более важным инструментом в борьбе с преступностью, позволяя правоохранительным органам анализировать большие объемы данных для выявления подозрительных паттернов. Системы машинного обучения могут предсказывать вероятность совершения преступлений, помогая службам безопасности использовать свои ресурсы более эффективно. ИИ применяется для распознавания лиц и видеоаналитики, что значительно ускоряет процесс идентификации подозреваемых. Но здесь важно соблюдать этические нормы и защищать конфиденциальность граждан, что требует тщательного регулирования.

Д.А. Руденко (член коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «Ленрезерв») в докладе «Пределы допустимого использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве на судебной стадии» отметила, что использование ИИ в судебных стадиях уголовного судопроизводства возможно, но недопустимо, чтобы итоговые решения (приговоры) принимались искусственным интеллектом. Сферой применения ИИ может быть принятие промежуточных решений.

В.В. Моисеев (аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) в докладе «Достоверность информации, содержащейся в электронной (цифровой) форме и проблемы ее обеспечения» отметил, что в гражданском праве уже есть определение ИИ, а в уголовном процессе нет. В законодательстве не определено, какую информацию, содержащуюся в электронной форме, считать достоверной.

А.Д. Поляков (аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) в докладе «Перспективы совершенствования института предания суду в России в условиях перехода к информационному обществу» подчеркнул, что пока нет уголовных дел в электронном формате, нет следственных действий, проводимых виртуально. Вместе с тем, по его мнению, уже сегодня можно доверить ИИ выносить промежуточные судебные решения и, например, назначать судебный штраф или направлять на лечение. Докладчик сравнил предание суду в условиях цифрового общества в России и США.

Информация об авторах:

И.Ю. Богдановская — д.ю.н., профессор.

Е.В. Васякина — к.ю.н., доцент.

А.А. Волос — к.ю.н., доцент.

Н.А. Данилов — к.ю.н., доцент.

Е.В. Егорова — к.ю.н., доцент.

В.А. Калятин — к.ю.н., доцент.

О.И. Карпенко — к.ю.н., доцент.

Д.Р. Салихов — к.ю.н., доцент.

Information about the authors:

I.Yu. Bogdanovskaya — Doctor of Sciences (Law), Tenured Professor.

E.V. Vasyakina — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

A.A. Volos — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

N.A. Danilov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

E.V. Egorova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

D.P. Salihov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

V.O. Kalyatin — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

O.I. Karpenko — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Обзор поступил в редакцию 25.10.2024; одобрен после рецензирования 01.11.2024; принят к публикации 01.11.2024.

The review was submitted to editorial office 25.10.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 01.11.2024.

1/2024

Правовая мысль: история и современность

Е.А. Фролова, Б.В. Лесив

Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения 4

М.А. Лихачев

Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия 40

Российское право: состояние, перспективы, комментарии

Д.А. Мальбин

Характер выбытия имущества из владения в институте защиты добросовестного приобретателя 68

М.О. Буянова

Цели и задачи трудового законодательства как индикаторы публично-правовых начал современного трудового права 93

А.Н. Ляскало

Преступления на торгах 112

В.К. Андрианов

Социально-психологические закономерности в уголовном праве 133

Дискуссионный клуб

Д.В. Бахарев

Фронт биологии и горизонты юриспруденции: влияние исследования природы человеческой агрессии на развитие уголовной юстиции 163

Право в современном мире

И.Э. Мартыненко

Белорусский опыт систематизации законодательства об охране объектов культурного наследия посредством кодификации 190

Я. Годермарский

Обладатели авторского права, национальный режим и современные тенденции развития в международном частном праве 213

Zh. Guo

Influence of the Soviet (Russian) Law on the Chinese Criminal Procedure Laws . . . 246

Р.А. Шепенко

Опыт «свободных зон» Китайской Республики (Тайвань), или истоки маркировки «made in Taiwan» 264

Российское право: состояние, перспективы, комментарии**С.А. Мосин**

Свойства принципа конституционности нормативных правовых актов 4

О.В. Сергеева

Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов 23

М.Н. Малеина

Договор продажи с использованием автоматов в структуре вендинг-бизнеса 51

Ю.С. Харитонов

Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства 74

Т. Абдулкадиров

Правовое положение «спящего» акционера в корпорации 96

Д.А. Братусь

Концептуализация содержания исключительного авторского права 114

С.В. Расторопов, В.А. Прорвич

Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов 143

Т.В. Кленова, В.А. Лазарева

Судебный штраф: проблема легитимизации по целям, основанию порядку прекращения уголовного дела 170

Л.М. Володина

Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства 195

Право в современном мире**В.А. Виноградов, Д.В. Кузнецова**

Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» 215

Р.А. Шепенко

Опыт «свободных зон» Китайской Республики (Тайвань), или истоки маркировки «made in Taiwan» 241

Правовая мысль: история и современность**Е.А. Юртаева**

Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra 4

М.В. Залоило

Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права. 32

Российское право: состояние, перспективы, комментарии**Е.Е. Фролова, А.М. Берман**

Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения 57

А.А. Волос

Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации 84

В.А. Алексеев

Структура собственности в здании: история, действующее законодательство и возможности его реформирования 106

М.В. Кратенко

Родители как «вторичные потерпевшие» в случае нанесения травмы ребенку 133

В.А. Болдырев, Д.Н. Кархалев

Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны 162

Право в современном мире**Ю.С. Ромашев**

Иерархия норм международного права при их применении и в нормотворческом процессе 180

Н.Ю. Ерпылева, И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина«Исключение» *per voi* в Гаагских принципах выбора права, применимого к международным коммерческим контрактам . . . . . 212**К.А. Пономарева, А.А. Батарин**

Налогообложение доходов от экономической деятельности на цифровых платформах: мировой опыт поиска решений 239

Т.С. Гусева, М.В. Казакова, Е.А. Низамова

Правовое регулирование обязательств из публичного конкурса в государствах-участниках СНГ 263

Legal Thought: History and Modernity

E.A. Frolova, B.V. Lesiv

Sources and Forms of Law: a Modern View on Basic Theoretical Provisions 4

M.A. Likhachev

Universality of International Human Rights Standards: A Necessary Utopia. 40

Russian Law: Condition, Perspectives, Comments

D.A. Malbin

Nature of Disposal of Property from Possession at the Institute for Protection
of bona fide Acquirer. 68

M.O. Buyanova

Labor Legislation Goals and Tasks as Indicators of Modern Labor Law Origin
in Public Law 93

A.N. Lyaskalo

Crimes at Competition 112

V.K. Andrianov

Socio-Psychological Patterns in the Criminal Law 133

Discussion Club

D.V. Bakharev

Frontier of Biology and Horizons of Jurisprudence: Influence of Studies
in Nature of Human Aggression on Development of Criminal Justice 163

Law in the Modern World

I.E. Martynenka

Belarusian Experience of Systematization of Legislation on Protecting
Cultural Heritage through Codification 190

J. Hodermarsky

Copyright Owners, National Treatment and Current Developments in Private
International Law. 213

Zh. Guo

Influence of the Soviet (Russian) Law on the Chinese Criminal Procedure Laws . . . 246

R.A. Shepenko

The Republic of China (Taiwan) «Free Zones» Experience, or Origin
of «Made in Taiwan» Tags 264

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

S.A. Mosin

Properties of the Principle of Constitutionality of Normative Acts 4

O.V. Sergeeva

E-commerce in Regulatory Architecture: Searching for a Balance of Interests 23

M.N. Maleina

Sales Agreement Using Machines in Structure of Vending Business 51

Yu.S. Kharitonova

Inheritance of Legalized Digital Assets: Conflicts and Possible Areas
of Improving Russian Legislation 74

T. Abdulkadirov

Legal Status of a Sleeping Shareholder within a Corporation 96

D.A. Bratus'

Conceptualization of Exclusive Copyright Content 114

S.V. Rastoropov, V.A. Prorvich

Information Bases of Modern Criminal Law Protecting Subjects of Digital
Economy and Finance 143

T.V. Klenova, V.A. Lazareva

Judicial Fine: Issue of Legitimization according to Goals, Grounds
and Procedure for Termination of a Criminal Case 170

L.M. Volodina

Criminal Procedure: Issues of Regulating Pre-trial Proceedings 195

Law in the Modern World

V.A. Vinogradov, D.V. Kuznetsova

Foreign Experience in Legal Regulating Deepfake Technology 215

R.A. Shepenko

The Republic of China (Taiwan) «Free Zones» Experience, or Origin
of «Made in Taiwan» Tags 241

Legal Thought: History and Modernity

E.A. Yurtaeva

Definitions of Concepts in the Acts of the Russian Legislation — Pro et Contra 4

M.V. Zaloilo

The Concept of Meme (Memetics) and the Primary Mechanisms
of Socio-cultural Evolution of Law 32

Russian Law: Conditions, Perspectives, Commentaries

E.E. Frolova, A.M. Berman

Expression of the Parties' will in Context of Digital Transformation:
Current Trends in Law Enforcement. 57

A.A. Volos

Concept of Weak Party in Civil Matter in Context of Digitalization 84

V.A. Alekseev

Ownership Structure in the Building: History, Current Legislation
and Possibilities for its Reform. 106

M.V. Kratenko

Parents as 'Secondary Victims' in Case of Injury to a Child 133

V.A. Boldyrev, D.N. Karkhalev

Soviet Family and Demographic Policy in Landmarks of Law in Great Patriotic
War Period 162

Law in the Modern World

Yu.S. Romashev

International Law Norms Hierarchy in Applying Them and in the Rule-making
Process 180

N.Y. Erpileva, I.V. Getman-Pavlova, A.S. Kasatkina

Renvoi's Exclusion in the Hague Principles on Choice of Law in International
Commercial Contracts 212

K.A. Ponomareva, A.A. Batarin

Taxation of Professional Income on Digital Platforms: World Experience
in Regulation 239

T.S. Guseva, M.V. Kazakova, E.A. Nizamova

Legal Regulation of Obligations from Public Competition in the CIS States 263

Журнал учрежден в качестве печатного органа Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» с целью расширения участия НИУ ВШЭ в развитии правовой науки, в совершенствовании юридического образования.

Главные задачи:

- стимулирование научных дискуссий
- опубликование материалов по наиболее актуальным вопросам права
- содействие реформе юридического образования, развитию образовательного процесса, в том числе разработке новых образовательных курсов
- укрепление взаимодействия между учебными и научными подразделениями НИУ ВШЭ
- участие в расширении сотрудничества российских и зарубежных ученых-юристов и преподавателей
- вовлечение молодых ученых и преподавателей в научную жизнь и профессиональное сообщество
- организация круглых столов, конференций, чтений и иных мероприятий

Основные темы:

Правовая мысль (история и современность)
Портреты ученых-юристов
Российское право: состояние, перспективы, комментарии
Судебная практика
Право в современном мире
Реформа юридического образования
Научная жизнь
Дискуссионный клуб
Рецензии

Журнал рассчитан на преподавателей вузов, аспирантов, научных работников, экспертное сообщество, практикующих юристов, а также на широкий круг читателей, интересующихся современным правом и его взаимодействием с экономикой.

Журнал включен в перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлению «Юриспруденция».

Журнал выходит раз в квартал и распространяется в России, странах СНГ и дальнего зарубежья.

Журнал входит в **Web of Science Core Collection Emerging Sources Citation Index, Russian Science Citation Index (RSCI) на базе Web of Science**. Журнал внесен в следующие базы данных: Киберленинка, HeinOnline, Ulrichsweb, Open J-Gate, Gale.

АВТОРАМ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЕЙ

Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже правилам оформления. В случае ненадлежащего оформления статьи она направляется автору на доработку.

Статья представляется в электронном виде в формате Microsoft Word по адресу: lawjournal@hse.ru

Адрес редакции: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер, 3, оф. 113
Рукописи не возвращаются.

Объем статьи

Объем статей до 1,5 усл. п.л., рецензий — до 0,5 усл. п.л.

При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта для основного текста статей — 14, сносок — 11; нумерация сносок сплошная, постраничная. Текст печатается через 1,5 интервала.

Название статьи

Название статьи приводится на русском и английском языке. Заглавие должно быть кратким и информативным.

Сведения об авторах

Сведения об авторах приводятся на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество всех авторов полностью
- полное название организации — места работы каждого автора в именительном падеже, ее полный почтовый адрес.
- должность, звание, ученая степень каждого автора
- адрес электронной почты для каждого автора

Аннотация

Аннотация предоставляется на русском и английском языках объемом 250–300 слов. Аннотация к статье должна быть логичной (следовать логике описания результатов в статье), отражать основное содержание

(предмет, цель, методологию, выводы исследования).

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения, в аннотации не приводятся.

Ключевые слова

Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) — 6–10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

Сноски

Сноски постраничные.

Сноски оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», утвержденному Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии. Подробная информация на сайте <http://law-journal.hse.ru>.

Тематическая рубрика

Обязательно — код международной классификации УДК.

Список литературы

В конце статьи приводится список литературы. Список следует оформлять по ГОСТ 7.0.5-2008.

Статьи рецензируются. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При отрицательном отзыве рецензента автору предоставляется мотивированный отказ в опубликовании материала.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Для заметок

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
«Право. Журнал Высшей школы экономики»
ПИ № ФС77-66570 от 21 июля 2016 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Выпускающий редактор *Д.Л. Комягин*
Корректор *И.В. Гетьман-Павлова*
Художник *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка *Н.Е. Пузанова*
Редактор английского текста *А.В. Калашников*

Подписано в печать 27.11.2024. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 19,75. Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»,
109316, Москва, Волгоградский проспект, д.42